

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2024 № 1 (31)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 1 (31). 2024

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2024. № 1 (31)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ф. Кофман* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоссаги, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25А, стр. 1

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrey F. Kofman* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25A, bld., 1, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

© 2024. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2024. №1(31)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- В.П. Авенариус* «Вечер в редакции» (из литературных воспоминаний шестидесятника)
Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.Е. Козлова. 8
- Арт. Феличе*. Воспоминания актрисы (Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева:
к 130-летию со дня рождения)
Вступительная статья, подготовка текста и примечания Т.Н. Степановой 32

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- «Обнимаю тебя братски, дружески...»
(письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1814).
Подготовка текста С.В. Березкиной и Н.Л. Дмитриевой.
Вступительная статья и комментарии С.В. Березкиной 52
- И.З. Сурат*. Неизвестное письмо О. Мандельштама 95
- И.Е. Лощилев*. «Налаживаю связь с границей по поводу моего “Ял-Мала”»:
Письмо харбинского литератора Василия Логинова к Михаилу Осоргину 104

БИОГРАФИКА

- В.Г. Вотрин*. «Нелегкая вечность своя»:
Дополнения к биографии Владимира Щиrowsкого 129

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- Е.М. Белавина*. Деборд-Вальмор, Смирдин и Пушкин перед лицом
«индустриальной литературы» 151
- А.А. Лебедева*. Рождение категории фантастического
в русской эстетической мысли 167
- Д. Савелли*. Орнамент 1870-х гг.: В поисках самобытного русского искусства
(Виктор Бутовский, Владимир Стасов и Эжен Виолле-ле-Дюк) 187
- Ю.А. Маричик-Сьоли*. «Очень по-русски, скажут французы...
Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело»
Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике 217
- В.В. Чекушин*. Третий лишний?
Попытки литературной канонизации А.Н. Толстого в 2000–2020-е гг. 242

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТАРИЯ

- Е.В. Иванова*. «... Не Шекспир главное, а примечания к нему»:
комментарий академический и учебный, комментарий как автобиография,
исследование и расследование 261
- А.А. Полякова*. «...но там, где ссылаются на слово сестры, я пас»:
Из комментариев к письмам А.А. Бестужева (Марлинского) 1830–1833 гг. 293

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

- А.Б. Руднева*. Письма Т.Г. Цявловской к Н.В. Кузьмину и Т.А. Мавриной
из собрания Государственного музея А.С. Пушкина 310
- Т.Б. Тишунина*. Переписка И.М. Ободовской и М.А. Дементьева с Т.Г. Цявловской
(по материалам архива Ободовской-Дементьева
в Государственном музее А.С. Пушкина) 324
- О.В. Аснина*. Книги из библиотеки М.А. и Т.Г. Цявловских в собрании
Государственного музея А.С. Пушкина 337
- Е.А. Пономарева*. Два автографа Т.Г. Цявловской на изданиях
из «Библиотеки русской поэзии» И.Н. Розанова 347

Contents

Literary Fact. 2024, no. 1 (31)

FROM CREATIVE HERITAGE

- Vasily Avenarius. "An Evening in the Editorial Office (From the Memoirs of a Sixtier)"
Introductory article, text preparation and notes by A.E. Kozlov 8
- Art. Feliche. "Memories of the Actress"
(Lyudmila Andreevna Yamshchikova-Dmitrieva: On the 130th Anniversary)
Introductory article, text preparation and notes by T.N. Stepanova 32

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

- "I Embrace You Brotherly, Friendly..." (Alexander Pleshcheyev's Letters
to Vasily Zhukovsky, 1809–1814)
Text preparation by S.V. Berezkina and N.L. Dmitrieva, introductory article
and comments by S.V. Berezkina 52
- Irina Surat*. The Unknown Osip Mandelstam's Letter 95
- Igor Loshchilov*. "I Am Establishing Relations with Abroad Regarding My 'Yal-Mal':
The Letter of a Kharbin Writer Vasilii Loginov to Mikhail Osorgin 104

BIOGRAPHICA

- Valery Votrin*. "The Thorny Eternity of Mine": Additions to the Biography
of Vladimir Schirovsky 129

ARTICLES. NOTES. REPORTS

- Ekaterina Belavina*. Desbordes-Valmore, Smirdin and Pushkin in the Face
of "Industrial Literature" 151
- Anna Lebedeva*. The Birth of the Category of "Fantastic" in Russian Aesthetic Thought .. 167
- Dany Savelli*. The ornament of the 1870s. In Search of original Russian Art
(Victor Butovsky, Vladimir Stasov and Eugene Viollet-le-Duc) 187
- Youlia Marichik-Sioli*. "Very Russian, the French Would Say... Very French,
the Russians Would Say": The Metamorphosis of E. Bakunina's Novel
'The Body' in French and Russian Literary Criticism 217
- Vikenty Chekushin*. Third Wheel? Attempts at Literary Canonization
of A.N. Tolstoy in the 2000–2020s 343

COMMENT PROBLEMS

- Evgeniya Ivanova*. "...The Main Thing Is not Shakespeare, but the Notes to Him":
Academic and Educational Commentary, Commentary as an Autobiography,
Research and Investigation 261
- Anna Polyakova*. "...But when Somebody Refers to My Sister's Word, I'm Out":
From Comments to A.A. Bestuzhev's (Marlinsky's) Letters from the 1830s 293

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

- Alla Rudneva*. Letters from T.G. Tsiavlovskaya to N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina
from the Collection of the Alexander Pushkin State Museum. 310
- Tatiana Tishunina*. The Correspondence by Irina Obodovskaya and Mikhail Demytyev
with Tatiana Tsiavlovskaya (Based on the Obodovskaya-Demytyev Archive
at the Alexander Pushkin State Museum). 324
- Olga Asnina*. Books from the Library of M.A. and T.G. Tsiavlovskii
in the Collection of the Alexander Pushkin State Museum 337
- Elena Ponomareva*. Two Inscriptions on Books from Ivan N. Rozanov's
Russian Poetry Library 347

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>
<https://elibrary.ru/ZCIRXO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

В.П. Авенариус. Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.Е. Козлова

© 2024, А.Е. Козлов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01115 «Институциональная история журналов “Всемирный труд” и “Заря”: репутация и прагматика критиков и беллетристов, сюжетный и тематический репертуар» (<https://rscf.ru/project/23-78-01115/>).

Аннотация: В научный оборот вводится очерк В.П. Авенариуса «Вечер в редакции», в котором раскрывается литературный быт редакции журнала «Всемирный труд». Небольшой эпизод, маркированный подзаголовком «Из литературных воспоминаний шестидесятника», связан со встречей редакции в доме Э.А. Хана. Этот журнал должен был стать «преемником» «Отечественных записок», объединив критиков и беллетристов, ранее публиковавшихся у А.А. Краевского. Однако общий уровень журнала и сомнительная репутация Хана помешали осуществлению этого замысла: «Всемирный труд» стал всего лишь эпизодом в истории русской журналистики 1860-х гг. Творчество В.П. Авенариуса представляет во многом типическое явление, отражающее тенденции всего журнала: вторая часть дилогии «Поветрие» и повесть «Ты знаешь край?» были восприняты литературной критикой враждебно и охарактеризованы как «геркулесовы столпы пошлости и аляповатого клубничества». Тем не менее, спустя сорок лет после закрытия журнала, Авенариус возвращается к событиям прошлого на страницах своих биографических заметок (бывший свидетелем описанных событий, Авенариус так и не написал литературных воспоминаний, его заметки носят фрагментарный характер). Небольшой эпизод, маркированный подзаголовком «Из записок шестидесятника», связан со встречей редакции в доме Хана. Наибольший интерес для читателя представляют портреты А.Ф. Писемского, В.В. Крестовского и особенно Н.С. Лескова. Во вступительной статье предпринята попытка реконструировать отношения Лескова и Авенариуса, а также обозначить прагматику рассматриваемого очерка. Текст в приложении публикуется с учетом правил современной орфографии

и пунктуации. Публикация подготовлена к 100-летней годовщине со дня смерти Авенариуса, чье литературное и публицистическое наследие требует исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Авенариус, Н.С. Лесков, «Всемирный труд», Н.Д. Ахшарумов, Н.И. Соловьев, В.В. Крестовский, Э.А. Хан, литературные воспоминания.

Информация об авторе: Алексей Евгеньевич Козлов — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Для цитирования: В.П. Авенариус. Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Е. Козлова // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 8–31. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>

Мемуарный очерк В.П. Авенариуса «Вечер в редакции» был впервые представлен в составе «Пушкинского сборника», появившегося в печати в 1899 г. — к столетию со дня рождения поэта. В предисловии к сборнику, написанном П.П. Гнедичем, Д.Л. Мордовцевым и К.К. Случевским, цель издания объяснялась намерением передать вырученные от продажи средства «на устройство в селе Михайловском, или близ Святогорского монастыря, благотворительного учреждения в память поэта»; «пожертвовать на памятник Пушкину в Петербурге» [23, с. III–IV]. Несмотря на благую цель, состав сборника, включающего два раздела — «Поэзия» и «Проза», получился необыкновенно пестрым, а многие материалы — случайными, часто не только не отвечающими традициям «Литературной газеты» и «Современника», но и приближающимися к «Северной пчеле» и фельетонистике Ф.В. Булгарина [24].

К таким материалам можно отнести и открывающий раздел прозы биографический очерк В.П. Авенариуса¹, в котором описан один из малозаметных эпизодов в истории русской журналистики — литературный вечер, организованный Э.А. Ханом в редакции журнала «Всемирный труд». Этот журнал не смог завоевать сколько-нибудь серьезной репутации даже в условиях кардинальной перестройки журналистики, вызванной событиями 1866 г. [9; 12]. В обращении к читателю в первом номере журнала редакция прямо уведомляла

---

¹ Авторы-составители разместили произведения писателей и поэтов в алфавитном порядке фамилий: вслед за очерком Авенариуса идет текст К.С. Баранцевича.

о том, что «издатели журналов не в силах создавать талантов, ни даже направлять наличные литературные средства страны в ту или другую сторону, <...> обязуясь в то же время предоставить разнообразное и интересное чтение»² [19]. Ни приглашенные корифеи: И.И. Лажечников, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, ни зарекомендовавшие себя критики: Е.Н. Эдельсон, Н.И. Соловьев, П.Д. Боборыкин, — не смогли повлиять на оценку издания, определившуюся отзывами «Искры», «Дела» и «Отечественных записок». Намерение Э.А. Хана пригласить со временем «литературных генералов» И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого так и не воплотилось, поэтому основная ставка была сделана на писателей «второго» литературного ряда, «заштатных публицистов, романистов и критиков» [7, с. 81]: П.Д. Боборыкина, Н.Д. Ахшарумова, В.В. Крестовского и, наконец, В.П. Авенариуса. Такой «антинигилистический состав» редакции хорошо коррелировал с содержанием номеров.

Ставший к концу XIX в. довольно известным детским писателем, стоящим у истоков беллетристической пушкинианы, Авенариус начинал свой путь со злободневных повестей антинигилистического содержания («Современная идиллия», «Поветрие», «Ты знаешь край»). Первые две повести, объединенные в дилогию «Бродящие силы», определили его славу «клубниста» и «эротомана». Сравнивая беллетристику Авенариуса и Боборыкина, обозреватель журнала «Дело» писал: «Обе эти повести пропитаны клубничным запахом; первая же из них, кажется, специально и написана ради изображения разных клубнично-эротических сцен» [7, с. 81]. Повесть «Поветрие» стала предметом пародий П.А. Ефремова («Проветрились!») и М.Е. Салтыкова-Щедрина («Сказание о клубнике»). Вероятно, осознав свою неудачу, Авенариус был вынужден писать статью-оправдание, в которой, признавая излишний физиологизм собственных произведений, он пояснял выбранную им стратегию следующим образом: «Я обязан был до тонкости изложить, так сказать, анатомировать их ситуации; для правдивости рассказа приходится жертвовать некоторою его чистоплотностью...» [2, с. 230].

Впрочем, столкнувшись с негативной реакцией, Авенариус в дальнейшем сменил стратегию позиционирования и достиг

---

² По утверждению Б.Ф. Егорова, Хан «желал сделать журнал популярным, а литературные произведения в нем такими же привлекательными, как маскарады и танцы, и ясно, что при таких критериях на серьезные философские работы Эдельсона он смотрел без всякого энтузиазма, требовал сокращения, разбил окончание трактата на два номера (второй и третий) и т. д.» [9, с. 601].

определённого успеха как автор-составитель «Русских сказок», исторических повестей и рассказов, часто связанных с детством и отрочеством известных писателей. Таким образом, 1860-е гг. стали для Авенариуса временем испытаний, и, что не менее важно, временем литературной неудачи. Тем больший интерес представляет его самоидентификация — Авенариус называет себя шестидесятником³, хотя по взглядам и убеждениям он, разумеется, был ближе к поколению пятидесятых годов⁴.

Не располагая, за исключением мемуаров П.Д. Боборыкина⁵, иными биографическими свидетельствами, связанными с журналом Э.А. Хана, следует с некоторой осторожностью отнестись к фактографии печатаемого очерка. Не исключено, что под маской беспристрастного летописца выступает прагматик, обращающийся к страницам прошлого и перетолковывающий их в выгодную для себя сторону. Так, например, в непринужденном и отчасти фамильярном тоне общения А.Ф. Писемского, В.В. Крестовского и Н.С. Лескова угадывается сюжетика антинигилистического романа, с той только разницей, что в роли «отрицателей» выступают главные консерваторы журнала. Особой двойственностью отличается воссозданный портрет Лескова-Стебницкого (очерк был опубликован спустя 4 года после его смерти). Создавший себе репутацию антинигилиста и «постепеновца», Лесков, после закрытия «Библиотеки для чтения» и «Эпохи» искал для себя новую площадку [17; 28], и «Всемирный

---

³ Авенариус окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук в 1861 г. [32, с. 16]. Таким образом, разделяя эстетические убеждения предшествующего десятилетия, он, действительно, принадлежал поколению шестидесятых годов. Этим, вероятно, объясняется и радикальный физиологизм его ранних повестей.

⁴ Название «пятидесятник», данное П.Д. Боборыкиным [5, с. 20], не прижилось в этом значении.

⁵ Судя по воспоминаниям Боборыкина, его знакомство с Ханом носило номинальный характер, членом редакции молодой автор «Жертвы вечерней» себя не ощущал: «случилось так, что в Петербурге стал выходить новый толстый журнал “Всемирный труд”. Издатель его оказался тот самый доктор Хан, который водил меня от академика Зинина к книгопродавцу М. Вольфу, когда я, дерптским студентом, приехал в мае 1856 года искать издателя для моего перевода “Руководства к химии” Лемана. Мы с ним познакомились на письмах, и я его так и не видел впоследствии. к моему возвращению в Россию в январе 1871 года “Всемирный труд” прекратил свое существование, а вскоре, кажется, и его издатель отправился “ad patres”» [6, с. 456]. Последнее уточнение является ложным: Хан значительно «пережил» свой журнал.

труд», по-видимому, подходил для этой роли. Об этом он, в частности, извещал Е.П. Ковалевского⁶:

В это время редактор «Всемирного труда» доктор Хан обратился ко мне с просьбою о сотрудничестве в открываемом тогда им журнале. я благодарил доктора Хана за его внимание и отвечал ему, что моя работа и мое время принадлежат уже другому изданию. Затем мы с г. Краевским не умели поразуметься. Доктор Хан, известясь об этом по литературным слухам, прислал ко мне товарища моего Всеволода Крестовского и литератора Н.И. Соловьева с предложением внести за меня г. Краевскому весь мой долг и заплатить мне за роман «Чающие движения воды» по 150 руб. за лист. Не соблазняясь ни на минуту выгодным для меня предложением, я не дал своего согласия доктору Хану, а написал об этом г. Краевскому, предоставляя это дело его великодушию. Г-н Краевский, сообразив сделанное мне предложение доктором Ханом, известил меня через товарища моего литератора Е.Ф. Зарина, что он предлагает мне за роман по сто рублей за лист. Как это ни было невыгодно для меня потерять по 50 р. на сорокалистном романе, но я отклонил предложение доктора Хана и продолжал роман для г. Краевского [14, с. 262–263].

Испытывая нужду и практически не считаясь со способом получения денежных средств, Лесков, тем не менее, отклонил повторную просьбу Хана: ни одно произведение, подписанное именем М. Стебницкого, так и не появилось на страницах «Всемирного труда»⁷. Это явным образом контрастирует с выбором В.П. Авенариуса, решившегося опубликовать вторую часть своей дилогии в новом журнале. По-видимому, в истории взаимоотношений Авенариуса и Лескова есть пропущенные звенья. Как бы то ни было, в том же 1867 г. после неудавшегося сотрудничества автор «Воительницы» и «Леди Макбет Мценского уезда» пишет фельетон «Литератор-красавец», направленный не только на уничижительную оценку последней повести Авенариуса «Ты знаешь край» (Лесков называет его новым Чурилой Опленковичем), но и задевающий интересы редакции:

Журнал г. Хана до сих пор возбуждает лишь злорадный смех литературных свистунов да удивление серьезных друзей литературы,

---

⁶ Авенариус как член Литературного фонда мог знать о содержании этого письма и использовать как материал для своего очерка.

⁷ В том же году Лесков напечатал драму «Расточитель» в журнале «Литературная библиотека» (1867).

пожимающих только плечами при чтении печатаемого в нем хлама; между тем как журнал этот, при независимости его редактора и очевидной готовности его вести свое дело в возможно совершеннейшем виде, мог бы служить обществу серьезную службу, а не быть предметом одних насмешек, к сожалению далеко не обосновательных [13, с. 54].

После опубликованной им инвективы Лесков, вероятно, разорвал отношения с редакцией; в скором времени беллетристический отдел покинули Писемский и Островский.

Возвращаясь к страницам прошлого, Авенариус, с одной стороны, знакомит читателя со своеобразным «литературным бытом», неотделимым в его очерке от обыденности. Тогда можно рассматривать его воспоминания как свидетельство, в котором отобразилось устройство редакции заведомо второстепенного журнала. с другой стороны, обращаясь к событиям своей писательской юности, Авенариус нарочито перестраивает фактографию, демонстрируя непомерное самомнение литератора-чиновника Писемского, непредсказуемое и отчасти девиантное поведение представителей «трущобной беллетристики» Лескова и Крестовского и, наконец, незавидное положение «записного» критика редакции Соловьева.

В этом отношении основную интригу составляет выбор темы и материала — в опубликованных и черновых произведениях Авенариуса есть множество сюжетов из жизни Пушкина, отчасти взятых им из «Материалов к биографии...» П.В. Анненкова, отчасти представляющих его самостоятельные разыскания. Тем не менее, для юбилейного сборника писатель выбрал тему, отстоящую от его пушкинистики, но сближающую читателя с эпохой полемического романа. Остается только предполагать, что такой выбор мог отчасти соответствовать некоторой сатисфакции, и возможности «отыграть» события прошлого, представив их в выгодном для себя свете [16; 31]. «Фермент недоверности», о котором подробно писала Л.Я. Гинзбург, способствовал перестройке исходного материала [8] и превращению жизненного опыта в сюжет литературных воспоминаний.

Очерк публикуется с учетом правил современной орфографии и пунктуации. Орфографические ошибки исправлены без оговорок. Комментарии даны в постраничных сносках.

В.П. Авенариус
Вечер в редакции
(из литературных воспоминаний шестидесятника⁸)

В сентябре 1866 г. скончался Дудышкин, «второй» редактор «Отечественных записок», фактически заправлявший всей редакцией⁹; а вслед затем, по особому соглашению «первого» редактора и издателя этого журнала Краевского с Некрасовым, последний сделался настоящим хозяином «Отечественных записок»¹⁰. Доктор Хан, имевший свою собственную типографию и сам издавший уже несколько книг, счел момент наиболее удобным для основания нового литературного органа «умеренного» направления. Назвал он его, — не совсем, пожалуй, удачно — «Всемирным трудом»¹¹.

⁸ Традиционно «шестидесятниками» называли не только и не столько людей поколения 1860-х гг., сколько разночинцев и передовую молодежь, близкую к типу «нового человека». Авенариус, в противоположность этой номинации, будучи автором антиингилистической прозы, наряду с Ахшарумовым и Боборыкиным, относился к консервативному лагерю людей 1850-х гг. Говоря о поколении 1840-х и 1860-х гг., Боборыкин утверждал: «Этим двум периодам или эпохам в истории русской литературы особенно посчастливилось, и мне нет надобности распространяться о том, какие генерации, какие идеи относятся и к той, и к другой полосе. Но разве не правда, что два замечательных десятилетия как бы забыты нашей критикой: 30-е и 50-е годы?» [5, с. 24].

⁹ С 1863 г. редактор «Отечественный записок» А.А. Краевский большую часть времени уделял своему новому проекту — газете «Голос». С.С. Дудышкин, занявший место второго редактора, по многочисленным свидетельствам, действительно, был главным лицом редакции до своей внезапной гибели.

¹⁰ В 1866 г. правительственным распоряжением был закрыт журнал «Современник». Н.А. Некрасов и А.А. Краевский пришли к соглашению о передаче «Отечественных записок» бывшему издателю «Современника»; редактором обновленных «Отечественных записок» стал М.Е. Салтыков-Щедрин. Соглашение было принято в штыки другими либеральными редакциями, а на страницах сатирических еженедельников публиковался шарж, изображающий Некрасова и Краевского как заговорщиков [33, с. 392]. Э.А. Хан позиционировал «Всемирный труд» как издание, продолжающее линию «Отечественных записок» до 1866 г.

¹¹ Э.А. Хан не был профессиональным литератором или издателем. До журнала «Всемирный труд» он издал несколько учебных пособий по медицине и самоучитель по иностранному языку. Качество осуществленных им переводов критиковалось. Рассказывая о своем естественнонаучном образовании, П.Д. Боборыкин в частности, оценивает сделанный Ханом перевод книги Эстерлена как «местами очень плохой, с варварскими германизмами и с уродливыми переделками терминов» [6, с. 169].

В одном из фельетонов «Искры» дана его следующая характеристика: «Доктор Хан, редактор будущего “Всемирного труда”, хорошо известен в литературе как сочинитель (?), составитель (?) и издатель многих весьма полезных и дельных книг, так известны его хорошие руководства для самоучек к изучению французского и английского языков... Доктор Хан, нужно полагать, как человек практический (иным доктор и не может быть, да это видно и из многих изданных им книг) поведет и свое дело (?) практически, т. е. хорошо... Если бы в Петербурге не было библиотек, где можно было бы пользоваться всеми вообще журналами, я непременно пожертвовал бы 15 рублей на “Всемирный труд” (Чего ж вам больше — это одно

Расчет же его оказался в том отношении верным, что большинство прежних сотрудников «Отечественных записок» не отказалось принять участие в новом журнале. В числе их был и я, начинающий еще писатель¹². Для большего сплочения своих сотрудников доктор Хан «прикармливал» их: по средам мы собирались у него на «стакан чаю», за которым следовала всегда и закуска.

В одну из таких сред Писемский, напечатавший уже во «Всемирном труде» своих «Самоуправцев», должен был прочесть нам свою новую драму «Поручик Гладков», предназначенную для этого же журнала¹³. Однажды прежде мне удалось уже слышать Писемского на одном публичном чтении, где он с неподражаемым искусством читал отрывок из своего романа «Богатый жених»¹⁴. А теперь представлялся случай услышать от него целую драму! Понятно, с каким нетерпением я ожидал среды.

Жил доктор Хан в то время на Болотной улице (теперь Коломенская)¹⁵ в небольшом деревянном домике. Еще в передней до меня

доказывает, что такое будет “Всемирный труд”» [29, с. 610] (вопросительные знаки расставлены автором фельетона. — А.К.).

¹² К 1867 г. В.П. Авенариус кроме сборника стихотворений опубликовал повести «Современная идиллия» («Отечественные записки», 1865) и «Поветрие» («Всемирный труд», 1867). Диалогия, получившая название «Бродящие силы», определила литературную и социальную репутацию писателя как клубнициста-эротомана, автора очередного пасквиля на «новое поколение». Как писал по этому поводу Салтыков-Щедрин, «у г. Авенариуса нет данных даже для этой чисто внешней занимательности. Происшествия, которые он рассказывает, или, лучше, размазывает в своем сочинении, суть происшествия самые несложные, даже почти глупые. Это просто обыденные физические отправления, которым подвержен всякий человек, независимо от его внутренних определений, и которые повторяются с однообразием, могущим составлять предмет наблюдения для физиолога, но никак не для романиста» [25, с. 238]. Не лишено интереса то, что в своих воспоминаниях Боборыкин приписывает сходный отзыв Салтыкова своему произведению «Жертва вечерняя»: «Но в “Отечественных записках” взглянули на нее как на роман чуть не порнографического характера, и в анонимной рецензии (она принадлежала, кажется, Салтыкову) прямо было сказано, что такие вещи пишутся только для возбуждения половых инстинктов. Такой приговор останется на совести того, кто его произносил, или его тени» [6, с. 456].

¹³ Драммы «Самоуправцы» («Всемирный труд», № 2) и «Поручик Гладков» («Всемирный труд», № 3) А.Ф. Писемского были опубликованы в 1867 г. Таким образом, описанный вечер в редакции должен был состояться не позднее февраля 1867 г.

¹⁴ Роман «Богатый жених» печатался в журнале «Современник» в 1851–1852-х гг.

¹⁵ Название улицы Болотной неоднократно становилось поводом для уничижительных насмешек: это дало основание сравнить редакцию журнала с болотом в «Искре», к подобной параллели обратился и Лесков в своем очерке «Литератор-красавец».

донесли из хозяйского кабинета два знакомых голоса: самого редактора и присяжного критика «Всемирного труда» — Соловьева¹⁶:

— Да мы залучили уже и Островского, и Писемского¹⁷...

— Мало, Мануил Алексеевич, мало! Дайте нам Тургенева и Толстого¹⁸!

— И их пригласим, когда журнал пойдет в ход.

— Да для этого-то и нужно их участие! Теперь, когда безвкусице распространяется прогрессистами, нам для художественных произведений нельзя жалеть денег.

— Вы, Николай Иванович, считаете деньги в чужом кармане. Последний номер мне и без того обошелся в две тысячи...

На этом мне пришлось прервать их разговор и войти в хозяйский кабинет. Кабинетом в обыкновенном смысле слова, впрочем, его нельзя было назвать: вместо книжных шкапов, по стенам было только несколько полок с собственными изданиями хозяина, а письменный стол заменялся небольшой конторкой. о каких-либо украшениях, как то: картинах, бюстах или коврах, не было и помину.

Сам Мануил Алексеевич стоял за своей конторкой, на которой были разложены корректурные листы. Не думаю, чтобы ему было уже сорок лет; но в курчавых, темно-каштанового цвета волосах, в густой, подстриженной бородке его пробивалась уже седина. Своим простым, непритязательным видом, а также семитическими чертами лица он скорее напоминал заурядного конторщика, чем редактора-издателя «толстого» журнала¹⁹. Увидев меня, он со своей всегдашней спокойной приветливостью протянул мне руку:

— Здравствуйте. Пройдите, пожалуйста, в гостиную, да возьмите с собой и Николая Ивановича. Хорошо, хорошо! — кивнул он Соловьеву: — после договорим; вы видите ведь, что мне надо сдать еще в типографию корректуру.

Николай Иванович нехотя последовал за мною в гостиную.

---

¹⁶ Николай Иванович Соловьев (1831–1874) — литературный критик, до этого заявивший о своей консервативной позиции в «Эпохе» и «Отечественных записках».

¹⁷ Драматическая хроника в стихах «Тушино» А.Н. Островского была напечатана в первом номере журнала («Всемирный труд», № 1).

¹⁸ Отсутствие в составе редакции Н.Н. Стрехова определило равнодушие Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского к проекту Э.А. Хана. При этом оба писателя приняли участие в беллетристическом отделе журнала «Заря».

¹⁹ Национальность Хана неоднократно становилась предметом ксенофобских выпадов в адрес редакции. При этом парадоксальным образом журнал обвиняли в тенденциозном панславизме (крайнем славянофильстве) и шовинизме [12, с. 13].

— Горбатого одна могила исправит! пробормотал он. — И этот коммерсант хочет руководить литературным вкусом нашего общества!

Лично я пользовался почему-то особенным благоволением Соловьева, — быть может, потому, что был благодарным слушателем его эстетических разлагольствований. Странные противоречия, право, встречаются в природе человека: проповедует он одно, а сам делает другое; совершенно как Пушкинский «отшельник»:

«Как в церкви вас учу, так вы и поступайте;
Живите хорошо, а мне не подражайте»²⁰.

²⁰ В лицейском стихотворении Пушкина «К другу стихотворцу» эти слова принадлежат не отшельнику, а священнику. Сходная небрежность была допущена Авенариусом в повести «Ты знаешь край»: «Сделав шагов двести, я действительно достиг ограды, за которой, в значительной глубине, расстилалась голубая ширь залива. с мерным плеском разбивались о подножие отвесной, голой скалы набегавшие пеннистые волны. В вышине, рядом со мною, возвышалось на краю обрыва, как бы составляя продолжение его, каменное строение, с надписью над воротами: Grand hôtel du Tasso, par les frères Gargiulo.

Так вот, подумал я.
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
(в Неаполитанском-то заливе?).
Повторены его октавы!» [3, с. 34].

С таким фамильярным отношением к цитированию Пушкина был категорически не согласен Лесков. В статье «Литератор-красавец» он писал: «Что тут такое изумило красивого литератора? Что за несообразность, достойную своего удивительного звания, нашел он в приведенных им стихах Пушкина? Думает ли он, а с ним вместе думает ли и почтенная редакция журнала “Всемирный труд”, что Торквато величавый сидел и пел, как скворец в скворечне, только в своем маленьком домике на берегу Неаполитанского залива, а Пушкин не знал ни истории жизни Тассо, ни географии?»

Всёконечно у красивого Авенариуса была именно эта злодейски-меткая мысль уязвить Пушкина.

Неужто ни г. Авенариусу и никому из сотрудников, принимающих участие в издании “Всемирного труда”, неизвестно, что Торквато Тассо уехал из Сорренто восемнадцати лет и что Пушкин в осмеянном г-м Авенариусом стихотворении, говоря об октавах Тассо, имел в виду значение этих октав для Италии, а не для трактирчика, устроенного в долине, где родился Тассо?

Италия! волшебный край!

говорит Пушкин в этом стихотворении, обращаясь с ним не к трактирчику, с которым связал октавы Тассо просвещенный Авенариус, а ко всей Италии! <...> Какое надо иметь несчастное соображение, чтобы не понять, что все здесь сказанное идет к Италии, к “стране высоких вдохновений”, где и Канова, и Рафаэль, и Байрон, а не к трактирчику, устроенному в домике, где жил Торквато ребенком и где (то-есть в трактирчике), к которому г. Авенариус так смешно припугал строфу Пушкина, гарсоны, пожалуй, могут, не зная даже ни одной тассовской октавы» [13, с. 51–52].

Ирония судьбы заключается в том, что в дальнейшем Авенариус становится одним из первопроходцев в создании беллетристической пушкинианы.

Будучи самым ярким поборником искусства для искусства, красоты и в поэзии, и в жизни²¹, Соловьев нимало не заботился о том, чтобы придать своей собственной неприглядной внешности некоторую, — не говорю уже красоту или привлекательность, — а хотя бы порядочность, что было бы вполне естественно в его годы (ему едва ли минуло тогда уже тридцать лет). Малого роста, невзрачного вида, он и одевался крайне небрежно, не имел при себе для своих длинных волос ни щеточки, ни гребенки, и не обращал никакого внимания на свои ногти, которые были неизменно «в траурной рамке»²². Объяснялось это, конечно, его необыкновенною рассеянностью. Зато как свеж и чист был он душою! Как искренно восторгался всяким новым произведением не только корифеев литературы, но и менее талантливых приятелей своих: Лескова и Всеволода Крестовского!

Оба они были уже в гостинной и собрали около себя небольшую аудиторию. Лескову было тогда 35 лет, Крестовскому — 27. Первый из них, известный в то время читающей публике только под псевдонимом Стебницкого, своими тенденциозными романами имел уже у «консервативных» читателей большой успех; являясь же в обществе, он, благодаря своему энергическому обращению и резко выражаемым взглядам, быстро овладевал общим вниманием²³. Соперником его на этом поле мог выступить только друг его — Всеволод. Кто знал Крестовского лишь впоследствии солидным полковником с хроническим кашлем и одышкой, охотнее всего дебатировавшим на политические темы, тому трудно, конечно, представить его себе жизнерадостным молодым штатским, которому стеклышко в глазу, при светской развязности и умении одеваться, придавало как бы некоторую фатоватость²⁴. Но впечатление это тотчас терялось, когда

---

²¹ Такая позиция транслируется критиком в его программных статьях 1867 г.: «Принципы жизни» («Всемирный труд», № 1) «Суета сует» («Всемирный труд», № 2) и «Идеаль» («Всемирный труд», № 3–4).

²² В портрете критика угадывается типаж «маленького человека» русской литературы.

²³ После публикации романа «Некуда» Н.С. Лесков подвергся ostracismu со стороны большинства периодических изданий. Его дурная слава после известного ультиматума Д.И. Писарева («Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?») [22, с. 275]) закрыла ему путь во многие издания. Несмотря на предложение стать штатным сотрудником журнала «Всемирный труд», неуживчивый Лесков довольно быстро разошелся с редакцией.

²⁴ Жизнь Вс. Крестовского, действительно, демонстрирует необычную двойственность: сын уланского офицера, он в 1850–1860-х гг. эпатировал своим дендизмом и подчеркнутой маргинальностью. Тем не менее, закончив работу

он начинал что-нибудь рассказывать: он всем существом отдавался своему рассказу, нервно моргая и подергивая плечом, и огнем своим зажигал всех слушателей.

В стороне на диване сидели только двое: сухощавый старик с гладко выбритым лицом и живыми, острыми глазами, Милюков, которого я уже видел прежде²⁵, и незнакомый мне еще средних лет мужчина с лысиной во всю голову и добродушно-апатичной миной. На мой вопрос о нем, Соловьев объяснил, что это Ахшарумов, который, дескать, дает для нашего журнала «капитальнейшую» вещь — «Граждане леса», якобы сказку, но глубоко социального значения²⁶.

— Так значит не для детей? — спросил я.

— О, нет! «Граждане леса» — это разные лесные животные, которые, по указанию одного ссыльного, учреждают конституционное царство. и сколько наблюдательности, сколько юмора в отдельных сценах! Одна прелесть!²⁷

Доктор Хан, покончивший между тем со своей корректурой, то и дело заглядывал в переднюю, начиная уже беспокоиться, что самый почетный гость, пожалуй, и не будет. Но беспокоился он напрасно: около десяти часов в дверях показалась тучная фигура ожидаемого.

Чиновники того времени по большей части брили бороду, особенно в провинции. Писемский, хотя и состоял советником

над «Петербургскими трущобами», Крестовский становится в 27 лет юнкером, в 30 лет — офицером. Его служебные занятия и военные корреспонденции контрастируют с так называемым «трущобным творчеством» 1860-х гг.

²⁵ Александр Петрович Милюков (1816–1897) — русский критик. В период, описанный в очерке, ему был 51 год — он не был стариком, но, вероятно, казался таким на контрасте с большинством гостей.

²⁶ Николай Дмитриевич Ахшарумов (1820–1893) — критик и писатель, наиболее известный своей статьей «О порабощении искусства» («Отечественные записки», 1857). В журнале «Всемирный труд» была опубликована его аллегорическая повесть «Граждане леса», а также литературные разборы романов Толстого, Достоевского и Ауэрбаха.

²⁷ В силу необычности жанра аллегорическая повесть Ахшарумова не вызвала серьезного обсуждения в русской критике. А.С. Суворин объяснял возникшую трудность так: «Никто не поверит в наше время, чтобы человек очевидно неглупый, владеющий пером, одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика, в продолжении нескольких лет и на многих страницах, тянул ради собственной потехи все на один лад: “Жил-был у бабушки серенький козлик”. <...> Но и теперь уже очевидно, что г. Ахшарумов подвергся той самой опасности, от которой он предостерегал своих собратий. Чтобы явить миру полную независимость своего творчества от предвзятых идей и внешних теорий, он стал нарочно сочинять небылицы в лицах; но сила таланта и ума расцветила эти пустяки живыми образами, оригинальными мыслями и взглядами, и сочинения автора получили тот самый резко-дидактический характер, который, по словам г. Ахшарумова, служит порабощением для искусства» [30, с. 1].

губернского правления (если не ошибаюсь — тверского), но вольнодумно отпустил себе и усы и бородку, — что придавало его широкому, типически-великорусскому лицу вид раздобревшего барина «доброего старого времени»²⁸.

— Заспался, не взыщите, — извинился он перед хозяином: — проклятая привычка — отдыхать после обеда.

Скоро ли все эти господа с ним поздороваются! Скоро ли сам он допьет свой стакан чаю! Наконец-то!..

— Ну, что же, начнем, сказал он, — подходя к выдвинутому на средину комнаты овальному столу с двумя свечами и стаканом сахарной воды. — Прошу забыть наш век и перенестись во времена Биронщины.

Усевшись поудобнее в пододвинутом ему хозяином кресле, он раскрыл перед собою объемистую рукопись, состоявшую из отдельных листков в четвертушку. Мы все поспешили запасть стульями и разместиться вокруг, — и чтение началось.

Драма «Поручик Гладков» принадлежит не к лучшим произведениям Писемского. Но что значит хорошее чтение! По мере того, как одна сцена сменялась другою, перед нами проходил ряд живых людей и жизненных картин, восставала все ярче эпоха Бирона. Между отдельными актами читающий делал небольшую передышку, и тогда все кругом оживало, вполголоса обменивалось между собой впечатлениями. Как только автор принимался опять читать — все разом умолкало и обращалось в слух. Раз как-то неугомонный Крестовский шепнул что-то на ухо своему соседу, и тот фыркнул. Но Писемский повел в их сторону глазами — и оба замерли²⁹.

Кончилось чтение уже далеко за полночь.

— Уф! тяжеленько! — произнес Писемский, отдуваясь.

Все присутствовавшие окружили его, чтобы принести свою благодарность за доставленное наслаждение.

— Не за что, господа, уклонился он. А вот вы лучше скажите-ка: не имеется ли у кого серьезных замечаний?.. Ну, что же? — про-

---

²⁸ Начавший службу в Костромской палате государственных имуществ, Писемский завершил карьеру в московском губернском правлении. Не исключено, что, говоря о службе Писемского, Авенариус путает его с карьерой Салтыкова-Щедрина — тверского вице-губернатора.

²⁹ Сходный отзыв о чтении Писемского оставил в «Литературных воспоминаниях» И.И. Панаев: «Писемский читает, как актер, — он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении...» [21, с. 208]. В очерке Авенариуса довольно отчетлив контраст между «самоучками» Крестовским и Лесковым и именитым литератором Писемским.

должал он, окидывая безмолвствующих вопросительным взглядом и останавливая его на Ахшарумове: Вы-то хоть, Николай Дмитриевич, не скажете ли чего? Вашим мнением я очень дорожу³⁰.

Критическое чутье Ахшарумова проявилось особенно впоследствии в его замечательном разборе «Преступления и наказания» Достоевского³¹. Теперь он, по своей скромности и деликатности, не решился, по-видимому, в присутствии стольких свидетелей, высказаться слишком открыто. Тихим голосом, почти застенчиво, он в немногих словах очень рельефно выставил достоинства трагедии, а затем мимоходом добавил, что только в четвертом действии Бирон как будто изменяет себе; недостает нескольких штрихов...

— Да вот, Александр Петрович, как преподаватель словесности и записной критик, лучше меня, конечно, это объяснит, — заключил он, указывая на стоявшего рядом Милюкова.

Милюков, точно заранее приготовившись к лекции, в сдержанной и «корректной» речи указал на недостающие «штрихи», и замечания его оказались настолько обдуманнными и меткими, что Писемский только поморщился, но ничего не нашел возразить.

— А что вы скажете насчет общего движения в драме? — спросил он.

— В том же четвертом действии, где собираются у Бирона гости, действительно не мешало бы движение несколько ускорить, неожиданно подал тут голос Соловьев, — а затем устранить вообще эти гастрономические рассуждения между Бироном и Куракиным...

— Это зачем? — спросил Писемский, медленно поворачивая голову и свысока озирая малорослого критика, как оглядел бы начальник школы ученика-мальчишку, дерзнувшего высказать перед ним свое собственное мнение³².

— Затем, что тема в той форме, как у вас, признаться, довольно неэстетичная.

— Да, может, так и нужно?.. Однако мне и домой пора...

— Помилуйте, Алексей Феофилактович! — засуетился доктор Хан. — Сейчас будет закуска...

---

³⁰ Н.Д. Ахшарумов в 1860 г. выступил с разбором драмы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» как независимый эксперт, приглашенный комиссией по присуждению Уваровской премии [10, с. 122].

³¹ Разбор «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, как и «Войны и мира» Л.Н. Толстого печатался на страницах журнала «Всемирный труд».

³² В этой мизансцене реализован мотив «маленького человека» (критика) перед начальством (именитым писателем).

— Я не ужинаю: врачами запрещено³³.

— Да и мне тоже, — сказал Ахшарумов. — Нам с вами, Алексей Феофилактович, ведь по дороге. До свидания, Мануил Алексеевич.

Напрасны были дальнейшие упрасивания хозяина, и ему ничего не оставалось, как проводить обоих до передней. Тут на Соловьева со всех сторон посыпался град упреков:

— Ах, Николай Иванович, Николай Иванович! А все вы с вашей эстетикой! Спрашивал он наше мнение, очевидно, только для того, чтобы услышать общие похвалы.

— Не могу я хвалить, господа, коли мне что претит! — оправдывался бедный Николай Иванович. — Правда и красота для меня выше всего.

— Да если иная правда безобразна?

— Так изображай ее так, чтобы читателя не коробило... Ведь вот Крестовский, по моему совету, отказался же от первой своей мысли — заставить своего Вересова есть дохлую кошку³⁴.

— Ну, уж извините! — громко расхохотался Лесков: этот перл принадлежал не Всеволоду, а мне.

— Что такое? Какая там дохлая кошка? — заинтересовались окружающие.

— Да помните в «Петербургских трущобах» эпизод, когда Вересов, выпущенный из тюрьмы, не зная, где преклонить голову, находит наконец приют на Фонтанке в каюте зазимовавшей пустой барки?

— Под мерзлой рогожей около бездомной же собаки со щенятами? Но там он с голоду гложет только кость³⁵...

---

³³ Тема пищеварения и лечения желудка регулярно встречается в эпистолярной Писемского.

³⁴ Имеется в виду глава «Ночлежники в пустой барке».

³⁵ «И он, зацмокав губами, как обыкновенно это делается, когда хотят приманить собаку, ласково стал гладить рукою ее кудластую голову. Инстинкт ли подсказал животному, что подле него находится не злое существо, или другая тому была причина, только собака не изъявила более неудовольствия и беспрепятственно позволила гладить свою голову. Снова послышался слабый визг щенят, и сука поспешно удалилась к своим детенышам. Вересов, осторожно ощупывая перед собою барочную настилку, пополз вслед за нею: он хотел улечься рядом. и вдруг рука набрела на старую, брошенную рогожу. Это была находка, которая его очень обрадовала. Уж он совсем было подползал к логовищу собаки, но та выказала самое решительное намерение сопротивляться. Она встретила его злым и грозным рычаньем, не подпуская к своим щенятам, так что Вересову поневоле пришлось вернуться и лечь на прежнее место. Он покрылся найденной рогожей, только лег не совсем-то ловко, потому — под бок что-то жесткое кололо. Ощупавши, Вересов убедился, что это была обглоданная кость. <...>

— А это уже смягченная вариация Николая Ивановича. Захожу я раз под вечер к Всеволоду. В передней у него, гляжу, ждет уже рассыльный из типографии, а в кабинете сидит сам Всеволод у письменного стола мрачнее ночи. В чем дело? — «Да вот так и так, — говорит, — надо сейчас отправить рукопись в набор, да никак не придумую: чем бы позабористее накормить моего голодного героя?» Ну, что ж, вместе поразмыслим; ум хорошо, два лучше. и вот, только что каждый из нас придумал подходящее блюдо: он — дохлую ворону, а я — дохлую кошку, — как входит Николай Иванович. Предоставили мы ему на выбор: что реальнее? А он в ужас пришел: «Бога в вас нет, господа! Разве нельзя быть реальным, не возбуждая в читателях тошноты? Хоть бы кость взяли, что ли». Потолковали мы, потолковали и ограничились костью, разумеется, уже обглоданной собакой.

Во время этого разговора, по распоряжению хозяина, был накрыт стол, на котором, кроме водки и пива, появились на этот раз еще несколько бутылок вина и закуска разнообразнее обыкновенного; экстренное угощение, очевидно, было предназначено для отбившего уже почетного гостя. По мере того, как пустели бутылки, беседа становилась все шумнее, но в общем гомоне всего громче звучал голос Лескова. Главною темою служили, разумеется, разные течения современной литературы. Когда тут речь зашла об одном из передовых бойцов противоположного лагеря, Лесков со сверкающими глазами вскочил с места и ударил кулаком по столу так, что вся посуда кругом запрыгала и зазвенела:

— Да я его сейчас собственноручно вздернул бы на первом фонарном столбе³⁶!

И он, преодолевая последний, уже слабый остаток отвращения, вгрызся в нее зубами. Но едва лишь почувяли эти голодные зубы ничтожный намек животной пищи, как настала для них самая жадная и яростная работа. Брезгливость и отвращение тут уже сразу исчезли.

С остервенением грыз и глодал он эту кость, скоблил ее зубами, стараясь высосать из нее хоть какие-нибудь питательные частицы; раза два замерзлый и твердый хрящ на зубах его хрустнул — и Вересов поторопился проглотить его с величайшею жадностью; но вслед за тем все остальные усилия его выгрызть и высосать что-либо еще из этой кости остались вполне безуспешны. Собака на этот счет уже давно предупредила его» [18, с. 345].

³⁶ Такая риторика созвучна публицистическому памфлету Лескова «Русское общество в Париже»: «наши наглые и невежественные революционеры, считающие в обязанностях своего звания рвать всем носы и наступать на ноги, пока не получат сами хорошей затрещины» [15, с. 244].

— Однако! — вполголоса заметил я сидевшему около меня Соловьеву, который после понесенного давеча поражения был молчаливее других и только усиленно курил, причем, не докурив ни одной папиросы, тушил ее в рассеянности о скатерть, чтобы затем тотчас закурить новую.

— А между тем у него это вовсе не фраза, — отозвался Соловьев. — Раз как-то при мне он точно также заспорил за ужином и в доказательство, что ни перед чем не отступит, проткнул себе тут же вилкою ладонь.

— Насквозь?!

— Да, так-таки и пригвоздил ее к столу. Это фанатик своей идеи. Так же, как и Крестовский: для изучения трущобных жителей он целые дни проводил в трущобах³⁷.

— Да верно ли это? Посмотрите на него: неужели такому щеголю они дали бы спокойно изучать себя?

— Само собою разумеется, не в таком наряде. Раз, проходя по Сенной, я сам застал его среди нищих у церкви Спаса. «Дайте, говорит, барин, копеечку, Христа ради!» Гляжу: Крестовский в отрепьях! — Всеволод Владимирович! Вы ли это? — «Т-с-с-с! товарищи еще услышат». Но какими судьбами? «А среду изучаю». Так вот он, каков у нас! Я вам говорю: фанатик.

Соловьев был прав: таким же фанатиком в преследовании своей идеи Крестовский выказал себя и впоследствии в своих романах: «Кровавый пух» и «Тьма египетская»³⁸.

Но сегодня он был самым простым смертным и добрым малым.

— И охота тебе, Николай Семенович, как прачка, стирать старое белье, — прервал он вдруг своего горячащегося друга. — У меня вот есть нечто совсем новенькое.

И он начал рассказывать какой-то довольно легковесный анекдот, но как он его рассказывал! С какими интонациями, с какими ужимками! Положительно, нельзя было остаться серьезным; даже Лесков повеселел. За первым рассказом последовал второй, за вторым — третий. Все за столом так и покатывались со смеху.

---

³⁷ Как и создатель «экспериментального романа» Э. Золя, Вс. Крестовский, действительно, пытался «пережить» впечатления и опыт героев.

³⁸ Отдельное издание романа «Кровавый пух» — 1875 г., «Тьма Египетская» печаталась в журнале «Русский вестник» в 1880-е гг.

— А что бы вам, Всеволод Владимирович, прочесть нам один из ваших испанских мотивов? — заметил кто-то. Хоть бы «Андалузянку».

— «Андалузянку!» «Андалузянку!» — подхватил хор голосов.

Крестовский приподнялся с места и, опершись на спинку стула, начал:

— «Андалузская ночь горяча, горяча, —
В этом зное и страсть и бессилье...»³⁹.

Не странно ли, право, что многие из талантливых поэтов читают свои собственные стихи плохо. Страннее всего это было у Крестовского, который обыкновенные случаи из жизни передавал так мастерски, при чтении же стихов впадал в неестественную декламацию. Только что дошел он до стиха:

«Чу!.. там слышны аккорды гитары», как Лесков вскочил из-за стола:

— Постой! Разве это так читают? Садись!

Отстранив приятеля, он стал на его место и продолжал сам с прерванного стиха:

«Чу!.. там слышны аккорды гитары!..
В винограднике чьи-то шаги шелестят
И мигает огонь от сигары —
«Это он, мой гидальго, мой рыцарь, мой друг!

Это он, его поступь я чую!
Он придет — и под плащ к нему кинусь я вдруг.
И не будет конца поцелую!».

Да, это чтение было совсем иное! Так и чудился звон гитары, и приближающиеся шаги, и огонек сигары, и сам гидальго в плаще... Но лучше всего, кажется, вышло покаяние андалузянки сквозь решетку францисканцу-монаху.

Когда Лесков дочел последний куплет, кругом раздались единодушные одобрения.

— Ну, а теперь, Всеволод, обратился Лесков к приятелю: — покажи-ка себя нам по такой части, по которой тебе нет равных: пропой нам одну из твоих трущобных песен.

³⁹ Стихотворение Крестовского «Андалузская ночь» было опубликовано в сборнике «Испанские мотивы» (1862).

Крестовский не дал просить себя и, присев за фортепиано, запел. Голос у него был небольшой и слегка даже хриповатый, но пение его было до того прилажено к содержанию песни, что не думалось даже о голосе; слышалась только замечательно переданная песня⁴⁰.

Пением Крестовского и закончился вечер...

С тех пор протекло с лишком тридцать лет, и ни одного из писателей, о которых выше рассказано, нет уже в живых⁴¹. Но как для полноты ландшафта необходимы также кустарник, трава, полевые цветы, так и поле литературы не могло бы совершенно обойтись без второстепенных деятелей⁴². Вечная же память отошедшим собратьям!

Декабрь 1898 г.

Литература

1. *Авенариус В.П.* Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника) // Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта) / сост. П.П. Гнедич, Д.Л. Мордовцев, К.К. Случевский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. С. 291–300.
2. [*Авенариус В.П.*] Несколько пояснительных слов к повести «Поветрие» от автора ее // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 229–240.
3. *Авенариус В.П.* Ты знаешь край? // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 1–97.
4. *Ахшарумов Н.Д.* О порабощении искусства // Отечественные записки. 1857. Т. 119. С. 287–325.

⁴⁰ Особый жанр «грущобной песни» близок здесь к городскому романсу или шансону.

⁴¹ Н.И. Соловьев скончался в 1874 г., в 1881 г. умер А.Ф. Писемский. В январе 1895 г. ушел из жизни В.В. Крестовский, месяцем позже — Н.С. Лесков. Э.А. Хан умер в 1892 г., а А.П. Милуков — в 1897 г. Таким образом, к моменту публикации этого очерка ни одного свидетеля этих событий, способного как подтвердить, так и опровергнуть написанное, не было.

⁴² Эта органицистская метафора во многом противопоставлена манифесту Ахшарумова «О порабощении искусства» (1857): «Да, на дне души мы отжили свой век, мы поссорились непримиримо с настоящим, мы потеряли всю веру в свое современное и можем утешать себя только одною надеждою, что наши потомки когда-нибудь будут счастливее нас. И надежда эта тем более может считаться основательною, что признаки возрождения, признаки новой жизни уже заметны кое-где. Там и сям попахивает уже весною; но многое, и в том числе наша литература, плетется еще по старой дороге. Придет, однако ж, время, когда и она стряхнет с себя старую кору, когда-нибудь и в ней должен начаться переворот, и тогда мы пойдем совершенно в отставку; о нас говорить даже перестанут как о людях нашей времени — мы перейдем в историю. Новые лица, новые типы, новые интересы и элементы жизни выступят на арену — и все опять зацветет, все опять оденется зеленью; а наш период уже приходит к концу. И он был не так короток, как многие думают» [4, с. 325].

5. *Боборыкин П.Д.* Алексей Потехин (к пятидесятилетию его писательства) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 1. С. 17–38.
6. *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1965. Т. 1. 566 с.
7. *Гдб [Гайдебуров П.А.]* Внутреннее обозрение // Дело. 1868. № 12. С. 60–102.
8. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
9. *Егоров Б.Ф.* Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. 664 с.
10. *Зубков К.Ю.* Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М.: НЛЮ, 2021. 608 с.
11. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. 204 с.
12. *Козлов А.Е.* «Пасквиль на литературу»: журналы «Всемирный труд» и «Заря» в оценках сатирического еженедельника «Искра» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. № 19 (6). С. 9–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-15-21>
13. *Лесков Н.С.* Литератор-красавец // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 10. С. 41–54.
14. *Лесков Н.С.* Письмо Е.П. Ковалевскому. 20 мая 1867 г. // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 10. С. 261–267.
15. *Лесков Н.С.* Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого (автора романов «Некуда» и «Обойденные»): в 2 т. СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867. Т. 1. 320 с.
16. *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 2002. С. 804–817.
17. *Маркаде Ж.* Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники. М.: Академический проект, 2006. 478 с.
18. *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы. СПб.: М.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. Т. 2. Ч. 3–4. 426 с.
19. От редакции // *Всемирный труд*. 1867. № 1. [Б. п.]
20. От редакции // *Всемирный труд*. 1867. № 9. [Б. п.]
21. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.
22. *Писарев Д.И.* Прогулка по садам российской словесности // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3 т. / сост., примеч. Ю. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 261–326.
23. Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта) / сост. П.П. Гнедич, Д.Л. Мордовцев, К.К. Случевский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. 676 с.
24. *Рейтблат А.И.* Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.
25. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9: Критика и публицистика. 647 с.
26. *Соловьев Н.И.* Принципы жизни // *Всемирный труд*. 1867. № 1. С. 137–178.
27. *Соловьев Н.И.* Суета сует // *Всемирный труд*. 1867. № 2. С. 167–203.

28. *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
29. *Стопановский М.* Между прочим. Провинциальные заметки петербургского жителя // *Искра*. 1866. № 46. С. 610–612.
30. [*Суворин А.С.*] Библиография и журналистика // *Голос*. 1867. № 177. С. 1–2.
31. *Томашевский Б.В.* Литература и биография // *Книга и революция*. 1923. № 4 (28). С. 6–24.
32. *Чудакова М.О.* Авенариус, Василий Петрович // *Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 16–17.
33. *Ямольский И.Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1873). М.: Худож. лит., 1964. 624 с.

Research Article

Vasily Avenarius. “An Evening in the Editorial Office” (From the Memoirs of a Sixtier)

Introductory article, text preparation and notes by A.E. Kozlov

© 2024. Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01115 “Institutional History of the Magazines ‘World Labor’ and ‘Day Spring’: Reputation and Pragmatics of Critics and Fiction-Writers, Plot and Thematic Repertoire” (<https://rscf.ru/project/23-78-01115/>).

Abstract: The presented publication introduces the sketch “An Evening in the Editorial Office” by Vasily Avenarius into scientific circulation. The sketch reveals the literary life of the editorial office of the journal “Vsemirny Trud” (“World Labor”). This journal, published by Emmanuil Khan, was supposed to become the “successor” of “Otechestvennye Zapiski,” uniting critics and fiction writers who had previously published with Andrey Kraevsky. However, the general level of the journal and Khan’s dubious literary reputation prevented the realization of this plan: “World Labor” became just an episode in the history of Russian journalism in the 1860s. The work of V.P. Avenarius is in many respects a typical phenomenon, reflecting the tendencies of the entire journal: the second part of the diology “Povetrie” and the story “Do You Know the Edge?” were received with hostility by literary critics and characterized as “Herculean pillars of vulgarity.” However, forty years after the journal’s closure, Avenarius returns to the past on the pages of his biographical notes (having witnessed the events described, Avenarius never wrote literary memoirs, and his notes are sketchy). A small episode subtitled “From the Notes of a Sixtier” is connected with the editorial staff meeting in the house of Emmanuil Khan. The portraits of Alexey Pisemsky, Vsevolod Krestovsky, and especially Nikolay Leskov are of particular

interest to the reader. The introductory article attempts to reconstruct the relationship between Leskov and Avenarius and outline the pragmatics of the essay in question. The format of the text in the appendix complies with modern orthography and punctuation rules. The publication is dedicated to the 100th anniversary of Avenarius' death, whose literary and journalistic heritage still requires commentary and research reflection.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Vasily Avenarius, Nikolay Leskov, “Vsemirny Trud” (“World Work”), literary memoirs, Nikolay Akhsharumov, Nikolay Solovyov, Vsevolod Krestovsky, Emmanuil Khan.

Information about the author: Alexey E. Kozlov — PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8. 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

For citation: “Vasily Avenarius. ‘An Evening in the Editorial Office’ (From the Memoirs of a Sixtier),” introd. article, text prep. and notes by A.E. Kozlov. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 8–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>

References

1. Avenarius, V.P. “Večer v redaktsii (iz literaturnykh vospominanii shestidesiatnika)” [“An Evening in the Editorial Office (From the Memoirs of the Sixtier)”]. *Pushkinskii sbornik (v pamiat' stoletiiia dnia rozhdeniia poeta)* [*Pushkin Collection (In Memory of the Centenary of the Poet's Birthday)*], comp. by P.P. Gnedich, D.L. Mordovtsev, K.K. Sluchevskii. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1899, pp. 291–300. (In Russ.)
2. [Avenarius, V.P.] “Neskol'ko poiasnitel'nykh slov k povesti ‘Povetrie’ ot avtora ee” [“A Few Explanatory Words to the Novella ‘Plague’ from Its Author”]. *Vsemirnyi trud*, no. 4, 1867, pp. 229–240. (In Russ.)
3. Avenarius, V.P. “Ty znaesh' kraii?” [“Do You Know the Land?”]. *Vsemirnyi trud*, no. 6, 1867, pp. 1–97. (In Russ.)
4. Akhsharumov, N.D. “O poraboshchenii iskusstva” [“The Enslavement of Art”]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 119, 1857, pp. 287–325. (In Russ.)
5. Boborykin, P.D. “Aleksii Potekhin (k piatidesiatiletiiu ego pisatel'stva)” [“Alexey Potekhin (On the 50th Anniversary of His Writing)”]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 1, part 7, 1902, pp. 17–38. (In Russ.)
6. Boborykin, P.D. *Za polveka. Vospominaniia: v 2 t.* [For Half a Century. Memories: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1965. 566 p. (In Russ.)
7. Gdb [Gaideburov, P.A.] “Vnutrennee obozrenie” [“Internal Review”]. *Delo*, no. 12, 1868, pp. 60–102. (In Russ.)
8. Ginzburg, L.Ia. *Opsikholoicheskoi proze. O literaturnom geroe* [On the Psychological Prose. On a Literary Hero]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)
9. Egorov, B.F. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Aesthetic Ideas in Russia in the 19th Century. Selected works]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2009. 664 p. (In Russ.)

10. Zubkov, K. *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra II* [Scenarios of Change. Uvarov Award and the Evolution of Russian Drama in the Era of Alexander II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 608 p. (In Russ.)
11. Zykova, G.V. *Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 gg.* [Poetics of the Russian Journal, 1830–1870]. Moscow, MAKS Press, 2005. 204 p. (In Russ.)
12. Kozlov, A.E. “Paskvil’ na literaturu’: zhurnaly ‘Vsemirnyi trud’ i ‘Zaria’ v otsenkakh satiricheskogo ezhenedel’nika ‘Iskra’.” [“Libel of Literature’: ‘The World Labor’ and ‘Day Spring’ in the Estimates of the Satirical Weekly Magazine ‘Iskra’.”] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, filologiia*, no. 19 (6), 2020, pp. 9–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20> (In Russ.)
13. Leskov, N.S. “Literator-krasavets” [“Handsome Writer”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 41–54. (In Russ.)
14. Leskov, N.S. “Pis’mo E.P. Kovalevskomu. 20 maia 1867 g.” [“Letter to E.P. Kovalevsky. May 20, 1867”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 261–267. (In Russ.)
15. Leskov, N.S. *Povesti, ocherki i rasskazy M. Stebnitskogo (avtora romanov “Nekuda” i “Oboidemye”): v 2 t.* [Novellas, Sketches and Stories by M. Stebnitsky (Author of the Novels “Nowhere” and “Outlooked”): in 2 vols.], vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Iu.A. Bokrama Publ., 1869. 320 p. (In Russ.)
16. Lotman, Iu.M. “Literaturnaia biografiia v istoriko-kul’turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)” [“Literary Biography in the Historical and Cultural Context (Toward the Typological Relationship Between the Text and the Personality of the Author)”]. Lotman, Iu.M. *O russkoi literature. Stat’i i issledovaniia: istoriia russkoi prozy, teoriia literatury* [On Russian Literature. Articles and Research: History of Russian Prose, Theory of Literature]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2002, pp. 804–817. (In Russ.)
17. Markade, Zh. *Tvorchestvo N.S. Leskova. Romany i khroniki* [Leskov’s Poetics. Novels and Chronicles]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 478 p. (In Russ.)
18. Krestovskii, V.V. *Peterburgskie trushchoby* [Petersburg Slums]. St. Petersburg, M.O. Vol’f Publ., 1867. 426 p. (In Russ.)
19. “Ot redaktsii” [“From the Editor”]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867. [S. p.] (In Russ.)
20. “Ot redaktsii” [“From the Editor”]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867. [S. p.] (In Russ.)
21. Panaev, I.I. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 448 p. (In Russ.)
22. Pisarev, D.I. “Progulka po sadam rossiiskoi slovesnosti” [“A Walk Through the Gardens of Russian Literature”]. Pisarev, D.I. *Literaturnaia kritika: v 3 t.* [Literary Criticism: in 3 vols.], vol. 2, comp. and notes by Iu. Sorokin. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981, pp. 261–326. (In Russ.)
23. *Pushkinskii sbornik (v pamiat’ stoletii dnia rozhdeniia poeta)* [Pushkin Collection (In Memory of the Centenary of the Poet’s Birthday)], comp. by P.P. Gnedich, D.L. Mordovtsev, K.K. Sluchevskii. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1899. 676 p. (In Russ.)
24. Reitblat, A.I. *Klassika, skandal, Bulgarin... Stat’i i materialy po sotsiologii i istorii russkoi literatury* [Classics, Scandal, Bulgarin... Articles and Materials on Sociology and

History of Russian Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 576 p. (In Russ.)

25. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols.], vol. 9: *Kritika i publitsistika* [Criticism and Journalism]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1970. 647 p. (In Russ.)

26. Solov'ev, N.I. "Printsipy zhizni" ["Life Principles"]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867, pp. 137–178. (In Russ.)

27. Solov'ev, N.I. "Sueta suet" ["Vanity of Vanities"]. *Vsemirnyi trud*, no. 2, 1867, pp. 167–203. (In Russ.)

28. Starygina, N.N. *Russkii roman v situatsii filosofsko-religioznoi polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian Novel in the Situation of Philosophical and Religious Polemics of the 1860–1870s]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 352 p. (In Russ.)

29. Stopanovskii, M. "Mezhdru prochim. Provintsial'nye zametki peterburgskogo zhitelia" ["By the Way. Provincial Notes of a St. Petersburg Resident"]. *Iskra*, no. 46, 1866, pp. 610–612. (In Russ.)

30. [Suvorin, A.S.] "Bibliografiia i zhurnalistika" ["Bibliography and Journalism"]. *Golos*, no. 177, 1867, pp. 1–2. (In Russ.)

31. Tomashevskii, B.V. "Literatura i biografiia" ["Literature and Biography"]. *Kniga i revoliutsiia*, no. 4 (28), 1923, pp. 6–24. (In Russ.)

32. Chudakova, M.O. "Avenarius, Vasilii Petrovich" ["Avenarius, Vasily Petrovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917 gg. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1: A–G [A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 16–17. (In Russ.)

33. Iampol'skii, I.G. *Satiricheskaia zhurnalistika 1860-kh godov. Zhurnal revoliutsionnoi satiry "Iskra" (1859–1873)* [Satirical Journalism of the 1860s. Journal of Revolutionary Satire "Iskra" (1859–1873)]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 624 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 20.09.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.03.2024

Арт. Феличе. Воспоминания актрисы (Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева: к 130-летию со дня рождения)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания

Т.Н. Степановой

© 2024, Т.Н. Степанова

Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева,
дер. Лосицы Плюсского района Псковской области, Россия

Аннотация: Публикацию фрагмента беллетризованной автобиографии Людмилы Андреевны Ямщиковой-Дмитриевой (1893–1978) «Актриса» мы посвящаем ее памяти и ее 130-летию юбилею. Очередное забытое имя, не продолжившее родовой ветви своих знаменитых предков Рокотовых и Толстых. Она не оставила потомства, была драматической актрисой и писательницей, внесла определенный вклад в русскую историческую прозу для юношества в первой половине XX в. и незабвенно служила театру, исполняя главные роли в пьесах классического и современного репертуара. По воспоминаниям драматурга В.С. Розова, лично знавшего Людмилу Андреевну и ее мать — Маргариту Владимировну Ямщикову (1872–1959), известную в литературе под псевдонимом Ал. Алтаев, Людмила блистала на провинциальной сцене около тридцати лет, тихо, незаметно скончалась в стенах Ленинградского Дома Ветеранов сцены, носившего имя ее незабвенной учительницы М.Г. Савиной. В литературе Людмила Андреевна выступала под псевдонимом Арт. Феличе: так звали «Овода» в одноименном романе Э. Войнич, писала книги из истории Англии, Италии, Нидерландов, небольшие биографии для детей о великих ученых, изобретателях, в нескольких произведениях являлась соавтором матери. Рукопись «Актриса», фрагмент из которой предложен читателям, имеет два экземпляра. Они хранятся в РГАЛИ в фонде Ал. Алтаева (Ф. 1370) и в фонде Литературно-мемориального музея Ал. Алтаева, который находится в деревне Лосицы Плюсского района Псковской области, в бывшей усадьбе Лог (публикация осуществляется по этой музейной рукописи). Сама Людмила Ямщикова не предназначала рукопись «Актриса» для публикации, но тем, кто занимается историей русского провинциального театра, этот материал будет весьма полезным и в историческом и исследовательском плане.

Ключевые слова: Людмила Ямщикова, Ал. Алтаев, музей Ал. Алтаева, усадьба Лог, Арт. Феличе, В.Д. Рокотов, А.Н. Толстая.

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Степанова — заведующая Литературно-мемориальным музеем Ал. Алтаева, филиалом Государственного военно-исторического музея-заповедника, дер. Лосицы Плюского района Псковской области, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-1522-989X>

E-mail: stnlog@yandex.ru

Для цитирования: Арт. Феличе. Воспоминания актрисы (Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева: к 130-летию со дня рождения) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т.Н. Степановой // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 32–51. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-32-51>

Вспоминается замечательная выставка с уникальным каталогом «История рода Толстых — история России» [1]. Она работала в залах Государственного музея А.С. Пушкина в Москве в 2008 г. По правой основной стене всех экспозиционных пространств, начиная с первого зала — мощным стволом разрасталось родовое древо Толстых, дворян именитых титулованных и не титулованных, проживших долгую и интересную жизнь. К таким потомкам принадлежала внучка Николая Николаевича Толстого — Маргарита Владимировна Ямщикова, урожд. Рокотова (1872–1959) (о ней см.: [4; 12, с. 50–51]). На стене с ее фамилией веточка-стрела поднималась ввысь, продолжалась в имени ее дочери — Людмилы Ямщиковой (1893–1978) и обрывалась... [5, с. 31–39]. А древо Толстых продолжало свое стремительное возрастание в следующих залах.

Людмила Андреевна Ямщикова родилась в Петербурге 6/19 ноября 1893 г. Отца не помнила. Ее мать Маргарита Владимировна Ямщикова (1872–1959), автор историко-биографических книг для юношества о Микеланджело, Данте, Шиллере, Бетховене, Надсоне, Андерсене, Лермонтове, Брюллове, писавшая под мужским псевдонимом Ал. Алтаев¹, ушла от супруга с шестимесячной дочерью, «убедившись в глубокой ошибке своего брака»². Вспоминая этот период, она писала: «Разойдясь с мужем, я боялась, что он украдет у меня дочь, и поэтому никогда не оставляла ее с прислугой. Уходить по делам надо было довольно часто, и я таскала ее с собой по ре-

¹ См.: *Алтаев Ал.* Собр. соч.: в 19 (16) т. М.: Кооперативная издательская артель «Товарищество», 1928.

² *Ямщикова Л.* Автобиография // РГАЛИ. Ф. 1370. Оп. 3. Д. 88. Л. 15.

дакциям. Иногда мне приходилось пробывать где-нибудь до позднего вечера, и тогда я приводила ребенка в “Игрушечку” и оставляла на попечение Александры Николаевны»³. Частыми посетителями Александры Николаевны Толиверовой, руководившей журналом, были Полонский, Мамин-Сибиряк, Щепкина-Куперник, Верещагин, на которых маленькая девочка смотрела как на добрых дядей и тетей, предпочитая играть с детьми Толиверовой — с Толей, больше с Верой, откуда и псевдоним издательницы.

В шесть лет Людмилу отдали в закрытое Демидовское училище коммерческого направления, туда можно было устроить ребенка и без отцовского разрешения, потом учеба в гимназии Шаффе, успешное ее окончание в 1911 г. и поступление на естественный факультет Бестужевских курсов. Поступила без посторонней помощи, несмотря на то, что одной из учредительниц первого Высшего учебного заведения для женщин в России была ее родственница Анна Павловна Философова.

Обучение точным наукам длилось не долго. Девушку манил театр и интерес к нему был наследственным. Дед Людмилы — Владимир Дмитриевич Рокотов (1837–1900), титулярный советник, предводитель Великолукского уездного дворянства, крупный псковский землевладелец — оставил привычную жизнь людей своего круга и всецело посвятил себя театру. Когда был богат, содержал антрепризы в Киеве, Новочеркасске, открыл общедоступную городскую библиотеку, редактировал газету «Киевский вестник». В былые времена у него на дому выступал оперный тенор Ф.П. Комиссаржевский, собирались артисты, художники, первый иллюстратор «Мертвых душ» Гоголя А.А. Агин работал в театре Рокотова, обучал его детей рисованию, был крестным отцом Маргариты Владимировны Ямшиковой. У Рокотова всегда гостили бедные родственники, проживала с семейством Анна Петровна Маркова-Виноградская, больше известная под фамилией Керн. Потом, когда Владимир Дмитриевич разорился и постоянно нуждался в деньгах, он немного писал для журналов, режиссировал в любительских труппах, служил актером второго плана в Александринском театре Санкт-Петербурга.

Бывшая бестужевка решила показаться сразу в три школы: в «Императорскую» при Александринском театре — в класс Ю.М. Юрьева, «Суворинскую» — в класс М.Г. Савиной и в «Школу Сценического Искусства» А.П. Петровского, прошла творческий конкурс везде,

---

³ Алтаев Ал. Памятные встречи. М.: ГИХЛ, 1957. С. 297.

куда пробовалась, учиться мастерству решила у А.Н. Петровского и примкнувшей к нему позже М.Г. Савиной.

Во время обучения в школе студенты участвовали в массовых сценах Мариинского театра, патриотических вечерах, которых тогда, во время войны 1914 г., устраивалось довольно много. Вспоминая в своей беллетризованной биографии «Актриса» (см. ниже) это время, Людмила Андреевна очень ярко описывает учебу в школе и участие в массовке «Николая Ставрогина» — спектакле, привезенном в Петербург Московским Художественным театром во главе с К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко, где главную роль играл В.И. Качалов.

В старом театре амплуа актеров имели довольно жесткие рамки. Актрисы делились на травести, инженю, кокэт, гран-дам, характерные, выходные роли и на основных героинь. Внешние данные и внутренний темперамент позволяли Л.А. Ямщиковой рассчитывать на главные роли в пьесах классического репертуара, и после окончания школы Петровского ее пригласили работать в Харьков. Первая профессиональная труппа во главе со знаменитым тогда Н.И. Синельниковым встретила молодую героиню весьма доброжелательно. Она работала над «Антигоной» Софокла, играла королеву-мать в «Гамлете» и Эсфирь в «Уриэле» с Блюменталь-Тамариным.

Л.А. Ямщикова. Автограф на фото:
«Специально — без ретуши для
уроков грима в Школе Сц. искус-ва
Петровского»

L.A. Yamshchikova. The Autograph on
the Photo:
“Purposely — without Retouching
for Makeup Lessons at the Petrovsky
School of Art”

С тонкой иронией описывает Людмила Андреевна в «Актрисе» свои первые театральные шаги на профессиональной сцене:

Итак, молодая актриса играла королеву в «Гамлете» и никого не восхитила своим исполнением роли, хотя пробовала восхитить. В один прекрасный вечер она пустила в ход такой «вольтаж», что в предсмертных муках последнего акта завопила на весь театр. Андрей Павлович укорил за такой «экспромт». С тех пор опыт «чрезмерных переживаний» на сцене остался ее темным пятном, неизменно вызывающим краску на лице⁴.

Когда в Ульяновске представляли «Неизвестную» А. Биссо с новой героиней сезона, зрители, видевшие эту известную пьесу, с недоумением ожидали обозначенного в авторских ремарках «крика», но героиня терпела до последнего акта, и когда позволила себе этот эмоциональный всплеск, то зал рукоплескал [11, с. 21–36]. Уже в первые годы для участия в бенефисах ее приглашали Леонтович, Рощина-Инсарова, Сумбатов-Южин. Она выступала в Тифлисе, Владикавказе, Баку, играла хорошие роли со знаменитыми партнерами и даже преподавала мастерство начинающим студийцам второго Харьковского сезона. Один из учеников Людмилы, будущий режиссер, станет постановщиком «Крупенички» — пьесы, которую она напишет для детского театра [10, с. 51–54].

В 1916 г. в Харькове произойдет еще одно важное событие в жизни «героини». Она венчается в Харьковской Крестововоздвиженской церкви «первым браком с сыном статского советника Константином Сергеевичем Дмитриевым»⁵. Их встреча произойдет на Псковщине в усадьбе Лог Гдовского уезда, куда начиная с 1895 г. мать и дочь Ямщикovy выезжали почти каждое лето и где теперь открыт Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева [6, с. 43–44; 7, с. 259–260; 9, с. 200–205]. Костя был последним владельцем богатого соседнего имения Пестка. Его отец, известный врач С.Ф. Дмитриев, принимал участие в лечении наследника русского престола царевича Алексея.

Жизнь молодоженов не могла сложиться счастливо, ибо они часто и подолгу находились вдали друг от друга. Специфика профессии настойчиво требовала эмоциональной насыщенности в жизни. У актрисы было много увлечений, с 1925 по 1939 г. в ее жизни очень

⁴ *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора) // Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909. Ед. хр. 1–2. Л. 37.

⁵ *Ямщикова Л.* Свидетельство о рождении (1893) // РГАЛИ. Ф. 1370. Оп. 3. Д. 243. Л. 2 (запись 1916 г. о венчании записана на обороте).

важную роль играл артист Д.П. Речной, при том, что Костя оставался первой и последней любовью Людмилы Андреевны. Встретившись перед самой войной, они были счастливы, как во времена на Псковщине. Но это опять длилось недолго. Будучи в запасе, Константин Дмитриев примкнул к добровольческой группе казаков цирка Туганова и погиб под Москвой в 1941 г., когда его кавалерийский эскадрон направили против фашистских танков. После его смерти Людмила Андреевна Ямщикова присоединила фамилию Дмитриева к своей девичьей и завела дневник. Сохранились 23 «амбарные» книги, где каждая запись стала своеобразным разговором с погибшим мужем⁶.

В своих автобиографических театральных воспоминаниях «Актриса» Ямщикова-Дмитриева пишет:

Осень 1917 года. Ломка всего старого. Борьба в самом разгаре. Россия от края и до края клокочет, как бурная вешняя река. В этот небывалый в истории человечества момент актриса, безумно, не анализируя событий, ни своего места среди них, едет из Петрограда, через всю европейскую часть государства, в Ростов-на-Дону играть в театре, как играла когда-то в детстве, для воплощения своих личных мечтаний. Ни один умный человек не подсказал ей тогда, что именно происходит на свете...⁷

Работа в театре Ростова-на-Дону не заладилась с самого начала; проблемы быта, растерянность режиссера и труппы от приближения фронта, потеря на железной дороге багажа с театральным гардеробом героини. Костюмерные и реквизитные мастерские в театрах присутствовали, но так как состав труппы менялся часто, подобрать что-либо для героинь было практически невозможно. Актрисы прежних времен готовили костюмы сами, а театры оплачивали амортизацию за использование в спектаклях собственного гардероба актеров. К тому же Людмила прекрасно знала историю и не могла позволить Марии Тюдор из «Кровавой королевы» Гюго или Леди Мильфорд в «Коварстве и любви» Шиллера выглядеть не достойно их положению и не соответствовать временным и географическим определениям. Актриса была юна и упряма. Когда представилась возможность, мать-писательница, переехавшая из Петрограда в Москву и проживавшая в гостинице «Метрополь» с 1918 по 1958 г., смогла прислать дочери сопровождающего, устроив ее переезд из

⁶ В настоящее время находятся в частной коллекции.

⁷ *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора). Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909 (1–2). Л. 61.

Ростова-на-Дону в Москву. Это замечательное путешествие весной 1918 г. и приезд в столицу под последний пасхальный колокольный звон в Москве из рукописи «Актриса» мы и предлагаем читателям журнала⁸.

1918–1924 гг. мать и дочь проводят в Москве. Позже Людмила Андреевна вспоминала:

Действительно, актриса все и везде прозевала. А служить надо, служить привыкла. Надо вообще что-нибудь делать, от своего бредового состояния она отошла. Мать устраивает ее в «Бюро печати» в Кремль, — ведь актриса немного и писательница. С 1912 года она кое-что напечатала в детских журналах Москвы и Петербурга под псевдонимом Арт. Феличе⁹.

Артур и Феличе — имена главного героя, известнейшего в свое время романа Э. Войнич «Овод».

1920-е гг. оказались самыми плодотворными в жизни писательницы Людмилы Ямщиковой. Выходит в свет наиболее издаваемое произведение Арт. Феличе — роман «Багровый хамсин» из жизни Древнего Египта, который переиздается четыре раза¹⁰. Появляются книжечки для молодежи о Роберте Фултоне — «Через моря, реки, океаны», о Дагере — «Пойманный луч», о Самуиле Морзе — «Мировой язык», о Джемсе Уатте — «Великий самоучка Джемс Уатт»¹¹ и о Луи Пастере¹². Выходят книги в соавторстве с Ал. Алтаевым¹³ и заказные переработки иностранных повестей и романов. Тем не менее писательница считает литературу «любимой падчерицей, а не дочерью» и в 1919 г. поступает в знаменитую труппу Корша, где играют Топорков, Правдин, Шатрова, Блюменталь-Тамарина. Сезон 1920–1921-х гг. она проводит в детском московском театре Паскар, работает с молодыми М. Бабановой и И. Ильинским. На летних выездных гастролях со студией «Молодых мастеров» И.Н. Певцова

⁸ Имеется два экземпляра машинописного текста «Актриса». Один из них хранится в Литературно-мемориальном музее Ал. Алтаева (ОФ 34909. Ед. хр. 1–2. 1077 с.), другой — в РГАЛИ (Ф. 1370. Оп. 1. Ед. хр. 448–454).

⁹ *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора). Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909 (1–2). Л. 79.

¹⁰ См.: *Феличе Арт.* Багровый хамсин: Роман из жизни древнего Египта. 3-е изд., испр. авт. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 192 с.

¹¹ *Феличе Арт.* Великий самоучка Джемс Уатт. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 55 с.

¹² *Феличе Арт.* Луи Пастер. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 32 с.

¹³ См., напр.: *Алтаев Ал., Феличе Арт.* Власть и золото: (Завоевание Перу в XVI веке). [М.]: Молодая гвардия, 1929. 160 с.

играет с молодым и никому не известным Борисом Бабочкиным, влюбленным в нашу героиню.

С 1925 г. Людмила Андреевна служит в театрах Иваново-Вознесенска, Калуги, Златоуста, Таганрога, Ульяновска, Оренбурга, Костромы, Рязани. Она успешно играет Порцию в «Шейлоке» (инсценировке «Венецианского купца» Шекспира), Мирандолину в «Трактирщице» Гольдони, Эбби в пьесе О. Нила «Любовь под вязами», Терезу Ракен в «Мести» Золя, Мелли в «Любови Яровой» Тренева и многие другие ведущие роли. Если летом не предполагалось гастролей, актриса с матерью спешила на Псковщину в «благословенный Лог», где они оформили покупку флигеля старого усадебного дома, расположенного на высоком берегу реки Плюссы [8]. Где бы ни находилась актриса, она мысленно возвращалась в Лог. Даже в этом шуточном стихотворении, написанном в гастрольной поездке по Казахстану в 1936 г.:

Надоело жить всем вместе
В золотом степнячком тресте.
Надоел в кафе обед,
Аппетита к нему нет.
Надоело вечно в мраке,
В толкотне, как будто в драке,
Чай уныло в спешке пить
Над лоханью чашку мыть,
Надоело слышать храп...
Где ты, Плюсса, Дряжна, Люта?
Лог с шумящею листвою?
Помнишь, мама, мы с тобою
Утром ласковым вдвоем
Наполняли счастьем дом?
Книгу вечную читали,
И в окно к нам так сверкали
В листьях веток паутинки
И потом с ножом в корзинке
Уходили кто-куда,
Я налево, ты туда,
Где зеленые опушки
Дарят милые волнушки.
Как тоскую я об этом!
Пусть же месяц, звезды, солнце
Заглянут к тебе в оконце

И расскажут, что далеко
Волей каверзного рока
Дочь твоя в степи живет,
И тоска ее грызет¹⁴.

*Лог. Усадебный дом
Log. The Estate House*

*Лог. Черное крыльцо
усадебного дома
Log. The Black Porch
of the Estate House*

¹⁴ *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора). Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909. Ед. хр. 1–2. Л. 945–946.

Это будет последняя дальняя гастрольная поездка актрисы. Продолжив работу в Московском Современном театре, она несколько раз выезжала в Кисловодск и Ленинград со спектаклем «Васса Железнова» по пьесе М. Горького, где исполняла главную роль. Людмила Андреевна вспоминала:

Мой неожиданный «переход» на другое амплуа, — в «Актрисе», не тяготил меня больше. Ведь в предыдущих театрах мне бы поручили роль Рашели, а Вассу играла бы более «солидная» по внешности актриса. А теперь многогранный образ все сильнее и сильнее начинал нравиться. Ее полное одиночество в семье многое задевало в глубине души. Тяжесть взятой на себя собственной «правды» трогала, сила воли восхищала. Но одно тревожило безнадежно, не подаваясь, — это «купеческая удадь...»¹⁵

Роль Вассы по значительности исполнения была одной из лучших в репертуаре Людмилы, а Московский Современный театр последним в жизни актрисы. В 1940 г. Ямщикова прощается со сценой, чтобы ухаживать за стареющей матерью и воплотить в жизнь литературные замыслы Арт. Феличе¹⁶. Войну они встретили в Москве, от эвакуации отказались, по-прежнему жили в гостинице, а когда взрывной волной выбило окна, просто заколотили фанерой и заложили тряпками. Квартиру получили только в 1958 г. в высотном доме на Котельнической набережной Москвы-реки.

После смерти матери в феврале 1959 г. Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева взяла на себя заботу о ее творческом наследии. Были воссозданы по черновикам и подготовлены к печати книги Ал. Алтаева «Пасынки Академии»¹⁷ и «К вершинам искусства»¹⁸, отредактирована рукопись «Забывтый угол» об истории и жизни в любимом уголке Псковской земли¹⁹. Издательство «Детская литература» предложило читателям новые романы Арт. Феличе «Морские нищие» об истории Нидерландов XVI в.²⁰ и «Клуб тетушки Сидони» — о событиях английской буржуазной революции начала

¹⁵ Там же. Л. 968.

¹⁶ См., в частности: *Алтаев Ал.* Памятные встречи. М.: ГИХЛ, 1957. 423 с.

¹⁷ *Алтаев Ал.* Пасынки академии: Исторический роман. М.: Детгиз, 1961. 183 с.

¹⁸ *Алтаев Ал.* К вершинам искусства. М.: Детская литература, 1964. 269 с.

¹⁹ *Алтаев Ал.* Гдовщина. Забывтый угол. 60 лет жизни на милой земле. СПб.: РХГА, 2020. 2-е изд., испр. — 2022. 479 с. См. также: [2, с. 111–142; 3, с. 149–160].

²⁰ *Феличе Арт.* Морские нищие. М.: Вече, 2009. 397 с.

XVII века²¹. Книги перевели на латышский и армянский языки, автор приняла в Союз писателей СССР.

В январе 1970 г. Людмила Андреевна Ямщикова покидает московскую квартиру и переселяется в Ленинградский Дом ветеранов сцены, основанный ее педагогом и великой актрисой Марией Гавриловной Савиной. В стенах этого заведения Людмила Андреевна заканчивает работу над рукописью «Актриса», которую писала с перерывами более 20 лет. До 1958 г. включительно некоторые главы читались в Москве, где по пятницам, в двухкомнатном номере 409 «Метрополя» собирались друзья старой писательницы Ал. Алтаева, и тогда ее дочь — актриса и тоже писательница — читала новые главы своих воспоминаний. Единственным постоянным читателем, которому автор доверяла свою «графоманию», была писатель-драматург Александра Яковлевна Бруштейн. На страницах рукописи 1966 г. Людмила Андреевна с прекрасным чувством юмора воссоздает картину многолетней переписки с Бруштейн по поводу «бесконечной Актрисы», называя своего корреспондента «маститым драматургом-благожелателем», а себя — «юной старушкой». В приводимой юмореске А.Я. Бруштейн сетует на «несколько жеманную манеру» Арт. Феличе писать от третьего лица. И когда «юная старушка» просто и смиренно объясняет, «что ей так легче», призывая «благожелателя» «потерпеть как-нибудь», Александра Яковлевна, умудренная жизненным опытом и длительным чтением воспоминаний, сдается — «Люсенька, я уже привыкла к Вашему жеманству, пишите, пишите, дорогая»²².

Прием «третьего лица-наблюдателя» используется в рукописи Арт. Феличе в записях, относящихся к периоду до 1958 г. В следующей части рукописи, начинающейся с 962-й страницы, датированной 24 августа 1966 г., автор сознательно меняет стиль повествования и переходит на рассказ от первого лица. Здесь, менее подробно, чем в предыдущих главах, описывается работа в театре, военная Москва, глубокие чувства по отношению к первому мужу Константину Дмитриеву и его гибель на московском фронте, мельком упоминается переезд на жительство в Ленинградский Дом ветеранов сцены. Этот переход на «дневниковое письмо» несомненно нарушает художественный стиль всего произведения. Уходит присущая автору яркость речевых характеристик, легкость, юмор и ирония. Текст

²¹ *Феличе Арт.* Клуб тетушки Сидони: Историческая повесть / предисл. М. Громыко. М.: Детгиз, 1963. 273 с.

²² *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора). Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909. Ед. хр. 1–2. Л. 964.

«Актрисы» делится на две различные интонационные части. Причиной этому послужила не длительная приостановка работы над воспоминаниями, а смерть матери — Маргариты Владимировны Ямщиковой, ее самого близкого человека и самого строгого литературного судьи.

Воспоминания Людмилы Андреевны, без сомнения, относятся к монологическим мемуарам, в основе которых лежит судьба главной героини, ее театральная карьера и развитие ее личных отношений с окружающими людьми и миром. Целостность театральных воспоминаний заключена исключительно в строго документированном материале, основанном большей частью на подробных и частых письмах к матери, программах, афишах и газетных вырезках с рецензиями на спектакли, хранящихся ныне в РГАЛИ. Все это позволяет считать воспоминания Арт. Феличе «Актриса» не только прекрасным материалом для изучения истории русского-советского театра, но и интересным чтением для всех, любящих книги о судьбах людей, оставивших след в истории нашего Отечества.

Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриевна умерла 14 ноября 1978 г. и похоронена рядом с матерью на Литераторских мостках Волкова кладбища в Санкт-Петербурге.

***

Актриса (фрагмент)²³

... А ростовский поезд с беженцами с первых же километров начал свои двухнедельные мытарства. Огромный состав в 49 вагонов, с одним пульмановским, медленно полз прямо на север, через отбитый красными войсками Новочеркасск. Никто из пассажиров, вероятно, не знал, каким именно путем беженцы доберутся до Москвы и сколько продлится их путь.

Актриса предполагала, что будет со свои провожатым в дороге всего дня три. Ей казалось это вполне достаточным для обычного суточного перегона. Полтора года назад она проезжала тут с Южиным²⁴ и Левшиной²⁵, после «экзотического» кавказского сезона. Какая разница! Где комфортабельный мягкий вагон той поездки? Где ресторан

---

²³ *Феличе Арт.* Актриса. (Рукопись машинописная с правками автора). Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева. ОФ 34909. Ед. хр. 1–2. Л. 70–77.

²⁴ Южин Александр Иванович (наст. фамилия — князь Сумбатов) (1857–1927) — русский и советский актёр, драматург, театральный деятель. Народный артист Республики (1922).

²⁵ Левшина Анастасия Александровна (1884–1958) — актриса театра и кино.

с красавицей Ждановой²⁶? Где бездумное веселье, беззаботная болтовня, легкомысленное времяпрепровождение?

Вагон — товарный с широкой, как ворота дверью на одной стороне, а на другой наглухо закрытой. Актриса приспособляет себе «квартиру» у закрытой двери. К пропадавшей так долго корзине приставляются чемоданы, и получается недурной «диван». Тут же — картонки со шляпами. Постельные принадлежности заменяет тюфяк. Не особенно красивый мешок с обувью, собранный наспех, несколько портит весь «пейзаж». Актриса полна энергии и надежд. Присутствие провожатого окрыляет ее. Она угощает его запасенными на три дня продуктами. Матери же везет «неприкосновенную» белую муку, немного черной икры и вино — дочерний подарок к счастливой встрече.

Бесконечные степные просторы, полные пыли, тянутся день и ночь. Актриса с интересом наблюдает песчаные смерчи. Коричневый, почти черный столб, как колонна, расширяясь кверху и книзу, соединяется с коричнево-серой тучей и движется, точно сознательное существо. Пассажиры выскакивают из вагонов и, не то для забавы, не то из осторожности стараются, стараются разбить песчаный столб камнями и палками. Наконец, он бессильно рассыпается в прах.

Проходят положенные три дня. Поезд все еще в степи. Где-то впереди или позади станция Лихая — весьма подходящее название! Провиант, кроме «неприкосновенного», съеден. Решено идти в ближние к железнодорожному полотну станицы, чтобы купить что-нибудь съестное. Это было легко сделать, поезд движется по пяти километрам в час, а стоит половину суток, если бы станичники перед самым носом не запирали наглухо своих дверей. Оказывается, они боятся, что у них будут отнимать продукты силком. Показывая выразительно на деньги и всячески убеждая, с трудом удалось, наконец, приобрести петуха. Он казался великолепным, этот тощий петушиный прадедушка — спаситель от уже мучительного чувства голода. Провожатый идет по вагонам раздобыть чугуна, за пользование которым обещается часть куриного бульона. Актриса же забирается на крышу вагона, чтобы не пачкать «квартиры», и начинает чистить добычу. Поезд движется, а она продолжает ошипывать петуха. По ветру, вслед вагону летят перья. При первой же остановке ошипанный петух моется в каком-то водоеме и опускается в чугуна с водою над разложенным примитивным костерчиком. Бульон заки-

²⁶ Жданова Мария Александровна (1890–1944) — русская драматическая актриса.

пает, вкусный запах начинает радовать обоняние, но паровоз издает пронзительный вопль, состав колеблется, сдвигается с места, гремит. Горячий чугун хватается, и провожатый еле успевает вскочить с ним в первый попавшийся вагон. Поезд продвигается еще на пять–шесть верст и снова останавливается. Петух доваривается на новом месте, актриса и е провожатый живут «богато» двое суток.

В вагоне душно — живущих 36 человек, старых, молодых, мужчин, женщин, подростков, детей. «Диван» в глубине у закрытой двери почти не получает притока воздуха. Приходится перелезть через вещи, а ночью и через спящих на полу людей, с риском наступить им на голову, чтобы выйти подышать «ночной прохладой». Спички дефицитны, свечка тем более, обходятся «приглядкой» и «ощупью». Пыль дала себя знать давно: пассажиры цветом кожи стали походить на африканцев. Провожатый не унывает, он заводит знакомство с кочегаром и каждодневно добывает у него горячей воды в эмалированный кувшинчик, удачно нашедшийся в хозяйстве актрисы. Серьезную профилактическую пользу приносит и одеколон. Менее запасливые начинают страдать от обилия в вагоне насекомых.

Обычная картина: поезд стоит, вокруг все еще степь, ни одного деревца, ни одного кустика, только составленные вместе щиты от снежных заносов. Но за ними не спрячешься, к ним даже не подойдешь — это общественные уборные. Бывшая изящная дама, полька, ушла далеко в сторону, уселась на землю и, сняв с себя порвавшуюся и пропылившуюся блузку, деловито вычищает ее от насекомых — разносителей сыпного тифа. Все слегка улыбаются, но сочувствуют ее чистоплотности. Насекомые не любят, очевидно одеколону. Но аромат его не действует на пыль, она садится и садится на одежду, белье, кожу. Приходится подумать о стирке. Первый же ручеек и канава превращается в прачечную. Для ускорения сушки опять разводится костерчик, если над ним с терпением махать мокрой рубашкой, она в конце концов прекрасно высыхает.

Едут дальше. Станция Лиски — сложная паутина подъездных путей. Хочется получше вымыться. Благодетель кочегар как всегда снабжает кувшинчиком горячей воды. Где пристроиться с возможным удобством среди этих сверкающих во всех направлениях рельсов? Порядком подлинявшая за дорогу актриса уходит от поезда в лабиринт каких-то изгородей и хозяйственно располагается: сумочку вешает на заборчик рядом с полотенцем, кувшинчик ставит на землю, мыло — подле. Но, о ужас, издали раздается гудок паровоза. Не вытераясь, она наскоро одевается, хватая полотенце,

кувшинчик, мыло и несется к поезду. Ложная тревога! Гудел чужой поезд и благополучно ушел, счастливцев, вперед. Ростовские беженцы не двигаются. Кто-то приносит важное известие: на вокзале имеются яблоки. Актриса вместе с другими торопится, чтобы застать небывалую роскошь и немного скрасить однообразие дней и стола. Второпях она не думает о своей сумке с деньгами. Ничего, кто-нибудь заплатит, а потом можно будет рассчитаться. Яблоки оказываются уже проданными. Еще бы, на станции скопились не один и не два поезда с голодающими пассажирами. Все возвращаются домой разочарованными. И как раз вовремя, так как поезд переводят с запасного пути на основной, и он, наконец, отправляется. Километров через пять в воображении актрисы возникают изгороди Лисок среди сверкающих на солнце рельсов, и на одной из жердей сиротливо висящая черная сумочка с деньгами, документами и красивым ценным кошельком для мелочи, как памятник чистоплотности в забываемых Лисках. Позже приблизительно такой же случай произошел с другой пассажиркой того же вагона. Она тоже оставила сумку на одной из остановок в лесу. Проехала 11 километров дальше, обнаружила пропажу, мужественно решила вернуться в неведомый лесок и успешно выполнила свой план. Пока она шла по путям 22 километра туда и назад, поезд не тронулся с места. Таковы были темпы этого путешествия.

Актриса и ее провожатый стали замечать, что двое, трое из пассажиров никогда ничего не едят. Это оказалось именно так. У них не было ничего, срочно организовалась помощь для голодающих.

Последующее может быть иллюстрацией к поговорке «нет худа без добра». Поезд полз и полз минуя Воронеж, Грязи... В одно ясное солнечное утро актриса и ее спутник, забравшись на чьи-то тюки, любовались открывшимся в узкое, как щель, окно видом на медленно уплывающие в даль перелески. Вдруг в составе что-то дрогнуло, дернулось, и поезд на минуту остановился. Потом едва заметно начал двигаться в обратном направлении. Любители «пейзажей» высунули головы и увидели, что из передних вагонов пассажиры высыпаются, точно горох на рельсы. Что такое? Неужели, вырвавшись благополучно из-под немцев еще у Дона, беженцы нарвались на них здесь? Почему паровоз дал задний ход? Провожатый высказывает на рельсы, чтобы узнать в чем дело. Актриса продолжает стоять на тюках. Она видит, как люди начинают бросать под колеса вагона песок, камни, палки, доски. Вот, держась за нижний край входа бежит сосед по «квартире» и испуганно кричит:

— Таня! Танечка! Где Танечка?

Он боится за свою четырехлетнюю дочь, которая где-то в полутьме вагона заснула среди вороха вещей и тряпок. Актриса ищет ребенка. А в это время перекошенное испугом лицо ее спутника заглядывает снизу, и он в свою очередь кричит:

— Выскакивайте! Сейчас же выскакивайте! Крушение!

Девочка найдена. Ее приходится почти выбросить отставшему от вагона отцу, он ловит дочь на лету. Поезд уже мчится полным ходом, проводничья не может догнать его. Актриса стоит у двери и не решается выскочить при такой быстроте движения. Страх сломать себе ноги и руки говорит в ней меньше, чем «артистический эстетизм» — безобразно перекувырнуться на глазах у стольких зрителей. Она садится в глубине вагона на свой «диван» и ждет судьбы. Над головой ее проносятся чьи-то тяжелые прыжки. Оказывается один из кондукторов не растерялся, добежал по крышам огромного состава до пульмановского вагона и остановил неминуемое крушение мощным тормозом.

Все кончено, кроме реакции перепуганного проводничья. Он немилосердно ругает безумие доверенной его заботам актрисе. Выяснилось, что слишком тяжелый состав поезда оторвался на подъеме от паровоза с тендером и покатился по скату назад. Выяснилось и еще: во время толчка пострадал вагон с постным маслом — бочки дали течь. И скоро можно было наблюдать, как люди садились у этого вагона, прежде наставив под него пустых банок из-под консервов, и терпеливо ждали, пока капля за каплей не накопится у них сочащееся сквозь щели масло. Актриса и ее спутник недолго посмеивались над закапанными спинами беженцев. Скоро они обратились к некой старушке, у которой плечи давно уже темнели от жирных пятен и пообещали ей блинов, если она внесет свой пай, в виде постного масла. Старушка с восторгом приняла предложение, а спутник пошел по вагонам в поисках сковороды. Итак, неприкосновенный мучной фонд был тронут. Но зато как радовалась старушка, как радовались еще кое-кто из голодающих этой неожиданной масленице. Несколько раз поезд проверяли по нормам провоза продовольствия. Актриса трепетно оберегала остатки своих подарков матери. Когда какой-то военный подозрительно покосился на ее тюк с торчащими под мешковиной каблуками, она стала грудью на его защиту.

— Что это такое? — грозно спросили ее.

— Каблуки.

— Что?!

— Каблуки от театральных туфель. Я актриса.

Это звание было магическим. Вещи оставляли в полном покое.

Но скоро веселье поубавилось. В вагоне появились сыпно-тифозные больные. Впрочем, никто не знал, что они тифозные, медицинской помощи не было. Так предполагалось, особенно, когда в очень короткий срок один из больных тут же на полу, среди всех, не проснулся. Перед тем как оставить мертвеца на первой станции, его вещи распродали соседям, а собранные деньги передали начальнику станции на похороны или наследникам. Каким наследникам никто, конечно, не знал, и меньше всех начальник станции. За первым мертвецом последовал второй. Его шапка, пальто, пиджак, обувь тоже пошли с «аукциона». Кто они были эти неведомые беженцы, так и не доехавшие до столицы?

Холод смерти точно увеличил холод последней недели Великого поста, до которого докатилось путешествие. В солнечные дни хотелось уйти из мрака вагона куда-нибудь на свет и воздух. Таким «балконом» залитым весенними лучами солнца, уже золотыми, но еще мало греющими, была крыша. Провожатый возмущался, сердился, упрекал за легкомысленное отношение к столь опасным удовольствиям, но его не слушали. Иной раз даже назло ему рзвились, пробегая во время хода поезда с крыши одного вагона на крышу другого. Состав плелся так медленно, расстояния между товарными вагонами были так невелики, бояться, право, не стоило. Часто можно было наблюдать своеобразные сцены. Вот поезд, по обыкновению, стоит, ветер от этого будто улегся на покой. На крыше можно и полежать, и почитать, и поработать, и даже разложить псыанс. А карты внизу, внутри вагона. Чего проще попросить их наверх через отверстие в потолке. Полная иллюзия крымской сакли с плоской крышей и четырехугольным отверстием для дыма. Этим и пользовались, чтобы немножко согреться по вечерам и холодным утреникам. Под отверстием на железном листе раскладывали небольшой костер и грелись около него, пока дым, плохо уходящий наверх, не заставлял кашлять и тереть слезившиеся глаза. Глаза в таких случаях особенно донимали актрису, она совершенно не выдерживала действия дыма.

Но холод говорил и о другом, — о приближении к цели путешествия. К Москве ростовские беженцы подъехали в самую пасхальную ночь. У всех от волнения не попадал зуб на зуб. Поезд остановили в трех километрах от города. Только глухой мог бы сомневаться в этом. Издали, сквозь ледяную, казалось, темноту немолчно звонили колокола²⁷. Это была она — древняя Новая столица. Там родня,

²⁷ На Пасху 1918 г. в Москве звонили последний раз, а после языки колоколов в Кремле сковали цепями, многие просто уничтожили. — Т. С.

там тепло и уют, там чисто и празднично. А поезд стоит и стоит. Взять бы вещи, или бросить их на произвол судьбы, и пешком дойти до этого звона, до этих радостных москвичей, через мрак и холод незнакомой дороги. Но благоразумие заставляет терпеливо ждать утра. Костер посреди вагона каждые полчаса то зажигают, то гасят. Спичек не жалко, ничего теперь не жалко, лишь бы скоротать время и хоть немного согреть заледеневшее тело. Все молчат, погруженные каждый в свои мысли, надежды, ощущения...

Литература

1. История рода Толстых — история России. Каталог выставки / сост. Л.Г. Агамалян. Тула: Ясная Поляна, 2008. 516 с.
2. *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 765 с.
3. *Дмитриева Е.Е.* Те, что стоят в литургии рядом. Книга Ал. Алтаева «Гдовщина» // Новый мир. 2021 № 2. С. 149–160.
4. *Литвинов В.М.* Ал. Алтаев: Очерк жизни и творчества Ал. Алтаева (М.В. Ямшиковой). 2-е изд., доп. М.: Детская литература, 1973. 158 с.
5. *Степанова Т.Н.* Актриса, дочь и соавтор Ал. Алтаева // Труды Псковского музея-заповедника. Псков: [Б. и.], 1994. Вып. 1. С. 31–39.
6. *Степанова Т.Н.* Алтаева Ал. (М.В. Ямшиковой) литературно-мемориальный дом-музей // Литературные музеи России. Энциклопедия. М.: ГМИРЛИ им. В.И. Даля, 2022. С. 43–44.
7. *Степанова Т.Н.* Гориневская Ольга Константиновна // Литературные музеи России. Энциклопедия. М.: ГМИРЛИ им. В.И. Даля, 2022. С. 259–260.
8. [Степанова Т.Н.] Из истории дома в Логу: Сборник материалов к 50-летию литературно-мемориального музея Ал. Алтаева. СПб.: РХГА, 2017. 143 с.
9. *Степанова Т.Н.* Лог. Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева // Эрмитаж. 2015. Вып. 21. С. 200–205.
10. *Степанова Т.Н.* Основная героиня // Мономах. 2016. № 3. С. 51–54.
11. *Степанова Т.Н.* Ульяновск. Сезон 1926–1927 // Симбирск. 2016. № 6. С. 21–36.
12. *Толстой И.Н.* Алтаев Ал. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 50–51.

Research Article and Publication of Archival Documents

Art. Felice. Memories of the Actress (Lyudmila Andreevna Yamshchikova-Dmitrieva: On the 130th Anniversary)

Introductory article, text preparation and notes by Tatyana N. Stepanova

© 2024. Tatyana N. Stepanova

Literary Memorial Museum of Al. Altaev,

Lositsy village, Plyussky district, Pskov region, Russia

Abstract: We dedicate the publication of a fragment of the fictionalized autobiography of Lyudmila Andreevna Yamshchikova-Dmitrieva (1893–1978), “Aktrisa” (“The Actress”), to her memory and her 130th anniversary. Another forgotten name that did not continue the ancestral branch of its famous ancestors Rokotov and Tolstoy. She left no descendants, was a dramatic actress and writer, made a certain contribution to Russian historical prose for young people in the first half of the 20th century and memorably served the theater, playing the main roles in plays of classical and modern repertoire. According to the memoirs of the playwright V.S. Rozov, who personally knew Lyudmila Andreevna and her mother, Margarita Vladimirovna Yamshchikova (1872–1959), known in literature under the pseudonym Al. Altaev, Lyudmila shone on the provincial stage for about thirty years, quietly, imperceptibly died within the walls of the Leningrad House of Veterans of the Scene, named after her unforgettable teacher M.G. Savina. In literature, Lyudmila Andreevna performed under the pseudonym Art. Felice: that was the name of the “Ovod” (“Gadfly”) in the novel of the same name by E. Voynich, wrote books from the history of England, Italy, and the Netherlands, small biographies for children about great scientists, inventors, was a co-author of her mother in several works. The manuscript “Aktrisa” (“The Actress”), a fragment of which is offered to readers, has two copies. They are kept in the Altaev Memorial Fund (Coll. 1370) and in the fund of the Altaev Literary Memorial Museum, which is located in the village of Lositsy in the Plyussky district of the Pskov region, in the former Log estate. Lyudmila Yamshchikova herself did not intend for the manuscript “The Actress” to be published, but for those who are engaged in the history of the Russian provincial theater, this material will be very useful both in historical and research terms.

Keywords: Lyudmila Yamshchikova, Al. Altaev, Al. Altaev Museum, Log Manor, Art. Felice, V.D. Rokotov, A.N. Tolstaya.

Information about the author: Tatyana N. Stepanova — Head of the Literary and Memorial Museum of Al. Altaev, a branch of the State Military Historical Museum-Reserve, Lositsy village, Plyussky district, Pskov region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-1522-989X>

E-mail: stnlog@yandex.ru

For citation: “Art. Felice. Memories of the Actress (Lyudmila Andreevna Yamshchikova-Dmitrieva: On the 130th Anniversary),” introd. article, text prep. and notes by T.N. Stepanova. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 32–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-32-51>

References

1. *Istoriia roda Tolstykh — istoriia Rossii. Katalog vystavki [The History of the Tolstoy Family as the History of Russia. Exhibition Catalog]*, comp. by L.G. Agamalian. Tula, Iasnaia Poliana Publ., 2008. 516 p. (In Russ.)
2. Dmitrieva, E.E. *Literaturnye zamki Evropy i russkii "usadebnyi tekst" na izlome vekov: (1880–1930-e gody) [Literary Castles of Europe and the Russian "Manor Text" at the Turn of the Century: (1880s–1930s)]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 765 p. (In Russ.)
3. Dmitrieva, E.E. "Te, chto stoiat v liturgii riadom. Kniga Al. Altaeva 'Gdovshchina'." ["Those Who Stand Next to Each Other in the Liturgy. 'Gdovshchina' by Al. Altaev"]. *Novyi mir*, no. 2, 2021, pp. 149–160. (In Russ.)
4. Litvinov, V.M. *Al. Altaev: Ocherk zhizni i tvorchestva Al. Altaeva (M.V. Yamshchikovi) [Al. Altaev: An Essay on the Life and Work of Al. Altaev (M.V. Yamshchikovi)]*. 2nd ed., add. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1973. 158 p. (In Russ.)
5. Stepanova, T.N. "Aktrisa, doch' i soavtor Al. Altaeva" ["Actress, Daughter and Co-Author of Al. Altaev"]. *Trudy Pskovskogo muzeia-zapovednika [Proceedings of the Pskov Museum-Reserve]*, issue 1. Pskov, [S. n.], 1994, pp. 31–39. (In Russ.)
6. Stepanova, T.N. "Altaeva Al. (M.V. Yamshchikovi) literaturno-memorial'nyi dom-muzei" ["Altaev Al. (M.V. Yamshchikovi) Literary and Memorial House-Museum"]. *Literaturnye muzei Rossii. Entsiklopediia [Literary Museums of Russia. Encyclopedia]*. Moscow, State Literary Museum Publ., 2022, pp. 43–44. (In Russ.)
7. Stepanova, T.N. "Gorinevskaia Ol'ga Konstantinovna" ["Gorinevskaia Olga Konstantinovna"]. *Literaturnye muzei Rossii. Entsiklopediia [Literary Museums of Russia. Encyclopedia]*. Moscow, State Literary Museum Publ., 2022, pp. 259–260. (In Russ.)
8. [Stepanova, T.N.] *Iz istorii doma v Logu: Sbornik materialov k 50-letiiu literaturno-memorial'nogo muzeia Al. Altaeva [From the History of the House in the Log: A Collection of Materials for the 50th Anniversary of Al. Altaev Literary Memorial Museum]*. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 143 p. (In Russ.)
9. Stepanova, T.N. "Log. Literaturno-memorial'nyi muzei Al. Altaeva" ["Log. Al. Altaev Literary Memorial Museum"]. *Ermitazh*, no. 21, 2015, pp. 200–205. (In Russ.)
10. Stepanova, T.N. "Osnovnaia geroinia" ["The Main Character"]. *Monomakh*, no. 3, 2016, pp. 51–54. (In Russ.)
11. Stepanova, T.N. "Ul'ianovsk. Sezon 1926–1927" ["Ulyanovsk. The 1926–1927 Season"]. *Sibirsk*, no. 6, 2016, pp. 21–36. (In Russ.)
12. Tolstoi, I.N. "Altaev Al." ["Altaev Al."]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]*. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1989, pp. 50–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.10.2023
 Одобрена после рецензирования: 18.01.2024
 Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 14.10.2023
 Approved after reviewing: 18.01.2024
 Date of publication: 25.03.2024

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-52-94>
<https://elibrary.ru/YXRRAVK>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1814)

*Вступительная статья и примечания С.В. Березкиной,
подготовка текста С.В. Березкиной и Н.Л. Дмитриевой*

© 2024, С.В. Березкина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

© 2024, Н.Л. Дмитриева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые полностью публикуются письма А.А. Плещеева, композитора, поэта, драматурга, члена общества «Арзамас», к В.А. Жуковскому за 1809–1814 гг. В этот период Плещеев был одним из самых близких друзей поэта, осведомленным во всех его личных и творческих делах. Отсутствие к нему писем Жуковского, утраченных при позднейшем пожаре усадебного дома в имении Большая Чернь, делают письма Плещеева ценнейшим источником научной биографии поэта раннего периода (до его отъезда из родных краев). В 1809–1814 гг. Жуковский много времени проводил в разъездах, покидая и возвращаясь в Муратово, куда его влекла любовь к М.А. Протасовой. Александр Алексеевич и его жена Анна Ивановна представлены на страницах статьи как самые деятельные участники в обустройстве желанного брака Василия Андреевича, так и не увенчавшегося успехом. Стоит особо отметить, что письма Плещеева помогают решить сложнейшие для публикаторов эпистолярия Жуковского вопросы, связанные с передвижениями и взаимоотношениями поэта в кругу его родственников и друзей. В плещеевских текстах обнаруживаются опорные даты для определения времени создания «домашних» юмористических стихотворений Жуковского, которые имеют в изданиях условную датировку. Письма, содержавшие сообщения и приписки В.И. Губарева, Ш. Моро де ла Мелтиер, О.П. Букильона и др., дают объемное представление о жизни гостеприимного дома Плещеевых.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, биография, стихотворения 1809–1814 гг., А.А. Плещеев, биография, музыкальные сочинения, эпистолярный, история русской литературы (первая треть XIX в.).

Информация об авторах: Светлана Вениаминовна Березкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-6834>

E-mail: s.berezkina@mail.ru

Нина Львовна Дмитриева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-3721>

E-mail: ninalvovna@mail.ru

Для цитирования: «Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1814) / подгот. текста С.В. Березкиной и Н.Л. Дмитриевой, вступ. ст. и коммент. С.В. Березкиной // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 52–94. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-52-94>

Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), композитор, виолончелист, поэт и драматург, член общества «Арзамас»¹, был связан дружескими и родственными связями с большим кругом русских литераторов конца XVIII – начала XIX в. Первой жене Н.М. Карамзина, Е.И. Протасовой, он приходился родным племянником, В.А. Жуковскому (1783–1852) — свойственником через своих двоюродных сестер М.А. и А.А. Протасовых (мать Плещеева была родной сестрой их отца).

Плещеев с семьей обосновался в Орловской губернии, по-видимому, в конце 1806 г., когда была отстроена — поблизости от его старой усадьбы Знаменское — прекрасная новая усадьба, получившая название Большая Чернь. Строилась она на деньги от богатого приданого его жены Анны Ивановны Плещеевой (1776–1817), урожденной графини Чернышевой. В 1798 г., когда Плещеев, с его весьма скромным достатком, женился на ней, огромное состояние ее покойного отца графа И.Г. Чернышева находилось под сенатской опекой, поэтому приданое из него могло быть выделено только по распоряжению Павла I. Император, помнивший о графе Чернышеве по добрым отношениям с ним, распорядился судьбой его дочери

¹ См. о нем в: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 303; *Ямпольский И.М.* Плещеев Александр Алексеевич // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 4. С. 307; а также: [4].

по-отечески, выбрав для нее мужа из своих приближенных², поскольку брак должен был «прикрыть грех», т. е. ее беременность.

Жизнь А.А. и А.И. Плещеевых в Черни была пышной, многолюдной и праздничной. Плещеев владел хорошим крепостным оркестром, и музыка была украшением всех чернских праздников. Вслед за приездом Плещеевых в переписке Жуковского появляются упоминания о маскарадах (первое празднество такого рода, по-особому любимого Плещеевым, состоялось в Черни в мае 1807 г.) и, как ни странно, дуэлях: «Анна Ивановна велела тебе сказать, — писала Е.А. Протасова Жуковскому в Москву в июне 1807 г., — что она в отчаянии ото всех дуэлей, и просит тебя крепиться и не вступать ни в какие ссоры за нее»³.

В Черни не только хозяин, но и хозяйка были с поэтом на «ты» (об этом можно судить по редким *русским* вкраплениям во *французских* письмах Анны Ивановны). Обожали Жуковского и дети, которых было шестеро (см. <8>, примеч. 2). Склонность Плещеева к буффонаде, различным шутивным представлениям и просто веселью, создававшим особую домашнюю атмосферу, пришлось «любезному брату и другу» по душе и дали толчок развитию «галиматьи», буквально расцветшей в его творчестве, что важно, на чернской почве⁴.

Отношения Жуковского с Плещеевыми отличались особой доверительностью, поэтому он был посвящен во многие тайны этой семьи. Именно Жуковского Плещеев просил остановить в Москве разговоры П.А. Вяземского о его романе с Ниной (так ее называли в близком кругу): «Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, — писал Жуковский Вяземскому в первой половине октября 1811 г., — не должна разрушать семейственного счастья» [5, т. 15, с. 134]. 6 ноября он еще раз написал ему о том же:

...жена его (А.А. Плещеева. — С.Б.) милая женщина, которая всегда выигрывает в коротком знакомстве. Узнав ее короче, я натурально не мог не надивиться *тому, что случилось*, и не найти его совершенно несходным с тем, что вижу, — надобно было все оправдать минутным заблуждением ума, помраченного слишком горячим

---

² См. «историческую повесть из времени императора Павла I» В.В. Крестовского «Деды» (1875), где Плещеев изображен среди приближенных гатчинского двора: Русская историческая повесть: в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. Ю.А. Беляева. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 23–260.

³ ОР РГБ. Ф. 104. Карг. 8. № 16. Л. 13.

⁴ О развитии юмористической стихии в поэзии и прозе Жуковского см.: [5, т. 1, с. 411, 418, 560–564, 611–612, 667–674, 678–679 и др.; т. 11 (1), с. 621–645].

темпераментом. Человек, не со всех сторон правый, может еще со многих сторон заслуживать и любовь, и уважение [5, т. 15, с. 138].

Жуковский просил Вяземского уничтожить письма Анны Ивановны, и, вероятно, тот исполнил его просьбу.

С именем Плещеева и его жены связано около двух десятков стихотворений Жуковского 1811–1814 гг. Поскольку позднее все письма поэта к нему погибли во время пожара усадебного дома в Черни, особую важность приобретают сохранившиеся письма Александра Алексеевича, в которых обнаруживаются ценнейшие сведения о жизни и творчестве Жуковского.

Поэт в то время жил рядом с протасовским имением Муратово, к обитателям которого он был привязан любовью к дочери Екатерины Афанасьевны — Маше (1793–1823), его родной племяннице. Постоянно приезжал в Муратово и Плещеев со своей женой. Именно они стали самыми деятельными помощниками Жуковского в обустройстве брака, о котором он мечтал.

Поэт впервые посватался к М.А. Протасовой в 1807 г., когда ей было четырнадцать лет. Ее мать ответила ему отказом, напомнив, что у нее с ним общий отец — А.И. Бунин (Жуковский был его побочным сыном). И тогда Жуковский попросил Е.А. Протасову оставить втайне его предложение, поскольку опасался реакции М.Г. Буниной, женщины властной и авторитетной в своем семействе, которая стала для него после смерти мужа в 1791 г. настоящей благодетельницей⁵. Искания руки М.А. Протасовой возобновились в 1811 г., когда в течение одного месяца скончались М.Г. Бунина, а затем и обожавшая ее Е.Д. Турчанинова, мать Жуковского.

Е.А. Протасова, скрывшая от всех первое сватовство своего брата и удовлетворившаяся его обещанием вернуться к сугубо родственным отношениям в лоне ее семьи, утверждала в письме 1815 г., что глаза Маше на истинный характер любви Жуковского к ней открыла А.И. Плещеева в 1811 г.⁶ Конечно же, эти разговоры сопровождались убеждениями в возможности такого брака, хотя в действительности это было невозможно, поскольку в Российской империи признавался лишь церковный брак, в отличие от России послереволюционной, где был снят запрет на браки, затрагивавшие боковые родственные линии.

⁵ См. подробнее в: *Березкина С.В., Киселев В.С.* Письма Е.А. Протасовой 1807 года о сватовстве В.А. Жуковского. (В печати, 2024).

⁶ Уткинский сборник I. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / ред. А.Е. Грузинского. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. С. 295.

Бывшая фрейлина, обладавшая большим опытом придворных и любовных интриг, А.И. Плещеева, надо полагать, искусно действовала в интересах Жуковского, преследуя, однако, свои цели, ведь присутствие талантливого поэта — а он после предполагаемой женитьбы на Маше должен был поселиться в деревне неподалеку от Черни — придавало ее дому особый блеск. Отъезд из Муратова в Дерпт Е.А. Протасовой с семейством, а вслед за ними в начале 1815 г. и самого Жуковского, был очень болезненно воспринят супружеской четой Плещеевых.

Занятия Плещеева-композитора, вращавшиеся с 1790-х гг. вокруг комедийных опер и водевилей, стали более возвышенными после сближения с Василием Андреевичем. Он начал писать музыку к его романсам, балладам, стихотворениям⁷. В провинции музыка Плещеева пользовалась неизменным успехом⁸, чего нельзя сказать о времени после его переезда в Петербург. Сообщения о восторгах по поводу музыкальных сочинений Александра Алексеича встречаются только в его переписке. Трижды были поставлены на петербургской сцене спектакли с плещеевской музыкой — пресса о них молчала или же отзывалась негативно⁹. В 1832 г. вышли «Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для голоса и ф.-п. А.А. Плещеевым», две части которых характеризовались рецензентом в следующих выражениях: «...столько смешных музыкальных фигур, что можно счесть за пародию»; «...разногласие музыкальной мысли или, лучше, выражения со смыслом слов!»¹⁰; «...беспрестанные перемены тонов и темпов, смешна звукоподражательная музыка!»¹¹

⁷ См. список произведений Плещеева (романсов, баллад и театральной музыки) в: [4, с. 71–72]; отметим, что настоящий список изобилует ошибками в датировке литературных сочинений Жуковского.

⁸ См., например, сообщение об исполнении оперы Плещеева «Тюремкин» (1816), доставившей «приятное удовольствие для публики»: *О<рля>->О<шменец> Ф.Ф.* Разные увеселения // Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал. 1816. № 5. С. 91.

⁹ Так, о плещеевских «Нечаянных женихах» в Александринском театре писали: «Музыка монотонная, с большими претензиями и вовсе не водевильная» (*П. М. [Юркевич П.И.] Александринский театр... Нечаянные женихи, комедия-водевиль в одном действии, соч. Н.Н. Гордеева, музыка А.А. Плещеева // Северная пчела. 1837. № 105. 13 мая. С. 417*). Об откликах на ряд музыкальных сочинений Плещеева см. в: Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т.Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1963. Вып. II. С. 123.

¹⁰ *Н.Н. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А.А. Плещеевым: (Часть I) // Молва. 1832. № 25. 25 марг. С. 97.*

¹¹ *Н.Н. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А.А. Плещеевым: (Часть II) // Молва. 1832. № 41. 20 мая. С. 163.*

Особо следует сказать о постановке в Петербурге в 1819 г. (через два года после смерти Анны Ивановны) комической оперы Плещеева «Принужденная женитьба», представленной как дивертисмент в бенефис Е.С. Семеновой после спектакля «Медея» с ее участием. Жуковский знал о создании этого произведения, о чем свидетельствует письмо Плещеева к нему от конца мая 1812 г. с упоминанием оперы и намеками на отражение в ней его судьбы. Постановка «Принужденной женитьбы» была со стороны Плещеева шагом вызывающим, поскольку напоминала о памятном в Петербурге эпизоде из жизни графини Чернышевой.

Опера создавалась на тему комедии Ж.-Б. Мольера «Брак по неволе» (см. <5>, примеч. 2). Ее героиня, состряпавшая для себя «принужденную женитьбу», была завзятой кокеткой, окруженной многочисленными поклонниками и стремившейся к беспрепятственному продолжению своей веселой жизни после замужества. Известие о постановке оперы едва ли могло понравиться графу Г.И. Чернышеву (1762–1831), который был поручителем на венчании своей сестры с Плещеевым [2, с. 148]. Он жил с семейством в имении Тагино в нескольких верстах от Орла, в Орле же имел дом, где Плещеевы, приезжая туда, останавливались. В письмах Александра Алексеевича к Жуковскому содержатся упоминания о его контактах с семейством Григория Ивановича, однако после смерти жены они исчезают. Добавим, что Чернышевы поддерживали А.И. Плещееву, пока она была жива, но граф М.Д. Бутурлин в воспоминаниях о них очень сухо охарактеризовал ее мужа, подчеркнув, что его дочери не составили себе хорошей партии [6, с. 43–44].

С кончиной Анны Ивановны жизнь Плещеева пошла под уклон. Его разорение также было следствием его вдовства, поскольку хозяйка Черни крепко держала в своих руках дела по управлению имением. В итоге выгодополучателем стал управляющий О.П. Букильон, в недавнем прошлом смешной длинноногий персонаж стихотворений Жуковского и Плещеева. За сыновьями осталась принадлежавшая их матери Чернь, за Плещеевым — старое Знаменское, освященное памятью о приездах в него Н.М. Карамзина, тамбовское же имение отошло к Букильону с племянником. Чернь к тому времени была уже иной: пожар уничтожил усадебный дом, в котором стorer весь архив Плещеева, в том числе его нотные рукописи.

Служба Плещеева в Петербурге не задалась. В 1819–1820 гг. он служил в дирекции Императорских театров, в 1821 г. стал тещем вдовствующей императрицы Марии Федоровны, но вскоре был вынужден оставить место из-за скандала, связанного с некой любов-

ной историей. «Стыдно, грустно, скучно! Боюсь с ума сойти, тогда и поделом из Павловска прогонят <...> Неужели императрица будет неумолима?»¹² — вопрошал Плещеев в недатированном письме к Жуковскому, побуждая его вместе с Карамзиным похлопотать за него, поскольку ему угрожала высылка из Петербурга. После этого камергер Плещеев получил место чиновника по особым поручениям при Министре внутренних дел¹³, где служил в 1822–1828 гг. С 1829 г. его имя исчезло и из списка камергеров, и из штата МВД. А.Н. Глумов приводил ошибочные сведения о якобы успешной службе Плещеева сначала в таможенном ведомстве, а затем в Экспедиции депозитной кассы [4, с. 55, 57], перепутав отца (Александра Алексеевича) с сыном (Александром Александровичем), служившим с 1828 г. в Министерстве финансов¹⁴. С 1829 г. Плещеев постоянно отправлял Жуковскому письма с просьбами о протекции по устройству на службу. Помогал ему поэт и материально, однако в 1831 г. Александр Алексеевич от такой помощи отказался: «Твоих пособий собственных, мой друг и брат, я более принимать не могу; ты и сам не богат и имеешь семейство в детях покойной сестры Александры Андреевны (Воейковой, урожденной Протасовой. — С.Б.)»¹⁵.

В 1832 г. Плещееву удалось получить место, по-видимому, вне штата (в адрес-календарях оно не отражено), что к 1840 г. перестало его удовлетворять. Затем последовали новые обращения к Жуковскому о протекции то к управляющему Морским министерством, то к министру финансов¹⁶. В этих письмах Плещеев называл его благодетелем, умоляя «сказать слово за того, которого ты видел прежде в селе Черни, дающего <так!> праздники... а теперь в шестьдесят лет и более видишь его лишенного почти самого нужного для существования»¹⁷. Последние годы Плещеев провел в старом Знаменском со второй женой-полькой, с которой судьба свела его, вероятно, еще в 1820-х гг.

¹² РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 38–38 об.

¹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1828. Ч. 1. С. 425.

¹⁴ Верные сведения см. в: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 333.

¹⁵ РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 44 об.

¹⁶ Письмо Жуковского к светлейшему князю А.С. Меншикову от 16 февраля 1840 г. с ходатайством о Плещееве (РО ИРЛИ РАН. № 3869. Л. 3); письмо Плещеева к Жуковскому от 26 марта 1841 г. (РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 48).

¹⁷ РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 48 об.

Александрю Алексеевичу и его семейству была посвящена историческая трилогия советского музыковеда и писателя А.Н. Глумова «Юные вольнодумцы» (1959), «На рубеже века» (1965) и «Судьба Плещеевых» (1973). В этих романах были использованы в цитатах и пересказе неопубликованные письма Плещеева к Жуковскому, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, о чем Александр Николаевич упомянул в своих мемуарах, описывая работу над трилогией¹⁸. Цитаты сопровождались ошибками как в датировках, так и в атрибуциях приписок, делавшихся в письмах Плещеева его домочадцами и друзьями. Использование писем было выборочным, поскольку определялось той тенденцией, которую придал своему повествованию автор, изобразив Плещеева как тайного вольнодумца, а его жену — как жертву царственного насильника¹⁹.

***

Письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому за 1809–1814 гг. печатаются впервые полностью по рукописным автографам: РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 1–14 об., 16–17 об., 19–20, 50–53 об., 55–59, 61–62 об., 64–67 об., 71–71 об. Фрагменты из писем за 1812 г. (от 27 июля, 5 ноября, 1 декабря, 7 декабря), 1813 г. (от 16 июня, конца июня, 14 декабря) и 1814 г. (20 апреля, конец декабря) были использованы в работах А.Н. Глумова [3, с. 101–104; 4, с. 35–36, 38–39, 41–42].

Тексты писем печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением просторечных написаний как проявления характерных особенностей стиля. Перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на французском языке, перевод дается в основном тексте. Раскрытые сокращения слов заключены в угловые скобки. Знак вопроса в угловых скобках ставится в случаях сомнительного прочтения. Для указания мест в рукописи, которые не поддаются чтению, применяется ремарка <нрзб>.

¹⁸ Глумов А.Н. Нестертые строки. М.: ВТО, 1977. С. 390.

¹⁹ См.: Березкина С.В. Советский исторический роман в зеркале исторического источника («Судьба Плещеевых» А.Н. Глумова и письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому). (В печати, 2024).

<1>

*А.А. Плещеев**16 ноября 1809 г. Чернь*

Schern. Le 16 Novembre 1809.

Mon très aimable Monsieur!

Si vous aviez un goût décidé pour la coquetterie, je ne me plaindrais pas de la courte apparition que vous avez faite dans nos contrées, je me plaindrais moi-même de vous avoir connu et je me dirais: cet homme si aimable d'ailleurs a la manie de tous les grands souverains; il pense avec délices aux regrets que son éloignement doit causer; et ce qui est un crime chez un souverain, est au moins un défaut chez un particulier... etc. etc. Enfin j'aurais eu de quoi me consoler, si toutefois c'est une consolation que de trouver des défauts à ceux qu'on regrette. Cette consolation à votre égard m'est interdite; ce n'est pas que je prétende vous insinuer que vous soyez sans défauts, mais par malheur, le seul de vos défauts qui soit venu à ma connaissance est justement celui qui doit augmenter mes regrets: c'est que je soupçonne qu'une absence chez vous amène bien des changements à l'égard de ceux qui n'ont pas eu le temps de vous inspirer une véritable amitié; et que vous êtes presque obligé en les revoyant de renouveler connaissance. — J'ai réfléchi longtemps au moyen d'éviter cet inconvénient, et j'ai vu qu'un commerce de lettres était au moins un palliatif; mais j'ai trouvé un autre remède plus efficace et que je crois d'un succès infaillible; et le voilà: — On s'attache naturellement à ceux qu'on a obligés; la reconnaissance que nous inspirons fait naître en nous un intérêt bien vif pour l'objet de nos bienfaits; — ...Vous devez déjà deviner que je vais vous demander un service essentiel.

Vous qui êtes connu dans le monde savant de Moscou, ne pourriez vous pas me déterrer un maître russe qui sait bien sa langue et un peu des mathématiques; (je dis un peu; mais s'il les sait beaucoup, je ne m'en fâcherai pas) et qui consentit à venir chez nous à la campagne; pour ce qui est des conditions, nous n'aurons pas de dispute; pourvu que ce soit un homme de mérite; et recommandé par vous il ne peut être autre chose.

A présent je vous prierai de me rendre réponse au plus tôt, pour que je sache au moins, si mon remède a fait effet. — En attendant permettez moi de vous embrasser et de me dire pour la vie

Votre tout dévoué

Alexandre de Plecheyeff.

Toutes nos dames vous prient de ne pas les oublier; ou pour parler plus communément; elles se recommandent à votre souvenir.

<Перевод:>

Чернь. 16 ноября 1809¹.

Милостивый государь!

Если бы вы были решительно склонны к кокетству, я бы не стал жаловаться на краткость вашего появления в наших краях, я пожалел бы себя самого за то, что познакомился с вами, и сказал бы себе: этот человек, хотя и весьма любезный, имеет пристрастие, свойственное всякому высокому лицу, с наслаждением думать о вызванных его отъездом сожалениях; и то, что для высокого лица является злодеянием, для частного лица, по крайней мере, — промах... .. и т. д., и т. д. В конце концов я бы нашел, чем утешиться, если можно найти утешение в недостатках тех, о чьем отсутствии сожалеешь; но в том, что касается вас, этого утешения у меня нет; дело не в том, что я намерен намекнуть вам, будто вы лишены недостатков, но, к несчастью, единственный ваш недостаток, который пришел мне на ум, как раз тот, который должен усилить мои сожаления: подозреваю, что, будучи далеко, вы можете изменить свое отношение к тем, кто не успел внушить вам подлинную дружбу; а посему вам придется при новой встрече возобновить знакомство. — Я долго думал о том, как избежать сего нежелательного последствия, и решил, что обмен письмами будет хотя бы полумерой; однако я нашел другое, более действенное средство, которое, надеюсь, будет иметь верный успех; вот оно: — Естественным путем привязываешься к тем, кого вынужден быть вам признательным; благодарность, которую мы внушаем, пробуждает в нас живой интерес к объекту наших благодеяний; — ...Вы, должно быть, уже догадались, что я намереваюсь просить вас о важной услуге.

Поскольку вы известны в московском просвещенном кругу, не могли бы вы найти для меня русского учителя, хорошо знающего родной язык и немного математику²; (говорю — немного; но если он ее знает хорошо, я не стану на это досадовать) и который согласился бы приехать к нам в деревню; в том же, что касается условий, никаких разногласий не будет; лишь бы это был достойный человек; а если он будет рекомендован вами, он и не может быть иным.

А теперь я прошу вас ответить как можно скорей, дабы я, по крайней мере, знал, оказалось ли мое средство действенным. — Тем временем позвольте обнять вас и сказать, что я на всю жизнь

Ваш совершенно преданный

Александр Плещеев.

Все наши дамы³ просят не забывать их; или, как обыкновенно говорится, они вам кланяются.

¹ Адрес на письме: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому. В Москве. В Университетском пансионе на Тверской у г-на Антонского». Письмо дает основание для определения времени отъезда Жуковского из родных краев в Москву в 1809 г. — осенью, по-видимому, в конце октября. К этому же периоду относится первое посещение поэтом имения Чернь. Дружеское сближение между Жуковским и Плещеевым началось лишь во второй половине 1811 г., о чем свидетельствует октябрьское письмо Жуковского к П.А. Вяземскому: «Я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев<ыми> коротко и дружески — теперь этому верю, и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними так, как со многими другими» [5, т. 15, с. 134].

² В показаниях А.А. Плещеева 1-го Следственной комиссии говорилось, что в доме родителей он изучал «некоторые языки, географию, историю и математику» (Восстание декабристов: документы / подгот. К.Г. Ляшенко, С.А. Селиванова. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 59). Поэтому можно предположить, что Жуковский исполнил просьбу владельца Черни.

³ Имеются в виду А.И. Плещеева и, возможно, кто-то из незамужних тетюшек ее мужа (Е.И. и М.И. Протасовы).

А.А. Плещеев

17 февраля 1812 г. Чернь

Вот, любезный друг, сейчас я получил кучу зазывных билетов от толстых для доставления разным знатным особам¹; но так как я ничьим почтмейстером быть не хочу, то прочие все билеты отослал к ним назад, а твой, как принадлежащий другу милому, взялся доставить и доставляю.

Завтра и в понедельник к вам туда, думаю, дней на шесть и более, только не долее воскресенья.

Прости, любезный, обнимаю тебя крепко-накрепко — верь моей дружбе, привязанности и даже *всякого рода честности*.

Твой верный

Александр Плещеев.

Чернь.

Сего февраля 17-го² 1812.

Целуй много ручек за меня.

¹ По-видимому, речь идет об Илье Андреевиче (1757-1820) и Пелагии Николаевне (урожд. кж. Горчаковой; 1762-1838) Толстых, деде и бабке Льва Толстого, живших в имении Поляны Белевского уезда Тульской губ. «Куча зазывных билетов <...> для доставления разным знатным особам», о которых пишет Плещеев, свидетельствует о том широком образе жизни, который вели Толстые в своем имении. См. следующее письмо (<3>), где говорится об единственном их сыне, отце Льва Толстого.

² В дате «февраля 17-го» цифра «1» смазана или же жирно обведена, что придает ей вид кляксы. То, что это именно «17-е», подтверждает сообщение о намерении Плещеева приехать в Муратово: «Завтра и в понедельник к вам туда, думаю, дней на шесть и более» (так, в феврале 1812 г. это могла быть только суббота 17-го). В адресе на письме «Маремьяну Даниловичу Жуковятникову» Плещеев использовал псевдоним Жуковского из заглавия его стихотворения «Елена Ивановна Протасова, или

Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада, предложенная на русские нравы Маремьяном Даниловичем Жуковятниковым...» (1811); в заглавии упоминался и автор «критических примечаний», «издатель Александр Плещеупович Чернобырсов» (т. е. Александр Плещеев), которому принадлежали все французские куплеты [5, т. 1, с. 560–564]. Февральская поездка Плещеевых была, по-видимому, приурочена к возвращению из Москвы Е.А. Протасовой и ее дочерей, что также напоминало о балладе «Елена Ивановна Протасова...», чей лейтмотив — нетерпеливое ожидание Екатерины Афанасьевны: «Собирайтесь же в дорогу! // Встретит радостно зело // Вас — Муратово село!» [5, т. 1, с. 175]. Вот почему датировку «греческой баллады»: ноябрь–декабрь 1811 г., — вероятно, следует расширить: не позднее января 1812 г., поскольку пребывание Плещеевых в Муратове могло быть связано с первым исполнением «Елены Ивановны Протасовой...» (отметим, что музыка Плещеева не сохранилась).

<3>

А.А. Плещеев

2 марта 1812 г. <?> Чернь

Любезный друг мой, наконец мы опять в Черни¹, и вы в благодарность за такое наше домоседство прислали нам самые дурные вести, то есть известие о нездоровье милой тетушки. — Божусь тебе, друг мой, что если бы не сильная моя простуда, которая лишила меня голоса, и заставляет обо всем говорить по секрету, то бы, конечно же, я сегодня же был в Муратове. — Что мне тебе сказать? Все идет по-старому, кроме того, что я у толстых сделал доброе дело: уговорил сына отложить на год военную службу²! слезная благодарность сих стариков была для меня наименее приятнейшей наградой... Ты любишь добрые дела, для того тебе это и рассказываю... Да еще и для того, чтоб ты, плут, имел о мне хотя в некотором отношении хорошее мнение.

Как ты думаешь, исполнит ли Бог мою молитву? А я прошу его вот о чем:

1-е. Чтоб милая тетушка была уже теперь здорова; 2-е. Чтоб бы скорее каким бы то образом ни было, увидались. 3-е. Чтоб ты хорошенько за меня поцеловал ручки у всех тех, кто меня помнит, разумеется, музыкальным манером: *Crescendo!* Кто больше помнит, того ручку крепче целовать.

А я вить весь твой

А. Плещеев.

2-го марта.

А 6-го Гришино рождение³.

¹ Датируется предположительно по связи с письмом от 17 февраля 1812 г. (см. <2>) о поездке Плещеевых в Муратово, после которой они, по-видимому, заезжали и в другое имение.

² Речь идет о графе Николае Ильиче Толстом (1794-1837), единственном сыне И.А. и П.Н. Толстых, отце Льва Толстого (см. письмо <2>, примеч. 1). Благодарность родителей, которую вызвал Плещеев уговорами отложить вступление на военную службу восемнадцатилетнего юноши, была связана со всеобщим пониманием близости войны с Наполеоном I Бонапартом. Тем не менее, вскоре, в июне 1812 г., Н.И. Толстой записался в ополчение.

³ Сын Плещеева Григорий родился 6 марта 1805 г.

<4>

А.А. Плещеев

<3 марта 1812 г. <?> Чернь>

Любезный брат и друг! Как по вас грустно, мои милые! А до вторника еще дни два, да еще Бог знает, какой будет Сашка, каково будет время!¹ — Хорошо было и пожить вместе; но зато грустны и розни! К хорошему как-то очень скоро привыкаешь! — А ты, милый друг, пиши — и пиши все с одною целью, тогда от цели родится надежда, от надежды бодрость, от бодрости вдохновение, от вдохновения довольность самим собою, от довольности веселость, от веселости надежда, от надежды бодрость... и опять то же кругом. — А у меня родилась давно уже к тебе дружба, и она ни во что не обратится, все будет дружба да дружба, разве только с той разницею, что из маленькой девочки сделалась она бабища-дружища. — Прости, друг милый и брат. — Целуй ручки; пухлых губ не целуй!

Весь твой обнимательный

А.П.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Et moi je dirai à notre bon frère que Dieu est trop juste et trop bon pour ne pas réaliser un jour notre espérance et le vœu le plus cher de mon cœur. Si mon domestique ne peut trouver le moment de remettre mon paquet à M<arie> je vous prie donner le lui. Adieu, au revoir.

<Перевод:>

А я скажу нашему дорогому брату, что Бог слишком справедлив и добр, чтобы не исполнить однажды нашу надежду и мое самое сердечное пожелание². Если мой человек не успеет передать мою посылку М<арии>, прошу вас отдать ее ему. Прощайте, до свидания.

¹ Письмо связано с приглашением Жуковского на день рождения сына Григория, прозвучавшем в предыдущем письме. Замечание «Бог знает, какой будет Сашка», скорее всего, относится к заболевшему Плещееву.

² Вероятно, речь идет об осуществлении брачных планов Василия Андреевича. Далее А.И. Плещеева говорит о возлюбленной поэта — М.А. Протасовой.

<5>

А.А. Плещеев

<Последние числа мая <?> 1812 г. Чернь>

Любезный мой Жуковятников!

Поздравляю тебя с рождением того именинника¹, который верно будет когда-нибудь... что-нибудь! Это слова той цыганки, которая в принужденной женитьбе мне рога предсказала², а тебе велела меня любить и верить моей к тебе дружбе. Между тем посылаю я тебе платочки³, которые прошу носить и, как говорится, меня не забывать. — Завтра у нас Соловаго маскерад⁴. — Ах, если бы ты сочинил речь волшебнику⁵, которого текст есть: Кушать поставили. А всего бы лутче, если бы ты сам приехал. Тебя *многие* желают и крайне вздыхают по твоём отсутствии. Прости, любезный и милый человек. Поцелуй ручки всех тех, кои меня в Муратове любят. Льоля сделал тебе кофетные стихи. Каналья! Весь в отца! Так и режит... глупости. Обнимаю.

¹ Письмо датируется по упоминанию в нем Плещеевым своего дня рождения (1 июня), шутовому именованию Жуковского «Жуковятниковым» (см. <2>, примеч. 2) и отсылке к его стихотворению «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», написанному 21 апреля 1812 г. Ср. фрагмент письма: «Льоля сделал тебе кофетные стихи. <...> Весь в отца! Так и режит... глупости», — с возванием поэта к Александру Алексеевичу в «Послании...»: «Любезен твой конфетный Аполлон! // Но для чего ж, богатый острою, // Столь небогат рассудком здравым он?» [5, т. 1, с. 179]. В письмо вложены «стихи для Василья Андреевича» рукой Лёли (Льоли), т. е. сына Плещеевых Алексея: «Вы для меня лутший человек, // Я буду вас любить весь мой век».

² Речь идет о комической опере Плещеева «Принужденная женитьба», поставленной в 1819 г. (см. вступ. ст.). Либретто было создано по пьесе Ж.-Б. Мольера «Брак поневоле» (*Le Mariage forcé*, 1664), которую Александр Алексеевич и русифицировал. В этом письме он относит к себе прозвучавшее в сочинении французского комедиографа высказывание цыганки, что гадает герою, которому суждено стать жертвой кокетки, принуждающей его к браку: «...из человека с таким лицом что-нибудь когда-нибудь да выйдет» (*Мольер Ж.-Б. Брак поневоле* / пер. Н.М. Любимова // *Мольер Ж.-Б. Комедии* / вступ. ст. и примеч. Г.Н. Бояджиева. М.: Худож. лит., 1972. С. 70). Впервые изданная в русском переводе В.Е. Теплова в 1779 г. под названием «Принужденная женитьба», комедия фигурировала под ним же в дореволюционной России и в дальнейшем. Либретто никогда не издавалось, поэтому об этом сочинении, хранящемся в нотной библиотеке одного из петербургских театров, можно судить только по работе советских музыковедов [4, с. 62–65]. Как и во всех русских операх того времени, музыкальные номера в «Принужденной женитьбе» перемежались с разговорными сценами, однако они в партитуре не сохранились.

³ Ср. с записью в орловском дневнике семейства Протасовых и А.П. Киреевской за август-октябрь 1812 г.: «Анна Ивановна, узнавши, что у бедного нашего друга Жуковского нету носовых платков, стала ему кроить из своего полотна» [10, с. 673].

⁴ Федор Николаевич Петрово-Соловово (1763–1826) и его жена Анна Григорьевна (1785–1821), урожденная княжна Щербатова.

⁵ По-видимому, намек в очередной музыкальной пьесе Плещеева на живущего в его доме гувернера-швейцарца Ж.-Э. Визара (*Jean-Elie Wisard*, 1765–1828), чье имя по-английски означает «волшебник» [5, т. 1, с. 564, 672].

<6>

В.И. Губарев, Ш. Моро де ла Мелтиер, О.П. Букильон, А.А. Плещеев
27 июля 1812 г. Орел

<В.И. Губарев¹:>

Вот тебе, любезный друг, подорожная², за которую ты мне должен 25 рублей.

Поздравляю тебя, мой друг! И подлинно ты хорошо вздумал! — Надо служить Отечеству! Я видел и мундир Московского ополчения³! видел Бодиско козака⁴! — Да еще полицейского офицера, который вошел в козаки. Славной мундир! Какие киверы! с мехом! право с мехом! и в мехе вензель. — Славные киверы! — А сабли? — Сабли стальные! славные сабли! — У офицеров пистолеты! большие такие! однако, брат, пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят. Мундир синий, с разными лацканами: у кого голубые, у кого красные⁵! — Дай Бог тебе счастья, любезный друг! Прости и помни нас! — А я тебе пою:

Vous me quittez, pour aller à la gloire^{6*} — и проч. и прочие конфеты.

Известие твое о победах оказалось верно. *Volte subito^{**}*.

Goubareff.

Не правда ли, мой друг, что человек располагает и пр. Думал тебя видеть и узнаю, что ты едешь в Москву; правда! Польза отечества того требует, и мы расстаемся.

Сожалею, очень сожалею, что тебя не увижу; а я еду к Плещ<ееву> в Чернь, к нему же.

Прощай, люби меня.

В. Губарев.

<Ш. Моро де ла Мелтиер:>

Que viens-je d'apprendre, mon cher Joukoffski; vous nous quittez pour voler à la gloire? Je vous reconnais bien à ce noble courroux. Et je vous pardonne désormais tous les griefs que j'avais contre vous. Tâchez cependant de nous revenir au plutôt et surtout que les intérêts de votre patrie ne vous fassent pas oublier vos amis. Je vous donne ma bénédiction et vous embrasse de toute mon âme.

C. Moreau.

<Перевод:>

Что я узнала, мой дорогой Жуковский; вы покидаете нас ради славы? Узнаю вас по благородному гневу. И прошая вам отныне все мои нарекания в ваш адрес⁷. Постарайтесь, однако, поскорее вернуться к нам, и, радея об интересах вашей отчизны, не забывайте ваших друзей. Благословляю вас и обнимаю от всей души.

Ш. Моро.

<О.П. Букильон⁸:>

Est-il bien vrai? Votre incertitude est finie, mais à notre désavantage, puisque nous vous perdons. Consolez nous, mon cher ami, en nous laissant l'espérance vous revoir bientôt parmi nous bien dédommagé du sacrifice momentané que vous faites — adieu, bon voyage et bon succès — tout à vous

Bouquillon.

<Перевод:>

Так это правда? Ваши сомнения закончились неблагоприятным для нас образом, поскольку мы лишаемся вашего общества. Успокойте нас, дорогой друг, оставляя нам надежду скоро видеть вас в нашем кругу, и пусть вам воздастся за ваше самопожертвование — прощайте, благополучного пути и успеха — весь ваш

Букильон.

<А.А. Плещеев:>

Pieds et poings liés

C'est avec soumission que je suis au désespoir de la perte que je fais. Cependant écrivez moi jusqu'au dernier soupir. Votre <ami***> <?> et dévoué

<нрзб.>

Le 27 juillet 1812.

<Перевод:>

Связанный по рукам и ногам

С покорностью и отчаянием принимаю разлуку. Однако ж, пишите мне до последнего вздоха. Ваш <друг> <?> и преданный

<нрзб.>

27 июля 1812.

⁷ Вы покидаете меня ради славы (*франц.*).

⁸ Возвращайся скорее (*итал.*).

^{***} Дефект текста.

¹ Воин Иванович Губарев (Губарёв) (1781 – ок. 1868) — соученик Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, помещик Кромского уезда Орловской губернии (см. о нем в: Архив братьев Тургеневых. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А.С. Кайсарову и братьям в Геттинген: [1805–1811 гг.] / введ. и примеч. В.М. Истрина. С. 48–49). И.С. Тургенев в «Литературных и житейский воспоминаниях» (1867–1869) дал колоритный портрет Губарева, который был своим человеком в доме его матери (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / гл. ред. М.П. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 69–70).

² Подорожная — свидетельство для проезда, выдавшееся в полиции и удостоверявшее право пользования почтовыми лошадьми. Письмо было адресовано в Муратово и представляло собой ответ на несохранившееся письмо Жуковского в Орел о его вступлении в Московское ополчение.

³ Формирование Московского ополчения началось после манифеста Александра I от 6 июля 1812 г. с воззванием к жителям Москвы стать зачинателями народного вооружения. Жуковской был принят в ополчение поручиком 10 августа 1812 г., награжден чином штабс-капитана и орденом св. Анны 2 класса 6 ноября 1812 г., уволен от службы в связи с роспуском ополчения 20 декабря 1814 г. [5, т. 14, с. 413].

⁴ Имеется в виду К.А. Бодиско (1791–1860), поступивший в 1812 г. из статской службы в 3-й Украинский казачий полк корнетом. В тот же казачий полк вступил и А.А. Алябьев, который в 1812 г. побывал в имении Плещеева Чернь и с которым, вероятнее всего, был знаком В.И. Губарев.

⁵ В.И. Губарев описывает мундир офицера Украинского казачьего войска (по-видимому, после встречи в Орле с К.А. Бодиско и с неким «полицейским офицером, который вошел в казаки»): темно-синий полукафтан, лацканы голубые в 3-м полку, красные во 2-м полку, шапка из черного медвежьего меха, под вальтрапом (т. е. под чепраком) два пистолета в кобурах (см. у Губарева: «...пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят»). Отрывок о мундирах был напечатан А.Н. Глузовым [3, с. 50], приписавшим его Плещееву, со следующим комментарием: «По литературному стилю Плещеев приближается здесь к прозе Гоголя (описание бекеша Ивана Ивановича), предвосхищая его манеру лет на пятнадцать-двадцать» [4, с. 36]. Однако у Губарева был иной стилистический ориентир — традиция использования слова «славный» в русской сатире, ярко проявившаяся в творчестве Н.И. Новикова (например, в журнале «Живописец», 1772–1773).

⁶ Первая строка романа Н.-Ш. Бокса (*Nicolas-Charles Bochsa*, 1789–1856) «Прошание» (*Les adieux*, 1810), приписывавшегося Г. Бонапарт (*Hortense de Beauharnais*, 1783–1837), урожденной де Богарне, королеве голландской, падчерице Наполеона I.

⁷ Ш. Моро де ла Мелтиер (1777–1854), переводчица, жена французского эмигранта, в начале 1812 г. жившая с семьей в Муратове, имеет в виду хлопоты о месте для ее мужа [5, т. 15, с. 703], которые со стороны Жуковского и его друзей не были успешными. Русскоязычную публикацию приписки Моро де ла Мелтиер с ошибочным отнесением ее к А.И. Плещеевой см. в: [3, с. 101–102].

⁸ Осип Петрович Букильон (ок. 1775 – после 1831) — см. о нем во вступ. ст.

<7>

А.А. Плещеев

5 ноября <1812 г.> Чернь

Село Чернь. Сего <ноября>¹ 5-го.

Три письма уже от тебя, милый друг, получили; и ты так тихо подвигаешься, что и последнее из Калуги; одного я надеюсь, что одна вьюга и недостаток в лошадях тебя задерживает; сохрани Бог, если нездоровье! — Как ты несчастлив на служителей! Яков твой² вчера явился ко мне, и ты теперь опять без человека! — Тебя в Армии уже и ждать перестали, и очень бы ты умно сделал, если бы остался здесь с нами! Так мне по тебе грустно, что ты и вообразить не можешь; особливо же от того, что письма твои так печальны и что и без писем я могу вообразить, каково тебе. — Ты нас полагаешь в Орле и ошибаешься; после тебя дорога так испортилась, что никак иначе как в легких санях ехать невозможно.

Ты узнаешь о смерти бедного Киреевского³ и верно будешь крепко беспокоиться о тетушке, о сестрах. — Слава Богу! они перенесли это несчастье по сих пор довольно хорошо. Тетушка здорова! — Завтра, если здоровье Авдотьи Петровны позволит, они переезжают в Муратово; мы уговариваем их крепко в Чернь; но мало надежды, чтоб согласились. — Как скоро узнали мы, что Вас<илия> Иван<овича> не стало, в те же четверть часа двое с моей Анной Иван<овной> отправились в Орел, где пробыли часов шесть, и вчера в седьмом часу поутру к Льолиным именинам⁴ явились опять в Чернь; однако целую ночь мы плутали, теряли дорогу. — Ради Бога, милой друг, если есть какой-либо способ, то выкарабкайся из Армии. Что тебе там делать? Здесь ждут тебя два твои семейства, которые, право, не могут быть без тебя совершенно счастливы. Как можно, для каких-либо странных идей чести или черт знает чего ..... (досадно ей-богу!) ..... жертвовать бесполезно всем!.. Здоровьем и проч. О Боже мой! Когда люди будут только то, что они есть! Когда перестанут самих себя обманывать и всячески ухищряться, как бы получше себя помучить и других; когда *Да!* будет *Да*, а *нет* — *нет*. Когда сердце будет на языке? — Когда?.. Когда?.. Le chapitre des *когда* ne finirait jamais si l'on voulait se laisser aller. — Et qu'est-ce que la guerre elle-même et qu'est-ce que lui .... cela <нрзб.>. La seule chose dont je suis bien sûr c'est cette amitié vive et sincère que je vous ai voué pour la vie! — Franchement, cette amitié est forte quoiqu'elle se soit formée assez rapidement*. — Прости, любезный друг; уступлю место Анне Иван<овне>. Совестно и у нее отнять удовольствие сказать тебе, сколько мы тебя

любим. — Прости! обнимаю тебя, право не только мысленно, но душевно! — Твой верный

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Oh, oui mon ami, revenez auprès de vos bien véritables amis. Vous savez déjà la perte qu'a fait la pauvre M-de Kirievsky: au bout de 12 jours il est mort d'une terrible fièvre chaude. Ma pauvre tante et mes bonnes, mes excellentes cousines l'ont soigné. Elles sont un peu fatiguées, mais elles se portent bien, grâce à Dieu, la pauvre veuve est très malheureuse, elle pleure beaucoup, ce qui la soulage; soyez tranquille, elles reviennent demain à Mouratova. Nous les quitterons le moins possible. Elles ont déménagé tout de suite après la mort du défunt dans la maison de Solovoi qui a très bien agi. Combien vous nous manquez, revenez, croyez moi <?> что право грустно мочи нет. Écrivez nous souvent, c'est un <très?> grand plaisir pour nous quand nous recevons de vos nouvelles. Voyez mes <?> inquiétudes pour ma tante et mes cousines. Elles se portent toutes trois bien, mais la mieux portante et la plus raisonnable est celle de qui on pouvait le moins attendre. C'est ma bonne Marie, elle se ménage et me donne sa parole d'honneur de se ménager. Je leur fait porter à toutes les deux de l'aide et de l'amitié. Adieu notre excellent ami, mon bon Alexandre et moi, nous vous aimons comme un véritable frère. Alexei <vous> embrasse ainsi que tous les autres. Marie parle constamment de vous. Adieu, Бог с вами.

<Перевод:>

Да, друг мой, возвращайтесь к вашим верным друзьям. Вы уже знаете об утрате бедной г-жи Киреевской: спустя 12 дней он (В. И. Киреевский. — *Н.Д.*) умер от страшной горячки. Моя бедная тетушка и мои добрые, прекрасные кузины ухаживали за ним. Они немного утомлены, но здоровы, с Божьей помощью, бедная вдова очень несчастна, много плачет, что приносит ей облегчение; не беспокойтесь, завтра они возвращаются в Муратово. Мы будем расставаться как можно реже. После кончины усопшего они переехали в дом Соловово⁵, который поступил очень благородно. Как нам вас не хватает, возвращайтесь, поверьте мне <?>, [что право грустно мочи нет]. Пишите часто, для нас <огромное?> удовольствие получать от вас новости. Я <?> беспокоюсь за тетушку и кузин. Они все трое в добром здравии, но та, которая здоровее и разумнее всех, — та, от которой менее всего можно было этого ожидать. Это моя добрая Мари, она бережет себя и дает мне честное слово и дальше себя

беречь. С дружеским участием стараюсь быть полезной им обоим. Прощайте, прекрасный наш друг, мой добрый Александр и я любим вас как брата. Алексей обнимает <вас>, как и все остальные. Мари постоянно говорит о вас. Прощайте, [Бог с вами].

* Вопрос [когда не] закончится никогда, если ничего не предпринимать. — И что сама война, и что ему это <нрзб.>. Единственное, в чем я уверен, это моя живая и искренняя дружба с тобой на всю жизнь! — Говорю тебе чистосердечно, эта дружба крепкая, хотя и завязалась быстро (*франц.*).

¹ В автографе ошибка: «Сего октября 5-го». Месяц исправлен по сообщению в письме о смерти В.И. Киреевского. Письмо представляет собой ответ на три не сохранившихся письма Жуковского к Плещеевым, написанных после того, как он вновь отправился на службу после своей командировки. Приехав в Орел 10 сентября 1812 г., Василий Андреевич затем месяц (с 21 сентября) жил у Плещеевых. Из трех его писем в Чернь за последнюю декаду октября – первые числа ноября 1812 г. два последних были, как пишет Плещеев, «из Калуги», что к этому времени было тылом русской армии. В Черни Жуковский работал над «Певцом во стане русских воинов» (1812). О музыке Плещеева к «прославленной впоследствии поэме» (к настоящему времени утрачена) см.: [4, с. 35–36].

² Яков Шкаров — слуга Жуковского.

³ Муж А.П. Киреевской (во 2-м браке — Елагиной, 1789–1877) В.И. Киреевский умер 1 ноября 1812 г. 6 ноября Авдотья Петровна с детьми уехала из Орла в Мура-тово.

⁴ Речь идет об именинах сына Алексея, праздновавшихся 4 ноября. Он был старшим сыном Плещеевых и родился, согласно метрической записи, 1 ноября 1801 г. [1, с. 162], т. е. через три года после их венчания. Это развеивает предположения, будто именно Алексей был сыном Плещеевой, прижитым ею не от мужа (так, о ребенке, родившемся в 1799 г., сведений не имеется). В следственном деле Плещеева 1-го, члена Северного общества и петербургской ячейки Южного общества, год рождения не указан, поэтому он определяется декабристами приблизительно временем «ок. 1800» (Декабристы: [Биографический справочник] / изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 143). Между тем, в показании Алексея Следственной комиссии содержится сообщение, по которому можно определить год его рождения, причем он точно совпадает с метрической записью. По сообщению Плещеева 1-го, до пятнадцати лет он безвыездно жил в родительском доме, после чего приехал в Петербург и был принят в Корпус инженеров путей сообщения, что оставил через год, поступив в лейб-гвардии Конный полк (Восстание декабристов: (Документы) / подгот. К.Г. Ляшенко, С.А. Селиванова. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 59). Все было именно так: в августе 1817 г., когда Алексей приехал с отцом в столицу, ему было еще пятнадцать лет.

⁵ См. <5>, примеч. 4.

<8>

А.А. Плещеев

1 декабря 1812 г. Орел

Орел. Сего декабря 1-го 1812-го.

Здравствуй, любезный и милый друг!

Грустное твое письмо мы получили¹. Как я обманулся! Я почти уверен был, что ты как-нибудь постараешься сюда приехать; но

видно ..... так и быть! Ты не велишь и звать себя... так лучше молчать, а досадно! — Ты не поверишь, как Льоля о тебе грустит! Вчера у тетушки был колдун и ворожил на картах, он тотчас попросил, чтоб ему загадали о друге его Жуковском... Предсказания все были прекрасные, но, что всего более Льолю порадовало, было то, что ты здоров и помнишь его. — Хотел к тебе писать и писал; но позабыл письмо в Черни, для того его не посылаем; он написал было письмо предлинное², но вдруг остановился и говорит: *Я боюсь писать к нему длинное письмо!.. Пока он будет забавляться читать его, не будет смотреть ни направо, ни налево; вдруг французы окружат его, возьмут в плен.*

Милый друг! авось все скоро кончится! Авось будем скоро все вместе! Давай надеяться! Мы сегодня переправляемся в Чернь. Тетушка завтра в Муратово. — Они, кажется, здоровы и гораздо покойнее! Нельзя им не быть счастливым! Они здесь столько добра наделали, что никто об них без слез говорить не может³. Прости! обнимаю тебя крепко. — Твой верный друг

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Quand nous reverrons nous mon cher et aimable ami, страх как грустно. Nous avons passé une semaine ici avec ma bonne tante et mes excellentes cousines. Elles se portent toutes bien, M-de K.<irievsky> est aussi plus tranquille. J'espère que nous serons souvent ensemble ou à Tchern ou à Mouratova, nous parlons continuellement de vous, du temps où nous serons réunis. Plût au Ciel qu'il arrive bientôt. J'avais préparé différentes petites provisions pour envoyer à notre ami par Яков, mais on a toujours dit qu'il ne partirait pas de sitôt et dans ce moment seulement j'apprends qu'on l'expédie aujourd'hui, je fais prier ma tante de l'envoyer par Tchern pour pouvoir vous envoyer quelque chose de bon à manger. Finissez donc vite vos affaires à l'armée et revenez, mais pour ne plus repartir. Adieu mon aimable et bon Joukowsky. Aimez nous, car personne ne vous aime comme les habitants de Tchern.

Je vous remercie infiniment de votre bon souvenir. Recevez l'assurance de mon amitié et du désir bien sincère de vous revoir parmi nous.
<нрзб.>

Voilà <?> des nouvelles d'ici: Apouchtin a fait des propositions en formes à la P-<rincesse> Scherbatoff. Elle le refusa à ce que l'on dit, mais elle fait terriblement les coquettes et toute la famille le veut. Du reste rien de nouveau. Adieu mon cher et bon ami. Mes enfants vous embrassent.

<Перевод:>

Когда же мы увидимся, дорогой и любезный друг, [страх как грустно]. Мы провели здесь неделю с моей доброй тетушкой и моими прекрасными кузинами. Они все в добром здравии, г-жа К<иревская> тоже стала спокойнее. Надеюсь, что мы вместе будем часто проводить время или в Черни, или в Муратове, мы все время говорим о вас, о времени, когда соединимся. Дай Бог, чтоб это случилось скоро. Я приготовила разные небольшие посылочки, чтобы послать нашему другу (Жуковскому. — С.Б., Н.Д.) с [Яковом], но мне все время говорили, что он не скоро отправится, а сейчас я узнала, что его отправляют сегодня, я прошу тетушку послать его через Чернь, чтобы передать вам чего-нибудь вкусного. Заканчивайте скорее ваши дела в армии и возвращайтесь, и больше не уезжайте. Прощайте, мой любезный добрый Жуковский. Любите нас, поскольку никто не любит вас так сильно, как жители Черни.

Бесконечно благодарю вас за добрую память. Примите уверение в моей дружбе и искреннем желании видеть вас среди нас. <Нрзб.>

Вот <?> здешние новости: Апухтин сделал официальное предложение к<няжне> Щербатовой⁴. Как говорят, она ему отказала, но она ужасная кокетка, а вся семья желает этого брака. Больше ничего нового. Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Мои дети вас обнимают.

¹ Письмо Жуковского не сохранилось.

² Известны два детских письма Алексея Плещеева к Жуковскому 1812 г. Первое письмо: «Милый мой друг. Скучно без вас, мне беспокоино, если вы в Армии. Я бы хотел, когда вы приедите туда, то чтоб за вашу храбрость получить <вам> чин Капитана. Хорошо бы было, если б вы убили Французского императора. Мне очень жаль, что я мал. Я бы дрался подле вас, мы бы шли вместе как Гастон и Баяр. Я вас люблю, как Баяр любил Гастона, но наша любовь сильней их. Я вас люблю, как Кастор любил Полюкса, как Пилад любил Ореста, все эти не так любили друг друга, как я вас люблю. Мой друг, будь уверен, что сколько моя жизнь будет продолжаться, то все не позабуду вас и все любить вас буду. Если б я мог драться с вами? Ах! жаль! жаль! в армию не могу идти, мы друг друга <так!> спасли бы жизнь. <...> Прощай, любезный друг, будь здоров. Твой верный друг Алексей Плещеев. <Приписка второго сына Плещеева Александра:> И я вас тоже очень люблю. Саша»; второе письмо: «Mon cher ami, je vous demande des nouvelles de votre santé? Et je serai enchanté, si j'apprends que vous avez tué un ennemi. Je vous aime et je vous aimerai toujours. Votre ami Alexis Plestheyeff» (перевод с *франц.*: «Мой дорогой друг, я спрашиваю вас, как ваше здоровье? Я буду в восторге, если узнаю, что вы убили врага. Я люблю вас и всегда буду любить. Ваш друг Алексей Плещеев») (РО ИРЛИ РАН. № 28208. Л. 1–1 об.).

³ Речь идет о сестрах Протасовых и их матери.

⁴ Княжна Е.Г. Щербатова (1786–1848), вышедшая замуж за Г.П. Апухтина (1774–1834), богатого орловского помещика. Сообщение об этом браке могло быть интересно Жуковскому, поскольку Апухтин ранее делал предложение М.А. Протасовой. В орловском дневнике Протасовых за август–октябрь 1812 г. есть упоминание о том, какой испуг вызвала у Маши новая встреча с ним в кругу своей семьи [10,

с. 678, 681]. Услышав в октябре 1812 г. о помолвке Щербатовой, Саша написала, что «она будет несчастлива» [10, с. 685].

<9>

А.А. Плещеев

7 декабря 1812 г. Чернь

Чернь. Сего декабря 7-го 1812¹.

Ты не поверишь, милый друг, как твои письма у нас принимают-ся, как мы их ждем, как нам всякий курьер, который их привозит, ка-жется первым красавцем; и даже как, несмотря на лень, самому мне приятно, или лучше сказать, нужно к тебе писать! — Но несмотря на это... *писать* грустно к тому, с кем хотелось бы *говорить*. — Итак, ты теперь, по крайней мере, в деле... и в деле по твоему вкусу. — Щемит, брат! (скажу я, как Текутьев²) щемит! Говоря, что стихи твои писаны в чаду смрадной избы! — видно, муза твоя баба русская; не боится дыму, и все так же верно тебе служит, как и в чистых комнатах! —

Я мнил... и проч.

Что был сокрыт вселенныя предел
В твоей главе, венчанной сединою.

Или:

И норд и юг поток сей наводнил!

Или:

Еще удар... и всей земле свобода,
И нет следов великого народа!

Нет, милый друг! Такие стихи не пахнут чадом!.. А если чадом, то Гиппокренным.

Ты ничего не говоришь о «Певце в русском стане»³... О «Пьяной песне»⁴... Я о музыке уже не говорю; ибо знаю, что Наполеон бежит так скоро, что не даст музыкантам и пюпитров разложить...

О Чичагов! Неужели все от него испортилось? Неужели?.. Неужели быстрый Платов⁵ его не догонит?..

Se pourrait il que ce lion terrible
Qu'Alcide allait écraser dans son sein
Encore vivant nous échappe soudain
Comme une anguille et gluante et flexible?^{6*}

Excuse mon ami ce petit impromptu tragi-comique. C'est la vignette qui se trouve à la tête de vos vers qui m'en a donné l'idée dans ce moment. Il serait vraiment dommage... Que dis-je? Il me serait affreux de penser que le mal commis par Tchitcha⁷: ... Soit irréparable et que l'oiseau puisse s'envoler sans avoir au moins les ailes bien rognées!*

Ты не велишь звать себя! Невозможно, любезный друг! Право, невозможно! — Один год нашего дружеского с тобой знакомства привязал нас к тебе более, нежели ты вообразить можешь... Место твое... у нас... (*Милое твое же выражение!*) Место твое до твоего возвращения всегда будет пусто; мы наполняем его часто, очень часто воспоминаниями о тебе... и все они печальны, потому что кроме грусти быть розно с тобою... знаешь и тебя грустного... а потом и

Hélas, dirai-je, il pleut:

Mon frère a-t-il tout ce qu'il veut,

Bon souper, bon gîte, et le reste?^{8***}

Так вот, сударь, с раздражающими-то⁹ нервами, это все и тревожит. —

Когда ж *свершат* спасительное мщенье,
.....

Уже в мечтах я вижу твой возврат!..
.....

К тебе *наш* взор, к тебе подьемлем длани.

Се он! Се он!..

Ах, батюшки! да как бы это поскорее? Да ну же? Копайтесь, что ли! Давите дурака проворнее!

Пора вкусить покоя наслажденья!

И мне пора уступить Ниночке моей наслаждению писать к тебе. — Прости! Обнимаю тебя братски, дружески... Vole et ama^{****}. — Твой верный

А. Плещеев.

Поцелуй за меня крепко милого моего Павла Вадковского¹⁰. Я право его как сына люблю.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

А я вас обоих как милых братьев. Que le Ciel vous protège mes bien bons amis. Ma tante est revenue à Mouratova. Elles se portent toutes

bien. Il n'y a que le pauvre Ваничка qui n'est pas bien, Wendrick espère pourtant que cela n'aura pas de suite. Combien votre présence nous ferait de bien mon excellent ami, nous parlons si souvent de vous mes bonnes cousines, la bonne M-de K.<irievsky> et moi, ne pourriez vous donc pas tomber malade, d'en faire le semblant au moins. Et venez vous guérir dans les bras de l'amitié: pourquoi, pourquoi retourner, que n'avez-vous suivi votre avis... Ma tante vous attendait et avec Ват<ковский> <?>. Moi seule j'étais sûre que vous ne viendriez pas, que vous ne pouvez venir. Depuis que je suis revenue d'Orel j'ai été malade. On avait craigné la rougeole chez Ваничка. Des yeux <?> je serai bien sûre que ce n'est pas cette <?> maladie, j'irai les voir, que ne puis-je être leur providence, comme je détournerai les peines, les chagrins qu'elles pouvaient avoir. Nous serons le plus possible avec ces anges. J'aime ma Marie tous les jours davantage c'est un être favorisé de Dieu et qui par conséquent doit être heureuse. Adieu mon aimable et excellent ami, Христос с вами. Portez-vous bien, revenez si vous voulez que nous soyons tous parfaitement heureux et croyez à l'amitié bien vraie, bien sincère et bien tendre de celle qui voudrait être votre sœur. Alexis vous embrasse bien tendrement et vous remercie bien tendrement pour vos charmants vers. Tous mes autres enfants vous embrassent aussi. Бог с вами. Христос с тобой, милый друг.

<Перевод:>

[А я вас обоих как милых братьев.] Да сбережет вас Небо, мои добрые друзья. Моя тетушка вернулась в Муратово. Они все в добром здравии. Только бедному [Ваничке] нехорошо, однако Вендрих надеется, что осложнений не будет¹¹. Как бы нам помогло ваше присутствие, мой превосходный друг, мы так часто говорим о вас, мои добрые кузины, добрая г-жа Ки<реевская> и я, не могли бы вы заболеть, по крайней мере, притвориться. И приезжайте выздоравливать в объятиях дружбы: зачем, зачем возвращаться, почему вы не последовали предписанию... Тетушка ждала вас и с [Ват<ковским>] <?>. Я одна была уверена, что вы не приедете, что вы не можете приехать. По возвращении в Орел я была больна. Боялись, что у [Ванички] корь. Посмотрев, <?> я была бы уверена, что это не та <?> болезнь, я поеду их повидать, почему я не могу быть их ангелом-хранителем, я бы отводила беды, огорчения, которые им грозили бы. Мы будем, насколько это возможно, рядом с этими ангелами. Я люблю мою Мари с каждым днем все сильнее, это существо, благословленное Богом, и, следовательно, она должна быть счастлива. Прощайте, мой милый и прекрасный друг, [Христос с вами]. Будьте здоровы,

возвращайтесь, если хотите, чтобы мы были абсолютно счастливы, и верьте в подлинную, искреннюю и нежную дружбу той, кто хотела бы быть вашей сестрой. Алексей вас нежно обнимает и благодарит за ваши прекрасные стихи. Все другие мои дети также вас обнимают. [Бог с вами. Христос с тобой, милый друг.]

* Возможно ли, чтобы этот страшный лев, // Которого Алкид собирался раздавить на своей груди, // Еще живой вдруг ускользнет от нас // Подобно слизкому и гибкому угрю? (*франц.*).

** Извини, друг мой, за этот маленький трагикомический экспромт. Это виньетка перед твоими стихами подсказала мне его идею. Было бы очень жаль... Что я говорю? Мне было бы страшно подумать, что зло, совершенное Чичей: ... Окажется непоправимым, и птица сможет улететь, да еще и с неподрезанными крыльями! (*франц.*).

*** Чуть тучка лишь над головой, // Я буду говорить: ах! где-то братец мой? // Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья! (пер. с *франц.* И.А. Крылова: *Крылов И.А. Два Голубя // Крылов И.А. Басни / изд. подгот. А.П. Могилянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 29–30.*

**** Будь здоров и люби <меня> (*лат.*).

¹ Ответ на неизвестное письмо Жуковского, по-видимому, от первых чисел декабря 1812 г., с которым было послано отдельное издание его послания «Вождо победителей: (*Писано после сражения под Красным*)», выпущенное, как значилось на нем, «в походной тип<ографии> штаба Кутузова при главной квартире русской армии, в селе Романове» под датой: «1812 года. Ноября 10» [5, т. 1, с. 607] (так, сражение русских с французами под Красным произошло 7–10 ноября 1812 г.). Поскольку не сохранилось ни одного экземпляра этого издания, особую ценность приобретает указание в письме Плещеева на особенность его художественного оформления, а также сообщение об обстоятельствах создания послания «Вождо победителей...». Далее Александр Алексеевич цитирует из него стихи: 15, 17–18, 35, 62–63, 73 (вариант: «Когда ж *свершит* спасительное мщенье...»), 76, 79 (вариант: «К тебе *наш* взор, к тебе подъемлем длани...»), 80 (вариант 1-й половины стиха: «Се он! Се он!...»), 87 (вариант: «Пора вкусить покоя наслажденья!») [5, т. 1, с. 245–247].

² Д.Ф. Текутьев — орловский помещик. В дневнике Протасовых за август-октябрь 1812 г., по-видимому, именно с его фамилией следует связать часто упоминаемого посетителя их семьи по имени «Дмитрий Фед<орович>» [10, с. 676].

³ Вопрос связан с ожиданием выхода из печати «Певца во стане русских воинов» Жуковского. Фактически это стихотворение вышло из печати и в отдельном издании, и в журнале «Вестник Европы» в феврале-марте 1813 г. [5, т. 1, с. 595–596].

⁴ Плещеев говорит здесь о «Песне в веселый час» (1809, 1812) Жуковского, имевшей несколько вариантов заглавия [5, т. 1, с. 594–595]. В списке его музыкальных произведений этот текст значится под названием «Песнь воинов. Requiem» [4, с. 71; подзаголовок, несомненно, сделан Плещеевым и относится к написанной им музыке].

⁵ Имеется в виду сражение 27 ноября 1812 г. на Березине, когда Наполеону I удалось переправиться через реку там, где был поставлен незначительный отряд армии П.В. Чичагова. Надежды на поимку Бонапарта Плещеев возлагал на атамана казачьих войск М.И. Платова, который преследовал французскую армию. Об отношении Жуковского к «проказе» Чичагова см.: [5, т. 15, с. 153, 714].

⁶ Эпиграмма Плещеева строится на сопоставлении надежд на пленение Наполеона I с мифом о Геракле (Алкиде), задушившем руками огромного немейского льва.

⁷ «Чичей» (*франц. Tchitcha*) Плещеев называет П.В. Чичагова.

⁸ Цитата из басни Ж. де Лафонтена «Два Голубя» (*Les deux Pigeons*, 1678). Отметим, что А.И. Плещеева начала свое письмо отсылкой к той же самой басне, назвав друзей «милыми братьями».

⁹ Ирритабельный (от *франц.* irritable) — т. е. раздражительный.

¹⁰ Павел Федорович Вадковский (1792–1829) — сын Е.И. Вадковской (1766–1830), урожденной графини Чернышевой, племянник А.И. Плещеевой, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка в 1812 г.

¹¹ Речь идет о шестилетнем И.В. Киреевском и орловском докторе Ф. фон Вендрихе.

<10>

А.А. Плещеев

<Первая половина февраля 1813 г. <?> Чернь>

Любезный друг, вот это уж очень грустно!¹ Поймать Томсона вместо друга²! Это, видишь, больно! А мне право нужен бы человек да и человек! — Анна Ивановна моя кашляет так, что сердцу больно; и все так упрямится, что грусть берет. — Сделай милость, уговори Марью Андреевну милую, чтобы она запретила ей ехать к вам в Орел; у ней было кашель по милости нашего любезного доктора³ совсем прошел; но сегодня было в комнате немного холоднее, и она и от того даже начала вдвое прежнего кашлять; вообрази же, если выедет на стужу? — Ей-богу, ее упрямство так для меня странно, что я даже и дружбы к Марье Андреевне в нем не вижу, а только одно удовольствие показать, что *делаю, дискать, по-своему, что хочу*. — Доктор мне сказал, что ей и в комнате надо одеваться потеплее; каково же? Помилуй!

Если у вас, Бог дал, все получше, то приезжай, милый друг, к нам поскорее; я тебе страх как рад буду. — Прости, обнимаю тебя! Поцелуй за меня ручки у всех милых людей! Ты уж сам знаешь, как эти карамели распределяются. Весь твой

А. Плещеев.

¹ Письмо датируется по упоминанию о зимней стуже и шутливому адресу, характерному для 1812–1813 гг.: «A Monsieur Monsieur Joutchcka Joukoffsky», т. е. «Милостивому государю господину Жучке Жуковскому». В тексте не упоминается приехавший к Василию Андреевичу осенью 1813 г. А.Ф. Воейков, что усиливает аргументацию в пользу отнесения письма к зимним месяцам начала именно 1813 г.

² Возможно, речь идет о стихотворении Жуковского «Гимн» («О Боге нам гласит времен круговращенье...»), которое было написано и опубликовано в 1808 г. с подзаголовком «Подражание Томпсону» [5, т. 1, с. 521–522]. Поэт послал его Плещееву с предложением написать к «Гимну» музыку. Судя по ответу последнего, он это предложение отклонил.

³ Имеется в виду Р. Фор (Raymond Faure, 1786–1850) — пленный французский доктор, который жил в имении Плещеевых.

<11>

А.А. Плещеев

<5 <?> марта 1813 г. Чернь>

Любезный друг, быв уверены, что ты не имеешь столько храбрости, чтобы приехать завтра в Чернь¹, мы и не надеялись. Только скажи нам ради Бога самым откровенным образом, какова Марья Андреевна, и не продолжает ли постное ее расстраивать? Анна Иван<овна> моя страшно о ней беспокоится. — Прости, мой милый человек, как бы хотелось тебя видеть. Сделай милость, напиши мне; как у тебя произошло с *Каменским* и какой результат? Ты сам можешь догадаться, почему, для чего, как и сколь сильно меня интересует все, что касается до твоей неприятной для меня службы². — Обнимаю тебя сильно. — А ты целуй за меня ручки; да суи больше бульону в кушанье упрямых постников.

Твой верный А.П.

¹ Вероятнее всего, речь идет о 6 марта, дне рождения сына Плещеева Григория; этот день приходился на Великий пост, начавшийся в 1813 г. 14 февраля (отсюда упоминание в письме Александра Алексеевича об «упрямых постниках» в доме Протасовых). В начале 20-х чисел февраля у них побывала А.И. Плещеева, приехавшая в Муратово, чтобы подготовить Е.А. Протасову к известию о смерти ее сестры А.А. Алымовой, скончавшейся 18 февраля 1813 г. Жуковского в Муратове не было, и Анна Ивановна написала ему оттуда письмо, рассказав о жизни его обитателей, а также о местонахождении своего семейства, остававшегося в тот момент в Орле (РО ИРЛИ РАН. № 28209. Л. 1–2 об.). Василий Андреевич вернулся в Муратово 1 марта 1813 г., о чем можно судить по его письму к М.Н. Свечиной и А.Н. Арбеневоной, двоюродным сестрам М.А. и А.А. Протасовых, от 2 марта 1813 г. [5, т. 15, с. 150–151]. Весь текст был проникнут уверениями в святости любви Жуковского к Маше и желанием подвинуть их к убеждению Е.А. Протасовой не препятствовать их браку. По-видимому, с той же целью приезжала в Муратово без семейства и Анна Ивановна.

² Речь идет об увольнении из ополчения, к которому стремился Жуковский, вернувшийся в начале января 1813 г. из Вильно на родину. Его хлопоты были начаты в феврале 1813 г. и закончены 20 декабря 1814 г., когда был дан приказ о роспуске ополчения. «Каменский» из письма Плещеева не имел отношения ни к службе Жуковского, ни к его увольнению. Александр Алексеевич, называя эту фамилию, указывал на генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, напоминая поэту о созданном им в 1809 г. стихотворении «На смерть фельдмаршала графа Каменского» и, по-видимому, выражая таким образом свое негативное отношение к сдавшему Москву вождю русской армии. Стремясь ускорить дело о своей отставке, Жуковский неоднократно обращался с просьбами к П.А. Вяземскому и А.И. Тургеневу, в письмах к которым упоминал о своей службе в военной типографии при Главной квартире [5, т. 15, с. 165–167, 233]. Подобные хлопоты и имел в виду Плещеев, называя в своем письме «Каменского», что было актуально до апреля 1813 г., т. е. до смерти Кутузова.

<12>

А.А. Плещеев

6 июня 1813 г. <?> Чернь

Здравствуй, мой милый друг, обнимаю тебя от души, от сердца, от того, сего, третьего и проч.

Напиши <так!> к нам почаще, как вы доехали!¹ — Напиши тоже, и не было ли *лишних слез* и проч.

Более всего я и Анн<а> Ив<ановна> просим тебя писать о Марье Андр<еевне>, у которой за меня поцелуй ручку, также и у милой тетушки и у милой Алекс<андры> Андр<еевны>. — Все вы милые, да и вот тебе все тут! — Напиши и о себе, весел ли ты? Здоров ли? — Да правда ли то, батюшка, будто Бонапарт <так!> умер?² Черт его побери! Бог с тобой! Прости, милый друг, когда-то увидимся!

Мастери, маккиавелируй! Чтобы недолго там вы оставались, если есть что делать, то погоняй! Нет больше дела? Опять погоняй! — Прости.

Весь твой верный А.П.

6-го июня.

¹ Плещеев говорит об отъезде Жуковского с семейством Протасовых из Черни после празднования его дня рождения 1 июня 1813 г. Проникновенный тон письма Александра Алексеевича (с адресом: «Другу Жуковскому») корреспондирует с написанными поэтом для этого праздника стихотворениями «Первое июня 1813» и «Нина к супругу в день его рождения» — своеобразным поэтическим диалогом мужа и жены, благословляющих свой союз и клянушихся в вечной любви. В комментариях к ним подчеркнута мысль о другой любовной коллизии, определившей их звучание, — это обращение Жуковского к М.А. Протасовой и ответ от ее лица [5, т. 1, с. 624–625]. Плещеев был встревожен реакцией на стихи Жуковского со стороны Е.А. Протасовой. Призыв в письме «Мастери, маккиавелируй!» есть своего рода поощрение дальнейших действий Василия Андреевича на пути к желаемому им браку, который Плещеевы поддерживали.

² По-видимому, речь идет о неких слухах вокруг Наполеона I Бонапарта.

<13>

А.А. Плещеев

16 июня 1813 г. Чернь

Вот, милый друг Жуковский, ты вить обещал скоро приехать, а не приехал, а Классен¹ всякий день спрашивает, когда ты будешь, и вообрази, как полюбил тебя, что многие штуки отлагает до твоего приезда и говорит: *Натопна потоштатъ Василий Антречь! уш изфинит! Я еко доидусь.*

Я видеть милых и неоцененных друзей наших в Черни отчаялся; то отломи хотя от них кусочик на малое время.

Светлана, несмотря на колики, подвигается до: *будто не бывали!* — т<о> есть: *Кони*².

И для того, как скоро у вас оная Светлана перепишется, то прошу онаю мне прислать; дабы вписать новое³. — Прости, милый друг! Пожалуй, попробуй приехать. Право слюбится! — А между тем прошу за меня расцеловать все ручки, которые хотя и не хотят быть в Черни, однако я их очень крепко люблю.

Прости; весь твой

А. Плещеев.

Село Чернь.

Сего 1813 июня 16-го.

КОНЕЦ.

Ou

la fin coure [sic] après les puces^{4*}.

* Или конец бежит за блохами (*франц.*).

¹ Немец-капельмейстер крепостного оркестра в Черни, которого Плещеев называл Классен или (чаще в шутку) Клясен [4, с. 33].

² Речь идет о сочинении Плещеевым музыки к балладе Жуковского «Светлана», работу над которой он довел до середины текста (точнее — до 143 стиха: «Кони, сани и жених...»). Музыка была написана летом 1813 г., первое исполнение состоялось 6 января 1814 г. в Черни, где пела А.И. Плещеева в сопровождении оркестра (*Соловьев Н.В. История одной жизни: (А.А. Воейкова — «Светлана»). Пг.: [Б. и.], 1915. Кн. I. С. 33*); напечатана во второй части издания «Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для голоса и ф.-п. А.А. Плещеевым» (1832).

³ Текст «Светланы» в автографе и первой публикации 1813 г. имел незначительные стилистические отличия (см. подробнее в: [5, т. 3, с. 291]), тем не менее Плещеев хотел учесть все исправления Жуковского.

⁴ В конце письма, имевшего шутиливую адресацию «A Monsieur le hâneton» (*франц.* «Господину майскому жуку»), Плещеев, по-видимому, напоминает Жуковскому, во-первых, о какой-то своей несохранившейся «галиматье», некогда разыгранной в Черни, а во-вторых, о шутиливом послании поэта к М.А. Протасовой: «Нет, право, мочи нет...» [5, т. 1, с. 327]. Каких-либо оснований для датировки послания нет, и оно условно относится к январю-марту 1814 г. [5, т. 1, с. 674]. Последние слова в письме «Ou la fin coure [sic] après les puces», оформленные в виде заголовка, касаются ловли «проворных блох», которой в послании к Маше отводится центральное место, а занимается ею Нина, жена Плещеева:

...Но Нина шепчет мне:
«Читать довольно скушно!»
И очень равнодушно
У моськи на спине
Изволит по преданью
Искать проворных блох!

Кто не воскликнет *ох!*
 Как можно блох исканью
 Тебя не предпочесть!
 Когда, оставя лесть,
 Мой друг, перед тобою
 Покажется блохою
 И все, что в мире есть,
 И мило, и прекрасно! [5, т. 1, с. 328].

Слово «преданье» должно было, по-видимому, напомнить Маше о некоем опусе или спектакле Плещеева, в котором фигурировала Нина и ее собачка. Это позволяет предположить, что к июню 1813 г. послание Жуковскому «Нет, право, мочи нет...» было уже написано.

<14>

А.А. Плещеев

<Конец июня <?> 1813 г. Чернь>

Милый друг Жуковский! Как у вас идут здоровьи? — У нас вчера Льоля было очень занемог; однако сегодня гораздо лучше. — Когда получим мы от вас хотя изрядные какие-нибудь вести? А то все дурно, да к тому же еще и не хорошо¹.

Поцелуй, милый друг, за меня все достойные ручки. — Я сегодня опять принялся за милую свою работу — Светлановну², а то вчера что-то не клеилось.

Прости, милый, я весь твой.

А. Плещеев.

¹ Написано в ответ на неизвестное письмо Жуковского, в котором содержались «дурные» вести, вероятнее всего, о болезни М.А. Протасовой.

² См. предыдущее письмо о работе Плещеева над музыкой к «Светлане» Жуковского.

<15>

А.А. Плещеев

9 декабря 1813 г. Чернь

Здравствуй, милый друг! Что ж это такое? Когда не болезни, то слезы¹? — На что же это похоже?

Однако видишь, что Анна Ивановна отгадала? — Видишь, что нам ни во флигелях, ни на верьхах² быть не надо?

Я все эти дни после твоего отъезда был не очень здоров. — Сегодня лучше, и я перевел половину твоего послания Доктору³.

Ты как поживаешь? Пиши мне! Пиши более! Пиши крепче! — Пиши шипче! Да ну! Пиши же!

Обнимаю тебя крепко! Итак, прости до 20-го.

Твой верный А. Плещеев.

Сего декабря 9-го 1813. Несносно⁴.

¹ Ответ (с адресом: «Другу Жуковскому») на неизвестное письмо поэта из Муратова, по-видимому, от первых чисел декабря 1813 г.

² Возможно, речь идет о каком-то помещении в доме Плещеева для его музыкальных занятий с Василием Андреевичем.

³ Имеется в виду послание Жуковского «К доктору Фору», датированное 12–16 января 1814 г. по положению автографа в тетради [5, т. 1, с. 646]. Сообщение о нем в письме от 9 декабря 1813 г. позволяет считать временем его создания ноябрь 1813 г. Послание Жуковского было проникнуто чувством благодарности за ту врачебную помощь, которую Р. Фор оказал М.А. Протасовой. Перевод послания мог готовиться как подарок доктору к Новому году, что Протасовы вместе с ним, Плещеевыми и другими гостями праздновали в Муратове 1 января 1814 г. В январе 1815 г., прощаясь с Василием Андреевичем в Долбине — имении А.П. Киреевской (Елагиной), Фор преподнес ему ответное послание на французском языке (см. запись в альбоме: [8, с. 17–18]).

⁴ В письме содержатся две плохо читаемые краткие приписки А.И. Плещеевой о полученном письме Жуковского с благодарностью за него и неким вопросом.

<16>

А.А. Плещеев

<14 декабря 1813 г. Чернь>

Здравствуй, милый друг Жуковский! Вот постоянство наших зим! — Всякий Божий час метели.

Сделай милость, пришли мне «Пустынника» и даже «Журавлей»¹. — Я в таком, что называется по-итальянски, *эстрé**, что верно в миг кончу одну из сих балладочек.

«Пустынника» знаю один только стих, а и тут сделал начало славное!

Да еще, братец, перешли мне «Велизария» романс², ибо у меня один только куплет.

Обними за меня любезного тезку моего³ именем и чернотою.

Прости, милый, до свиданья! — Поцелуй за меня все достойные ручки.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je vous envoie mon aimable ami des noix qui étoient prêtes hier mais je n'ai pu les envoyer à cause du тязесть. Remerciez bien Natalie je vous prie pour m'avoir écrit ce que je n'aurai dû savoir que de Marie, c'est qu'elle n'avait plus ni vin ni chocolat. Le 16 je viendrai absolument mon

Alexandre viendra avant, je viens <?> après demain si le temps le permet.
Adieu mon cher et bon Joukowski. Bien des choses à vot<re> ami.

<Перевод:>

Посылаю вам, любезный друг, орехи, которые были приготовлены вчера, но я не смогла их послать из-за [тяжести]. Поблагодарите, пожалуйста, Наталью⁴, которая написала мне о том, о чем я должна была узнать только от Марии: что у нее нет больше ни вина, ни шоколада. 16-го приеду непременно, мой Александр появится раньше, я буду <?> послезавтра, если погода позволит. Прощайте, мой дорогой добрый Жуковский. Тысяча поклонов ваш<ему> другу.

* Эстре (от *итал.* *estro*) — т. е. пыл, вдохновение.

¹ Речь идет о балладах Жуковского «Пустынник» (1812) и «Ивиковы журавли» (1813); музыка Плещеева к ним утрачена.

² Музыка Александра Алексеевича к романсу А.Ф. Мерзлякова «Велизарий» (1806) также утрачена. 6 января 1814 г. он был впервые исполнен А.И. Плещеевой в сопровождении оркестра, о чем сохранилась дневниковая запись А.Ф. Воейкова: празднество в Черни, в котором участвовало все муратовское общество, знаменовало окончание Святкок («fête des rois») и, одновременно, годовщину возвращения Жуковского из армии (*Соловьев Н.В.* История одной жизни: (А.А. Воейкова — «Светлана»). Пг., 1915. Кн. I. С. 33).

³ Имеется в виду Александр Федорович Воейков (1778/79 – 1839) — поэт и журналист, живший в это время в Муратове и ставший мужем А.А. Протасовой в 1814 г.

⁴ Н.А. Азбукина — внебрачная дочь А.И. Протасова, отца Маши и Саши; в начале 1814 г. жила в Муратове, в середине года переехала в Долбино.

<17>

А.А. Плещеев

23 декабря 1813 г. Чернь

Ну, милый друг, уморил ты нас от беспокойства! И ума не можем приложить и не умеем растолковать, что это может значить. — Если бы, сохрани Бог, у вас и нездорово было, все бы кто-нибудь да написал! или бы лошади наши возвратились! — А то, вообрази сам, от 19-го до 23-го никакого известия о вас не имеем, и все ждали тебя¹. Мы, словом сказать, в ужасном беспокойстве. — И не дай Бог тебе все это чувствовать. — Прости, брат, черт с тобой, если ты только мюзаришь²!

Твой верный

А. Плещеев.

23-го декабря 1813.

Целуй за меня все отборные ручки.

¹ Речь идет о приезде Жуковского с обитателями Муратова в Чернь на Рождество.

² Мюзарить (от *франц.* musard) — т. е. ротозейничать.

<18>

А.А. Плещеев

<20–25 января 1814 г. Чернь>

Милостивые государи батюшки Василий Андреевич! и батюшка Александр Федорович!

Желаю батюшки наши вам всякого здравия и благополучия. — Хотелось бы мне, отцы мои, с вами поговорить и повидаться; но

Вот поехал Букильон
Вдоль по Новугорской.
Для меня завиден он!
Экой кот заморской!
Вздумал, сел и поскакал!
Видно, Бог его сыскал!
Экой кот заморской!
Жги!
Экой кот заморской²!

До 29-го, видно, ребяташки, не видать мне вас; а мне хотя и не здоровится, я бы с вами опять возвратил всю свою веселость. Она, видно, так уж под залогом у вас и остается. — Мне, чтоб быть здоровым, надо быть веселым, а я без вас, милые друзья, что называется, вот так... чтоб... совсем, то есть до дурачества, быть веселым не могу. — Правда! Хорош и Вилар! И Гутальс не дурен³! Да с кем же, голубчики, мне их разделить! — Ниночка моя такая добрая! Она этих скромных насмешек не кушает! — Простите, друзья! — Поцелуйте за меня милые ручки! — А не милых не целуйте!

Ваш верный раб,
то есть вран черный⁴

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je me rappelle au souvenir d'un <des> Messieurs avec accompagnement de mille choses les unes plus jolies que les autres au cher Joukowski. Combien je suis triste à ne pouvoir passer un jour de naissance avec lui.

<Перевод:>

Кланяюсь одному <из> государей батюшек и передаю тысячу пожеланий, одно лучше другого, дорогому Жуковскому. Как мне жаль, что не могу провести с ним день рождения.

¹ Письмо датируется по упоминанию о близком дне рождения Жуковского (29 января). В этот день Плещеев намеревался отправиться в Муратово, а его жена — остаться дома. Укрепляет датировку дружеское упоминание А.Ф. Воейкова, которое свидетельствует о самом благополучном периоде в его отношениях с Василием Андреевичем. После 29 января Воейков уехал из Муратова для устройства своих дел перед свадьбой с А.А. Протасовой.

² Стихотворение Плещеева «Вот поехал Букильон...» переключается с одним из стихотворений шуточного цикла Жуковского, имеющего в двадцатитомном Полном собрании сочинений и писем поэта условную и компоновку, и заглавие «<Первое апреля 1814 г.>» [5, т. 1, с. 319–326, 667–669]. Включенное в него стихотворение «Похождения или поход первого апреля: (La bonne aventure)» имеет ту же строфу, что и стихотворение Плещеева, а также сходный с ним припев «Ай, жги!» с повтором предыдущего стиха; ср. с 1-ой строфой «Похождений...» Жуковского:

Был-жил в свете Букильон
И поэт Жуковский!
Букильону снился сон
Про пожар Московский!
Видел также он во сне,
Что Профессор на коне
Ехал по Покровской.
Ай, жги!
Ехал по Покровской [5, т. 1, с. 322].

Переключка стихотворений Жуковского и Плещеева ставит вопрос об очередности их создания. Более вероятным представляется, что подражателем был Александр Алексеевич, и стихотворение «Похождения...» было написано к 1 апреля 1813 г. Тот же вывод об ошибочности отнесения его к 1814 г., но на ином эпистолярном материале см. в: [8, с. 19].

³ О Ж.-Э. Визаре (в письме буквально: «Вилар») см. <5>, примеч. 5. Гутальс (*Goethals*) — пленный француз, о котором встречаются сочувственные упоминания в орловском дневнике Протасовых за август–октябрь 1812 г. [10, с. 689–690]; в 1815 г. Гутальса вспоминала М.А. Протасова в одном из своих писем (см.: Уткинский сборник I. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / ред. А.Е. Грузинского. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. С. 142). Визар же неоднократно упоминался в шуточных стихах и разного рода сценках, разыгрывавшихся в имении Плещеева. Каких-либо текстов такого же рода с упоминанием Гутальса не сохранилось.

⁴ Называя себя «враном черным», Плещеев делает отсылку к «Светлане» Жуковского; впоследствии это стало его арзамасским прозвищем.

<19>

А.А. Плещеев

<20 апреля 1814 г. Чернь>

Здравствуй, друг милый!

Каково у вас? — Я вчера возвратился в пять часов по утрам из Орла¹. — Ах! Брат! какая музыка²! Подлинно, в Европе редкость! Да и натурально: люди, которые играют от колыбели вместе, должны быть согласнее тех, которые, от Юга, от Севера собравшись в путь вчера, играют сегодня вместе каким вкусом кому заблагорассудится. — Случалось ли тебе видеть богамцев, которые, человек 5–6, путешествуют с малых лет вместе и почти нот не знают³? Их заслушаешься! Так-то и у нас в России под хорошим хозяином-музыкантом должен сделаться всякий 30-тилетний оркестр.

Это клонит к тому, что я и на свой оркестр надеюсь как на каменную стену. — Дал бы нам Бог только здоровья, доброго нрава для здоровья, веселости для доброго нрава, милых друг <так!>, как вы, для веселости! — Сурьянина для милых друзей! — Весна для Сурьянина!.. И так далее. — Чернышев, скажу тебе, по прошению издателя Инвалида делает французский *feuilleton** в прибавление к сему журналу, в буфонском роде; читал мне много славных статей и просит нас с тобой быть его корреспондентами⁴.

Prospectus его пресмешной и очень хорошо сделан.

Прости! милый, обнимаю тебя... сам знаешь, как искренно, как сильно!

Твой верный

А. Плещеев.

Да поцелуй же за меня ручки отборные.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Mille choses à l'ami de mon ami au frère de mon mari par conséquent à mon beau frère le 20 le 20 le 20.

<Перевод:>

Всего самого доброго другу моего друга, брату моего мужа, следовательно, моему деверю 20, 20, 20.

* Фельетон (*франц.*).

¹ Датируется 20 апреля 1814 г. Датировка письма опирается, во-первых, на актуальное для весны 1814 г. упоминание в нем А.А. Плещеевым «Сурьянина для милых друзей», т. е. для Жуковского, который в мечтаниях связывал с этой деревней, принадлежавшей Е.А. Протасовой, свою будущую жизнь с Машей, а во-вторых, на

троекратный повтор числа «20» в финале приписки А.И. Плещеевой. В марте–апреле 1814 г. Александр Алексеевич пребывал в постоянных разъездах по Орловской губернии. В письме от 16 апреля 1814 г. Жуковский сообщал А.П. Киреевской (Елагиной) о кратковременном приезде Плещеева в Чернь и затем в Муратово, а также о том, что они разъехались, стараясь застать там друг друга (к этому времени и относится комментируемое письмо). Затем он вновь уехал в Орел, где встретился в последних числах апреля с Василием Андреевичем и откуда вернулся с ним в Чернь 4 мая 1814 г. О деревне Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново) см.: [5, т. 1, с. 642–643; т. 15, с. 205, 241, 396, 771–772].

² По-видимому, речь идет о крепостном оркестре в орловском имении Тагино графа Г.И. Чернышева. По воспоминанию М.Д. Бутурлина, относящемуся к несколько более позднему времени, «в Тагине был оркестр из крепостных музыкантов <...> оркестр мог бы с честью занять место в любом столичном театре» [6, с. 42]. В 1828 г. чернышевский оркестр был приобретен дирекцией Императорских театров, однако возглавившихся на него надежд не оправдал (Яцевич А.Г. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л.: Пушкинское общ-во, 1937. С. 140).

³ Имеются в виду бродячие музыканты (цыгане) из Богемии (Чехии).

⁴ Речь, по-видимому, вновь идет о Г.И. Чернышеве, поэте и драматурге: «Граф Григорий Иванович олицетворял собою офранцузенных екатерининских вельмож; он был очень любезен в обществе, свободно писал французские вирши и довольно плохо знал русский язык» [6, с. 43]. Иных, помимо письма Плещеева, свидетельств о замысле П.П. Пезаровиуса, издателя газеты «Русский инвалид», обратиться к публикации бюллетеней («feuilleton») «в буфонском роде» на французском языке обнаружить не удалось. В этом издании до сентября 1814 г. публиковались «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», включавшие материалы из парижских газет, известия от корреспондентов, антинаполеоновские прокламации и т. п. Замысел, о котором пишет Александр Алексеевич, предполагал полемику с французскими журналистами, вполне актуальную для весны 1814 г.

<20>

А.А. Плещеев

<18–20 декабря 1814 г. Чернь>

Что ты, любезный и милый друг? Здоров ли? — Покойнее ли? De corps et d'âme! — Vous ne doutez pas, ami cher, du vide que votre départ a laissé parmi nous! Voilà la vie humaine! On forme des liaisons, on s'attache; une société d'amis sincères, je lie par la conformité des goûts, des sentiments. Dans les moments d'épanchement de joie ou d'attendrissement, ils bénissent le sort qui les a rassemblés; étrangers à tout mouvement de sottise ambition, ou d'intérêt; ils ne prévoient même pas que jamais quelque chose puisse délier ce nœud formé par la sympathie. — Tout change! — La société se voit dissoudre... On cherche à former d'autres liaisons!.. Vain espoir! — Le regret même des anciennes rend celles-là plus légères... Enfin l'âge é moussé jusqu'au sentiment... Il ne reste que le regret... Je ne sais si vous pensez comme moi; mais la correspondance est un bien faible dédommagement*. Однако, любезный друг, не будем лениться, давай писать, часто, много и откровенно... даже без сарказмов¹. — Вот почему письма не то, что присутствие

милого человека: иногда хочется, точно... вот точно тебе что-нибудь сказать, прочесть, пропеть, спросить. Ан тут не почтовый день... А когда почтовый, то или лень, или нездоров, или в дурном нраве... да и в дурном-то нраве оттого, что: *вот, дискать, не вижу его, а должен за 300 верст писать к нему, да и черт знает, когда увидишь!.. вместе было как хорошо!..* и проч.

В самый день твоего отъезда ты знал, что мы с Губаревым ехали стрелять? Не доехали до куликов... видно, что на все день несчастный!.. Бедный наш Губарев неосторожно положил руку на дуло ружья, оно было взведено... выстрелило!.. и... оторвало почти весь большой палец правой руки². Вообрази себе мое состояние! За шесть верст до Черни! без помощи! — Видишь человека, которого любишь, в таком положении! — Думать, что, может быть, и всей руки нет!.. Что и жизнь в опасности.

Кое-как сняли мы с Павлом у него перчатку. Завязали руку и во весь дух прискакали в Чернь, где послали и в Болхов за Игнатищевым и в Орел за Вестфалем³... Игнатищев приехал... Помог! и вчера уже нашел, что милый наш Губарев останется с пальцем, хотя, может быть, и кривым; однако и то счастье!

Ты не можешь, друг мой, вообразить, как жаль его! — Ты знаешь, что он любит и точить?.. Каково же потерять палец большой на правой руке! Вестфаль хотя и не приехал, однако надо отдать справедливость Игнату! — Он ездит всякий день и лечит хорошо! Прости, любезный и милый друг! обнимаю тебя от всей души! — Люби меня! Право, я искренно люблю тебя. — Губарев тебе кланяется вчера; ибо сегодня не смею сказать ему, что пишу к тебе, у него всегда у бедного слезы на глазах, когда говорит о письме или о чем-нибудь, что правой рукой делается.

Твой верный друг

Александр Плещеев.

Дети все тебя целуют. — О Лъели и говорить нечего; мы вместе с ним часто о тебе грустим.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je me rappelle au souvenir de notre aimable ami et lui dirai que j'ai eu ce matin des nouvelles de nos amis qui étoient hier à Orel. Elles se portent bien. Barte <?> les y a vus. Nous allons envoyer l'argent blanc qu'on vient de nous rapporter. On me presse pour la poste. Adieu, portez vous bien, je suis sûre que nous vous manquons, presque autant que vous nous manquez, et croyez à la sincère amitié de vos amis vrais et sincères de Tchern.

<Перевод:>

Кланяюсь нашему любезному другу и сообщаю, что сегодня утром получила известие от наших друзей, которые вчера были в Орле⁴. Они в добром здравии. Барт⁵ <?> их там видел. Пошлем серебро, которое нам только что доставили. Меня торопят с почтой. Прощайте, будьте здоровы, уверена, что вы скучаете без нас, как и мы без вас, верьте искренней дружбе ваших верных и преданных друзей из Черни.

* Телом и душой! — Ты не представляешь, мой дорогой, как у нас стало пусто после твоего отъезда! Такова человеческая жизнь! Завязываются знакомства, симпатии; общество искренних друзей, я привязываюсь по сходству вкусов, чувств. В моменты прилива радости или умиления мы благословляем судьбу, соединившую нас; мы не подвластны глупому честолюбию или корысти; трудно представить, что что-либо может развязать этот узел, возникший по взаимному влечению. — И вдруг все меняется! — Общество распадается... Пытаешься завязать новые отношения!.. Тщетная надежда! — Само сожаление о прежних связях делает новые более легковесными... Наконец время притупляет чувства... Остается только сожаление... Не знаю, думаешь ли ты, как я; но переписка суть слабая компенсация (*франц.*).

¹ Письмо носит прощальный характер, поскольку Жуковский намеревался покинуть родные места вслед за Протасовыми. Из Черни Василий Андреевич уехал в Долбино, откуда 6 января 1815 г. отправился в Москву и затем в Дерпт.

² В.И. Губарев был усердным переписчиком стихотворений Жуковского. Инцидент, о котором повествует Александр Алексеевич, объясняет внезапное исчезновение из переписки поэта упоминаний о его работе. Сцена на охоте произошла в начале декабря 1814 г. 8 января 1815 г. Губарев уехал из Черни, отправив в тот же день прощальное письмо к Плещееву и Жуковскому, написанное иной, по-видимому, женской рукой (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 386).

³ Плещеев называет докторов, во-первых, из Болхова (отметим, что в ежегодных изданиях «Российского медицинского списка», выпускавшихся Медицинским департаментом Министерства внутренних дел, лекарь по фамилии Игнатищев не значится), а во-вторых, из Орла (Ф.И. Вестфаль — штаб-лекарь, оператор).

⁴ Речь идет о возвращении семейства Е.А. Протасовой из поездки в Рязань. Из письма А.А. и А.Ф. Воейковых к Жуковскому от 3–13 декабря 1814 г. известно, что они намеревались отправиться оттуда в Муратово в ближайшие (после 13-го) дни [9, с. 46–48].

⁵ Барт (*Barte*) — лицо неустановленное.

<21>

А.А. Плещеев

<Конец декабря 1814 г. Чернь>

То-то и есть, любезнейший друг Жуковский мой, что сегодня Ниночка моя хороша ввечеру; может быть, и завтра будет изрядно; а послезавтра придет опять та же беда¹. — Послал я тебе давеча Сына Отечества; там есть штучка пресмешная: *О просвещении русских*². Приказываю вам прочесть сие, всем вместе собравшись вкупе,

вслух и посмеяться за меня, похаживая в пирамидальных блистаниях. — Вот то-то и есть; я хочу, когда успокоятся все мои чувства, без обиды Эдуарду написать маленькую русскую — не комедь... нет! а так, маленький актит³... Французы, когда не смеют назвать чего комедией, то изволят говорить: *Folie en un acte**. — Это мой случай.

Но теперь, брат милый, я бы и спал да спал. — Прости, друг, расцелуй ручки за меня у всех достойных оного пирамидального блистания.

Mille choses vraiment et absolument sincères au bon et cher aimable docteur**.

Сашка.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Vous voyez par là mon cher Joukowsky que mon pauvre Alexandre a perdu la tête. Il veut absolument que mon vice revienne après demain. Et moi j'espère qu'il n'en sera venu. Bien des choses au bon docteur.

Любите меня, как я вас люблю.

Adieu.

<Перевод:>

Видите, мой дорогой Жуковский, мой бедный Александр потерял голову. Он непременно хочет, чтобы мой изьян вернулся послезавтра. А я надеюсь, что он не вернется. Кланяйтесь доброму доктору.

[Любите меня, как я вас люблю.]

Прощайте.

* Безумие в одном действии (франц.).

** Самые искренние поклоны доброму и дорогому доктору (франц.).

¹ Письмо написано, по-видимому, в связи с приглашением Плещеевых в Долбино, где жил в это время и доктор Р. Фор, кому в письме супружеская чета посылает свои поклоны. Нездоровье Нины свидетельствовало о развивающейся чахотке, от которой она умерла в 1817 г. В письме от 25–28 ноября 1814 г. Жуковский писал А.П. Киреевской (Елагиной) из Черни: «Здесь все нездорово <...> кашляет Анна Ивановна и лежит» [5, т. 15, с. 295].

² Имеется в виду статья П.Ю. Львова «О просвещении России в древние времена», напечатанная в журнале «Сын Отечества» в 1814 г. (№ XXIII–XXV) и наполненная панегириками на тему отечественной истории. Письмо Плещеева стилистически предвосхищает иронические упоминания о Львове в писаниях членов общества «Арзамас» [7, с. 422]. Отрывок из письма с ошибочной датировкой («конец мая – начало июня 1817 года») и комментарием относительно упомянутой в нем статьи см. в: [4, с. 36–37].

³ О «замысле оперы-буфф» с публикацией отрывка из письма Плещеева см.: [4, с. 41–42].

Литература

1. *Афанасьев С.И.* «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // *Временник Пушкинской комиссии* / отв. ред. В.П. Старк. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 152–169.
2. *Афанасьев С.И.* «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // *Временник Пушкинской комиссии* / отв. ред. В.П. Старк. СПб.: Наука, 2005. Вып. 30. С. 142–151.
3. *Глумов А.Н.* Судьба Плещеевых: (Исторический роман). М.: Сов. писатель, 1973. 544 с.
4. *Глумов А.Н., Доброхотов Б.В.* Александр Плещеев // *Музыкальное наследство* / под ред. М.П. Алексеева и др. М.: Музыка, 1976. Т. IV. С. 28–72.
5. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / гл. ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 1999–2019; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2023–.
6. Записки графа М.Д. Бутурлина. 1824–1827 // *Русский архив*. 1897. Кн. 2. Вып. 5. С. 5–74.
7. *Зорин А.Л., Витенберг Б.М.* Львов Павел Юрьевич // *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь* / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1994. Т. 3. С. 421–422.
8. *Ларионова Е.О.* История о докторе Форе в русском плену // *Пушкин и его современники* / под ред. Е.О. Ларионовой, О.С. Муравьевой. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44). С. 5–41.
9. Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829 / вступ. ст. и коммент. С.В. Березкиной; сост. и подгот. текста С.В. Березкиной, Н.Л. Дмитриевой, В.С. Киселева, О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2020. 464 с.
10. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М.: Знак, 2009. 728 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“I Embrace You Brotherly, Friendly...” (Alexander Pleshcheyev’s Letters to Vasily Zhukovsky, 1809–1814)

*Introductory article and notes by Svetlana V. Berezkina,
text preparation by Svetlana V. Berezkina and Nina L. Dmitrieva*

© 2024. Svetlana V. Berezkina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

© 2024. Nina L. Dmitrieva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is the first complete publication of the letters of Alexander Pleshcheyev (composer, poet, playwright, member of the Arzamas Society) to Vasily Zhukovsky for 1809–1814. During this period, Pleshcheyev was one of the closest poet’s friends, aware of all his personal and creative affairs. The lack of Zhukovsky’s letters to him, lost in the later fire of the estate house in Bolshaya Chern, makes Pleshcheyev’s letters the most valuable source of Zhukovsky’s scientific biography of the early period (before he departed from his native lands). In 1809–1814, Zhukovsky spent a lot of time on the road, leaving and returning to Muratovo, where his love for Maria Protasova attracted him. The article presents Pleshcheyev and his wife, Anna Ivanovna, as the most active participants in the unsuccessful attempts to arrange a desirable marriage for Zhukovsky and Maria. It is worth noting that Pleshcheyev’s letters help publishers of the poet’s epistolary to solve the most complicated issues related to these movements and his relationships with relatives and friends. Also, these Alexander Pleshcheyev’s letters contain pivotal dates for determining the time of the creation of Zhukovsky’s “home” humorous poems, which have conditional dating in some printed publications. The letters containing messages and postscripts by V.I. Gubarev, S. Moreau de la Meltier, O.P. Bouquillon, and others give a comprehensive idea of the life of the hospitable Pleshcheyev house.

Keywords: Vasily Zhukovsky, biography, poems of 1809–1814, Alexander Pleshcheyev, biography, musical compositions, epistolary, history of Russian literature (the first third of the 19th century).

Information about the authors: Svetlana V. Berezkina — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-6834>

E-mail: s.berezkina@mail.ru

Nina L. Dmitrieva — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-3721>

E-mail: ninalvovna@mail.ru

For citation: “‘I Embrace You Brotherly, Friendly...’ (Alexander Pleshcheyev’s Letters to Vasily Zhukovsky, 1809–1814),” text prep. by S.V. Berezkina and N.L. Dmitrieva, introd. article and comm. by S.V. Berezkina. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 000–000. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-000-000>

References

1. Afanas’ev, S.I. “‘Druz’ia moi...’: (Novye biograficheskie svedeniia o litsakh pushkinskogo okruzheniia iz metriceskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.)” [“‘My Friends...’: (New Biographical Information about the Persons of Alexander Pushkin’s Entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the Late 18th and Early 19th Centuries)"]. *Vremennik Pushkinskoi*

komissii [The Periodical of the Pushkin Commission], issue 29, ed. by V.P. Stark. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 152–169. (In Russ.)

2. Afanas'ev, S.I. “Druz'ia moi...”: (Novye biograficheskie svedeniia o litsakh pushkinskogo okruzheniia iz metricheskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.)” [“My Friends...”: (New Biographical Information about the Persons of Alexander Pushkin's Entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the Late 18th and Early 19th Centuries)"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii [The Periodical of the Pushkin Commission]*, issue 30, ed. by V.P. Stark. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 142–151. (In Russ.)

3. Glumov, A.N. *Sud'ba Pleshcheevykh: (Istoricheskii roman) [The Fate of the Pleshcheevs: (A Historical Novel)]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 544 p. (In Russ.)

4. Glumov, A.N., and B.V. Dobrokhoto. “Aleksandr Pleshcheev” [“Alexander Pleshcheev”]. *Muzykal'noe nasledstvo [Musical Legacy]*, vol. 4, ed. by M.P. Alekseev et al. Moscow, Muzyka Publ., 1976, pp. 28–72. (In Russ.)

5. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t. [Complete Works and Letters: in 20 vols.]*, ed. by A.S. Ianushkevich. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1999–2019, Tomsk, Tomsk University Publ., 2023–. (In Russ.)

6. “Zapiski grafa M.D. Buturlina. 1824–1827” [“Count M.D. Buturlin's Notes. 1824–1827”]. *Russkii arkhiv [Russian Archive]*, vol. 2, issue 5, 1897, pp. 5–74. (In Russ.)

7. Zorin, A.L., and B.M. Vitenberg. “L'vov Pavel Iur'evich” [“Lvov Pavel Yurievich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]*, vol. 3, ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, Fianit Publ., 1994, pp. 421–422. (In Russ.)

8. Larionova, E.O. “Istoriia o doktore Fore v russkom plenu” [“The Story of Dr Faure in Russian Captivity”]. *Pushkin i ego sovremenniki [Alexander Pushkin and His Contemporaries]*, issue 5 (44), ed. by E.O. Larionova, O.S. Murav'eva. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 5–41. (In Russ.)

9. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeikovi: 1811–1829 [Vasily Zhukovsky's Correspondence with Alexandra Voeikova: 1811–1829]*, introd. article and comm. by S.V. Berezkina, comp. and text prep. by S.V. Berezkina, N.L. Dmitrieva, V.S. Kiselev, O.B. Lebedeva. Tomsk, Tomsk University Publ., 2020. 464 p. (In Russ.)

10. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoi: 1813–1852 [Vasily Zhukovsky's Correspondence with Avdotya Yelagina: 1813–1852]*, comp., text prep., article and comm. by E.M. Zhiliakova. Moscow, Znak Publ., 2009. 728 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.12.2023
 Одобрена после рецензирования: 31.01.2023
 Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 12.12.2023
 Approved after reviewing: 31.01.2023
 Date of publication: 25.03.2024

Неизвестное письмо О. Мандельштама

© 2024, И.З. Сурат

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья содержит публикацию неизвестного письма О.Э. Мандельштама к Е.Ф. Никитиной 1923 г., выпавшего из поля зрения специалистов и не учтенного в изданиях и биографии поэта. Тема письма — возврат заимствованных у адресата книг. Комментарий к письму включает информацию о литературных отношениях Мандельштама с Е.Ф. Никитиной, анализ некоторых особенностей текста, уточнения к упомянутым в нем реалиям. Материал сопровождается публикацией автографов из фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Статья восстанавливает неизвестный эпизод из жизни Мандельштама в Москве в 1923 г., из его отношений с Е.Ф. Никитиной и Н.Н. Асеевым.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, Е.Ф. Никитина, Н.Н. Асеев, письмо, автограф.

Информация об авторе: Ирина Захаровна Сурат — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

Для цитирования: Сурат И.З. Неизвестное письмо О. Мандельштама // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 95–103. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-95-103>

В 1963 г. Анна Ахматова закончила свои воспоминания об Осипе Мандельштаме словами: «Готовят академическое издание его произведений. Находка одного его письма — событие»¹. Такие события до сих пор случаются — так, совсем недавно обнаружилось

¹Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Requiem / предисл. Р.Д. Тименчика; сост. и примеч. Р.Д. Тименчика, при участ. К.М. Поливанова. М.: МПИ, 1989. С. 145.

неизвестное письмо поэта к Валентину Катаеву. В нашем случае никакой сенсационной находки нет — речь пойдет о документе давно известном и при этом нигде не опубликованном, соответственно, не прокомментированном и не учтенном в биографии Мандельштама: это письмо к Евдоксии Федоровне Никитиной (1895–1973), отложившееся в рукописных фондах Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, куда оно попало вместе с другими бумагами Никитиной после ее смерти. Может быть точнее именовать это послание запиской, поскольку оно не было отправлено почтой, а, как убеждает надпись на обороте сложенного вдвое листка («Евдоксии Федоровне Никитиной»), было через кого-то передано или где-то оставлено для адресата. Информация о наличии этого автографа (с разночтениями в отсылках) содержится в изданном еще в 2007 г. сборнике подготовительных материалов к Мандельштамовской энциклопедии [2, с. 294; ср.: с. 290], однако и после этого письмо так и не было обнародовано; не упоминается оно и в «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама» [5]. При этом подлинность автографа не вызывает сомнений.

Текст приводится с сохранением авторской орфографии, пунктуации и подчеркиваний:

Многоуважаемая Евдоксия Федоровна!

Тысячу извинений (хотя все таки я глубоко виноват).

Книжки я брал для Асеева.

Десятки раз просил его их вернуть.

Ездил к нему в «Вхутемас» на 10^й этаж, не заставал дома и т. д.

Завтра заберусь к нему с утра и заберу Ваши книги.

Он неоднократно обещал мне их прислать и обманывал. каждый раз.

Сообщаю Вам все это не для оправдания, а чтобы Вы знали как это могло случиться. Но — моя вина!

Завтра я займусь возвращением Ваших книг. как единственным делом и преодолею все трудности.

Мне очень совестно — и я хотел бы чтобы Вы хоть слегка меня извинили

С искренним уважением

О. Мандельштам

20/V/23²

---

² ГМИРЛИ. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 462. За предоставленные для этой публикации скан-копии документов благодарю П.М. Нерлера.

Многочисленные Эврейские Переводы!
 Тысячу обвинений (книги все браны и
 публично вышвырнул)
 Книжки и брань для Ассела.
 Сегодня раз просят от их переводов.
 Судно к нему в, Возвращаясь на 10.5
 брань, не забывая дома и т.д.
 Забери забери к нему с брань и
 забери ваши книги.
 Он неоспорительно обвиняет меня и
 упрямый и обманчивый, как и ты раз.
 Почему Паша вы это не приговорил,
 а почему ты знаешь как это можно
 сделать. Но — моя вина!
 Забери и займись возвращением
 Пашах книг — как справедливо узнаешь
 и перевернешь все принципы.
 Мне очень совестно совестно — и я какая
 ты прощаешь ты хотел мне извинения
 С искренним уважением
 О. Мандельштам
 20/5/23

Письмо О.Э. Мандельштама Е.Ф. Никитиной от 20 мая 1923 г.

O.E. Mandelstam's Letter to E.F. Nikitina dated May 20, 1923

Очевидно, что Мандельштам отвечает на просьбу адресата вернуть книги, которые он давно взял и долго не возвращал, — история, вполне для него характерная, достаточно вспомнить публичный скандал, разразившийся в 1920 г., когда Максимилиан Волошин обвинил Мандельштама в краже книг из его библиотеки, а Мандельштам ответил на это оскорбительным письмом³. В нашем случае до

³ Подробности см.: [4].

ссоры, видимо, не дошло, по крайней мере, литературные отношения Мандельштама и Никитиной этим эпизодом не были прерваны.

Е.Ф. Никитина — организатор литературного объединения «Никитинские субботники» (1913–1933) и одноименного издательства, критик и литературовед⁴. 8 апреля 1922 г. Мандельштам выступал на заседании ее кружка, проходившего, как обычно, в московской квартире Никитиной, читал стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917) [3, с. 174]. В тот же день он оставил расписку в получении гонорара «за 2 стихотворения для сборника “Свиток”» — «2.800.000 р.»⁵, однако Никитина опубликовала в своем альманахе лишь одно его стихотворение, то самое «Золотистого меда струя из бутылки текла...», и лишь через 2 года в 3-м выпуске «Свитка»⁶. Там же она дважды упомянула Мандельштама в статье «Поэты и направления: (Пути новейшей поэзии)»:

О. Мандельштам — поэт скупой и замкнутый, не только увлеченный, но и носящий в себе классическую традицию французской поэзии, выпустил книгу «Камень», книгу значительных холодно-певучих стихов⁷.

О с и п М а н д е л ь ш т а м — «Tristia» 23 г.

Единственный поэт, умело и тонко культивирующий классически французскую традицию в поэзии на почве философского восприятия современности. При огромном богатстве образов, тончайшей музыкальности и высокой культурности бывает излишне громоздок, порою неряшлив⁸.

В 1926 г. Никитина выпустила учебное пособие «Русская литература от символизма до наших дней», где она предложила студентам для изучения тему «Элементы классики в поэзии Мандельштама», сформулировала ряд вопросов по ней и дала краткую библиографию⁹. И позже Никитина продолжала собирать сведения о Мандельштаме,

⁴ Подробнее о ее деятельности см.: [6].

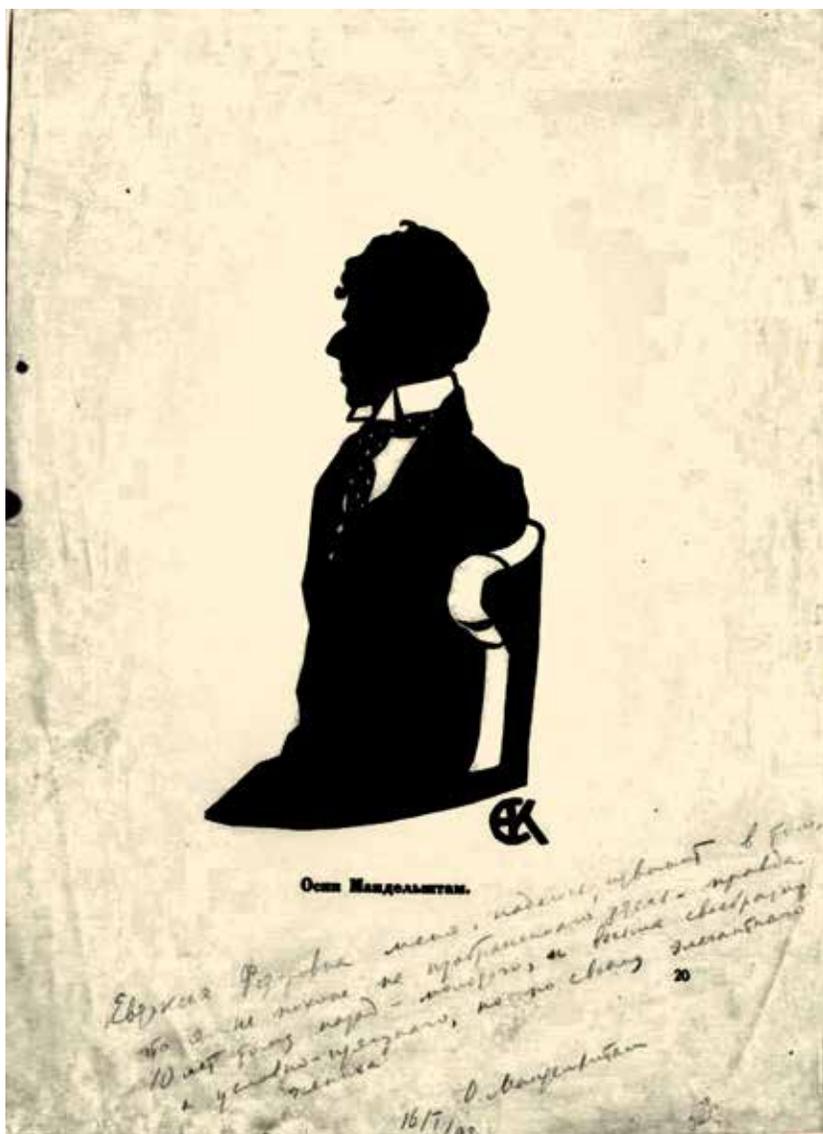
⁵ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 15. Воспроизведено: URL: <https://mandelstam.hse.ru/archive/201883875> (дата обращения: 11.01.2024).

⁶ См.: Свиток: [Альманах литературного общества «Никитинские субботники»]. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. Вып. 3. С. 59.

⁷ Там же. С. 126

⁸ Там же. С. 136.

⁹ *Никитина Е.Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 92.

Надпись О.Э. Мандельштама на странице книги Е.С. Кругликовой.
16 января 1923 г.

*O.E. Mandelstam's Inscription on a page of E.S. Kruglikova's book
dated January 16, 1923*

как и о других современных ей литераторах, — в ее архиве хранится папка с материалами к его биографии и библиографии¹⁰.

Мандельштам и сам пополнил эту коллекцию — в январе 1923 г., видимо, по просьбе Никитиной (она собирала автографы) он сделал надпись на странице книги Елизаветы Сергеевны Кругликовой, где был воспроизведен его силуэт¹¹:

Евдоксия Федоровна меня, надеюсь, извинит в том, что я не похож на изображенного здесь — правда 10 лет тому назад — молодого, и весьма своеобразно и условно-изящного, но по своему элегантного жениха!

О. Мандельштам

16/1/23¹²

Страница эта оказалась вырезанной из книги — не исключено, что это сделала сама Никитина. В надписи Мандельштам немного слукавил — все-таки Кругликова вырезала его силуэт не «10 лет тому назад», а предположительно в 1916 г.

В декабре 1924 г. Мандельштам с женой, по некоторым данным, приезжали из Ленинграда в Москву на десятилетний юбилей «Никитинских субботников» [5, с. 261]. Надежда Яковлевна оставила в своих воспоминаниях нелицеприятный отзыв о Никитиной:

Однажды Марина рассказала, как ходила за деньгами к Никитиной и, ничего не получив, разругалась с незадачливой издательницей. Аля, обидевшись за мать, стянула со стола книжку Цветаевой и выскочила на улицу. Она не хотела, чтобы в доме, где обижают мать, лежала ее книга Я целиком на стороне Цветаевой и Али — тем более что устойчивость Никитиной кажется мне странной. Каким образом она по нынешний день сохранила свой архив, хотя за строчку дневника или тень архивных заметок людей годами гноили в лагерях. Просто ей повезло или что-нибудь способствовало удаче?¹³

¹⁰ ГМИРЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 669.

¹¹ Кругликова Е. С. Силуэты современников. М.: Альциона, 1922 (на обложке — 1921). Вып. I: Поэты. С. 20.

¹² ГМИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 7. Лист с надписью впервые воспроизведен в [1].

¹³ Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. С. 468–469.

Третий фигурант нашего сюжета — поэт Николай Николаевич Асеев (1889–1963); их с Мандельштамом отношения, личные и литературные, проходили через разные повороты, но так или иначе они общались и держали друг друга в поле зрения на всем протяжении 1920–1930-х гг., вплоть до второго мандельштамовского ареста. В 1922–1923 гг. Мандельштам жил в основном в Москве, и, как свидетельствует уже это письмо к Никитиной, их общение было достаточно интенсивным. При этом фраза «Десятки раз просил его их вернуть» содержит явное преувеличение, как и другие «большие числа», к которым прибегает поэт в свое «оправдание»: «Тысячу извинений», «Ездил к нему в “Вхутемас” на 10^й этаж...» Последнее утверждение нуждается в комментарии.

Согласно справочнику «Вся Москва» на 1924 г., в котором учтены сведения за 1923-й, Асеев жил в это время по адресу: ул. Мясницкая, д. 21, кв. 18а¹⁴. Мясницкая, 21 — это знаменитый дом Юшкова, памятник московского классицизма XVIII в. В нем в то время располагался ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские, учебное заведение, созданное на основе Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Во дворе дома Юшкова в 1913–1915 гг. были построены два высоких жилых здания, в одном из них, где было общежитие ВХУТЕМАСА, и жил с 1923 г. Н.Н. Асеев. Теперь этот дом, с адресом Мясницкая 21 стр. 8, имеет статус памятника архитектуры федерального значения, в нем 8 этажей, не считая полуподвального цокольного. Квартира Асеева располагалась на самом верхнем этаже, и подниматься туда надо было по черной винтовой лестнице¹⁵ — отсюда мандельштамовское, слегка преувеличенное «Ездил к нему в “Вхутемас” на 10^й этаж...», «...заберусь к нему с утра...».

Послание Мандельштама к Никитиной фиксирует небольшой эпизод биографии поэта — хоть и не самый яркий, но в любом случае заслуживающий внимания.

¹⁴ Алфавитный указатель адресов постоянных жителей гор. Москвы // Вся Москва: [1924]: [Адресная и справочная книга с приложением нового плана г. Москвы]. М.; Пг.: Госиздат, 1924. С. 54.

¹⁵ За это указание благодарю знатока Москвы Л.М. Видгофа.

Литература

1. *Алексеева Л.* Дама на портрете // *TorontoSlavicQuarterly*. 2007. № 22. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/22/alekseeva22.shtml> (дата обращения: 11.01.2024).
2. *Алексеева Л., Бобосов А., Варенцова Е., Соколова М. и др.* Материалы О.Э. Мандельштама из коллекции Государственного литературного музея // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: [Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии] / сост. И. Делекторская и др. М.: ИЦ РГГУ, 2007. С. 292–301.
3. *Галушкин А.* Из разысканий об О.Э. Мандельштаме // «Сохрани мою речь...» / сост. И. Делекторская и др. М.: ИЦ РГГУ, 2008. Вып. 4/1. С. 173–182.
4. *Купченко В.П.* Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба: Осип Мандельштам: [Исследования и материалы] / отв. ред. З.С. Паперный. М.: Наука, 1991. С. 176–183.
5. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / сост. А.Г. Мец, при участ. С.В. Василенко и др. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Гиперион, 2022. 521 с.
6. *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: ИЦ РГГУ, 1998. 224 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Unknown Osip Mandelstam's Letter

© 2024. Irina Z. Surat

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article publishes the newly discovered Osip Mandelstam's letter to Eudoxia Nikitina (1923), which dropped out of sight of researchers and was not captured in studies of the poet's biography or compilations of his editions. The subject line is the return of books previously borrowed from the addressee. The commentary to the letter contains information on Mandelstam's literary relations with Nikitina, an analysis of certain features of the content of the text, and a clarification of some realities mentioned therein. The material is accompanied by the publication of the autographs (manuscripts) from the State Literary Museum's collection (Moscow, Russia). The article reconstructs an unknown episode from Mandelstam's life in Moscow in 1923 and his relations with Eudoxia Nikitina and Nikolai Aseyev.

Keywords: Osip Mandelstam, Eudoxia Nikitina, Nikolai Aseyev, the letter, autograph (manuscript).

Information about the authors: Irina Z. Surat — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

For citation: Surat, I.Z. “The Unknown Osip Mandelstam’s Letter.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 95–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-95-103>

References

1. Alekseeva, L. “Dama na portrete” [“The Lady in the Portrait”]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 22, 2007. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/22/alekseeva22.shtml> (Accessed 11 January 2024). (In Russ.)

2. Alekseeva, L., A. Bobosov, E. Varentsova, M. Sokolova, et al. “Materialy O.E. Mandel’shtama iz kollektzii Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia” [“Osip Mandelstam’s Materials from the State Literary Museum’s Collection”]. Delektorskaia, I., et al., compilers. *O.E. Mandel’shtam, ego predshestvenniki i sovremenniki: Sbornik materialov k Mandel’shtamovskoi entsiklopedii [Osip Mandelstam, His Predecessors and Successors: The Compilation for the Mandelstam Encyclopaedia]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007, pp. 292–301. (In Russ.)

3. Galushkin, A. “Iz razyskaniï ob O.E. Mandel’shtame” [“In Search about Osip Mandelstam”]. Delektorskaia, I. [et al.], compilers. *Sokhrani moiú rech’... [Preserve my Words...]*, issue 4/1. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2008, pp. 173–182. (In Russ.)

4. Kupchenko, V.P. “Ssora poetov (k istorii vzaimootnoshenii O. Mandel’shtama i M. Voloshina)” [“The Quarrel of the Two Poets (Towards the History of Relations between Osip Mandelstam and Maximilian Voloshin)”]. Papernyi, Z.S., editor. *Slovo i sud’ba: Osip Mandel’shtam: [Issledovaniia i materialy] [Word and Fate: Osip Mandelstam: [Studies and Materials]*]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 176–183. (In Russ.)

5. *Letopis’ zhizni i tvorchestva O.E. Mandel’shtama [The Chronicle of the Life and Work of Osip Mandelstam]*, comp. by A.G. Mets [et al.]. 4th ed., rev. and enl. St. Petersburg, Giperion Publ., 2022. 521 p. (In Russ.)

6. Fel’dman, D.M. *Salon-predpriiatie: pisatel’skoe ob’edinenie i kooperativnoe izdatel’stvo “Nikitinskie subbotniki” v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov [The Salon Enterprise: “Nikitinsky Subbotniks” as the Writers’ Association and Cooperative Publishing House in the Context of Literary Process of the 1920s–1930s]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1998. 224 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024
Одобрена после рецензирования: 20.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 14.01.2024
Approved after reviewing: 20.02.2024
Date of publication: 25.03.2024

**«Налаживаю связь с границей
по поводу моего “Ял-Мала”»:
Письмо харбинского литератора Василия Логинова
к Михаилу Осоргину**

© 2024, И.Е. Лоцилов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера», https://rscf.ru/prjcard_int?19-18-00127).

Аннотация: В статье рассматривается история книги рассказов забытого харбинского поэта, прозаика и журналиста Василия Степановича Логинова (1891–1945/1946?) «Ял-Мал», вышедшей в 1930 г. Используются описательный и историко-функциональный (рецептивный) методы исследования. В центре работы — публикация письма Василия Логинова к Михаилу Осоргину, где он отвечал на суждения Осоргина, высказанные тем по поводу впечатлений от книги в несохранившемся письме. В 1931 г. Василий Логинов целенаправленно занимался распространением книги в среде западной эмиграции. В приложении к статье публикуются также рецензии на книгу, появившиеся как в восточных (Харбин, Шанхай), так и в западных (Прага) эмигрантских изданиях. Выявлены упоминания книги в списках, поступивших для рецензирования в редакции эмигрантских изданий. Показано, что писавшие о книге критики невысоко оценивали давшую ей название антиутопическую повесть «Ял-Мал (Полуистлевшие письма в шкапулке)» и отмечали мастерство писателя при обращении к сибирской и уральской тематике. Рецензенты указывали на значимость обложки, на которой была воспроизведена картина Михаила Врубеля «Пан», и делали выводы о присущем писателю пантеизме и влиянии Кнута Гамсуна. Надежды автора на признание и широкое распространение книги не оправдались, однако ее судьба позволяет говорить о ней как о свершившемся «литературном факте». Внесено существенное уточнение в библиографию писателя: упоминание его книги «Харбин в стихах (Бытовые картинки)», изданной под псевдонимом «Капитан Кук», в парижском издании 1927 г. свидетельствует о ее более раннем, чем принято указывать (1932) выходе в свет.

Ключевые слова: Василий Логинов, Михаил Осоргин, русская эмиграция, русский Харбин, Сибирь, утопия.

Информация об авторе: Игорь Евгеньевич Лоцилов — кандидат филологических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

E-mail: loshch@yandex.ru

Для цитирования: Лоцилов И.Е. «Налаживаю связь с заграницей по поводу моего “Ял-Мала”»: Письмо харбинского литератора Василия Логинова к Михаилу Осоргину // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 104–128. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-104-128>

Имя поэта, прозаика и журналиста Василия Логинова (1891–1945/1946) ныне почти забыто. Однако он оставил заметный след в истории литературной жизни русского Харбина. Елена Таскина писала:

С 1923 г. в течение 20 лет имя литератора старшего поколения Василия Степановича Логинова часто появлялось на страницах харбинской прессы — газет «Новости жизни», «Гун-бао», журнала «Рубеж», а также других изданий, в том числе и шанхайских. Он предстал перед читателями и как беллетрист, и как поэт, и как автор рецензий на книги, и как автор стихотворных фельетонов. Василий Степанович Логинов родился в 1891 г. в Екатеринбурге. В 1913 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В последующие годы жил в Екатеринбурге, публиковался в газете «Уральский край» — литературная деятельность привлекала его с юных лет. Ветры октябрьских событий понесли его на Восток — в Приморье, затем — за рубеж, в Японию и Маньчжурию. <...> Он был родом из состоятельной семьи уральского промышленника, но на эмигрантских дорогах ему пришлось встретиться с нуждой и одиночеством. <...> В 1930 г. в Харбине вышел сборник наиболее популярных рассказов В.С. Логинова «Ял-Мал» [39, с. 73].

Книга Василия Логинова «Ял-Мал» вышла в харбинском издательстве «Бамбуковая роща» в начале 1930 г. [15]. Издательство, выпускавшее книги в 1926–1930 гг., основал Всеволод Никанорович Иванов, в 1928–1930 гг. — редактор газеты «Гун-Бао», где активно публиковался Логинов. Книга снабжена посвящением «Надежде

Александровне Мюро» (о которой ничего неизвестно) и эпиграфом из стихотворения Валерия Брюсова «Просверк сеет Хронос» (1921).

Скорее, по издательскому недосмотру, чем намеренно, выходные данные книги противоречивы: на обложке, под аппликацией из врубелевского «Пана»¹, напечатано название «Ял-Мал», и, ниже: «Харбин 1930». На титульном листе — «Рассказы» (несомненный подзаголовок, но в библиографиях можно встретить описания, где это слово принято за основное название книги) и «Харбин 1929». В содержании (названном «Оглавлением») — 25 пронумерованных «рассказов» («Ял-Мал», «Басма», «Дитя природы», «Американец», «Под конем», «Золотой самородок», «Тройка», «Пан», «Озеро Кучак», «Сибирская охота», «Тавда», «Очий камень», «Евразиец», «Битва», «Психостения», «В минувшие дни», «В самом себе», «Чужой блокнот», «Кюдай», «Наблюдательный японец», «Окно», «Очарование», «Свеналд», «Семья Зарошиных» и «Правда земли»), среди которых встречается явно превышающее объем рассказа сочинение, давшее название книге («Царство Ялмал <sic> (Полуистлевшие

Обложка книги Василия Логинова
«Ял-Мал»
The cover of Vasily Loginov's book
“Yal-Mal”

Титульный лист книги Василия
Логинова «Ял-Мал»
The title page of Vasily Loginov's book
“Yal-Mal”

¹ В 1944 г. Логинов опубликует биографическую новеллу о художнике [20].

письма в шкатулке)»² и «пьеса из беженского быта» «Семья Заро-
шиных». В «Оглавлении» «Царство Ял-Мал» снова, как на обложке,
названо просто «Ял-Мал». Сборник рассказов на сибирские темы
(см.: [42]) окольцован фантастическими повествованиями («Царство
Ялмал» и «Правда земли», почему-то напечатанная без пагинации
[15, <с. 291–305>). Они, как показывают современные исследования,
связаны с проблематикой утопии, антиутопии и дистопии (см. об
этом: [7; 41]).

Ю.В. Шатин и И.В. Силантьев отметили, что Логинов «хоть
и ненамного, но все же хронологически опередил находки таких ма-
стеров антиутопии, как Евгений Замятин с его знаменитым романом
“Мы”. Это лишний раз показывает, что предощущение глобального
миромоделирования и жанровых сдвигов в литературе далеко не
всегда определяются мерой дарования и популярностью первопро-
ходцев» [41, с. 278]. В этой же статье точно сформулировано общее
впечатление современного читателя от его прозы:

При обращении к творчеству Василия Степановича Логинова,
прежде всего к его прозе, удивляет пестрота тем и мотивов, охва-
тывающая и зарисовки сибирской природы, и жизнь дальневосточ-
ной эмиграции, и недавнее прошлое предреволюционной России,
и сказания сибирских первопроходцев, и рассказ о судьбе Врубеля,
и еще многое другое. Такая пестрота свидетельствует о постоянном
и небезуспешном поиске своего творческого лица [41, с. 283].

Там же отмечено, тем не менее, что присущий прозе Логинова
«схематизм, далекий от проникновения в глубины человеческого
духа в произведениях Толстого и Достоевского, весьма напоминает
художественную манеру старших современников Логинова —
Леонида Андреева и Максима Горького периода рубежа веков»
[41, с. 282]. Укажем и более близкие параллели, хронологически
и топографически: повесть «Хохот желтого дьявола» Антона Соро-
кина (1914), который прямо называл свои произведения «схемами»
и «примитивами», повесть Вивиана Итина «Открытие Риэля» (1916),
легшая в основу его романа «Страна Гонгури» (1922), а также рассказ
Алексея Гастева «Экспресс. Сибирская фантазия», опубликованный
под псевдонимом «Дозоров» (1916).

---

² В новейшее время, насколько нам известно, повесть перепечатывалась
дважды: в труднодоступном китайском издании [21] и в сокращенной редакции
[22]. Здесь же указано на публикацию отрывков в выпусках от 25 ноября и 2 декабря
1928 г. харбинской газеты «Гун-Бао».

Елизавета Рачинская писала в 1959 г.: «Логинов, я считаю, писал лучше в прозе, чем в стихах. У него были прекрасные рассказы из сибирской и уральской жизни, часть которых вошла в его сборник “Ял-Мал”, который сразу обратил на себя внимание» [31]. Валерий Перелешин в написанной онегинской строфой автобиографической поэме назвал «Ял-Мал» «прославленным»:

Василий Логинов — ворчливый,
степенный и несуетливый,
писал рассказы. Я читал
его прославленный «Ял-Мал»
о пасмурном таежном мире
и чувствовал, что я и сам
блуждал по северным лесам,
провел зимовку на Таймыре,
где под нетающие льды
вели звериные следы

[29, с. 338].

В статье об Алексее Ачаире Перелешин назвал Логинова автором «отличных рассказов об освоении Урала и Сибири» [28]. В 1940 г. журналистка Евгения Сентянина (1897–1980), мать Перелешина, писала о Логинове в обзорной статье о литераторах города:

Он написал ряд чудесных сибирских и уральских рассказов, из которых часть вошла в книгу «Ял-мал». В этой книге целый ряд вещей следует поставить, с художественной точки зрения, на большую высоту. Они часто фантастичны, всегда романтичны, красочны и рисуют мало знакомый быт русских окраин [25, с. 236; 33].

В Харбине первый печатный отклик на книгу появился уже в марте 1930 г.:

Книга, — по своим достоинствам, — выдающаяся. Все рассказы, без исключения, читаются с захватывающим интересом, хотя в них совершенно отсутствует обычная шаблонная приманка, — сексуальность и интрига.

Интерес книги всецело создается проникновением автора в существо природы, отождествлении с ней и описанием ее чарующей власти над человеком.

Образец такой власти он дает в рассказе «Ял-Мал», где тайга покоряет человека, и, вместе, чарует его и дает ему бодрость и силы для преодоления препятствий.

Человек сливается с природой, наслаждается ее гармонией и красотой, борется и преодолевает препятствия, но, вместе с тем, чувствует, что он — часть ее, неотделим от нее в больших и малых ее проявлениях, и является соучастником ее вечного бытия.

Это — одна часть рассказов.

Другая часть — это, можно сказать, гимн промышленной предприимчивости в окружении и в атмосфере той же тайги и, вообще, сибирской природы.

Мощь этой природы, ее богатства и возможности создают особый тип промышленника, крепкого, неугомонного и предприимчивого.

Таков рассказ «Американец». Герой его создает различные предприятия и наслаждается своей творческой работой, находя, что это наслаждение вполне окупает все его труды и лишения.

К третьей группе рассказов относятся те, действие которых проходит в условиях городской жизни, но и тут человек неотделим от природы; она овевает его и покоряет своим велениям.

Темы этих рассказов разнообразны, но все они овеваны легкой дымкой потустороннего влияния. Но надо отдать справедливость автору, — он не злоупотребляет этой потусторонностью и держится в пределах возможного человеческой психики.

В общем, мы со спокойной совестью можем рекомендовать книгу г. Логинова своим читателям [34, с. 20].

Тем не менее, харбинский читатель, кажется, не последовал совету рецензента В. Сокольского. В интервью газете «Рупор» Логинов говорил, отвечая на вопрос «Чем вы заняты в данное время?»:

— Сейчас, — улыбается В. Логинов, — главным образом собственной невращением и поисками места. Во всяком случае, ничего крупного я не пишу. <...> Пишу немного. Да и трудно много писать в харбинском июне. Налаживаю связь с заграницей по поводу моего «Ял-Мала».

— А как идет эта книга?

— В Харбине, конечно, неважно, — <...> для Харбина книга дорога. Сейчас, впрочем, она уценена. Однако, должен сказать, что, издавая ее, я рассчитывал, главным образом, на заграницу.

Там, особенно в Америке, она будет дешева. Из Парижа и Праги я уже получил хорошие сведения, связался и с американским изда-

тельством Гребенщикова. В общем, думаю, что «Ял-Мал» разойдется. Что же касается Харбина, то здесь по обстоятельствам времени, книгу нельзя было выпустить дешевле... [18, с. 223; 40]

Кажется, автор книги только на исходе первого года ее существования всерьез занялся, как бы мы сейчас сказали, ее «продвижением» на Западе. «Ял-Мал» Логинова присутствует в списке «Книги, полученные для отзыва» [10] парижской газеты «Возрождение» в конце января 1931 г., несколько дней спустя в аналогичном сообщении о книге публикует рижская газета «Сегодня» [11]. 24 февраля название книги снова появляется на страницах «Возрождения», в «Списке ном<ер> 3, книг, поступивших в библиотеку при газете “Возрождение”, после выхода основного каталога» [35]. Примерно тогда же книга появляется в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в ред<акцию> “Соврем<енных> записок”» [37].

Парижская рецензия, однако, не состоялась: харбинское издание, вероятно, показалось редакторам «Современных записок» слишком небрежным и «провинциальным»³. Можно предположить, что она была поручена Михаилу Осоргину, но тот, вместо печатного отзыва, ограничился письмом к автору книги, которое было отправлено из Парижа в Харбин 20 августа 1931 г. Архив Логинова не сохранился, и письмо до нас не дошло. В архивном фонде Осоргина отложилось ответное машинописное послание Логинова, отправленное только в декабре⁴. Оно представляется важным документом для воссоздания замысла книги, а также интеллектуального и психологического облика ее автора (см. Приложение I).

Большой фрагмент разбору «Ял-Мала» посвятил в обзоре дальневосточной литературы О. Штерн (псевдоним Дмитрия Григорьевича Сатовского-Ржевского (1900–1944)):

...Из других, вышедших в Харбине «беллетристических» книг прежде всего хочется отметить «Ял-Мал» Вас. Логинова.

«Ял-Мал» — сборник, названный так по имени фантастической повести — единственной, сравнительно крупной, вещи среди мелких газетных рассказов. О подобном распределении материала можно пожалеть, ибо повесть как раз самое слабое, что есть в сборнике. В ней Вас. Логинов углубился в органически-чуждую ему сферу научно-фантастического романа приключений. Опыт этот нельзя

³ См. об этом: [32]. О другом неосуществленном проекте консолидации литературных сил русской эмиграции Запада и Востока см.: [30].

⁴ РГАЛИ. Ф. 1464 (М.А. Осоргин). Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 1–3.

признать удачным: в повести нет ровно ничего научного, фантастика ее тяжела, бледна и слишком неправдоподобна.

Не лучше обстоит дело и с «типажом», как говорят в СССР. Из всех персонажей «Ял-Мала» — живой человек только охотник Катук, представляющий бытовой и этнографический элемент, в котором всегда так силен Вас. Логинов.

Это эпизодическое лицо не только «вывозит» всю экспедицию в фантастическую страну новых гипербореев, но, что еще важнее, попутно спасает и самую повесть. Если бы не присутствие этого сибирского охотника да нескольких прекрасных картин севера, она оставила бы довольно сумбурное и смутное впечатление. Но художественные «мелочи» эти и скрашивают ее, и позволяют без труда разглядеть характер несомненного дарования Вас. Логинова.

Мы умышленно остановились на недостатках «Ял-Мала», чтобы попытаться определить литературное «лицо» его автора. Вас. Логинов не «выдумщик», а правдивый, вдумчивый художник, тяготеющий к быту и фольклору сибирского Приуралья.

Здесь он всегда ярък, интересен, изобразителен и по-настоящему талантлив. У него острый и наблюдательный глаз, прекрасный запас необходимых знаний, любовь и тонкое чувство сибирской природы и быта. Когда дело касается сибирских типов, Вас. Логинов становится особенно красноречивым. Стиль его приобретает благородную простоту и лапидарность. Это писатель старой школы, ученик Мельникова-Печерского и Мамина-Сибиряка. Быт и природа — его Альфа и Омега.

Большинство рассказов сборника только укрепляют нас в этом мнении. Особенно хороши те из них, где быт и этнографический элемент выступают на первый план, временами почти совершенно заслоняя действие.

Здесь Вас. Логинов показывает себя не только тонким мастером, но и незаурядным стилистом. Такие рассказы как «Тройка» или «Озеро Кучук» можно назвать настоящим украшением сборника. В них есть нечто от Бунина. Здесь хорошо все: и изумительная передача сибирских типов, и благородная простота изобразительных средств, и артистическая тщательность рисунка,

Вот, например, «Тройка». Маленький, всего в несколько страниц, рассказ, передающий впечатление от бешеной скачки в «тарантасе». Это подлинный шедевр. При чтении его, положительно, захватывает дух, и так и хочется схватиться за шляпу.

Казалось бы, что нового можно сказать обо всем этом после знаменитой гоголевской «птицы-тройки»?

Но, вот Вас. Логинов нашел свои слова, и нам кажется, будто мы принимаем непосредственное участие в этом приключении.

И лихой новобранец Васька, и визжащий истошным голосом татарин и даже этот трусящий далеко позади на своей линейке урядник — «сделаны» так, как будто еще вчера мы видели их собственными глазами... [43]

Надежды Логинова на широкое распространение и признание его книги на Западе, судя по всему, не оправдались. Две рецензии, тем не менее появились: в Шанхае и в Праге (см. Приложения II и III). Б. Курбский отметил врубелевский образ на обложке («Здесь “Пан” действительно царит властно и реально, и некоторая риторичность фразы скрашивается чувством — всеохватывающей и природу, и человека — пантеизма» [13]). А М. Щербаков — видимо, по ассоциации с тем же образом — «здоровый пантеизм, напоминающий К. Гамсуна, вчувствование в голоса природы, некоторый налёт первобытной мистики» [24]⁵. Почти все писавшие о книге отмечали инородность повести «Царство Ял-Мал» и оценивали ее ниже, чем реалистические рассказы.

В заключение отметим, что европейские эмигрантские издания позволяют внести существенное уточнение в библиографию Логинова. Во всех библиографиях книжка его стихотворных фельетонов «Харбин в стихах (Бытовые картинки)», изданная под псевдонимом «Капитан Кук», отмечается как издание 1932 г. Однако это результат легко объяснимого недоразумения: единственный известный экземпляр, хранящийся в библиотеке Стэнфорда и происходящий из собрания Е.А. Якобсон (Жемчужной), снабжен инскриптом: «Миленькой Жемчужной, как знак благодарности за все милые хлопоты по устройству моего житья-бытья на даче “Санитас”. Василий Логинов, август 1932 год» [44, с. 313]. Дарительная надпись была сделана на книге, вышедшей много раньше: уже в анкете пражского журнала «Вольная Сибирь» в 1930 г. Логинов писал: «Издан небольшую книжку юмористических стихов-фельетонов — “Харбин в стихах”, под псевдонимом капитан Кук» [6].

Еще бóльшую определенность вносит просмотр «Современных записок», где «Харбин в стихах» присутствует в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию» уже в 1927 г. [36]. Следовательно, книжка вышла не в 1932 г., а пятью или шестью годами ранее — в 1927 (или даже в 1926) г. [9].

⁵ О сибирских отголосках и вариациях на темы Кнута Гамсуна см.: [8].

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Василий Степанович

Логинов.

Харбин.

Отель «Эльдорадо», Участковая улица⁶.

16-ого декабря 1931 года

Многоуважаемый Михаил Андреевич.

Только сейчас отвечаю на Ваше любезное письмо от 20 августа с<его> г<ода>, которое я получил 23-ьего сентября.

Причина моего невежливого молчания заключается в чисто объективных условиях, независящих от меня самого.

Теперь эти «объективные» условия, кажется, кончились, и я в состоянии говорить и думать по-человечески⁷.

Вы мне делаете упрек в том, что мой «Ял-Мал», как утопия, построен на гиперболическом развитии техники и государственности.

По Вашему мнению это есть причины подавления человеческой личности. Возможно, что это и так — судя по последней статье Бердяева в «Современных Записках» там, у вас, на западе, торжествуют идеи какого-то христианского анархизма⁸.

Конечно, духовное начало, в особенности христианское начало, превыше всякой техники и государственности. Именно техника

---

⁶ В харбинском справочнике сведения о гостинице «Эльдорадо» приводятся на третьем месте после «первоклассных гостиниц» «Гранд-Отель» и «Модерн»: «“Эльдорадо”, гостиница в центре города, недалеко от вокзала. Адрес: Участковая ул., № 161. Тел. № 34—18» [38, с. 581]. В 1926 г. в адрес Василия Степановича Логинова указывался по-другому: «Больш<ой> пр<оспект> 103» [3, с. 309].

⁷ Почти все вспоминавшие о Логинове отмечали безалаберность, присущую его образу жизни: «Он был настоящий представитель богемы: служить нигде не хотел, да, вероятно, и не мог, жил журналистикой, временами впадая в горчайшую нужду, но философски переносил лишения и неудачи» [31]; «Ушибленный революцией, он вел богемный образ жизни не потому, что это ему нравилось, а потому, что он просто не умел зарабатывать на жизнь и как-то устроиваться» [46, с. 81]; «Подняться из мешан затеяв, / окончил университет, / но капитала не умножил, / а в беженстве остатки прожил, / в чем помогла ему жена, / и понемногу сполз до дна» [29, с. 338]. О Логинове в 1938 г. Всеволод Морозов вспоминал: «Сильно пил, не хотел систематически работать, был до предела “запущен” физически — такое впечатление, что он никогда не мылся — ходил оборванцем и вообще производил очень жалкое впечатление. Был культурен и талантлив как поэт, но все это шло прахом и не было определяющим в его жизни» (цит. по: [12, с. 122]).

⁸ Речь идет о статье Н. Бердяева «Основная антиномия личности и общества» [1].

и государственность привели нас к социализму, по-моему — величайшей пошлости, какая только есть на свете⁹.

Совершенно ясно, что духовное начало — это культура, а материальное начало, — это цивилизация, и что цивилизация значительно менее ценна для человечества, чем культура. Это даже сказывается в искусстве, не помню кто-то об этом писал: для цивилизационного апогея характерно футуристическое искусство, а для культурного взлета — искусство символическое, несомненно более тонкое, сложное и ценное, чем первое.

Но — дело в том, что мой «Ял-Мал» писался в 1919 году, в эпоху первого большевизма¹⁰. Я только что вырвался из лап большевиков на Урале, где находится у них на окопных работах в качестве одного из мобилизованных для всяческих издевательств «буржуя». И — вот, буквально пришибленный всем пережитым, я и написал эту утопию, в которой техника и государственность играют доминирующую роль.

Возможно, что я неправ, но после разных физических мучений, в особенности после полного сознания своего бесправия и бессилия, я вспомнил — и очень остро — что я воспитывался в понятиях правового государства, ибо учился в Петербургском Университете, слушал Максима Ковалевского, Петражицкого, и других апологетов государственности, в стиле английского парламентаризма¹¹ — столь модного тогда, если Вы вспомните.

Вот почему так и написан «Ял-Мал».

Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы написали пару слов вообще о всей моей книге — мне чрезвычайно дорого именно Ваше мнение, писателя, который является, по моему мнению, носителем тургеневской традиции.

---

⁹ Вероятно, имеется в виду сочинение того же автора «Кризис искусства» [2].

¹⁰ Ошибка памяти автора письма. Повесть «Царство Ял-Мал», относящаяся к до-харбинскому периоду его творческой биографии, впервые была опубликована в уральской газете уже в 1918 г. [14]. В этой публикации повесть снабжена указанием «Посвящается М.К.» (в книге — «Памяти М.К.» [15, с. 3]) и эпитафией: «Нужно быть привычным жить на горах. Нитче» (в книге — «Ницше» [15, с. 3]).

¹¹ См. подробнее об университетском периоде жизни Логинова: [23]. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, публицист, общественный деятель, социолог эволюционистского направления, основатель русской социологической школы. Лев Иосифович Петражицкий (Leon Petrażycki; 1867–1931) — российский и польский правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы. Его памяти Логинов посвятил корреспонденцию в «Гун-Бао»: [17].

Фотография из студенческого дела Василия Логинова
(Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14.
Оп. 3. Д. 56640. Л. 2)

*Photo from Vasily Loginov's student file
(Central St. Petersburg State Historical Archive, coll. 14, inventory 3, dossier 56640, p. 2)*

Не знаю, послал ли Вам Ф.Ф. Даниленко мою статью о Вас¹², которая была напечатана в «Гун-Бао»¹³, где я работаю в качестве журналиста.

¹² Даниленко Федор Федотович (Федорович) (1875 – после 1946) — синолог, беллетрист, сотрудник «Гун-Бао».

¹³ Имеется в виду статья: [16]. Осоргин упоминался также в рецензии на выпуск XLIV (1930) парижского журнала («Осоргин написал большую статью о “Числах”»): [18].

Там именно и указывалось на Вас, как на носителя и продолжателя тургеневской традиции.

И мне было бы лестно знать Ваше мнение об моей книге. Здесь, на Дальнем Востоке, я работаю в харбинской прессе около восьми лет. Помимо «Ял-Мала», у меня подготовлены к изданию еще две книги — стихи, и критико-библиографические статьи¹⁴.

Сейчас издавать их, конечно, невозможно, в виду политических осложнений на Дальнем Востоке, а также грандиозной депрессии, которая захватила в свои цепкие руки наш богоспасаемый город Харбин.

События здесь все нарастают и ширятся, и что будет дальше — неизвестно.

Буду очень рад, если Вы сообразовите мне ответить на это мое письмо.

Глубоко уважающий Вас:

17 декабря 1931 года.

Василий Логинов

II

Михаил Щербаков

ВАСИЛИЙ ЛОГИНОВ. «ЯЛ-МАЛ». РАССКАЗЫ. ХАРБИН. 1930.

В нашей дореволюционной художественной литературе Сибири и связанные с ней темы были в каком-то загоне. Всё, что лежало по ту сторону Урала, являлось какой-то «terra-incognita», касаться которой пробовали лишь единичные писатели, да и то не из перво-классных. Даже самое понятие «Сибирь» невольно ассоциировалось по традиции в нашем сознании с понятием «каторга». Нужен был смерч революции, чтобы воочию убедить десятки тысяч русских людей, что в Сибири есть не только снега и песни каторжан.

---

¹⁴ Книга стихотворений вышла в 1932 г.: [19]. Сборник статей, насколько нам известно, остался неизданным; о нем Логинов говорил в интервью газете «Рупор»: «Прежде всего, в скором времени, я думаю издать сборник критико-библиографических статей, — говорит в ответ на наш вопрос, о его литературных планах, Вас. Логинов, — сборник этот будет носить название — “Ex libris” и содержать десять самостоятельных очерков о писателях и книгах. Весь материал его уже готов и дело только за изданием. Думаю, что с этой задачей я справлюсь скоро, и книга появится в самом недалеком будущем» [44, с. 222–223; 40].

И вот этому зауральскому своеобразному миру, пахучему, горячему, девственно-крепкому и девственно-страстному, посвящены лучшие из вещей Василия Логинова, объединённые им в большом и хорошо изданном сборнике под общим названием — «Ял-мал».

Уралец по рождению, В. Логинов не только чувствует сам до глубины суровую поэзию сибирской тайги и её первобытной жизни, но заставляет и своего читателя почувствовать их обаяние. Некоторые его страницы, в особенности посвящённые описаниям сибирской природы, местами звучат как стихотворения в прозе и «пахнут».

Здоровый пантеизм, напоминающий К. Гамсуна, вчувствование в голоса природы, некоторый налёт первобытной мистики, свойственный каждому, кто подолгу оторван от суетливого шума людских муравейников и поставлен лицом к лицу с величием девственного леса, — вот те основные нити, которые В. Логинов переплетает в лучших из своих вещей.

И сборник, несомненно, выиграл бы в целостности, если б автор не включил в него нескольких рассказов, стоящих в стороне от этих господствующих настроений по их тематике. Город и городские люди выходят у него бледными, неубедительными.

Большая повесть «Ял-мал», которой открывается книга, интересно задумана, но задание не выполнено до конца. Богатый этнографический материал, имеющийся в распоряжении автора, не везде творчески переработан и местами выступает отдельными вкраплениями, не слившимися органически с тканью повествования. Первая часть повести — путешествие по зимней тайге Северной Сибири, мистика северной ночи — дана выпукло и сильно, но окончание — в стиле социальных утопий — не оправдывает ожиданий. Вообще после романов-утопий Г. Уэллса путь утопических рассказов и повестей — путь очень опасный.

Рассказ «Басма» определённо насыщен чувством лесной, языческой древности, но по своей общей конструкции (городской человек встречает лесную колдунью, которая гибнет из-за любви к нему) близко напоминает благоуханную купринскую «Олесю». Мы далеки от мысли обвинять автора в заимствовании, но находим, что этот рассказ было несколько рискованно помещать в свой первый сборник, несмотря на его несомненные достоинства.

В «Американце» четко нарисован тип сибиряка-промышленника, однако финал рассказа (самоубийство) не кажется нам художественно-логичным. По ходу рассказа невольно ожидаешь, что человек такой стальной складки, как «американец» В. Логинова, никогда бы не сдался после разорения, а начал бы всё сначала, подобно герою

«Двенадцати дюжин» Джека Лондона. Если такой случай и произошёл в действительности, то автору не следовало бы забывать, что жизненные факты не всегда правдоподобны в искусстве, имеющем свои собственные и особые законы логики.

Очень хорош небольшой рассказ «Тройка». Он насквозь динамичен, целен и ярок. То же можно сказать об очерках «Сибирской охоты» и рассказах «Дитя природы» и «Очий камень».

В общем же как книга «Ял-мал» не только даёт большую гамму сибирских красок, без того неприятного сладкого «сюсюканья», которое характерно для произведений некоторых современных авторов, пишущих на сибирские темы, но по количеству оформленного материала является серьёзной работой вдумчивого и наблюдательного художника, прекрасно знающего и чувствующего и тот быт, и тот антураж, о котором он пишет. Многие страницы книги В. Логинова освежают и полны подлинной и здоровой поэзии [24].

III

Борис Курбский

Василий Логинов. Ял-Мал. Изд-во «Бамбуковая роща». Харбин. 1929 г.

Стр. 305. Цена не указана.

Книга рассказов В. Логинова «Ял-Мал», несомненно, должна остановить внимание читателя-сибиряка. Нельзя сказать, чтобы была удачна мысль автора озаглавить свои рассказы географическим названием сибирского полуострова¹⁵. Это многих может ввести в заблуждение и, по существу, совсем не отвечает общей тематической канве большинства помещенных в книге рассказов. Врубелевский пан на обложке, пожалуй, полнее отражает общий дух лучших Логиновских рассказов.

---

¹⁵ Фантастическое государство помещается у Логинова на полуострове, знакомом современному читателю как *Ямал* (*Я-мал*). Биогеограф и путешественник Б.М. Житков пояснял в 1909 г.: «На географических картах посещенный экспедицией полуостров называется обыкновенно Ялмал, что не вполне правильно. Точное самоедское название полуострова *Я-мал* — соединение слов *я* (земля) и *мал* (конец). Принятое в географии неправильное наименование произошло, вероятно, вот откуда. По-самоедски есть слово *яу*, которое мои переводчики переводили словом “речной”, а *Шренк* передает понятиями “устьевой” или “устье”; в Обдорском крае это слово прилагается по преимуществу к Оби. *Яу-мал* (искаженное в Ялмал) значит “конец” или “устье” реки, и этим названием самоеды обозначают устье Обской губы <...> [5, с. 18]. См. также: [5, с. 292–293].

Василий Логинов — писатель молодой, и при всем своем несомненном художественном даровании, он нередко поражает читателя какой-то небрежностью языка и примитивностью сравнений и образов. Некоторый профессионализм языка, свойственный долго работающим в газете, заметно сказывается на произведениях автора. Этим обстоятельством, надо полагать, и объясняется некоторая двойственность впечатлений от рассказов В. Логинова.

Действительно, наряду с такими рассказами как «Тройка», «Дитя природы», «Озеро Кучук», «Евразиец», «Сибирская охота», «Басма», написанных с прекрасным знанием среды и быта, мы встречаем надуманные, не лишённые, правда, некоторой сюжетной занимательности рассказы — «В самом себе», «Царство Ялмала» (где имеются прекрасные страницы описания зимней тайги), «Под конем», «Правда земли» и др. Несколько особо стоит и по-новому входят в сибирскую беллетристику «Американец», и повторяют наумовскую традицию¹⁶ рассказы из жизни золотопромышленников — «Золотой Самородок», «Очий камень», испорченный — данью времени — евразийской символикой. Остальные рассказы читаются не без интереса, но они лишены художественного стержня и тематически случайны («Киодай», «Наблюдательный японец» и прекрасно написанный рассказ — «Очарование»).

Первая книжка рассказов В. Логинова обнаруживает как достоинства, так и недостатки начинающего сибирского писателя. Он очень хорош в описании сибирской (таежной) природы; его охотничьи очерки не уступают лучшим образцам этой прозы. Здесь «Пан» действительно царит властно и реально, и некоторая риторичность фразы скрашивается чувством — всеохватывающей и природу, и человека — пантеизма.

Другое лицо автор выявляет в своих «абстрактных», символических рассказах. Но здесь он менее художник, более — публицист и фельетонист.

Интересно отметить в его рассказе (напр., «Американец»), появление в сибирской литературе «американца», крупного предпринимателя, с размахом и знанием насаждающего в таежной глуши — капитализм. Тип Лисицына, признающего «дело важнее человека», ибо «человек умрет, а дело будет жить» — новый и интересный в сибирской литературе.

---

¹⁶ Имеется в виду сибирский писатель-народник Николай Иванович Наумов (1838–1901).

Этим рассказом, при отличном знании этой среды и быта В. Логиновым, могла бы начаться новая страница, в преимущественно, до сих пор — крестьянской — сибирской литературе.

Заканчивая свою, по необходимости, краткую рецензию на книгу рассказов В. Логинова, мы не можем не выразить живейшего удовольствия, полученного нами от лучших рассказов автора и не пожелать ему в будущем более серьезно работать над своими произведениями (как в смысле языка, так и темы) [13].

IV

Василий Логинов

Из статьи «Тургеневская традиция»

Насколько все это благороднее, лучше, академичнее, образцовее по сравнению со «стилем» советских беллетристов.

У Осоргина, за последнее время, появились две книги: «Повесть о сестре» и «Чудо на озере»¹⁷.

Первая книга заслуживает особенного внимания. Эти особенные, мягкие, чисто тургеневские тона; полное отсутствие ударности, динамики, силы, фабулярности, — всего того, что стало модным в литературе последнего времени, все это производит совершенно особенное чарующее впечатление. Героиня повести Осоргина представляет из себя русскую женщину на рубеже двух эпох, двух столетий. Она необычайно талантлива, необыкновенно женственна, необычно красива. Но в ней нет и тени напряженной сексуальности, ничего от эротоманства. Она свободомысляща и культурна, семейная жизнь ее несчастлива; и все же она сумела как-то ее осмыслить, расцветить и создать себе новые прекрасные интересы. Быт прежних русских культурных людей, быт студенчества, колорит старой России, — как все это очаровательно, изящно и образцово сделано! Эта книга — драгоценный вклад в русскую академическую литературу, и именно в ней Осоргин проявил себя подлинным носителем тургеневской традиции.

Язык — прекрасен; образы — точно нарисованы пастелью; от всего веет какой-то старой русской изысканной барской культурой, которая так безжалостно растоптана и уничтожена за все эти проклятые годы.

---

¹⁷ Речь идет об изданиях: [26; 27].

«Чудо на озере» это сборник рассказов. Там такие же мягкие, задуманные тургеневские тона. Здесь иногда Осоргин проявляет себя как юморист. Но юмор его совершенно особенный. Это не есть юмор присяжного смехотворца, вроде Зоценки, это тот же самый тургеневский рассказ, в котором автор вздумал слегка улыбнуться. Осоргин вообще обо всем говорит чрезвычайно просто, и эта простота чрезвычайно убедительна.

«Рим был для нас лишь красивым звуком, а красивых звуков было вообще немало. Звуками, исполненными смысла и действительного значения, были такие имена, как Казань, Екатеринбург, в более далеких мечтах — Петербург и Москва»¹⁸.

Да, социальный заказ на тургеневскую традицию, зарубежный заказ, все время остро ощущался, и вот теперь начинаем успешно выполняться. И несомненно эти два писатели — наиболее русские из всех остальных, наиболее соответствующие высокому званию носителей и хранителей тургеневской традиции [16].

Литература

1. *Бердяев Н.* Основная антиномия личности и общества // *Современные записки*. 1931. № 47. С. 375–394.
2. *Бердяев Н.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 48 с.
3. *Весь Харбин на 1926 год: адресная и справочная книга*. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 882 с.
4. *Житков Б.М.* Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал (Читано в Общем собрании И.Р.Г.О. 19 февр. 1909 г.). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 20 с.
5. *Житков Б.М.* Полуостров Ямал: с 2 картами и 18 рисунками в тексте. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 349 с.
6. *Зарубежная деятельность сибиряков (Анкета)* // *Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник*. Прага: О-во сибиряков в ЧСР, 1930. № 9. С. 117.
7. *Иващенко Е.Г.* Опыт социальной прогностики в литературе русского Китая // *Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ*. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. Вып. 2: Литературоведческая россика. С. 85–90.
8. *Капинос Е.В., Лоцилов И.Е.* Кнут Гамсун в Сибири // *Критика и семиотика*. 2020. № 2. С. 315–336.
9. *Капитан Кук [Логинов В.С.]*. Харбин в стихах (Бытовые картинки). Харбин: [Б. и.], [1926/1927?]. 34 с.
10. *Книги, полученные для отзыва* // *Возрождение*. 1931. Т. 6. № 2067. 29 января. С. 4.

¹⁸ Логинов цитирует открывавший сборник Осоргина рассказ «Земля»: [27, с. 21].

11. Книги, полученные для отзыва // Сегодня. 1931. № 34. 3 февраля. С. 8.
12. *Кротова М.* Харбинские «понедельники» // Словесница искусств. 2018. № 1 (41). С. 119–123.
13. *Курбский Б.* [Рец. на:] Василий Логинов. Ял-Мал. Изд-во «Бамбуковая роша». Харбин. 1929. Стр. 305. Цена не указана // Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник. Прага: О-во сибиряков в ЧСР, 1930. № 9. С. 146.
14. *Логинов В.* Царство Ял-Мал // Зауральский край. 1918. № 13. 11 августа С. 1; № 19. 18 августа. С. 1–2; № 26. 28 августа. С. 1; № 32. 5 сентября. С. 1; № 36. 10 сентября. С. 1–2.
15. *Логинов В.* Ял-Мал. [Рассказы]. Харбин: Бамбуковая роша; Худож. тип. Г. Сорокина, 1930 [1929]. 307 с.
16. *Логинов В.* Тургеневская традиция // Гун-Бао. 1931. № 1356. 17 мая. С. 2.
17. *Логинов В.* Памяти Л.И. Петражицкого // Гун-Бао. 1931. № 1365. 29 мая. С. 2.
18. *Логинов В.* «Современные записки» // Гун-Бао. 1931. № 1384. 21 июня. С. 6.
19. *Логинов В.* Створа триптиха. Харбин: [Б. и.], 1932. 49 с.
20. *Логинов В.* Врубель // Рубеж. 1944. № 20. С. 1–10.
21. *Логинов В.* Царство Ял-Мал // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Пекин: Китайская молодежь, 2005. Т. 9: Вялые лепестки розы / сост. Ли Янлен. С. 235–273.
22. *Логинов В.* Царство Ял-Мал: <в сокращении> // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Хрестоматия: в 4 т. Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2013. Т. 1: Проза: в 3 ч. Ч. 2: Л–П. С. 69–92.
23. *Лоцилов И.Е.* Харбинский поэт Василий Логинов и его «масленичные» стихи // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 294–317.
24. *М.Щ.* [Щербаков М.В.] [Рец. на:] Василий Логинов. «Ял-Мал». Рассказы. Харбин, 1930 // Понедельник: Журнал Содружества русских работников искусства. 1931. № 2. Декабрь. С. 167–168.
25. Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / сост., подгот. текстов и примеч. Г.В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. С. 226–266.
26. *Осоргин М.* Повесть о сестре. Париж: Современные записки, 1931. 190 с.
27. *Осоргин М.* Чудо на озере. Париж: Современные записки, 1931. 204 с.
28. *Перелешин В.* Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово. 1972. Т. LXII. № 22825. 10 декабря. С. 5.
29. *Перелешин В.* Поэма без предмета. Холиок: Нью Ингланд Паблишинг и К°, 1989. 411 с.
30. *Проскурина Е.Н.* Литература восточной эмиграции в журнале «Русские записки»: к проблеме несостоявшегося диалога // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 116–129. DOI: 10.17223/18137083/69/10
31. *Рачинская Е.* Замолкнувшие голоса: О харбинских поэтах // Новое русское слово. 1959. № 16737. 15 января. С. 2.
32. *Савченко Т.К.* «Русский остров»: Харбин как феномен русской эмиграции // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический

и методический аспекты: Материалы Межд. научно-практич. конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 345–353.

33. *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты (1940) // Рубеж. 1940. № 24. 8 июня.
34. *Сокольский В.* [Рец. на:] Василий Логинов. «Ял-Мал». Харбин. 1930 г. Рассказы // Рубеж. 1930. № 13. 22 марта. С. 20.
35. Список ном<ер> 3, книг, поступивших в библиотеку при газете «Возрождение», после выхода основного каталога // Возрождение. 1931. Т. 6. № 2093. 24 февраля. С. 6.
36. Список новых книг, поступивших для отзыва в редакцию // Современные записки. 1927. Вып. XXXII. С. 503.
37. Список новых книг, поступивших для отзыва в ред<акцию> «Соврем<енных> записок» // Современные записки. 1931. Вып. XLV. [С. 543].
38. Справочник по С<еверной> Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд. Экономич. Бюро КВжд, 1927. 608 с.
39. *Таскина Е.* Василий Степанович Логинов // Русская Атлантида. 2001. Вып. 6. С. 73–74.
40. Что пишут харбинские писатели: Наше интервью // Рупор. 1930. № 201. С. 4.
41. *Шатин Ю.В., Силантьев И.В.* Поэтика утопии vs антиутопии в прозе В.С. Логинова // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 276–284. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-276
42. *Шатин Ю.В., Силантьев И.В.* Мифопоэтика Сибири в творчестве В.С. Логинова // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 240–250. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-240
43. *Штерн О.* О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин: [Б. и.], 1931. Кн. 1. С. 186–187.
44. *Эфендиева Г.В.* Книжные автографы писателей русского Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. материалов междунар. научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. С. 306–322.
45. *Эфендиева Г.В.* Дальневосточные писатели-эмигранты о себе и творчестве коллег: статьи, рецензии, воспоминания // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. Вып. 7: Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. С. 211–245.
46. *Якобсон Е.А.* Пересекая границы: Революционная Россия — Китай — Америка / пер. с англ. и коммент. Е.Ю. Дорман. М.: Русский путь, 2004. 244 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“I Am Establishing Relations with Abroad Regarding My ‘Yal-Mal’”: The Letter of a Kharbin Writer Vasilii Loginov to Mikhail Osorgin

© 2024. Igor E. Loshchilov

Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian academy of sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space for Literary Transfer” (https://rscf.ru/prjcard_int?19-18-00127).

Abstract: The article examines the history of the book “Yal-Mal” (1930) by the forgotten Kharbin poet, writer, and journalist Vasily Stepanovich Loginov (1891–1945/1946?). The author uses descriptive and historical-functional research methods. The article focuses on the publication of Loginov’s letter to Mikhail Osorgin, where he responds to Osorgin’s opinions regarding his impressions of “Yal-Mal.” In 1931, Loginov purposefully distributed the book among émigrés. The appendix to the article also contains other reviews and responses to the book that appeared in both eastern (Harbin, Shanghai) and western (Prague) émigré publications. Also, the book appears among publications received by the Parisian journal “Sovremennye Zapiski” for a review. The critics who wrote about the book did not appreciate the dystopian story “Yal-Mal (Half-Rotted Letters in a Box),” however they noted the writer’s skill in addressing Siberian and Ural themes. They also mentioned the book’s cover that reproduced Mikhail Vrubel’s painting “Pan,” and concluded the writer’s inherent pantheism and the literary influence of Knut Hamsun. The author’s hopes for recognition and wide dissemination of the book have failed, but its fate allows us to speak of “Yal-Mal” as an accomplished “literary fact.” The article makes a significant clarification to the writer’s bibliography: the mention of his book “Kharbin in Verse (Everyday Pictures),” printed under the pen name “Captain Cook” in Paris, allows to set the year of its publication as 1927 (not 1932 as it was considered earlier).

Keywords: Vasily Loginov, Mikhail Osorgin, Russian emigration, Russian Harbin, Siberia, utopia.

Information about the author: Igor E. Loshchilov — PhD in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

E-mail: loshch@yandex.ru

For citation: Loshchilov, I.E. “I Am Establishing Relations with Abroad Regarding My ‘Yal-Mal’”: The Letter of a Kharbin Writer Vasilii Loginov to Mikhail Osorgin.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 104–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-104-128>

References

1. Berdiaev, N. “Osnovnaia antinomiia lichnosti i obshchestva” [“The Basic Antinomy of the Personality and Society”]. *Sovremennye zapiski*, no. 47, 1931, pp. 375–394. (In Russ.)
2. Berdiaev, N. *Krizis iskusstva [Art Crisis]*. Moscow, Izdanie G.A. Lemana i S.I. Sakharova Publ., 1918. 48 p. (In Russ.)
3. *Ves' Kharbin na 1926 god: adreinaia i spravochnaia kniga [All Harbin for 1926: Address and Reference Book]*. Harbin, Tipografiia Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1926. 882 p. (In Russ.)
4. Zhitkov, B.M. *Kratkii otchet o puteshestvii na poluostrov Iamal (Chitano v Obshchem sobranii I.R.G.O. 19 fevralia 1909 g.) [Brief Report on the Trip to the Yamal Peninsula (Read at the General Meeting of the I.R.G.O. on February 19, 1909)]*. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1909. 20 p. (In Russ.)
5. Zhitkov, B.M. *Poluostrov Iamal, s 2 kartami i 18 risunkami v tekste [Yamal Peninsula, with 2 Maps and 18 Drawings in the Text]*. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1913. 349 p. (In Russ.)
6. “Zarubezhnaia deiatel'nost' sibiriakov (Anketa)” [“Foreign Activities of Siberians (Questionnaire)”]. *Vol'naia Sibir': literaturno-obshchestvennyi i ekonomicheskii sbornik [Free Siberia: Literary, Social, and Economic Collection]*, no. 9. Prague, Obshchestvo sibiriakov v Chekhoslovatskoi respublike Publ., 1930, p. 117. (In Russ.)
7. Ivashchenko, E.G. “Opyt sotsial'noi prognostiki v literature russkogo Kitaia” [“Experience of Social Forecasting in the Literature of Russian China”]. *Russkii Kharbin, zapechatlennyi v slove: sbornik nauchnykh rabot [Russian Harbin, Captured in the Word: Collection of Scientific Works]*, vol. 2: Literaturovedcheskaia rossika [Literary Rossica]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2008, pp. 85–90. (In Russ.)
8. Kapinos, E.V., and I.E. Loshchilov. “Knut Gamsun v Sibiri” [“Knut Hamsun in Siberia”]. *Kritika i semiotika*, no. 2, 2020, pp. 315–336. (In Russ.)
9. Kapitan Kuk [Loginov, V.S.]. *Kharbin v stikhakh (Bytovye kartinki) [Kharbin in Verse (Everyday Pictures)]*. Harbin, [S. n.], [1926/1927?]. 34 p. (In Russ.)
10. “Knigi, poluchennye dlia otzyva” [“Books Received for Review”]. *Vozrozhdenie*, vol. 6, no. 2067, January 29, 1931, p. 4. (In Russ.)
11. “Knigi, poluchennye dlia otzyva” [“Books Received for Review”]. *Segodnia*, no. 34, February 3, 1931, p. 8. (In Russ.)
12. Krotova, M. “Kharbinskie ‘ponedel'niki’.” [“Harbin ‘Mondays’.”] *Slovesnitsa iskusstv*, no. 1 (41), 2018, pp. 119–123. (In Russ.)
13. Kurbskii, B. “Retenziia na: Vasilii Loginov. Ial-Mal. Izdatel'stvo 'Bambukovaia roshcha.' Kharbin. 1929. Stranitsa 305. Tsena ne ukazana” [“Book Review: Vasily Loginov. Yal-Mal. Publishing House 'Bamboo Grove.' Harbin. 1929. Page 305. Price not Specified”]. *Vol'naia Sibir': literaturno-obshchestvennyi i ekonomicheskii sbornik [Free Siberia: Literary, Social, and Economic Collection]*, no. 9. Prague, Obshchestvo sibiriakov v Chekhoslovatskoi respublike Publ., 1930, p. 146. (In Russ.)
14. Loginov, V. “Tsarstvo Ial-Mal” [“Kingdom of Yal-Mal”]. *Zauralskii krai*, no. 13, August 11, 1918, p. 1; no. 19, August 18, 1918, p. 1–2; no. 26, August 28, 1918, p. 1; no. 32, September 5, 1918, p. 1; no. 36, September 10, 1918, p. 1–2. (In Russ.)
15. Loginov, V. *Yal-Mal. Rasskazy [Yal-Mal. Stories]*. Harbin, Bambukovaia roshcha, Khudozhestvennaia tipografiia G. Sorokina Publ., 1930 [1929]. 307 p. (In Russ.)
16. Loginov, V. “Turgenevskaia traditsiia” [“Turgenev Tradition”]. *Gun-Bao*, no. 1356, May 17, 1931, p. 2. (In Russ.)

17. Loginov, V. "Pamiati L.I. Petrazhitskogo" ["In Memory of L.I. Petrazhitsky"]. *Gun-Bao*, no. 1365, May 29, 1931, p. 2. (In Russ.)
18. Loginov, V. "Sovremennye zapiski" ["Contemporary Notes"]. *Gun-Bao*, no. 1384, June 21, 1931, p. 6. (In Russ.)
19. Loginov, V. *Stvora triptikha* [Section of the Triptych]. Harbin, [S. n.], 1932. 49 p. (In Russ.)
20. Loginov, V. "Vrubel'" ["Vrubel'"]. *Rubezh*, no. 20, 1944, pp. 1–10. (In Russ.)
21. Loginov, V. "Tsarstvo Ial-Mal'" ["Kingdom of Yal-Mal'"]. *Literatura russkikh emigrantov v Kitae: v 10 t.* [Literature of Russian Emigration in China: in 10 vols.], vol. 9: Vialye lepestki rozy [Withered Rose Petals], comp. Li Ianlen. Beijing, Kitaiskaia molodezh' Publ., 2005, pp. 235–273. (In Russ.)
22. Loginov, V. "Tsarstvo Ial-Mal: <v sokrashchenii>" ["Kingdom of Yal-Mal: <Abridged>"]. *Literatura russkogo zarubezh'ia. Vostochnaia vetv'. Khrestomatiiia: v 4 t.* [Literature of Russian Abroad. Eastern Branch. Reading Book: in 4 vols.], vol. 1: Proza: v 3 ch. [Prose: in 3 parts], part 2: L–P [L–P]. Blagoveshchensk, Amur State University, 2013, pp. 69–92. (In Russ.)
23. Loshchilov, I.E. "Kharbinskii poet Vasilii Loginov i ego 'maslenichnye' stikhi" ["Kharbin Poet Vasily Loginov and His 'Maslenitsa' Poems"]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], no. 1, 2023, pp. 294–317. (In Russ.)
24. M.Shch. [Shcherbakov, M.V.] "Retsenziia na: Vasilii Loginov. 'Ial-Mal.' Rassказы. Kharbin, 1930" ["Book Review: Vasily Loginov. 'Yal-Mal.' Stories. Harbin, 1930"]. *Ponedel'nik: Zhurnal Sodruzhestva russkikh rabotnikov iskusstva*, no. 2, December, 1931, pp. 167–168. (In Russ.)
25. "Materialy k tvorcheskim biografiiam kharbinskikh literatorov: po stranitsam emigrantskoi periodiki" ["Materials for Creative Biographies of Kharbin Writers: From the Pages of Emigrant Periodicals"], comp., text prep. and notes by G.V. Efendieva. *Russkii Kharbin, zapechatlennyi v slove: sbornik nauchnykh rabot* [Russian Kharbin, Captured in Words: Collection of Scientific Works], vol. 5: Problemy istochnikovedeniia i tekstologii [Problems of Source Study and Textual Criticism], ed. by A.A. Zabiako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2012, pp. 226–266. (In Russ.)
26. Osorgin, M. *Povest' o sestre* [The Tale of a Sister]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931. 190 p. (In Russ.)
27. Osorgin, M. *Chudo na ozere* [Miracle on the Lake]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931. 209 p. (In Russ.)
28. Pereleshin, V. "Konets Alekseia Achaira" ["The End of Alexey Achair"]. *Novoe russkoe slovo*, vol. 62, no. 22825, December 10, 1972, p. 5. (In Russ.)
29. Pereleshin, V. *Poema bez predmeta* [Poem Without a Subject]. Holyoke, New England Publishing & K° Publ., 1989. 411 p. (In Russ.)
30. Proskurina, E.N. "Literatura vostochnoi emigratsii v zhurnale 'Russkie zapiski': k probleme nesostoiavshegosia dialoga" ["Literature of Eastern Emigration in the Journal 'Russian Notes': To the Problem of Failed Dialogue"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 4, 2019, pp. 116–129. DOI: 10.17223/18137083/69/10 (In Russ.)
31. Rachinskaia, E. "Zamolknushie golosa: O kharbinskikh poetakh" ["Silenced Voices: About Harbin Poets"]. *Novoe russkoe slovo*, no. 16737, January 15, 1959, p. 2. (In Russ.)

32. Savchenko, T.K. “‘Russkii ostrov’: Kharbin kak fenomen russkoi emigratsii” [“‘Russian Island’: Kharbin as a Phenomenon of Russian Emigration”]. *Filologicheskoe obrazovanie v sovremennykh issledovaniakh: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XVII Kirillo-Mefodievskie chteniia”*, 24 maia 2016 g. [Philological Education in Modern Research: Linguistic and Methodological Aspects: Materials of the International. Scientific-Practical Conference “Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. XVII Cyril and Methodius Readings,” May 24, 2016]. Moscow, Yaroslavl, Remder Publ., 2016, pp. 345–353. (In Russ.)
33. Sentianina, E. “Kharbinskie pisateli i poety (1940)” [“Harbin Writers and Poets (1940)”]. *Rubezh*, no. 24, June 8, 1940. (In Russ.)
34. Sokol'skii, V. “Retsenzii na: Vasilii Loginov. ‘Jal-Mal.’ Kharbin. 1930 g. Rasskazy” [“Book Review: Vasily Loginov. ‘Yal-Mal.’ Harbin. 1930. Stories”]. *Rubezh*, no. 13, March 22, 1930, p. 20. (In Russ.)
35. “Spisok nom<er> 3, knig, postupivshih v biblioteku pri gazete ‘Vozrozhdenie,’ posle vykhoda osnovnogo kataloga” [“List no. 3 of Books Received by the Library of the Newspaper ‘Vozrozhdenie’ After the Release of the Main Catalog”]. *Vozrozhdenie*, vol. 6, no. 2093, February 24, 1931, p. 6. (In Russ.)
36. “Spisok novykh knig, postupivshikh dlia otzyva v redaktsiiu” [“List of New Books Received for Review by the Editor”]. *Sovremennye zapiski*, vol. 32, 1927, p. 503. (In Russ.)
37. “Spisok novykh knig, postupivshikh dlia otzyva v red<aktsiiu> ‘Sovrem<ennykh> zapisok’.” [“List of New Books Received for Review by the editors of ‘Modern Notes.’”] *Sovremennye zapiski*, vol. 45, 1931, p. 543. (In Russ.)
38. *Spravochnik po S<evernoi> Man'chzhurii i KVZhD* [Handbook of Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway]. Harbin, Izdanie Ekonomicheskogo Biuro Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1927. 608 p. (In Russ.)
39. Taskina, E. “Vasilii Stepanovich Loginov” [“Vasily Stepanovich Loginov”]. *Russkaia Atlantida*, vol. 6, 2001, pp. 73–74. (In Russ.)
40. “Chto pishut kharbinskie pisateli: Nashe interv'iu” [“What do Harbin Writers Write: Our Interview”]. *Rupor*, no. 201, 1930, p. 4. (In Russ.)
41. Shatin, Iu.V., and I.V. Silant'ev. “Poetika utopii vs antiutopii v proze V.S. Loginova” [“Poetics of Utopia vs Dystopia in the Prose of V.S. Loginov”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (63), 2022, pp. 276–284. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-276 (In Russ.)
42. Shatin, Iu.V., and I.V. Silant'ev. “Mifopoetika Sibiri v tvorchestve V.S. Loginova” [“Mythopoetics of Siberia in the Works of V.S. Loginov”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (66), 1923, pp. 240–250. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-240 (In Russ.)
43. Shtern, O. “O dal'nevostochnykh pisateliakh” [“About Far Eastern Writers”]. *Bagul'nik: Literaturno-khudozhestvennyi sbornik* [Wild Rosemary: Literary Collection], book 1. Harbin, [S. n.], 1931, pp. 186–187. (In Russ.)
44. Efendieva, G.V. “Knizhnye avtografy pisatelei russkogo Kitaia” [“Book Autographs of Writers of Russian China”]. Zabiiaiko, A.P., and A.A. Zabiiaiko, editors. *Rossia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China at the Far Eastern Frontiers: Proceedings of International Scientific-Practical Conference], vol. 10: Etnokul'turnye protsessy v politicheskom kontekste

[Ethnocultural Processes in a Political Context]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2013, pp. 306–322. (In Russ.)

45. Efendieva, G.V. “Dal’nevostochnye pisateli-emigranty o sebe i tvorchestve kolleg: stat’i, retsenzii, vospominaniia” [“Far Eastern Emigrant Writers about Themselves and the Work of Their Colleagues: Articles, Reviews, Memoirs”]. *Russkii Kharbin, zapechatlenni v slove: sbornik nauchnykh rabot* [Russian Kharbin, Captured in Words: Collection of Scientific Works], vol. 7: Kul’tura i literatura dal’nevostochnoi emigratsii v arkhivakh, pis’makh, vospominaniakh [Culture and Literature of the Far Eastern Emigration in Archives, Letters, Memoirs], ed. by A.A. Zabiako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2017, pp. 211–245. (In Russ.)

46. Iakobson, E.A. *Peresekaia granitsy: Revoliutsionnaia Rossiia — Kitai — Amerika* [Crossing Borders: Revolutionary Russia — China — America], trans. from English and comm. by E.Iu. Dorman. Moscow, Russkii put’ Publ., 2004. 244 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.07.2023

Одобрена после рецензирования: 18.12.2023

Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 19.07.2023

Approved after reviewing: 18.12.2023

Date of publication: 25.03.2024

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-129-150>
<https://elibrary.ru/ZPUZVK>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Нелегкая вечность своя»: Дополнения к биографии Владимира Щировского

© 2024, В.Г. Вотрин
Независимый исследователь,
Харлем, Нидерланды

Аннотация: В статье на основании архивных источников реконструируются подробности биографии поэта Владимира Евгеньевича Щировского (1909–1941). До нынешнего времени детали его биографии были известны благодаря единственному источнику — воспоминаниям свояченицы поэта А. Доррер. Факты, приведенные в ее воспоминаниях, подвергались документальной проверке лишь частично. В статье установлена точная дата рождения Владимира Щировского, по студенческим делам из архива Московского университета прояснены даты и основные этапы жизни его отца Евгения Щировского (1850–1918) и деда по материнской линии Эраста Ежова (1842 – после 1887), определен круг родственных семей — дворянские семейства Ежовых, Савицких, Васильевских, Акаро. Отец поэта, Евгений Щировский, внебрачный ребенок дворянина, причисленный по этой причине к мещанскому сословию, сделал блестящую чиновничью карьеру и на ее пике в 1897–1906 гг. последовательно занимал должности губернатора Ломжинской, Келецкой и Радомской губерний Царства Польского, дослужившись до чина тайного советника (но не до сенаторской должности, как ошибочно считалось ранее на основании воспоминаний А. Доррер). Отец Евгения Щировского, Алексей Козьмич Щировский (1805 – после 1869), и его дед Козьма Алексеевич (1771–1849), оба московские лекари, были сослуживцами Михаила Андреевича Достоевского, отца Федора Достоевского, по Мариинской больнице для бедных и принадлежали к ближайшему кругу друзей семьи Достоевских.

Ключевые слова: русская литература XX в., биография писателя, Московский университет, генеалогия, публикация архивных данных.

Информация об авторе: Валерий Генрихович Вотрин — PhD, независимый исследователь, Харлем, Нидерланды.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6678-1765>

E-mail: votrin@gmail.com

Для цитирования: *Вотрин В.Г.* «Нелегкая вечность своя»: Дополнения к биографии Владимира Щиrowsкого // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 129–150. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-129-150>

Подробности биографии поэта Владимира Евгеньевича Щиrowsкого (1909–1941) известны благодаря лишь одному источнику — воспоминаниям Александры Николаевны Доррер (1913–2012), свояченицы Щиrowsкого, сохранившей его рукописи (в начале 1990-х гг. переданы владелицей в ЦГАЛИ СПб (Ф. 519. Д. 1–8) [8, с. 13]. Все биографические справки, составлявшиеся после первой публикации стихотворений Щиrowsкого в 1989 г. [37], были основаны на сведениях, сообщенных А. Доррер. В 1990 г. она запечатлела все, что знала о жизни Щиrowsкого, в биографическом очерке, который был впервые опубликован в виде послесловия к первому собранию его стихотворений [4].

Сведения, представленные в очерке, лишь частично подвергались документальной проверке: в 2009 г. А.В. Лавров [15] уточнил свидетельство Доррер о пребывании Щиrowsкого у Максимилиана Волошина в Коктебеле. Единственная попытка биографии [35] не сообщает никаких новых сведений и лишь пересказывает очерк А. Доррер. До сих пор оставались непроясненными точная дата рождения поэта (по сведениям А. Доррер [4, с. 90], «лето (июль?) 1909 года») и семейная история, в частности, утверждение, что отец В. Щиrowsкого был «сенатором в отставке». Последнее так прочно пристало к биографии В. Щиrowsкого, что кочует по всем биографическим справкам, вплоть до того, что одна из статей о нем так и озаглавлена — «Поздний сын царского сенатора» [6].

На основании обнаруженной нами метрической записи¹, Владимир Щиrowsкий действительно родился в июле, а именно 9 (22) июля 1909 г. в Москве². Был крещен 21 июля 1909 г.³ в Адриановской церкви, что в Мещанской Сретенского сорока города Москвы (древняя церковь Адриана и Наталии в Мещанской слободе, снесена в 1936 г.). По словам А. Доррер [4, с. 90], «родоначальником

¹ Автор приносит искреннюю благодарность Анне Слащевой (г. Санкт-Петербург) за разыскания в московских архивах и обнаружение метрических записей о рождении В.Е. Щиrowsкого, Е.П. Щиrowsкого и Э.И. Ежова, а также за ценные советы при подготовке статьи.

² ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 782. Д. 544. Л. 108 об.–109.

³ Все даты указаны по старому стилю.

фамилии считался запорожский казак Савка Щиrowый, от которого пошел их род». Следовало бы предполагать, что на каком-то отрезке времени предкам Щиrowского было даровано потомственное дворянство. Однако обнаруженные нами документы о происхождении отца поэта, Евгения Павловича Щиrowского, повествуют о гораздо более сложной истории.

Евгений Щиrowский родился 11 марта 1850 г. в Москве и был крещен 20 марта в церкви Казанской иконы Божьей матери в Сушчеве Никитского сорока города Москвы. В копии его метрического свидетельства, хранящегося в университетском деле, значится, что он был незаконнорожденным сыном «московской мещанки, девицы, дочери мещанина Стефана Козмина Марии Стефановой». Восприемниками указаны надворный советник и кавалер Павел Павлович Рынский (в 1830–1835 гг. — сверхштатный, затем штатный ординарный хирург московской Старо-Екатерининской больницы, в 1835 г. переведен в штат Ново-Екатерининской больницы [9, с. 202]) и московская мещанка, девица Наталья Андреева.

В следующем по времени обнаруженном документе — датированной 20 сентября 1857 г. ревизской сказке⁴ — Евгений прямо указан незаконнорожденным и с отчеством по крестному отцу — Евгением Павловым, однако с фамилией Щиrowский. При этом следует длинное и не до конца разборчивое примечание: «Причислен по указу МГК [Московской городской казенной] Палаты от декабря 1850 года за № 554 из незаконнорожденных до совершеннолетия, подат (?) Указом МКП от 25 октября 1857 г. дарована льгота от платежа податей на 2 года и от рекрутства на 5 лет»⁵.

Откуда же у незаконнорожденного сына бесфамильной мещанки Марии Стефановой взялась фамилия Щиrowский? Частичный ответ содержится в копии свидетельства, сопровождающей прошение Евгения Щиrowского о принятии его в студенты. Стоит привести его текст целиком:

---

⁴ Ревизские сказки мещан Екатерининской, Панкратьевской слобод г. Москвы по 10-й ревизии, 1857 г. (ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 752. С. 17).

⁵ Дело Совета Императорского Московского университета о принятии в студенты Евгения Щиrowского, 1867 г. (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 36. Д. 455). В состав дела входит прошение Е. Щиrowского о принятии в студенты, июль 1867 г. (л. 1); подпись в том, что студент будет подчиняться правилам и постановлениям университета (л. 2); аттестат об окончании 3-й Московской реальной гимназии, июнь 1867 г. (л. 3); копия свидетельства Московского Градского общества об увольнении с мещанского сословия (л. 5); копия метрического свидетельства (л. 7).

Свидетельство.

По указу Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Дома Московского градского общества дано сие свидетельство мещанину Екатерининской слободы Евгению Щиrowsкому, вследствие поданного от воспитателя его надворного советника и кавалера Алексея Козмина Щиrowsкого прошения и состоявшегося по оному приговора 28 октября сего года Московского мещанского общества, на основании 5, 6, 39 и 40 статьи 3-го тома Свода Законов (изд. 1842 года) для поступления по ученой части в том, что он, Щиrowsкий, состоит в московском мещанстве по слободе Екатерининской, по поданной к 10-ой народной переписи 20 сент. 1857 года под номером 23-им ревизской сказке значится он, Евгений Щиrowsкий, семи лет и 5 месяцев, веры православной, в московское мещанство причислен Указом Московской казенной палаты от 5 декабря 1850 года за № 55430, из незаконнорожденных, впредь до совершеннолетия для счета народного; указом же Московской казенной палаты от 23 сентября 1857 года за № 20403 предоставлены ему льготы по достижении совершеннолетия двухлетия от платежа податей и пятилетия от рекрутства; и что Московское мещанское общество на увольнение его, Щиrowsкого, по ученой части из своего сословия согласие изъявило, с принятием на себя за него податей до будущей 11-ой ревизии с тем, что это свидетельство имеет силу до наступления будущей 11-ой ревизии; если же до того времени он, Щиrowsкий, в вышеозначенное звание не поступит, то обязан при новой 11-ой ревизии подать о себе ревизскую сказку; под опасением за неисполнение сего законной ответственности на отлучку же из Москвы он, Щиrowsкий, должен брать плакатные паспорта. Ноября 7 дня 1857 года.

Помощник старосты Демидов

Письмоводитель Померанцев⁶

Получается, воспитателем малолетнего Евгения Щиrowsкого стал Алексей Козьмич Щиrowsкий, который и дал ему свою фамилию. Воспитанниками в российских официальных документах того времени часто называли незаконнорожденных детей дворян, то есть тех, кому дают воспитание и пропитание в дворянской семье [14, с. 39]. Важно отметить, что прошение на имя ректора Московского университета подано от имени «Евгения Алексея Щиrowsкого» (это единственный раз в доступных нам документах, когда Евгений

⁶ Дело Совета Императорского Московского университета о принятии в студенты Евгения Щиrowsкого, 1867 г. (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 36. Д. 455. Л. 5).

Щиrowsкий именуется не Евгением Павловым Щиrowsким). Значит, именно А.К. Щиrowsкого и следует считать настоящим отцом Евгения? Вернемся к этой теме немного позже, а пока углубимся в историю рода Щиrowsких.

3 сентября 1812 г. старший лекарь Московской больницы для бедных (впоследствии — Мариинской больницы) Козьма Щиrowsкий составил жалобную записку, в которой перечислял вещи, отнятые у него того же дня французскими солдатами:

1-е. Большая серебряная часы с двумя золотыми печатками, стоящая 125 руб.

2-е. Серебряное письменное перо, серебряный для карандаша футляр и перочинный нож ценою на 20 руб.

3-е. Денег серебряных на 15 руб.

4-е. Кроме того, чувствительный убыток, понесенный мною для спасения моего семейства: на покупку экипажа, наем лошадей, на трехмесячное в отлучке онаго содержание и прочие издержки, по меньшей мере простирается до 600 руб.

Вся же вообще моя потеря составила более 760 руб. В сущей справедливости и неложности показания оной подписуюсь.

Старший лекарь, надворный советник и кавалер Козьма Щиrowsкий [20, кн. 2, с. 51].

В примечании к публикации говорится, что штаб-лекарь Козьма Алексеевич Щиrowsкий происходил из духовного звания, в службу вступил в 1794 г., в Больнице для бедных служил с 1803 г. Полученный им до 1812 г. чин надворного советника даровал ему право на потомственное дворянство. Однако в делах архива Московского Дворянского депутатского собрания отложился дата «1814 год», когда Козьма Щиrowsкий был удостоен ордена св. Владимира 4 степени, также дававшего право на потомственное дворянство, и поэтому именно с 1814 г. отсчитывается в дворянских книгах начало московского дворянского рода Щиrowsких [22, с. 503].

Московский лекарь Козьма Щиrowsкий был сослуживцем Михаила Достоевского, отца Федора Достоевского, по Мариинской больнице для бедных. Семья Козьмы Щиrowsкого входила в ближайший круг друзей Достоевских, о чем имеется подробное свидетельство А.М. Достоевского, брата писателя:

Все служащие в Московской Мариинской больнице были, конечно, нам знакомы... Из них припоминаю Кузьму Алексеевича

Щировского, это был старейший врач в больнице, ему было тогда лет под 70, и он уже более 35 лет состоял на службе. Он бывал у нас только по утрам, а в именины отца вечером, но зато его семья женского пола часто бывала у маменьки; она состояла из жены его Аграфены Степановны⁷, свояченицы Марьи Степановны и пожилой уже дочери Лизаветы Кузьминичны. Эти три личности очень часто бывали у маменьки по утрам на чашку кофе; придут, бывало, часу в 11 утра и просидят до 1 часу. Предметами разговора были цены на говядину, телятину, рафинад и т. п., а далее про ситцы и другие материи и про покрой платьев... Маменька в свою очередь часто хаживала на такую же чашку кофе к Щировским и каждый раз брала меня с собою. Прием и беседы были те же самые. Лизавете Кузьминичне было уже лет под 40 и она нюхала табак. У Кузьмы Алексеевича, кроме дочери, были два сына: а) Алексей Кузьмич, уже врач, служивший сверхштатным ординатором при той же Московской Марьянской больнице и ждавший выхода в отставку своего папаша, чтобы преемственно занять его место, и б) Николай Кузьмич, или Коля, воспитанник Московского университетского пансиона. Этот юноша был старше моих старших братьев и редко удостоивал их своею беседою [5, с. 44–45].

Как выяснилось совсем недавно [17], Козьма Щировский помогал старшему брату Федора Достоевского Михаилу поступать в Главное инженерное училище, выдав свидетельство о надлежащем здоровье.

Имя двоюродной бабушки Владимира Щировского Елизаветы Кузьминичны впоследствии появится в записных тетрадях Федора Достоевского 1872–1875 гг. среди набросков и неосуществленных замыслов: «Дрезденская Мадона, Лизав<ета> Кузьминишна. Я. Неровень то песь навяжется. Страховъ. Сватовство. Не устояль передь обѣдомъ. Покушаль. Не объяснился. Плачеть. Я на васъ женюсь. Хохочеть. — et. с.» Замысел повести под названием «Лизавета Кузьминична и Дрезденская Мадонна» вновь возникает у Ф.М. Достоевского через год в перечне тем для мартовского выпуска «Дневника Писателя» [29, с. 184–185], однако повесть так и не была написана⁸.

⁷ Урожденная Разлуцкая, дочь цехового мастера, в браке с К. Щировским с 18 мая 1800 г. (Метрические книги церкви Ивановского сорока г. Москвы, 1800 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 122. С. 68)).

⁸ О воздействии романов Достоевского на поэзию Владимира Щировского см.: [7, с. 109–111].

Козьма Щировский скончался в чине статского советника 16 июля 1849 г. на семьдесят восьмом году жизни. Его жена Аграфена Степановна умерла семью годами ранее, 25 мая 1842 г. в возрасте 63 лет. Оба были похоронены рядом на московском Лазаревском кладбище [21, т. 3, с. 382–383].

Об Алексее Козьмиче Щировском сведений сохранилось немного. Судя по дошедшей до нас исповедной ведомости, родился в 1805 г.⁹ Единственный биографический очерк о нем (без даты рождения) находится в библиографическом словаре Л.Ф. Змеева «Русские врачи-писатели»:

Надворный советник, сын статского советника, врача из духовного звания; Демидовский стипендиат в Московском университете; лекарь первого отдела (1832) и ординатор Московской Мариинской больницы (в ведении Московского опекунского совета). В 1835 году получил степень доктора медицины в Московском университете по представлении диссертации «De scarlatina». Там же старший ординатор (1853?). M.Z.R. 1850, 55 — умер от холеры (1849?) [10, т. 2, с. 173].

Последние две даты явно противоречат друг другу и поэтому оставлены под вопросом. Если заглянуть в указанный Л. Змеевым номер 7 за 1850 г. медицинского журнала «*Medicinische Zeitung Russlands*», издававшегося на немецком языке в Петербурге в 1844–1861 гг., можно увидеть сведения о смерти доктора Щировского, старшего ординатора Мариинской больницы, случившейся в Москве в 1849 г.: «*Dr. Schtschirowsky, in Moskau. Aelterer ordinirender Arzt am Marien-Hospitale daselbst*» [40, с. 56]. Как видим, указана одна только фамилия умершего. Л. Змеев явно спутал отца и сына Щировских, занимавших в Мариинской больнице ту же должность старшего ординатора, правда, не в одно и то же время. Между тем имя Алексея Козьмича Щировского появляется в официальных документах и после 1849 г., хотя бы в Российском Медицинском списке за 1862 г. [30, с. 600] (здесь он указан в качестве доктора, надворного советника, служащего в Московском опекунском совете, кавалера орденов св. Анны 3 степени и св. Станислава 3 степени) и в Российском Медицинском списке за 1869 г. (доктор, статский советник при Московском опекунском совете) [31, с. 272].

⁹ Исповедные ведомости церковей Сретенского сорока г. Москвы, 1820 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 968. С. 528).

Встречается его имя после 1849 г. и в архивных документах. Так, в исповедной ведомости за 1850 г.¹⁰ он указан в должности «ординатора». В следующей по времени обнаруженной исповедной ведомости за 1853 г.¹¹ он значится как «доктор Алексей Космин Щиrowsкий».

Далее, судя по документам, в личной жизни доктора Алексея Щиrowsкого происходит важный поворот: где-то около 1853 г. он и Мария Стефанова (отныне Мария Степановна Щиrowsкая) вступают в законный брак. Несмотря на то, что записей, подтверждающих сам брак, нами в доступных метрических книгах не обнаружено, факт совершившегося брака последовательно отражен во всех метрических записях детей, родившихся у теперь уже законной четы Щиrowsких. Всего детей родилось четверо: 9 мая 1856 г. родился сын Алексей¹², 1 августа 1858 г. — сын Сергей¹³, 22 марта 1861 г. — сын Владимир (метрическая запись не найдена, сведения по [18, с. 7]), 2 марта 1863 г. — дочь София¹⁴. Создается впечатление, что между 1853 и 1855 гг. исчезло некое препятствие, которое мешало А.К. Щиrowsкому взять Марию Стефанову в законные жены. Можно предположить, что этому противился ее отец Стефан Козьмин. Судя по уже цитировавшейся нами ревизской сказке от 20 сентября 1857 г., Козьмин, мещанин Екатерининской слободы, умер в 1853 г. 59 лет от роду. Любопытно, что Мария Стефанова в этой ревизской сказке среди других его детей — сына Василия и дочерей Анны, Надежды и Варвары — не упомянута.

Все дети А.К. Щиrowsкого и М.С. Щиrowsкой, рожденные в законном браке, были крещены в церкви Петра и Павла при Мариинской больнице. Среди восприемников встречаются известные имена: так, крестным отцом Алексея Алексеевича Щиrowsкого стал Димитрий Тимофеевич Осиповский (1813–1881), главный доктор Мариинской больницы, сын математика и физика, ректора Харьковского университета Тимофея Федоровича Осиповского (1766–1832); восприемниками Сергея были гофмейстер Императорского двора,

---

¹⁰ Исповедные ведомости церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1850 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1591. С. 553).

¹¹ Метрические книги церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1853 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 363. С. 1172).

¹² Метрические книги церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1856 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 528. С. 137).

¹³ Метрические книги церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1858 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 550. С. 4).

¹⁴ Метрические книги церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1863 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 764. Д. 88. С. 1011).

светлейший князь Дмитрий Петрович Волконский (1805–1859) и его дочь, фрейлина Императорского двора, светлейшая княжна София Дмитриевна Волконская (1841–1875); восприемником Софии — штабс-капитан, князь Владимир Львович Шаховской (1813–1881).

Проследить дальнейшую судьбу Алексея, Сергея и Софии Щиrowsких нам не удалось. Владимир Алексеевич Щиrowsкий (1861 – ок. 1917), выпускник отделения естественных наук физико-математического факультета Императорского Московского университета (1888), стал геологом, одним из первых исследователей геологических отложений Среднего Поволжья, в 1894–1906 гг. — хранителем Минералогического кабинета Московского университета. Именем В.А. Щиrowsкого назван род и вид нижнемеловых аммонитов *Stchirowskyceras* и *Proleopoldia stchirowskyi* [33, с. 27–30].

После 1869 г. имя А.К. Щиrowsкого пропадает из Российского Медицинского списка. Он скончался до 1898 г. — в адрес-календаре «Вся Москва» за этот год впервые появляется имя Марии Степановны Щиrowsкой, которая названа вдовой статского советника. Она умерла 2 июня 1903 г.¹⁵ и была похоронена в одной могиле с Козьмой Алексеевичем и Аграфеной Степановной Щиrowsкими на Лазаревском кладбище Москвы [21, т. 3, с. 383].

Отец В.Е. Щиrowsкого Евгений Павлович Щиrowsкий окончил юридический факультет Московского университета в 1873 г., начал службу в сентябре того же года в должности письмоводителя и бухгалтера второго округа питейно-акцизного управления Виленской губернии в чине коллежского секретаря. С декабря 1873 г. — секретарь акцизного управления Виленской губернии (в декабре 1877 г. пожалован чином титулярного советника). С марта 1878 г. — исправляющий должность советника, с декабря 1879 г. — советник Минского губернского правления. В том же месяце пожалован чином коллежского асессора [1, с. 1943; 2, т. 4, с. 584; 39, с. 212].

В октябре 1880 г. Е. Щиrowsкий был откомандирован в распоряжение сенатора Александра Александровича Половцова для содействия в проведении сенаторской ревизии в Киевской и Черниговской губерниях [39, с. 212]. Он был одним из четырех чиновников по особым поручениям при сенаторе и принимал таким образом непосредственное участие во выявлении злоупотреблений на всех уровнях губернской администрации. Так, например, в ходе ревизии было установлено, что генерал-губернатор М.И. Чертков не имел представления о важнейших внутривластных проблемах

¹⁵ Метрические книги церковью Сретенского сорока г. Москвы, 1903 г. (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 168. С. 136).

вверенной ему территории, совершенно не разбирался в сложных земельных отношениях крестьян и помещиков [36, с. 867]. Дневник А. А. Половцова за конец 1880 г. – начало 1881 г. [32] пестрит упоминаниями фамилии Щиrowsкого. Вот запись от 6 декабря 1880 г.: «Утром возвращаются из Умани де Росси, Щиrowsкий, Воскобойников, Шидловский. Все они объаты ужасом о безмерности злоупотреблений тамошних чиновников, а в особенности — председателя съезда мировых посредников Каменецкого. Проводим целый день в разговорах об этом» [32, с. 79]. 20 декабря: «Возвращаются бердичевские ревизоры, алчущие момента разъехаться на праздники по домам. Выслушиваю доклад Есипова о волости, Носова — о гор. Липовце, Щиrowsкого — о ссудо-сберегательном товариществе» [32, с. 87]. 4 февраля: «Щиrowsкий и Смирнов возвращаются из Чигиринского уезда; злоупотребления люстрационных и других чиновников невероятно обширны, к ним надо присоединить священников» [32, с. 115]. 12 февраля: «Чтение очень интересных еврейских дел, программа вопросов по городскому управлению, студентское дело 1878. После обеда чтение Щиrowsкого о волостных писарях» [32, с. 120].

В награду за отличную службу Щиrowsкий в августе 1881 г. был пожалован чином надворного советника, уже в январе следующего года получил чин коллежского советника за особые заслуги при проведении senatorской ревизии; в декабре 1882 г. назначен исполнять должность директора Минского сиротского приюта.

В марте 1886 г. был пожалован чином статского советника и по собственной просьбе освобожден от должности советника Минского губернского правления. С июля 1886 г. — член Харьковского губернского статистического комитета. С июля 1890 г. — Харьковский губернский тюремный инспектор. В декабре 1891 г. получает следующий чин — действительного статского советника. С ноября 1895 г. правительствует канцелярией Варшавского генерал-губернатора. С марта 1897 г. Щиrowsкий попеременно становится губернатором трех губерний Царства Польского — Ломжинской (март 1897 – май 1897), Келецкой (май 1897 – июль 1899), Радомской (июль 1899 – июнь 1906). В январе 1902 г. произведен в тайные советники. В июне 1906 г. попросился в отставку по состоянию здоровья [39, р. 212–213].

Столь подробное путешествие по формулярному списку Евгения Щиrowsкого понадобилось для того, чтобы окончательно развеять утверждение, что он когда-либо занимал пост сенатора. Отсутствует его фамилия и в двухтомной энциклопедии «Сенаторы Российской империи» [34].

Выходит, насчет его должности права была поэтесса Елизавета Новская, писавшая Максимилиану Волошину и его жене Марии Степановне в рекомендательном письме (цит. по: [15, с. 69–70]): «Дорогие Марусенька и Макс! Это письмо передает Вам юный поэт, Володя Щиrowsкий, о печальной судьбе которого я как-то рассказывала Вам и стихи которого Макс когда-то читал (в Х<арькове>) и одобрил... Это Вова — сын убитого губернатора, кажется, Седлец<кой> губ<ернии>...»

В географическом плане Новская ошиблась ненамного — Седлецкая губерния граничила с Радомской. Уверенность же Новской в насильственной смерти Е.П. Щиrowsкого, вероятно, была основана на каком-то похожем событии. К примеру, один из преемников Е.П. Щиrowsкого на посту Ломжинского губернатора, Д.Н. Татищев (1868–1919) (губернатор в 1907–1909 гг.), был расстрелян большевиками.

По утверждению польского источника [39, p. 212], Е.П. Щиrowsкий был женат дважды: первым браком на Людмиле Александровне Ежовой, вдове статского советника (умерла до 1908 г.; никаких документальных свидетельств этого брака нами не найдено). В 1908 г. женился вторым браком (имя жены не названо). Ее имя известно из метрической записи Владимира Щиrowsкого — это София Эрастовна Ежова (возможно, родственница первой жены). Как и в случае с Е.П. Щиrowsким, сведения об ее отце, Эрасте Ежове, выпускнике юридического факультета Московского университета, обнаружались в его университетском деле¹⁶.

Эраст Иванович Ежов родился 12 сентября 1842 г. в Варшаве в семье чиновника интендантства действующей армии, губернского секретаря Ивана Григорьевича Ежова. В 1855 г. поступил в Виленский Дворянский институт и в 1859 г. с отличием его окончил. В том же году принят на юридический факультет МГУ. Во время учебы в университете Ежов увлекся революционными идеями — впоследствии он даже удостоился беглого биографического очерка в многотомном словаре «Деятели революционного движения в России» [3, т. 1, ч. 2, с. 115], из которого следует, что студент Московского

¹⁶ Дело Совета Императорского Московского университета о принятии в число студентов Эраста Ежова, 1859 г. (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 28. Д. 299). В состав дела входит прошение Э. Ежова о принятии в студенты, август 1859 г. (л. 1); аттестат об окончании Виленского Дворянского института, июнь 1859 г. (л. 2); прошение студента 2 курса юридического факультета Московского университета Э. Ежова ректору Московского университета о выдаче копии метрического свидетельства для предоставления по делу о наследстве, октябрь 1860 г. (л. 3); копия метрического свидетельства (л. 4).

университета Э.И. Ежов за участие в студенческих волнениях был арестован в октябре 1861 г.; в феврале 1862 г. получил предупреждение об увольнении его из университета в случае неподчинения правилам.

Предупреждение, очевидно, было принято к сведению — уже в следующем, 1863 г. Эраст Ежов, студент четвертого курса юридического факультета, был награжден золотой медалью за сочинение на заданную тему «О юридических лицах» [11, с. 7]. Окончил курс действительным студентом в 1865 г. [13, с. 232]. Дальнейший его путь прослеживается по адрес-календарям «Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи»: в 1868–1869 гг. Ежов — уездный судебный следователь в Вильне [23, с. 24; 24, с. 24]. В 1870 г. служил акцизным надзирателем в питейно-акцизном управлении Виленской губернии [25, с. 23] — том самом, в котором через три года начнет службу молодой выпускник Московского университета Евгений Щировский. В адрес-календаре за 1877 г. находим Ежова уже в Минске в должности товарища губернского прокурора [26, с. 125]. Там же, в Минске, в марте 1878 г., как помним, оказывается и Щировский — в должности советника губернского правления. Прокурорский надзор находился в ведении губернского правления, так что в адрес-календаре за 1878 г. видим фамилии Ежова и Щировского почти рядом, в одном разделе, содержащем фамилии чиновников губернского правления [27, с. 125].

Их пути снова расходятся в 1880 г., когда Щировский отбывает в распоряжение сенатора Половцова. Ежов остается в Минске — в адрес-календаре за 1887 г. находим его в чине коллежского советника, правителем канцелярии Минского губернатора Н.Н. Трубецкого [28, с. 119]. Годом раньше антрополог Константин Николаевич Иков (1859–1895) включает его в список лиц, которым приносит искреннюю благодарность за помощь при проведении одной из научных экспедиций в Белоруссию [12, с. 72]. После 1887 г. имя Э.И. Ежова пропадает из официальных адрес-календарей, однако по косвенным данным известно, что он дослужился до следующего чина: дочерью статского советника в «Малороссийском родословнике» [19, т. 4, с. 429] названа другая его дочь, Вера.

Вера Эрастовна Ежова (по мужу — Савицкая) была крестной матерью Владимира Щировского (ее имя значится в его метрической записи). Сведения о ней — исключительно из «Малороссийского родословника»: родилась 8 ноября 1866 г., окончила курс Минской женской гимназии, с 11 ноября 1891 г. замужем за действительным

статским советником Нилом Петровичем Савицким¹⁷ [19, т. 4, с. 428–429]. Впоследствии их дочь Любовь Ниловна (по мужу Васильковская) (1897–?), воспитанница женской гимназии Григорьевич в Харькове [19, т. 4, с. 431], станет единственным человеком, оказывающим Владимиру Щиrowsкому материальную поддержку в годы его учебы на Ямфаке [4, с. 91].

Крестный отец Владимира Щиrowsкого, Василий Григорьевич Акаро (1866 – после 1922) — ротмистр Калишской бригады пограничной стражи, впоследствии участник Первой мировой войны¹⁸.

Около 1909 г. Е.П. Щиrowsкий с женой оказываются в Москве. Их адрес — 4-я Мещанская, дом Шевлягиной — появляется в справочнике «Вся Москва» всего единожды, в 1910 г. (этот же адрес указан в метрической записи Владимира Щиrowsкого). В последующих изданиях справочника Щиrowsкие уже не значатся — известно, что сразу после рождения сына они переехали в усадьбу под Харьковом, где провел детство Владимир Щиrowsкий. Местонахождение и название этой усадьбы еще предстоит установить — во всяком случае, в классическом путеводителе по усадьбам Харьковской губернии [16] имение Щиrowsкого не упоминается (как и большая часть дворянских усадеб Харьковской губернии, которые принадлежали мелкопоместному дворянству).

После переезда Е.П. Щиrowsкого в Харьков сведения о нем в доступных нам документах не встречаются. Считается, что он умер

---

¹⁷ Нил Петрович Савицкий (1860 – после 1909), род. 27 мая 1860 г. в д. Ушивке, Кролевецкого уезда; окончил курсы Новгород-Северской гимназии (1878 г.) и Харьковского Университета (1884); 15 мая 1885 г. удостоен степени кандидата естественных наук; в службе с 30 марта 1885 г. по Министерству внутренних дел; 12 июля 1885 г. — младший чиновник особых поручений при Харьковском губернаторе; 11 мая 1888 г. — старший чиновник особых поручений там же; в 1891–1895 гг. исполнял обязанности цензора и инспектора типографий, библиотек и проч.; 22 ноября 1895 г. — неперемный член Харьковского губернского по воинской повинности Присутствия; 27 июля 1902 г. — неперемный член Харьковского Губернского Присутствия; 1 января 1908 г. — действительный статский советник; с 17 марта 1910 г. состоит заведующим делами общины сестер милосердия; 10 июля 1910 г. уволен от должности неперемного члена Губернского Присутствия по прошению; 14 ноября 1912 г. — получил орден св. Владимира 3-й степ.; участвовал в построении храма в Борках на месте крушения Царского поезда 17 октября 1888 г., за что вне правил «за выдающиеся заслуги» награжден орденом св. Станислава 2-й степени; работал во многих благотворительных обществах; с 9 февраля 1888 г. состоит почетным мировым судьей по Кролевецкому уезду; с 1895 г. — уездный и губернский гласный по Кролевецкому уезду; владел 347 десятинами земли в Кролевецком уезде и домом в Харькове; работал во многих газетах и журналах [19, т. 4, с. 428–429].

¹⁸ Подробнее о нем (включая ссылки на архивные документы) см.: *Офицеры русской императорской армии*. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Акаро_Василий_Григорьевич (дата обращения: 11.09.2023).

«после 1916 года» [39, р. 213]. Однако есть одно документальное свидетельство, которое до сего времени не учитывалось при изучении биографии Е.П. Щиrowsкого. Это стихотворения его сына. В начале автобиографической поэмы «Ничто» [38, с. 129] есть точный портрет отца:

Люблю его таким: учтив, насмешлив, мрачен.
История же прет, томами громоздясь, —
Вот губернатором куда-то он назначен...
Вкруг — агитаторы, свободолюбцы, мразь...
<...>
И стал он стариком. Устал, ушел в отставку,
Женился в старости и породил меня.
Бог нового в игрушечную лавку
Ввел покупателя, пленяя и дразня.

А мой отец тогда, надев косоворотку.
Нашел себе игру в работе столяра.
Он сотворил мне меч, и арбалет и лодку,
Он сотворил мне все, к чему звала игра.

Как видим, здесь, пусть и вскользь, упомянута губернаторская должность Евгения Щиrowsкого — по-видимому, эта строка поэмы не вспомнилась А. Доррер, когда она писала свой биографический очерк. А чуть ниже Владимир Щиrowsкий указывает и дату смерти отца:

Пошел здесь свальный грех. Созвали учредилку,
Пошли смердеть, кричать, насиловать сестер...
В златые эти дни я жил легко и пылко,
Как будто бы глаза для гибели протер.

Так строилась душа. Тифозными мечтами
Был свергнут Андерсен. Скончался мой отец.
Я стал читать Дюма. И пронеслась над нами
Румяная чума. И на крутое пламя
Людишки глянули зеницами овец [38, с. 132].

Если исходить из того, что Всероссийское Учредительное собрание было избрано в ноябре 1917 г., то получается, что Евгений Павлович Щиrowsкий скончался в 1918 г., уже после созыва

«учредилки» (январь 1918 г.) Смерть отца, случившаяся на фоне общего «свального греха» и развала империи, стала для Владимира Щировского отдельным, личным потрясением — и глухой тоской об этой безвозвратной потере и трагическим провидением звучит следующая строфа поэмы:

А после всё прошло, утихло понемножку.
Торговкой стала мать. Я в школу стал ходить.
Жизнь пригласила: жри. Воткнула в руки ложку.
У современников поисплясалась прыть.

Литература

1. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 798 с.
2. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917) (Биографический словарь) / сост. Е.Л. Потемкин. М.: [Б. и.], 2019. Т. 4. 672 с.
3. Деятели революционного движения в России (Био-библиографический словарь). М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. 496 с.
4. *Доррер А.Н.* Владимир Щировский (1909–1941). Биография (1990) // *Щировский В.Е.* Танец души. Стихотворения и поэмы / сост., послесл. и коммент. В.В. Емельянова. М.: Водолей, 2007. С. 90–97.
5. *Достоевский А.М.* Из «Воспоминаний» // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина. С. 29–162.
6. *Евтушенко Е.А.* Поздний сын царского сенатора // Новые Известия. 2008. 22 августа. URL: <https://newizv.ru/news/2008-08-22/pozdniiy-syn-tsarskogo-senatora-92677> (дата обращения: 13.09.2023).
7. *Емельянов В.В.* Владимир Щировский в садах двадцать первого века // *Щировский В.Е.* Танец души. Стихотворения и поэмы / сост., послесл. и коммент. В.В. Емельянова. М.: Водолей, 2007. С. 98–124.
8. *Емельянов В.В.* Проблемы текстологии Владимира Щировского (по материалам ЦГАЛИ СПб) // Озерная текстология: труды IV Летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы / под ред. А. Кобринского, О. Лекманова, М. Люстрова, Г. Обатнина. Пос. Поляны (Уусикирко), Лен. обл.: Петербургский ин-т иудаики, 2007. С. 13–20.
9. *Журавлев Д.И.* Список врачей, служивших в больнице с момента ее основания. Их особенности. Работы. Биографии выдающихся лиц. Библиотека. Патологоанатомы // Московская Екатерининская городская больница, родоначальница городской и общественной медицины. 1776–1926. Юбилейный сборник. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. С. 201–230.
10. *Змеев Л.Ф.* Русские врачи-писатели: в 5 тетр. СПб.: [Скл. изд. у авт.], 1886. Тетр. 2. 182 с.

11. Извлечение из отчета о состоянии и действиях Императорского Московского Университета в 1862/63 академическом и 1863 гражданском году // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. СХХIV. Октябрь. Отд. II. СПб.: Тип. Рогальского и Ко., 1864. С. 1–46.
12. *Иков К.Н.* Предварительный отчет по экспедиции в Белоруссию и Литву летом 1886 г. // Антропология Беларуси в исследованиях конца XIX – середины XX в. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 69–73.
13. Краткий отчет о состоянии Императорского Московского университета за 1865 год // Московские университетские известия. 1865. № 5. С. 289–338.
14. *Крылова А.А.* Незаконорожденные дети дворян в Российской империи: права и социальный статус // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 4. С. 38–43.
15. *Лавров А.В.* Владимир Щировский — корреспондент Максимилиана Волошина // Озерная школа: труды V Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе / под ред. А. Балакина, А. Долинина, А. Кобринского, О. Лекманова, М. Люстрова, Г. Обатнина. Пос. Поляны (Уусикирко), Лен. обл.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2009. С. 69–70.
16. *Лукомский Г.К.* Старинные усадьбы Харьковской губернии. Пг.: Изд. Н.В. Клейнмихель, 1917. Ч. 1: Уезды: Ахтырский, Богодуховский, Валковский, Волчанский, Сумский, Харьковский. 99 с.
17. *Маскевич Е.Д., Тихомиров Б.Н.* Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы к биографии 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 56–93.
18. *Митта В.В., Стародубцева И.А.* В.А. Щировский и изучение мезозоя алатырско-курмышского края (Среднее Поволжье) // VM-Novitates. 2000. № 5. С. 1–20.
19. *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1914. Т. 4: П–С. 832 с.
20. Москва и Отечественная война 1812 г.: в 2 кн. / авт.-сост. Д.И. Горшков. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. Кн. 2. 458 с.
21. Московский некрополь: в 3 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. Т. 3: Р–Фита. 432 с.
22. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания. М.: Тип. Л.В. Пожидаевой, 1910. 614 с.
23. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1868 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1868. Ч. 2. 842 с.
24. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1869 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1869. Ч. 2. 871 с.
25. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1870 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1870. Ч. 2. 896 с.
26. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1877 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1877. Ч. 2. 764 с.

27. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1878 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1878. Ч. 2. 759 с.

28. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1887 год (Адрес-календарь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. Ч. 2. 767 с.

29. *Панюкова Т.В.* Фактические источники при исследовании биографии Ф.М. Достоевского: от документа — к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 158–196. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-158-196>

30. Российский Медицинский список, изданный по Высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1862 г. СПб.: Упр. гл. врачебного инспектора М-ва внутренних дел, 1862. 687 с.

31. Российский Медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1869 г. СПб.: Упр. гл. врачебного инспектора М-ва внутренних дел, 1869. 439 с.

32. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О.О. Половцова (жовтень 1880 – травень 1881) / упоряд.: М. Будзар, Є. Ковальов, Д. Терещенко. Київ: StreamARLine, 2019. 208 с.

33. *Стародубцева И.А.* Щировский Владимир Алексеевич // Павловская геологическая школа / отв. ред. Ю.Я. Соловьев. М.: Наука, 2004. С. 27–30.

34. *Федорченко В.И.* Сенаторы Российской империи: энциклопедия биографий: в 2 т. М.: Минувшее, 2018. Т. 1: А–Л. 608 с.; Т. 2: М–Я. 656 с.

35. *Шестакова Н.Д.* Имя из забвения. Поэт Владимир Щировский. Попытка биографии // Судакский Парнас-III: международная историческо-краеведческая литературная конференция, 10–14 сентября 2016 года, Исторический музей «Дача Функа»: итоги. Феодосия: Арт Лайф, 2016. С. 122–132.

36. *Щанкина Л.Н., Федорова И.А., Егорова О.В.* Сенаторские ревизии второй половины XIX века как средство надзора за деятельностью местных органов власти // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 861–871. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10223

37. *Щировский В.Е.* Стихотворения // Огонек. 1989. № 36. С. 16.

38. *Щировский В.Е.* Ничто // *Щировский В.Е.* Танец души. Стихотворения и поэмы / сост., послесл. и коммент. В.В. Емельянова. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 127–141.

39. *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin: ELPIL, 2016. 288 p.

40. *Heine M.* Nekrolog bekannter in Russland verstorbener Aerzte für das Jahr 1849 // Medicinische Zeitung Russlands. 1850. Vol. 7. P. 55–56.

“The Thorny Eternity of Mine”: Additions to the Biography of Vladimir Schirovsky

© 2024. Valéry G. Votrin
Independent Researcher,
Haarlem, The Netherlands

Abstract: The article reconstructs details of the biography of the poet Vladimir Yevgenievich Schirovsky (1909–1941) based on archival sources. Until today, only the memoirs of his sister-in-law, Aleksandra Dorrer, served as the source of his life’s details. The facts presented in her memoirs had undergone only partial documentary verification. The article establishes Vladimir Schirovsky’s exact date of birth, clarifies the dates and the crucial milestones in the lives of his father, Yevgeny Schirovsky (1850–1918), and his maternal grandfather Erast Yezhov (1842 – after 1887) using historical records from the Moscow University archives and identifies Schirovsky’s family ties with the noble families of the Yezhovs, Savitskys, Vasilkovskys, and Akaro. Yevgeny Schirovsky, assigned to the lower class of the *meschane* (urban *petit bourgeois*) as an illegitimate child of a noble, built an exceptional career as a civil servant. At the peak of his career between 1897 and 1906, he successively held a provincial governorship of the Łomża Governorate, the Kielce Governorate, and the Radom Governorate of the Congress Poland, having risen to the rank of the Privy Councilor (but not to the rank of a senator, as incorrectly thought before based on Aleksandra Dorrer’s account). Yevgeny Schirovsky’s father, Aleksey Kozmich Schirovsky (1805 – after 1869), and grandfather Kozma Alekseyevich Schirovsky (1771–1849), both physicians who worked at the Mariinsky Hospital for the poor in Moscow alongside Mikhail Andreyevich Dostoevsky, the father of Fyodor Dostoevsky, belonged to the closest circle of friends of the Dostoyevsky family.

Keywords: Russian literature of the 20th century, writer’s biography, Moscow University, genealogy, publication of archival materials.

Information about the author: Valéry G. Votrin — PhD in Environmental Science, Independent Researcher, Haarlem, The Netherlands.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6678-1765>

E-mail: votrin@gmail.com

For citation: Votrin, V.G. “The Thorny Eternity of Mine”: Additions to the Biography of Vladimir Schirovsky.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 129–150. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-129-150>

References

1. Volkov, S.V. *Vysshee chinovnichestvo Rossiiskoi imperii. Kratkii slovar'* [Top Officials of the Russian Empire. Brief Directory]. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2016. 798 p. (In Russ.)
2. *Vysshie chiny Rossiiskoi imperii (22.10.1721–2.03.1917) (Biograficheskii slovar')* [Top Officials of the Russian Empire (22.10.1721–2.03.1917) (Biographic Index)], vol. 4, comp. E.L. Potemkin. Moscow, [S. n.], 2019. 672 p. (In Russ.)

3. *Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii (Bio-bibliograficheskii slovar') [Revolutionary Movement Leaders in Russia. Biobibliographical Index]*, vol. 1: Ot predshestvennikov dekabristov do kontsa "Narodnoi voli" [From the Decembrists' Forerunners to the End of the "Narodnaya Volya"], part 2: Shestidesiatye gody [The 1860s], comp. A.A. Shilov and M.G. Karnaukhova. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1928. 496 p. (In Russ.)

4. Dorner, A.N. "Vladimir Shchirovskii (1909–1941). Biografiia (1990)" ["Vladimir Schirovsky (1909–1941). A Biography (1990)"]. Shchirovskii, V.E. *Tanets dushi. Stikhotvoreniia i poemy [The Dance of the Soul. Poems and Long Poems]*, comp., afterword and comm. by V.V. Emel'ianov. Moscow, Vodolei Publ., 2007, pp. 90–97. (In Russ.)

5. Dostoevskii, A.M. "Iz 'Vospominanii.'" ["From 'Memoirs.'"] *Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov: v 2 t. [Dostoyevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 vols.]*, vol. 1, introd. article, comp. and comm. by K. Tiun'kin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ, 1990, pp. 29–162. (In Russ.)

6. Evtushenko, E.A. "Pozdnii syn tsarskogo senator" ["The Late Son of the Tsar's Senator"]. *Novye Izvestiia*, 22 August, 2008. Available at: <https://newizv.ru/news/2008-08-22/pozdny-syn-tsarskogo-senatora-92677> (Accessed 13 September 2023). (In Russ.)

7. Emel'ianov, V.V. "Vladimir Shchirovskii v sadakh dvadtsat' pervogo veka" ["Vladimir Schirovsky in the Gardens of the 21st Century"]. Shchirovskii, V.E. *Tanets dushi. Stikhotvoreniia i poemy [The Dance of the Soul. Poems and Long Poems]*, comp., afterword and comm. by V.V. Emel'ianov. Moscow, Vodolei Publ., 2007, pp. 98–124. (In Russ.)

8. Emel'ianov, V.V. "Problemy tekstologii Vladimira Shchirovskogo (po materialam TsGALI SPb)" ["Issues of Vladimir Shchurovsky Textual Criticism (Based on Archival Materials from the St. Petersburg Central State Archive of Arts and Literature)"]. Kobrinsky, A., et al., editors. *Ozernaia tekstologiya: trudy IV Letnei shkoly na Karelskom peresheike po tekstologii i istochnikovedeniiu russkoi literatury [The Lake Textual Criticism: Publications of the IV Summer School on the Karelian Isthmus on Textual Criticism and Source Studies of Russian Literature]*. Poliany (Uusikirko), Leningrad Region, St. Petersburg Institute of Jewish Studies Publ., 2007, pp. 13–20. (In Russ.)

9. Zhuravlev, D.I. "Spisok vrachei, sluzhivshikh v bol'nitse s momenta ee osnovaniia. Ikh osobennosti. Raboty. Biografii vydaiushchikhsia lits. Biblioteka. Patologoanatomy" ["The List of Doctors Who Served at the Hospital Since Its Establishment. Their Peculiar Features. Works. Biographies of Distinguished Persons. The Library. The Anatomic Pathologists"]. *Moskovskaia Ekaterininskaia gorodskaia bol'nitsa, rodonachal'nitsa gorodskoi i obshchestvennoi meditsiny. 1776–1926. Iubileinyi sbornik [The Catherine Hospital in Moscow, a Pioneer of Urban and Public Healthcare. 1776–1926. Jubilee Volume]*. Moscow, Izdatel'stvo Moszdravotdela Publ., 1929, pp. 201–230. (In Russ.)

10. Zmeev, L.F. *Russkie vrachi-pisateli: v 5 tetr. [Russian Doctor Writers: in 5 books]*, book 2. St. Petersburg, [Skklad izdaniia u avtora Publ.], 1886. 182 p. (In Russ.)

11. "Izvlechenie iz otcheta o sostoianii i deistviakh Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta v 1862/63 akademicheskom i 1863 grazhdanskom godu" ["An Extract from the Report on the State and Activities of the Imperial Moscow University in the 1862/63 Academic Year and 1863 Civil Year"]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]*, part 124, October, section 2, 1864. St. Petersburg, Tipografiia Rogal'skogo i Ko. Publ, 1862, pp. 1–46. (In Russ.)

12. Ikov, K.N. "Predvaritel'nyi otchet po ekspeditsii v Belorussiiu i Litvu letom 1886 g." ["Preliminary Report for an Expedition to Belarus and Lithuania, Summer 1886"]. *Antropologiya Belarusi v issledovaniakh kontsa XIX – serediny XX v. [Anthropology of Belarus*

in *Studies from the Late 19th Century – Mid 20th Century*]. Minsk, Belaruskaiia navuka Publ., 2017, pp. 69–73. (In Russ.)

13. “Kratkii otchet o sostoianii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1865 god” [“Brief Report Regarding the State of the Imperial Moscow University for 1865”]. *Moskovskie universitetskie izvestiia*, no. 5, 1865, pp. 289–338. (In Russ.)

14. Krylova, A.A. “Nezakonorozhdennye deti dvorian v Rossiiskoi imperii: prava i sotsial’nyi status” [“Illegitimate Children of Nobility in the Russian Empire: Rights and Social Status”]. *Vestnik Iuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia “Sotsial’no-gumanitarnye nauki”* [Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and the Humanities” Series], vol. 16, no. 4, 2016, pp. 38–43. (In Russ.)

15. Lavrov, A.V. “Vladimir Shchirovskii — korrespondent Maksimiliana Voloshina” [“Vladimir Shchirovsky — Correspondent of Maximilian Voloshin”]. Balakin, A., et al., editors. *Ozernaia shkola: trudy V Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel’skom peresheike po russkoi literature* [The Lake School: Publications of the V International Russian Literature Summer School in the Karelian Isthmus]. Polyany (Usikirkko), Leningrad Region, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2009, pp. 69–70. (In Russ.)

16. Lukomskii, G.K. *Starinnye usad’by Khar’kovskoi gubernii* [Ancient Estates of the Kharkov Province], part 1: Uezdy: Akhtyrskii, Bogodukhovskii, Valkovskii, Volchanskii, Sumskii, Khar’kovskii [Akhtyrsky, Bogodukhovsky, Valkovsky, Volchansky, Sumsky, Kharkovsky Counties]. Petrograd, N.V. Kleinmichel’ Publ., 1917. 99 p. (In Russ.)

17. Maskevich, E.D., and B.N. Tikhomirov. “Iz iunykh let Mikhaila i Fedora Dostoevskikh (Novye arkhivnye materialy k biografii 1837–1839 gg.)” [“The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoyevsky (New Archival Materials for the Biography of 1837–1839)”]. *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoyevsky], no. 2, 2019, pp. 56–93. (In Russ.)

18. Mitta, V.V., and I.A. Starodubtseva. “V.A. Shchirovskii i izuchenie mezozoiia alatyrsko-kurmysnskogo kraia (Srednee Povolzh’e)” [“V.A. Shchirovsky and Study of the Mesozoic in the Alatyr-Kurmysh Area (Basin of the Middle Volga)”]. *VM-Novitates*, no. 5, 2000, pp. 1–20. (In Russ.)

19. Modzalevskii, V.L. *Malorossiiskii rodoslovnik* [The Little Russian Book of Genealogy], vol. 4: P–S [P–S]. Kyiv, Tipografia “S.V. Kul’zhenko” Publ., 1911. 832 p. (In Russ.)

20. *Moskva i Otechestvennaia voina 1812 g.: v 2 kn.* [Moscow and the Patriotic War of 1812: in 2 books], book 2, author and comp. D.I. Gorshkov. Moscow, Izdatel’stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniia goroda Moskvy Publ., 2011. 458 p. (In Russ.)

21. *Moskovskii nekropol’: v 3 t.* [The Moscow Necropolis: in 3 vols.], vol. 3: R–Fita [R–Fit]. St. Petersburg, Tipografia M.M. Stasiulevicha Publ., 1908. 432 p. (In Russ.)

22. *Moskovskoe dvorianstvo: alfavitnyi spisok dvorianskikh rodov s kratkim ukazaniem vazhneishikh dokumentov, nakhodiashchikhsia v rodoslovnykh delakh Arkhiva Moskovskogo dvorianskogo deputatskogo sobraniia* [The Moscow Nobility: An Alphabetic List of Noble Families with Brief References to the Most Important Documents Stored in Genealogical Records in the Archives of the Moscow Gentry Deputy Assembly]. Moscow, Tipografia L.V. Pozhidaevoi Publ., 1910. 614 p. (In Russ.)

23. *Obshchaia rospis’ nachal’stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar’)* [A General List of Managing and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1868 (Official Directory)], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel’stvuiushchego Senata Publ., 1868. 842 p. (In Russ.)

24. *Obshchaia rospis’ nachal’stvuiushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniiam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar’)* [A General List of Managing

and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1869 (Official Directory)], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel'stviushchego Senata Publ., 1869. 871 p. (In Russ.)

25. *Obshchaia rospis' nachal'stviushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar')* [*A General List of Managing and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1870 (Official Directory)*], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel'stviushchego Senata Publ., 1870. 896 p. (In Russ.)

26. *Obshchaia rospis' nachal'stviushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar')* [*A General List of Managing and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1877 (Official Directory)*], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel'stviushchego Senata Publ., 1877. 764 p. (In Russ.)

27. *Obshchaia rospis' nachal'stviushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar')* [*A General List of Managing and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1878 (Official Directory)*], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel'stviushchego Senata Publ., 1878. 759 p. (In Russ.)

28. *Obshchaia rospis' nachal'stviushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniam v Rossiiskoi Imperii na 1868 god (Adres-kalendar')* [*A General List of Managing and Other Officials Across All Departments in the Russian Empire in 1887 (Official Directory)*], part 2. St. Petersburg, Tipografia Pravitel'stviushchego Senata Publ., 1887. 767 p. (In Russ.)

29. Paniukova T.V. “Fakticheskie istochniki pri issledovanii biografii F.M. Dostoevskogo: ot dokumenta — k faktu i interpretatsii” [“Factual Sources in Research on the Biography of Fyodor Dostoevsky: From Documents to Facts and Interpretation”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (12), 2020, pp. 158–196. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-158-196> (In Russ.)

30. *Rossiiskii Meditsinskii spisok, izdannyi po Vysochaishemu povelению Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1862 g.* [*The Russian Medical List Published by the Department of Medicine of the Ministry of Interior in 1862*]. St. Petersburg, Upravlenie glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1862. 687 p. (In Russ.)

31. *Rossiiskii Meditsinskii spisok, izdannyi po Vysochaishemu povelению Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1869 g.* [*The Russian Medical List Published by the Department of Medicine of the Ministry of Interior in 1869*]. St. Petersburg, Upravlenie glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1869. 439 p. (In Russ.)

32. *Senators'ka revizija Kyi'vs'koi' ta Chernigivs'koi' gubernij: zi shhodennyka O.O. Polovcova (zhovten' 1880 – traven' 1881)* [*The Senatorial Audit of the Kyiv and Chernihiv Governorships (October 1880 – May 1881)*], comp. by M. Budzar, Je. Koval'ov, D. Tereshhenko. Kyiv, StreamARLine Publ., 2019. 208 p. (In Ukrainian and Russ.)

33. Starodubtseva, I.A. “Shchirovskii Vladimir Alekseevich” [“Shchirovskii Vladimir Alekseevich”]. Solov'ev, Iu.Ia., editor. *Pavlovskaiia geologicheskaiia shkola [Pavlov's Geological School]*. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 27–30. (In Russ.)

34. Fedorchenko, V.I. *Senatory Rossiiskoi imperii: entsiklopediia biografii: v 2 t.* [*The Senators of the Russian Empire: An Encyclopedia of Biographies: in 2 vols.*], vol. 1: A–L [A–L], vo. 2: M–Ia [M–Ya]. Moscow, Minuvshee Publ., 2018. 608, 656 p. (In Russ.)

35. Shestakova, N.D. “Imia iz zabvenia. Poet Vladimir Shchirovskii. Popytka biografii” [“A Name Saved from Oblivion: The Poet Vladimir Shchirovsky. An Attempt at the Biography”]. *Sudakskii Parnas-III: mezhdunarodnaia istorichesko-kraevedcheskaia literaturnaia konferentsiia, 10–14 sentiabria 2016 goda, Istoricheskii muzei “Dacha Funka”*: itogi [Sudak Parnassus-III: International Historical and Local History Literary Conference, September 10–14, 2016, Historical Museum “Funk's Dacha”]: Results]. Feodosia, Art Laif Publ., 2016, pp. 122–132. (In Russ.)

36. Shchankina, L.N., I.A. Fedorova, and O.V. Egorova. “Senatorskie revizii vtoroy poloviny XIX veka kak sredstvo nadzora za deyatelnostyu mestnyh organov vlasti” [“Senatorial Audits as a Means of Supervising the Activities of Local Authorities in the Second Half of the 19th Century”]. *Bylye gody*, no. 16 (2), 2021, pp. 861–871. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10223 (In Russ.)
37. Shchirovskii, V.E. “Stikhotvoreniia” [“Poems”]. *Ogonek*, no. 36, 1989, p. 16. (In Russ.)
38. Shchirovskii, V.E. “Nichto” [“Nothingness”]. Shchirovskii, V.E. *Tanets dushi. Stikhotvoreniia i poemy* [The Dance of the Soul. Poems and Long Poems], comp., afterword and comm. by V.V. Emel’ianov. Moscow, Vodolei Publ., 2007, pp. 127–141. (In Russ.)
39. Górak, Artur, and Krzysztof Latawiec. *Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918)*. Lublin, ELPIL, 2016. (In English)
40. Heine, Maximilian. “Nekrolog bekannter in Russland verstorbener Aerzte für das Jahr 1849.” *Medicinische Zeitung Russlands*, vol. 7, 1850, pp. 55–56. (In German)

Статья поступила в редакцию: 27.09.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 27.09.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.03.2024

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-151-166>
<https://elibrary.ru/ZRRLYH>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Деборд-Вальмор, Смирдин и Пушкин перед лицом «индустриальной литературы»

© 2024, Е.М. Белавина

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросу о влиянии «индустриальной литературы» (термин Сент-Бёва) и англомании на франко-русские культурные связи эпохи романтизма. В частности, впервые рассматриваются особенности рецепции сборника новелл «Гостиная Леди Бетти», изданного во Франции под именем Деборд-Вальмор (март 1836 г.), перевод которого на русский язык вышел в типографии А.Ф. Смирдина в том же году. Имя переводчика скрыто криптонимом Н.Д. В статье приведены экономические и культурные предпосылки публикации, а также особенности французского издания, которое представляет собой переложения популярных сюжетов английских авторов кипсеков 1810–1830 гг. Приводятся факты, доказывающие популярность произведений Деборд-Вальмор в аристократических салонах Москвы и Петербурга. Высказывается предположение, что Пушкин мог повлиять на решение Смирдина о публикации сборника. Анализируется анонимный критический отзыв на статью, подписанный инициалом Р.М., вышедший в газете «Северная пчела» (ноябрь 1836 г.). Выявлены глубокое знание материала и сходство суждений, высказанных в критической заметке, со взглядами Пушкина на состояние современной ему французской литературы. Книга, ставшая библиографической редкостью во Франции, сохранилась в переводе в России и является единственным случаем перевода прозы Деборд-Вальмор на русский язык в XIX в.

Ключевые слова: Деборд-Вальмор, Пушкин, Смирдин, кипсеки, англомания, перевод, переложение, литературная адаптация, книжный рынок.

Информация об авторе: Екатерина Михайловна Белавина — кандидат филологических наук, доцент, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7815>

E-mail: kat-belavina@yandex.ru

Для цитирования: Белавина Е.М. Деборд-Вальмор, Смирдин и Пушкин перед лицом индустриальной литературы // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 151–166. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-151-166>

Англомания, захватившая французскую столицу в 1820–1830-х гг., перекинулась и на Россию [5], и ее неожиданным эффектом стал выход прозаической книги не самой известной французской поэтессы Марселины Деборд-Вальмор (1786–1859) у одного из самых престижных книгоиздателей того времени.

В 1836 г. в Санкт-Петербурге в типографии А.Ф. Смирдина, в которой в 1833 г. впервые был опубликован целиком роман в стихах «Евгений Онегин», вышли две книги новелл М. Деборд-Вальмор [3].

Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) вошел в историю русской литературы, как один из основоположников издательского дела, поскольку первым ввел в России систематическую оплату авторского труда (полистно и построчно), что сделало труд писателя профессией, позволявшей рассчитывать на доход. Выбор Смирдина, выпускавшего произведения русских писателей XVIII в., в частности, М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, новые издания Н.М. Карамзина, а также И.А. Крылова, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского и других, выплачивавшего большие гонорары, может показаться столь и неожиданным, и сколь решительным: сборник новелл Деборд-Вальмор вышел в Париже 1 марта того же года [14], следовательно, перевод был выполнен с удивительной быстротой.

Имя Деборд-Вальмор было знакомо в обеих столицах: Додо Сушкова, в замужестве Евдокия Ростопчина (1811–1858), хозяйка знаменитого литературного салона, с юных лет увлекалась стихами Деборд-Вальмор, позднее в письме к брату она упоминает сочинения «г-жи Деборд-Вальмор, от которой все мы так плакали в свою молодость, и после которой уж никто не умел изобразить женское сердце» [9, с. 86]. Увлечение Е. Ростопчиной романсами французской поэтессы выражалось не только в чтении и пении, но и в эпиграфах к собственным стихам, а также в сочинении романа «Когда б он знал. Подражание Деборд-Вальмор». В круг общения Евдокии Ростопчиной и ее кузины мемуаристки Екатерины Сушковой (1812–1868) по счастливому стечению обстоятельств входили литераторы и композиторы:

Пушкин, Лермонтов, Даргомыжский, Глинка. Романс-подражание приобрел известность, а увлечение, вероятно, передалось композиторам (романс «*La sincère*» Даргомыжского; романс «*Les cloches du soir*» на оригинальные слова Деборд-Вальмор Геништа [2]).

В газете «Северная пчела» заметка о книге была помещена в «подвале» в разделе «Новые книги» под заголовком «Гостиняя леди Бетти. Английские нравы. Соч. Г-жи Деборд-Вальмор. Три части С. П. б. 1836, в тип. Смирдина, в 1-й ч. 196, 2ой 204, 3-й 194 стр.»:

Семь повестей, переведенных с Французского, писанных в прошлом году, без ужасов, без крови, без яда и кинжалов, без убийц и убитых, без пожаров и преступлений! Чудо! Праздник для дам, которым давно уже нельзя читать новых книг, переводимых с Французского! [8].

Повесть была «без ужасов, без крови, без яда и без кинжалов, без убийц и без убитых, без пожаров и без преступлений» [8].

Отношение к французскому языку и литературе в целом было в России на тот момент критическое: «Как и следовало ожидать, военный конфликт с Францией усугубил критический напор, с которым русские писатели и прежде высказывались о галломании своих соотечественников» [5, с. 130]. Проявления этой галлофобии заметны в текстах Ф.В. Ростопчина (1763–1826), государственного деятеля, губернатора Москвы на момент вступления в нее наполеоновской армии.

Тон автора заметки, скрытого криптонимом Р.М., созвучен неприятию эстетики французских романтиков, которое высказывает А.С. Пушкин в наброске письма к П.А. Вяземскому от 5 июля 1824 г.: «Все сборники новых, так называемых романтических стихов — позор французской литературы» [6, т. 13, с. 102]. М. Деборд-Вальмор оказывается выигрышно противопоставлена им всем своим современникам:

Не знаем, как благодарить переводчика за выбор такой книги. Нам до смерти надоела новая Французская литература, прозванная, почему-то, юною. Еще в 1831 г. мы начали нападать с жаром на неистовых литераторов Французских, так называемых романтиков, которые без жалости уродовали человеческую породу, выбирая самые безобразные экземпляры уродов по уму, по сердцу и по наружности [7].

Примечательно, что в 1836 г., получив книгу Сент-Бёва «Литературные портреты», Пушкин разрезал страницы со статьей о Деборд-Вальмор, возможно, желая узнать мнение критика о новинках этого «Андре Шенье в женском облике» [10, с. 84].

Впрочем, «Гостиния леди Бетти» только частично была произведением госпожи Вальмор.

Во-первых, идея «проекта» была чисто коммерческой и принадлежала издателю, желавшему извлечь выгоду из моды на все английское. Три года успешного сотрудничества Деборд-Вальмор с Жерве Шарпанье (1805–1871), выпустившим роман «Atelier d'un peintre» («Мастерская художника») [17], закончились после публикации новелл о британских нравах полным разрывом отношений.

Во-вторых, речь идет не только об оригинальных произведениях: Шарпантье поставил задачу перевода или пересказа, то есть переложения популярных сюжетов, печатавшихся в коллективных подарочных изданиях, в которых Деборд-Вальмор довольно часто принимала участие [15; 16].

В-третьих, не все включенные в сборник новеллы были переведены самой Деборд-Вальмор. Хотя Шарпантье знал, что писательница учила английский язык (брала уроки во время пребывания в Брюсселе 1816–1817 гг.) и был знаком с ее поэтическими переводами из Томаса Мура и Шекспира, но, видимо, не был уверен в ее силах или просто захотел привлечь своего друга к участию в выгодном, по его расчетам, деле. В помощь Деборд-Вальмор, но без ее ведома, был приглашен журналист и литератор Антуан Фонтане (1803–1837), который принимал участие в написании книги, но не был упомянут как автор.

Этот пример показателен для иллюстрации ситуации формирования «индустриальной литературы» (термин был предложен Сент-Бёвом [23]): мы можем проследить, как женщина-автор пытается вписаться в новый, стремительно меняющийся, книжный рынок. Сент-Бёв был другом семьи Вальмор и свидетелем трудностей, с которыми сталкивалась Марселина Деборд-Вальмор и другие участники литературного процесса.

«Индустриальная литература»: от кипсеков до «подвалов» газет

Сочетание слов «индустриальная литература» Сент-Бёв использует впервые в 1839 г., признавая, что это явление далеко не ново:

Индустриальная литература все больше разоблачает себя. Чтобы не пугаться этого слова, чтобы лучше бороться, важно ничего не преувеличивать. Индустриальная литература существовала всегда. С тех пор как появилось книгопечатание, люди писали, чтобы зарабатывать на жизнь, и большинство напечатанных книг, несомненно, обязано своим появлением этому весьма достойному уважения мотиву [23, p. 675]¹.

В Европе хорошо изданные книги стоили дорого, их мог позволить себе не каждый буржуа. Книга успешно продолжала бытование как предмет роскоши и в 20-х, и в 40-х гг. XIX в. Кипсеки (устар. литературные альбомы с гравюрами и репродукциями, от *keepsakes* — англ. «воспоминание») были рассчитаны, в основном, на женскую аудиторию. Составители кипсеков обращались к авторам, чья известность была достаточной, чтобы повысить рентабельность издания. Литературное имя Деборд-Вальмор во Франции позволяло ей быть приглашенной к публикации в таких изданиях, и писательница она не отказывалась от этих предложений. Во время зарубежного путешествия 1846–1847 гг. П.В. Анненков (1813–1887) отметил красоту книг Деборд-Вальмор в «Парижских письмах»:

По случаю великолепных книг, обыкновенно приготовляемых к Рождеству, нахожусь в необходимости привести здесь три имени, может быть, единственных в Европе: гг. Бозоне (Bausonnet), Нидре (Nidrée) и Дюрю (Duru). Это — переплетчики. Первый, более всех знаменитый, переплетает уже только по протекции, и то еще весьма сильной и сопряженной со многими искаательствами. Переплеты его отличаются такою изящною простотой, таким благородством украшений, щегольством и вкусом, что когда держишь книгу его в руках, кажется, держишь драгоценную вещицу. Я видел стихотворения г-жи Деборд-Вальмор, им переплетенные, и с тех пор мне чудится, что г-жа Деборд-Вальмор — прекрасная молодая девушка, гуляющая в цветнике. Нидре более роскошен: впрочем, рисунки и украшения, принадлежащие всем трем, ценятся равно высоко и тщательно сберегаются любителями. Мне случалось иметь в руках книгу, переплетенную г. Дюрю на манер янсенистов: переплет весь черный

---

¹ В оригинале: «La littérature industrielle s'est de plus en plus démasquée. Pour ne pas s'effrayer du mot, pour mieux combattre la chose, il s'agit d'abord de ne se rien exagérer. De tout temps, la littérature industrielle a existé. Depuis qu'on imprime surtout, on a écrit pour vivre, et la majeure partie des livres imprimés est due sans doute à ce mobile si respectable» (франц.).

с черным же тиснением. Ни с чем и сравнить его не умею, кроме разве с донной Анной в трауре, приходящей плакать над мраморным гробом и черные кудри рассыпать... Какая честь, подумаешь, для воловьей и другой шкуры! [1, с. 10]

Коллективные подарочные издания — keepsakes — давали писателям возможность поправить финансовое состояние и позволяли быть в курсе многих популярных сюжетов авторов, собранных под одной обложкой.

Законы рынка заставляют литераторов искать новые формы, и материальный носитель, обеспечивающий доступ к читателю, стремительно меняется в 1836 г., в год так называемой «40-франковой революции»: подписка на газету «Ля Пресс» (*La presse*), основанную журналистом Эмилем де Жирарденом (1806–1884), составила 40 франков, то есть вдвое меньше, чем подписная цена всех предшествующих подобных изданий. Именно в этой газете был опубликован в октябре–ноябре 1836 г. роман «Старая дева» («*La Vieille fille*») Оноре де Бальзака. От 1836 г. ведет отсчет история жанра романа-фельетона, прославившего позднее Ф. Сулье, Э. Сю и А. Дюма-отца.

В России поиск формата доступа к читателю шел не менее активно. Стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» А.С. Пушкина, (строка из которого «Не продается вдохновенье, // Но можно рукопись продать» стала крылатой), в 1825 г. было опубликовано в качестве предисловия к роману «Евгений Онегин». Сохранились расчеты времени, потраченного на создание романа в стихах, сделанные поэтом в 1830 г. в Болдине: «7 лет, 4 месяца, 17 дней» [7]. Возможно, именно Смирдин предложил Пушкину опубликовать полное издание «Евгения Онегина», хотя некоторые главы не были еще распроданы, но из них невозможно было собрать полный комплект. Примечательно, что торговая марка «Издание книгопродавца Смирдина» появилась впервые именно на книге Пушкина: Смирдин руководствовался и соображениями коммерческими, и желанием помочь поэту поправить свое финансовое положение.

Впрочем, это не помешает Смирдину, основавшему первый в России «толстый» журнал с крупным тиражом «Библиотека для чтения» (1834–1840), — предложить Пушкину, превратившемуся из нанимаемого автора в конкурента, 15000 рублей в том случае, если тот откажется издавать «Современник».

Итак, «афера» Шарпантье осуществилась во Франции и в Бельгии [20; 21], в России [3] в 1836 г., как раз в момент обвала книжного рынка, когда роман с продолжением (франц. *feuilleton*) становится доступен самой широкой публике в периодике.

Англо-французский салон

Англомания была столь сильна, что Шарпантье был не единственным, кто предложил Деборд-Вальмор в августе 1834 г. сотрудничество. Она получила такое же предложение [12, vol. 1, p. 478] от издателя О. Дюмона².

Изначально выход книги был встречен критикой благосклонно. Первый же отклик в «*Revue de Paris*» приветствует такое начинание: «Мы не можем придумать лучшего способа осуществить переход от английской литературы к французской, воспользуемся случаем поблагодарить госпожу Деборд-Вальмор» [14, p. 60]³.

Французская критика противопоставляет настроение новелл «*Salon de Lady Betty*» основной массе публикаций:

Рассказы, составляющие этот сборник, в целом очень забавны, что в наше время редкость; ведь наши писатели коротких рассказов, как правило, столь же мрачны, как и наши романисты, а сама мадам Деборд-Вальмор до сих пор заставляла нас больше плакать, чем смеяться. Похоже, что веселье нашло приют в салонах леди Бетти. *La Précieuse* и *Le Nez rouge* — тому подтверждение; прочитав эти два произведения, вы, я уверен, испытаете желание прочитать весь сборник от корки до корки [14, p. 60]⁴.

Предисловие французского издателя стремилось представить сборник повестей как записи Бетти Мелвил, вдовы пэра Англии, умершего в 1829 г. (имя «Леди Бетти» в английской традиции связа-

---

² Огюст Дюмон (1816–1885) — литератор и издатель.

³ В оригинале: «Nous ne pouvons trouver de meilleure transition pour passer de la littérature anglaise a la littérature française, que de faire en passant nos remerciements à Mme Desbordes-Valmore» (франц.).

⁴ В оригинале: Joël Cherbuliez: «Les contes qui composent ce recueil sont en général fort amusants, qualité rare aujourd’hui; car nos nouvellistes donnent en général dans le lugubre comme nos romanciers, et madame Desbordes-Valmore elle-même nous avait jusqu’ici plus fait pleurer que rire. Il paraît que la gaieté a trouvé un refuge dans les salons de lady Betty. *La Précieuse* et *le Nez rouge* en font foi; lisez ces deux morceaux et je suis bien sûr que vous serez tenté de parcourir d’un bout à l’autre tout le recueil» (франц.).

но с легендой о женщине-палаче, убившей сына, но в книге нет ни одной аллюзии на этот сюжет).

Исследовательница наследия Деборд-Вальмор, профессор французской литературы Университета Флориды (США) Эме Бутен представила подробный анализ вошедших в сборник новелл в соотношении с британскими прецедентными текстами [14]. В частности, «Une femme»⁵ соотносится с «Innocent Flirtation; or, the Rescue of the Inconstant»⁶, автор которой был обозначен как автор «The Castilian» (псевдоним испанского политика и новеллиста Хоакина Телесфоро де Труэба и Косио (1799–1835), писавшего в том числе и по-английски) [14, р. 64]⁷. Текст был позднее переработан для сборника новелл «Huits femmes» («Восемь женщин») под названием «Fanelly»⁸ [16]. Заглавие новеллы «Le Nez rouge» (переведенной Фонтане) совпадает с английским названием «The Red Nose» [14, р. 64]⁹. Новелла «Les Deux Églises» является авторским переложением «Lady Anne's Bridal, A Tale of Two Churches» [14, р. 64]¹⁰ и была позднее переработана Деборд-Вальмор в новеллу «Anna» [17]. «L'Album de Lady Betty» (также написанный Фонтане) является вольным переводом «Lady Betty's Pocket-book»¹¹. Новелла «Le Smogler»¹² отсылает к «The Smuggler's last trip»¹³ шотландского новеллиста Лейта Ричи, автора книги о путешествии по России [22]. «Sally Sadlins»¹⁴, ставшая основой одноименной новеллы в сборнике «Huit femmes» [18], представляет собой переработку «The Lottery Ticket» [14, р. 64]¹⁵.

В позднейших публикациях переработанных новелл М. Деборд-Вальмор последовательно проводит критику института брака, но не прибегает к ироническому или саркастическому тону по

⁵ Женщина (*франц.*).

⁶ Невинный флирт, или Спасение ветреника (*англ.*).

⁷ By the Author of "The Castilian" // *The Gem, A Literary Annual*. 1832. Vol. 4. P. 240–259.

⁸ Фанелли (по имени персонажа).

⁹ Momus. *The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure*, 1810. P. 99.

¹⁰ Strickland, A. *Lady Anne's Bridal, A Tale of Two Churches* // *The Gem, A Literary Annual*. 1832. Vol. 4. P. 148–162.

¹¹ Записная книжка Леди Бетти (*англ.*). Robert Sullivan (par l'auteur de *The Lovers' Quarrel*) *The Album VII*, Jan. 1824, Londres, J. Andrews New Bond Street, pp. 18–30. Rpt. dans *The Story Teller, or, Table Book of Popular Literature*. 1833. Vol. 1.

¹² «Контрабандист» (*франц.*).

¹³ «Последняя поездка контрабандиста» (*англ.*), автор Leitch Ritchie (1800–1865).

¹⁴ Селли Седлинс, имя и фамилия персонажа.

¹⁵ Лотерейный билет (*англ.*). Новелла *W. Leeds. The Literary Souvenir*. Ed. Alaric A Watts, London, Longman, Rees, Orme, Brown & Green, 1831. Цит. по [14, р. 64].

отношению к женщинам, которые чувствуются в новеллах «Le Nez rouge» и в заглавной новелле «L'Album de Lady Betty» [17].

Книга-гермафродит

Узнав, что Шарпантье привлек к работе над книгой другого автора — А. Фонтане, в некоторых публикациях использовавшего романтический псевдоним, соответствующий духу англomании, Лорд Фелинг¹⁶ — Деборд-Вальмор высказывает беспокойство, связанное с качеством переводов. 19 ноября 1835 г. она пишет издателю: «Вы отлично понимаете, что его переводы убьют мои. Как Вам в голову пришло такое вероломство в отношении меня?» [13, р. 61]¹⁷.

Деборд-Вальмор была очень разочарована и издателем, и соавтором. 12 мая 1836 г., увидев текст, опубликованный под ее именем, и полагая, что рискует потерять своих читательниц, она пишет:

Что заставило мое сердце невольно сжаться от этой публикации, так это то, что в ней отсутствует истина. Почему так? <...> Это выставляет меня недоброй и коварной, потому что я высмеиваю бедных женщин¹⁸.

Леон Буатель, лионский издатель и друг писательницы, выступил с отзывом на книгу, уточнив, что предпочел бы, чтобы у каждой новеллы был обозначен автор, и назвал эту книгу «гермафродитом» [13, р. 246]¹⁹.

Невероятно, но автор рецензии в «Северной пчеле» был в курсе участия загадочного соавтора:

Тем приятнее перевод повестей Графини Вальмор. Она собрала в одну книгу несколько рассказов разных лиц. Тут есть и повести

¹⁶ Feeling — чувство (англ.).

¹⁷ В оригинале: «Vous comprenez bien que ses traductions vont tuer les miennes. Ou avez-vous rêvé une telle perfidie contre moi?» (франц.).

¹⁸ В оригинале: «Ce qui m'a serré le cœur contre cette publication tout à mon insu, c'est que la vérité manque. Pourquoi ? <...> Moi je passe ainsi pour être malicieuse et méchante puisque je me moque des pauvres femmes» (франц.).

¹⁹ В оригинале: «Nous aurions voulu que chaque pièce fut signée du nom de son auteur, et que M. Charpentier l'éditeur, non-seulement dans la préface, mais encore sur le frontispice de son livre, initiât à l'avance le public à cet hermaphrodisme littéraire. Car en vérité, Mme Valmore ne peut prendre sur elle la responsabilité du Nez Rouge et celle de L'Album de Lady Betty. Ces deux morceaux renferment des crudités de style et des détails contre la femme, qui répugnent à la fois au goût et au caractère de Mme Valmore; nous sommes surpris que Lord Feling [sic] ne l'ait pas senti» (франц.) [13, р. 246].

умного лорда Филинга, Англичанина, который пишет по-французски не хуже Жанена; есть стихи Мисс Дернинг, веселой и чувствительной, которой перо привыкло обращаться к сценам домашней жизни, и описывать их с мастерскими подробностями [8].

Важной особенностью рецензии является не столько негативное отношение к романтической литературе Франции в целом, сколько глубокое знание ее новинок и авторов:

Мы порицали этих уродов, особенно при разборе тогдашних драматических произведений Дюканжа²⁰, Дино²¹, Сулье²² и многих других, имевших у нас минутный успех <...> хотя неистовая литература упала в Париже, но она все еще в моде у нас; произведения этой школы до сих пор переводятся на Русский язык, и, по-видимому, находят прилежных читателей [8].

Русское издание содержит 7 рассказов (1-й том: «Женщина», «Альбом леди Бетти», «Две церкви»; 2-й том: «Притворщица» («*La Précieuse*»); 3-й том: «Мисс Молли»; «Контрабандист»; «Селли Седлин»). Причем «Альбом Леди Бетти» как раз принадлежит перу Лорда Филинга, так что нельзя сказать, что переводчик восстановил справедливость и перевел только заявленного на обложке автора.

Желая повысить авторитет автора, критик Р.М. возводит госпожу Деборд в аристократическое сословие:

Графиня Вальмор собрала эти повести, поправила их и издала в свет. Она хотела услужить дамам, которым нельзя было читать новых писателей, не спрятав книги под стол, когда входит посторонний человек. Русские дамы поблагодарят Графиню Вальмор, прочтут ее книгу с наслаждением, и познакомятся с английскими нравами, чрезвычайно оригинальными и стоящими изучения. Разумеется, что

---

²⁰ Дюканж (Victor Henri-Joseph Brahm Ducange, 1783–1833) — французский драматург и романист.

²¹ Дино (Arthur Dinaux, 1895–1864) — журналист, историк, эрудит и библиофил.

²² Сулье Мелькиор Фредерик (Melchior Frédéric Soulié, 1801–1847) — французский романист, драматург, критик и журналист. Наряду с Оноре де Бальзаком, Эженом Сю и Александром Дюма, он был одним из четырех великих фельетонистов Июльской монархии. Плодовитый и очень популярный в то время, он был автором имевших большой успех романов (*Les Mémoires du Diable*, *La Closerie des genêts*). В настоящее время во Франции почти забыт.

книга Графини Вальмор, в этом отношении, есть слабое пособие, но все таки полезное и поучительное [8].

В конце заметки высказывается критическое отношение к безымянному переводу:

Перевод мог быть лучше. Переводчик, кажется, вовсе незнаком с Английскими нравами и названиями. Иначе он не принял бы лондонского альмака за человека. Такие ошибки очень смешны. Альмак есть не что иначе как собрание, в котором даются блистательные балы, посещаемые лучшим и высшим Лондонским обществом. Некоторые фамилии тоже искажены. При переводе Английских книг, не худо бы советоваться с людьми, знающими Англию, чтобы не попасть впросак и не принять альмака за зверя или чиновника [8].

Заметим, что это периодическое издание фокусировало внимание на творчестве Пушкина: «Оказалось, что в «Северной Пчеле» за период жизни Пушкина, т. е., с 1825 по 1837 год, имелось 265 статей и заметок, так или иначе имевших отношение к Пушкину» [11, с. 117]. Можно предположить, что этот «читатель Деборд-Вальмор» [10] (хотя бы через беседы с друзьями) популяризировал ее творчество.

Э. Бутен представила глубокий и подробный анализ этого проекта издателя Шарпантье, отметив, что «этот том был мало замечен и плохо продавался, Шарпантье дорого обошлась эта спекуляция» [14, p. 59].

Идея Жерве Шарпантье хотя и не принесла издателю прибыли, была пиратски растиражирована в Бельгии, и «переработана» в России и таким образом способствовала активному культурному обмену (в рецензии Р.М. была указана привлекательная цена 7 р. 50 коп.; для сравнения: полное издание «Евгения Онегина» стоило 12 р.).

***

История публикации сборника новелл «Гостиная Леди Бетти» представляет собой пример сокращения временной дистанции в процессе рецепции, который наглядно демонстрирует не только технические возможности «индустриальной литературы», не только интерес к английской литературе в России и во Франции, но и то, в какой степени русские литераторы, издатели и — как следствие —

читатели глубоко знали французскую литературу и были знакомы с ее новинками.

Благодаря тому, что имя Деборд-Вальмор было известно в кругу А.С. Пушкина, до русского читателя дошли новеллы, которые впоследствии Деборд-Вальмор переработала для сборника новелл «*Huit femmes*» [18], который так и не был переведен на русский язык.

Публикация Шарпантье не принесла ему коммерческого успеха, а Деборд-Вальмор больше никогда у него не печаталась, хотя желание поправить финансовое положение семьи с помощью литературного труда оставалось для нее актуальным на протяжении всей жизни.

Во Франции книга стала библиографической редкостью [14, р. 59], в то время как в России издание Смирдина остается доступным (в частности, в Москве) в центральных библиотеках, поскольку сохранилось большое количество экземпляров.

Книга-гермафродит, книга — англо-французский кентавр с анонимным переводом и анонимным критическим отзывом, дошедшая до русских читателей, является свидетельством динамичного культурного обмена между европейскими странами и яркой иллюстрацией попытки женщины XIX в. вписаться в производственный процесс «индустриальной литературы».

Литература

1. Анненков П.В. Парижские письма / изд. подгот. И.Н. Конобеевская. М.: Наука, 1983. 608 с.
2. Геништа И.И. *Les cloches du soir*: «Quand les cloches du soir...»: для голоса с сопровождением флейты. М.: [Б. и.], 1835. 2 с.
3. Деборд-Вальмор М. Гостиня леди Бетти: Англ. Нравы / пер. Н.Д. СПб.: Тип. Смирдина, И. Глазунова и К, 1836. Ч. 1–3.
4. Литвинов С.В. Россия – Западная Европа: историческая динамика взаимодействия культур: середина XVI – середина XIX вв. М.: КДУ, 2008. 427 с.
5. Оффорд Д., Ржеуцкий Вл., Гезине А. Французский язык в России. М.: НЛЮ, 2022. 889 с.
6. Пушкин А.С. Полн. соб. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937. Т. 13: Переписка. 1815–1827. 651 с.
7. Пушкин А.С. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935. 926 с.

8. *P.M.* Гостиная леди Бетти. Английские нравы. Соч. Г-жи Деборд-Вальмор. Три части. СПб., 2 т. 204 с., 194 с. // Северная пчела. 1836. 24 ноября. № 269. [Б. п.]
9. *Ростопчина Е.П.* Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания. М.: Московский рабочий, 1987. 319 с.
10. *Сержан Л.С.* Пушкин — читатель «Элегии» Марселины Деборд-Вальмор // А.С. Пушкин и книга: сб. ст. М.: ИКАР, 2016. Вып. 1. С. 83–95.
11. *Столянский П. Н.* Пушкин и «Северная пчела» (1825–1837) // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Пг.: РАН, 1914. Вып. 19/20. С. 117–190.
12. *Ambrière F.* Le Siècle des Valmore: Marceline Desbordes-Valmore et les siens. Paris: Seuil, 1987. Т. 1: 1786–1840. 576 p.
13. *Boitel L.* Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises, par Mme Desbordes-Valmore // Revue du Lyonnais. 1836. Т. 3. Janvier–Juin. P. 245–246.
14. *Boutin A.* Le Salon de Lady Betty et la spéculation de libraire // J'écris pourtant. 2019. № 3. P. 59–71.
15. La Couronne de Flore, ou Mélange de poésie et de prose, par Mesdames Desbordes-Valmore, Amable Tastu, la comtesse de Bradi et M. Jules Baget. Paris: Fleury Chavant, 1837. 143 p.
16. Le Bijou, keepsake parisien. Paris: Auber et Cie, 1851. 48 p.
17. *Desbordes-Valmore M.* L'Atelier d'un peintre: scènes de la vie privée. Paris: Charpentier, 1833. 314 p.
18. *Desbordes-Valmore M.* Huit femmes. Paris: Chez Chlendowski, 1845. Т. 1–2.
19. *Desbordes-Valmore M.* Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises. Paris: Charpentier, 1836. Т. 1–2.
20. *Desbordes-Valmore M.* Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises. Bruxelles: Ad. Wahlen, impr.-libr. de la Cour, 1836. Т. 1–2.
21. *Desbordes-Valmore M.* Le Salon de Lady Betty; mœurs anglaises. Bruxelles: Chez les éditeurs du Muséum littéraire, 1836. Т. 1–2.
22. *Ritchie L.* A journey to St. Petersburg and Moscow through Courland and Livonia / by Leitch Ritchie; with 25 splending engravings, by the first artists after drawings by A.G. Vickers. London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green, and Longman, 1836. 256 p.
23. *Sainte-Beuve Ch.-Au.* De la littérature industrielle // Revue des Deux Mondes. 1839. Т. 19. P. 675–691.

Research Article

Desbordes-Valmore, Smirdin and Pushkin in the Face of “Industrial Literature”

© 2024, Ekaterina M. Belavina
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the influence of “industrial literature” (Sainte-Beuve’s term) and Anglomania on Franco-Russian cultural relations of the Romantic era. In particular, the author considers the reader’s reception of the short story collection “Lady Betty’s Salon,” published in France under the name of Desbordes-Valmore (March 1836). The translation of the collection into Russian, signed with the cryptonym N.D., was published in the printing house of A.F. Smirdin in the same year. The article reveals the economic and cultural prerequisites of the publication, as well as the peculiarities of the French edition, which is a transposition of popular stories by English authors of keepsakes of 1810–1830. Numerous facts improve the popularity of Desbordes-Valmore’s works in aristocratic salons of Moscow and St. Petersburg (Rostopchina, Dargomyzhsky, Glinka, Annenkov). The author of the article suggests that Pushkin may have influenced Smirdin’s decision to publish the work. The analysis of an anonymous critical book review, signed with the initial R.M. and published in the newspaper “Northern Bee” (November 1836), reveals the similarity of the judgments expressed in the critical note with Pushkin’s views on the state of French literature contemporary to him, as well as his profound knowledge of the material. The book has become a bibliographic rarity in France, but has survived in Russian translation, although it is the only case of translation of Desbordes-Valmore’s prose into Russian in the 19th century.

Keywords: Desbordes-Valmore, Pushkin, Smirdin, keepsakes, anglomania, translation, transposition, literary adaptation, book market.

Information about the author: Ekaterina M. Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7815>

E-mail: kat-belavina@yandex.ru

For citation: Belavina, E.M. “Desbordes-Valmore, Smirdin and Pushkin in the Face of ‘Industrial Literature’.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 151–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-151-166>

References

1. Annenkov, P.V. *Parizhskie pis'ma* [*Letters from Paris*], ed. prep. I.N. Konobeevskaja. Moscow, Nauka Publ., 1983. 608 p. (In Russ.)
2. Genishta, I.I. *Les cloches du soir: "Quand les cloches du soir...": dlia golosa s soprovozhdeniem fleity* [*Les cloches du soir: "Quand les cloches du soir...": For Voice with Flute Accompaniment*]. Moscow, [S. n.], 1835. 2 p. (In Russ.)
3. Desbordes-Valmore, M. *Gostinaia ledi Betti: Angliiskie Nravy* [*Lady Betty's Salon: English Mores*], parts 1–3, trans. by N.D. St. Petersburg, Tipografia Smirdina, I. Glazunova i K Publ., 1836. (In Russ.)
4. Litvinov, S.V. *Rossia – Zapadnaia Evropa: istoricheskaia dinamika vzaimodeistviia kul'tur: seredina XVI – seredina XIX vv.* [*Russia – Western Europe: Historical Dynamics of Interaction Between Cultures: Mid-16th – Mid-19th Centuries*]. Moscow, KDU Publ., 2008. 427 p. (In Russ.)
5. Offord, D., VI. Rzhetskii, and A. Gezine. *Frantsuzskii iazyk v Rossii* [*French Language in Russia*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 889 p. (In Russ.)
6. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [*Complete Works: in 16 vols.*], vol. 13: *Perepiska. 1815–1827* [Correspondence. 1815–1827]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937. 651 p. (In Russ.)
7. Pushkin, A.S. *Rukoiu Pushkina: Nesobrannnye i neopublikovannnye teksty* [*By Pushkin's Hand: Uncollected and Unpublished Texts*], prep. and comm. M.A. Tsiavlovskii, L.B. Modzalevskii, T.G. Zenger. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 926 p. (In Russ.)
8. R.M. "Gostinaia ledi Betti. Angliiskie nravy. Sochinenie Gospozhi Desbordes-Valmore. Tri chastii. SPb., 2 t. 204 s., 194 s." ["Lady Betty's Salon. English Mores. Written by Mrs Desbordes-Walmore. Three Parts. St. Petersburg, 2 vols. 204 p., 194 p."]. *Severnaia pchela*, no. 269, November 24, 1836, [S. p.]. (In Russ.)
9. Rostopchina, E.P. *Talisman: Izbrannaia lirika. Drama. Dokumenty, pis'ma, vospominaniia* [*Talisman: Selected Lyrics. Drama. Documents, Letters, Memoirs*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1987. 319 p. (In Russ.)
10. Serzhan, L.S. "Pushkin — chitatel' 'Elegii' Marseliny Debord-Val'mor" ["Pushkin as a Reader of 'Elegy' by Marceline Desbordes-Valmore"]. *A.S. Pushkin i kniga: sbornik statei* [*A.S. Pushkin and the Book: Collection of Articles*], issue 1. Moscow, IKAR Publ., 2016, pp. 83–95. (In Russ.)
11. Stolpianskii, P. N. "Pushkin i 'Severnaia pchela' (1825–1837)" ["Pushkin and the 'Northern Bee' (1825–1837)"]. *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia* [*Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research*], issue 19/20. Petrograd, Russian Academy of Sciences Publ., 1914, pp. 117–190. (In Russ.)
12. Ambrière, Francis. *Le Siècle des Valmore: Marceline Desbordes-Valmore et les siens*, t. 1: 1786–1840 [1786–1840]. Paris, Seuil, 1987. 478 p. (In French)
13. Boitel, Léonard. "Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises, par Mme Desbordes-Valmore." *Revue du Lyonnais*, t. 3, janvier–juin, 1836, pp. 245–246. (In French)

14. Boutin, Aimée. “Le Salon de Lady Betty et la spéculation de libraire.” *J'écris pourtant*, no. 3, 2019, pp. 59–71. (In French)
15. *La Couronne de Flore, ou Mélange de poésie et de prose, par Mesdames Desbordes-Valmore, Amable Tastu, la comtesse de Bradi et M. Jules Baget*. Paris, Fleury Chavant, 1837. 143 p. (In French)
16. *Le Bijou, keepsake parisien*. Paris, Auber et Cie, 1851. 48 p. (In French)
17. Desbordes-Valmore, M. *L'Atelier d'un peintre: scènes de la vie privée*. Paris, Charpentier, 1833. 314 p. (In French)
18. Desbordes-Valmore, M. *Huit femmes*, vol. 1–2. Paris, Chez Chlendowski, 1845. (In French)
19. Desbordes-Valmore, M. *Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises*, vol. 1–2. Paris, Charpentier, 1836. (In French)
20. Desbordes-Valmore, M. *Le Salon de Lady Betty, mœurs anglaises*, vol. 1–2. Bruxelles, Ad. Wahlen, impr.-libr. de la Cour, 1836. (In French)
21. Desbordes-Valmore, M. *Le Salon de Lady Betty; mœurs anglaises*, vol. 1–2. Bruxelles, Chez les éditeurs du Muséum littéraire, 1836. (In French)
22. Ritchie, Leitch. *A journey to St. Petersburg and Moscow through Courland and Livonia*, by Leitch Ritchie; with 25 splending engravings, by the first artists after drawings by A.G. Vickers. London, Longman, Rees, Orme, Brown, Green, and Longman, 1836. 256 p. (In English)
23. Sainte-Beuve, Charles Augustin. “De la littérature industrielle.” *Revue des Deux Mondes*, vol. 19, 1839, pp. 675–691. (In French)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 09.09.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.03.2024

Рождение категории фантастического в русской эстетической мысли

© 2024, А.А. Лебедева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье предпринята попытка обозначить время появления категории фантастического в эстетическом сознании пушкинской эпохи. Распространенным и закрепленным в поэтиках этого времени был близкий, но не тождественный по своему значению термин «чудесное». Именно он использовался для обозначения «сверхъестественного» — понятия, ставшего ключевым в литературной фантастике, — однако не предполагал принципиального отличия этого явления от других: редких, неожиданных, чрезвычайных. По данным Национального корпуса русского языка, слово «фантастический» обретает частотное употребление не ранее 1830-х гг., хронологически совпадая с периодом наиболее активного восприятия иностранной романтической прозы, в частности, жанра фантастической повести. В большинстве случаев новая лексема встречается в художественных текстах, где используется в своем «этимологическом» значении (связанный с фантазией, мечтой, воображением). Ряд переводов и оригинальных высказываний отражает, однако, и другую тенденцию: «фантастическое» начинает употребляться при описании особого «рода» сочинений или типа повествования, а также особенностей поэтики, присущих этим произведениям. В таком качестве слово обретает широкий спектр значений и оценочных характеристик, часть из которых обнаруживает сходство со смысловым наполнением понятия «фантастическая литература» в современных исследованиях. Публикацией, в которой впервые на русском языке была предложена концептуальная трактовка «фантастического рода», стал перевод статьи В. Скотта «О чудесном в романе» (1829).

Ключевые слова: романтизм, романтическая эстетика, категория фантастического, фантастическая повесть, литературная критика, история понятий.

Информация об авторе: Анна Александровна Лебедева — аспирант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-6716-9854>

E-mail: anna.lebedeva2102@gmail.com

Для цитирования: *Лебедева А.А.* Рождение категории фантастического в русской эстетической мысли // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 167–186. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-167-186>

Литературная теория начала XIX в. не знала категории «фантастического». Ближайшим аналогом этого понятия являлся термин «чудесное», постоянно встречающийся в критике Золотого века и закрепленный в эстетических трактатах той эпохи. Так, например, в «Словаре древней и новой поэзии» Н.Ф. Остолопова, вышедшем в 1821 г., есть специальная статья о чудесном. Автор подразделяет его на две разновидности. *Естественное*¹ чудесное определяется им как «последняя степень возможного», представленная различными «чрезвычайностями», от уникальных добродетелей и преступлений — до беспримерных стихийных бедствий. *Сверхъестественное* чудесное, напротив, «...происходит от введения (в художественное произведение. — А.Л.) таких существ, которые не подчиняются законам природы, бывают причиной действий, превышающих ее силы»².

Из двух типов «чудесного», выделяемых в «Словаре...», первое близко к современным представлениям о необычном, удивительном, «курьезном», тогда как второе практически полностью совпадает с литературоведческим понятием фантастического. Это ясно из сопоставления дефиниции Остолопова с концепциями таких филологов, как Цветан Тодоров, Пьер-Жорж Кастекс, Луи Вакс, Роже Кайуа, Н.В. Измайлов, Ю.В. Манн, В.М. Маркович³. Все они — с незна-

¹ Курсив здесь и далее мой. — А.Л.

² Остолопов Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб.: В тип. Императорской российской академии, 1821. Ч. 3. С. 477. Сходные определения содержат и другие теоретико-эстетические тексты эпохи. Так, А.Ф. Мерзляков в 1822 г. воспроизводит ту же логику классификации: в широком смысле «чудесное» описывает «предметы, которые с нашими понятиями или с обыкновенными явлениями природы мало или совсем ничего не показывают общего»; «в тесном смысле чудесным называется то, что сверхъестественно, или что выходит из пределов нашего понятия, каковы, напр., действия высших Сил или вообще могущественно, превышающие человеческую возможность» [8, с. 31]. Подобную характеристику категория получала и у Т.О. Рогова. Чудесное в расширительном значении именуется автором «философским». Его составляют, «во-первых, все явления или происшествия, весьма редко случающиеся, чрезвычайные, неожиданные <...>; во-вторых, все то, что превосходит наши понятия, наши чаяния». Узкому пониманию соответствует термин «эстетическое чудесное», которое автор называет также «сверхъестественным». «По намерению художника» силы и законы природы увеличиваются до той степени, что могут рассматриваться лишь как элементы вымысла, художественный феномен. Рогов выделяет также третий тип — «богословское чудесное» (религиозные чудеса), выходящее за рамки литературных вопросов (см.: [11]. Впервые: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1812. № 33. С. 113–132).

³ См.: [14]; Castex P.-G. Le conte fantastique en France de Nodier à Maupassant. Nouvelle ed. Paris: Librairie José Corti, 1951; Vax L. L'art et la littérature fantastique. 4e éd. mise à jour. Paris: Presses Universitaires de France, 1974 («Que sais-je?»), Le point des Connaissances Actuelles. № 907); Caillois R. Au coeur du fantastique. Paris: Gallimard, 1965; Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 134–169; Манн Ю.В. Реальное

чительными расхождениями в подробностях⁴ — называют главным признаком фантастики «вторжение сверхъестественного», «в рамках повседневного бытия чего-то недопустимого, противоречащего его незыблемым законам»⁵.

Таким образом, хотя представление о фантастическом присутствовало в литературном сознании пушкинской эпохи, терминологического закрепления оно не имело. В трудах по эстетике фантастическое рассматривалось как разновидность чудесного. При этом описание встречи с привидением, например, оказывалось отнесенным к тому же классу приемов, что и рассказ о невероятных обстоятельствах, позволивших воссоединиться возлюбленным. Отличие *сверхъестественных* историй от прочих осознавалось, но не имело принципиального значения — и поэтому не нуждалось в специальном слове, фиксирующем их особый статус. Однако ситуация начала меняться с проникновением в русскую культуру романтической фантастики, всерьез поставившей вопрос о границах возможного.

С начала и в особенности с середины 20-х гг. XIX в. журналы и альманахи наполняются переводами из Э.Т.А. Гофмана, В. Скотта, Л. Тика, Ш. Нодье, Бальзака, В. Ирвинга и других иностранных авторов. Сюжеты, темы и образы этих произведений заимствуются и проникают в творчество русских писателей. Как следствие, все чаще происходит обращение к «сверхъестественному чудесному», что провоцирует эстетическую рефлексию, выходящую за рамки прежних канонов искусства. Введение сверхъестественного перестает быть *только* художественным приемом: проблема обретает мировоззренческий смысл, который меняет художественную природу фантастических нарративов.

Формой, наиболее полно воплотившей новое понимание сверхъестественного, стала фантастическая повесть. Русские авторы обратились к этому жанру под влиянием европейской романтической литературы. Но если немецкая фантастическая новелла была подготовлена эстетическими открытиями идеалистической философии, а, например, французская — концептуально осмыслена Шарлем

и фантастическое // *Мани Ю.В.* Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. С. 55–129; *Маркович В.М.* Дыхание фантазии // *Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): сб. произведений.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 5–47.

⁴ О полемике, связанной с теорией литературной фантастики см., например: [2, с. 9–26].

⁵ *Кайуа Р.* В глубь фантастического. Отраженные камни / пер. с франц. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 110–111.

Нодье⁶, то в России бурно развивавшаяся художественная практика не породила стройной литературной теории или манифеста.

Осознание специфики жанра и, в частности, предполагаемой им категории сверхъестественного между тем отчетливо проявилось в творчестве русских авторов. В отличие от баллады, героической поэмы, сказки или аллегории, где введение необычайного является принятой и всем понятной художественной условностью, фантастическая повесть допускает возможность существования невозможного в самой реальности. Такое изменение требует не просто нарушения рационалистической парадигмы, но нарушения самого представления о «достоверном». По этой причине, за немногими исключениями, введение чрезвычайных для рассудочного миропонимания ситуаций сопровождается мотивировкой. «Оправдать» фантастическое перед читателем мог статус предания, устного рассказа, не предполагающего критического к себе отношения⁷. Ту же функцию исполняли и разного рода «документы» — уцелевшая переписка, случайно найденная рукопись⁸. В иных случаях сам рассказчик объявлялся «надежным» свидетелем, например, скептиком, до последнего отрицающим мистическую природу происходящего⁹.

⁶ *Nodier C. Du fantastique en littérature // Revue de Paris. 1830. Т. 20. 28 novembre. P. 205–226 (перевод отрывков: [9]).* Точных свидетельств о том, что статья Ш. Нодье была известна в первой трети XIX в. в России, нет. Переводы его сочинений печатались в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, его имя встречается в письмах русских авторов (А.А. Бестужева-Марлинского, П.А. Вяземского и др.). Нодье был хорошо известен Пушкину. В библиотеке поэта имелись его сочинения, а «Таинственный Сбогар» (герой повести Нодье «Жан Сбогар», 1810) упоминается в «Евгении Онегине» — в числе книг Татьяны, а также в ее «сне» (см.: [15]). По наблюдениям Б.В. Томашевского, Пушкин следил за журналом, в котором вышла статья Нодье; 8 января 1832 г. он писал Нащокину с просьбой прислать один из номеров: «Кстати не забудь “Revue de Paris”» ([10, т. 15, с. 3]; см.: *Томашевский Б.В. Пушкин: в 2 кн. М; Л.: АН СССР, 1961. Кн. 2. С. 333*).

⁷ Эту функцию могли исполнять подзаголовки фантастических повестей («Малороссийское предание» («Русалка» (1829) О.М. Сомова), «Рассказ русского крестьянина на большой дороге» («Кикимора» (1829) О.М. Сомова)). Чаще ссылка на предание содержалась в своеобразном предисловии или послесловии к фантастическому повествованию. Так, например, рассказчик в повести Бестужева-Марлинского «Кровь за кровь» (1825) сообщает, что слышал таинственную историю от «известного охотника до <...> былей и старинных небылиц», который, в свою очередь, узнал ее от местного пастора (*Бестужев-Марлинский А.А. Кровь за кровь // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). С. 99*). А анонимный автор повести «Таинственный вечер» утверждает, что содержание его рассказа есть «истинное происшествие», написанное им под диктовку Ореста (Сомова. — *А.Л.*) («Бабочка». 1829. № 9. С. 36; подп.: Ъ.Ъ.).

⁸ Рукопись, приоткрывающая загадочное прошлое героя, фигурирует, например, в повести Е.А. Баратынского «Перстень» (1832).

⁹ Скептиком сразу же объявляет себя рассказчик в повести «Привидение» (1838) В.Ф. Одоевского, после чего последовательно разъясняет обстоятельства «страшной истории», бывшей все лишь розыгрышем, но обросшей слухами.

Еще нагляднее романтическая трактовка сверхъестественного проявилась в «идейном» уровне произведений. Описывая фантастическое происшествие как нечто реально случившееся, писатели были вынуждены столкнуться с онтологической проблематикой. «В хорошо знакомом нам мире, в нашем мире, где нет ни дьяволов, ни силфид, ни вампиров, происходит событие, не объяснимое законами самого этого мира» [14, с. 25]. Очевидец такого события неизбежно сомневается в своих представлениях о действительности — дать ответ на его сомнения призвано дальнейшее повествование. Для решения этой задачи русская фантастическая повесть выработала целый ряд стратегий: объяснение в рамках какой-либо философской системы¹⁰, уход от окончательного ответа при апелляции к нравственным (непоколебимым при любых обстоятельствах) законам¹¹, эксплицированный спор о «возможном и невозможном»¹² и т. д. Существеннее, однако, сам факт подобной идейной рефлексии: в художественной практике русских писателей 1820–1830-х гг.

Финал произведения, однако, возвращает читателя к сомнению в невозможности мистических событий: рассказчик слышит предостережение о том, что каждый, кто говорил об этом происшествии, расставался с жизнью по прошествии двух недель, — и сам опасно заболевает. Дальнейшая судьба юноши оказывается до конца не разясненной. Интересный пример содержит также повесть «Вечер на Хопре» (1834) М.Н. Загоскина. Желая поведать о «необычайном приключении», рассказчик уверяет своего собеседника, что слышал историю от одного из знакомых. Собеседник парирует, продолжая его слова: «Который узнал об этом <...> от своего приятеля, а этому приятелю рассказывала кума, а кума слышала от своего дедушки, а дедушка...» В ответ на это рассказчик утверждает, что его знакомый «не только был очевидцем, но даже действующим лицом в сем необычайном приключении» (*Загоскин М.Н. Вечер на Хопре // Загоскин М.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 332*).

¹⁰ Ярче всего эта «стратегия» проявилась в произведениях Одоевского. Даже его ранние, еще «полуфантастические» повести обнаруживают глубокую философскую основу: сочинения «Бесструнная лютня» (1825) и «Мир звуков» (1827) отсылают к пониманию музыки как высшего проявления духа в немецкой идеализме, попутно обретая черты поучительной аллегории. О философском характере более поздних работ Одоевского см., например: *Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247–276*.

¹¹ Такими словами, например, кончается фантастическая повесть Бестужева-Марлинского «Страшное гадание»: «Это гаданье открыло мне глаза, ослепленные страстью; обманутый муж, обольщенная супруга, разорванное, опозоренное супружество и, почему знать, может, кровавая месть мне или от меня — вот следствия безумной любви моей!! Я дал слово не видеть более Полины и сдержал его» (*Бестужев-Марлинский А.А. Страшное гаданье // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: ЛГУ, 1990. С. 144*).

¹² Прием введения беседы-спора о «сверхъестественном», заимствованный из иностранной литературы (в частности, у Гофмана), получил широкое распространение в русских фантастических повестях («Святочные рассказы» (1826) Н.А. Полевого, «Привидение» В.Ф. Одоевского и др.). Он же послужил структурной основой для объединения повестей в циклы («Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) А. Погорельского, «Вечер на Хопре» (1834) М.Н. Загоскина).

«фантастическое» выходило за рамки классицистической трактовки «чудесного».

Эволюция эстетических представлений отразилась в употреблении самого прилагательного «фантастический». До 1830-х гг. оно встречается крайне редко. По данным Национального корпуса русского языка, впервые эта лексема была употреблена в «Репорте Канцелярии АН президенту АН с изложением дела о переписке Г.-Ф. Миллера с И.-Н. Делилем» (1748, до 18 ноября). В переписке с Миллером Делиль характеризует «Академический корпус»¹³ как «фантастический» («*corps phantastique*») [5, т. 10, с. 639]. Авторы «репорта», написанного по-русски, считают необходимым пояснить значение непонятого варваризма: «По отъезде Делилевым получил Миллер от него письмо, академической чести весьма предосудительное, в котором он называет корпус академический фантастическим, то есть мнимым и недостойным такого почтения, какое об нем ученые люди в свете имеют...» [5, т. 10, с. 183]

За этим примером следует более чем сорокалетний перерыв; в следующий раз слово используется в «Письмах русского путешественника» (1793). Н.М. Карамзин дает такую характеристику художнику И.-Г. Фюсли: «...он выбирает из Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, и с удивительною силою, с удивительным богатством воображения дает *вещественность воздушным его творениям...*»¹⁴ В.А. Жуковский, употребляет прилагательное «фантастический»¹⁵ в окончательной редакции статьи «О басне и баснях Крылова», а при первой ее публикации в «Вестнике Европы» (1809) говорит лишь о «*мечтательном мире*»¹⁶, который создает баснописец. В приведенных примерах лексема понимается в ее «этимологическом» смысле: как эпитет, образованный от слова *фантазия*. Именно такое значение — связанный с фантазией, мечтой, воображением — слово имеет в текстах 1800–1820-х гг. Так, А.С. Грибоедов описывает Инкерман как «самый фантастический

¹³ Академический корпус — одна из составных частей Академии Наук, включающая, согласно Ломоносову, «Собрание профессоров и адъюнктов», Университет, Гимназию, Библиотеку и Кунсткамеру, Академию Художеств, Типографию и Книжную лавку, Географический департамент, Механическую лабораторию, Ведомостную экспедицию, Переплетную мастерскую и Академическую канцелярию (см.: [5, т. 10, с. 117]).

¹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 346.

¹⁵ Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2012. Т. 12. С. 205.

¹⁶ Жуковский В.А. Басни Ивана Крылова. С. Петербург. В типографии Губернского Правления. 1809 // Вестник Европы. 1809. № 9. С. 43.

город»¹⁷, а В.Г. Тепляков говорит о «фантастической дикости приморских скал»¹⁸.

Первая критическая статья, в которой предложено эстетическое осмысление «фантастического», отчасти продолжает эту линию — но вместе с тем привносит в понятие совершенно новый смысл. В 1829 г. в «Сыне Отечества» вышел вольный перевод статьи Вальтера Скотта «О чудесном в романе»¹⁹. Литературные воззрения писателя облекаются в форму критики, объект которой прямо заявлен в оригинальном названии — «О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Э.Т.В. Гофмана» («On the Supernatural in Fictitious Composition, and in Particularly in the works of E.T.W. Hoffmann»). Считая немецкого романтика создателем поэтики «неистойвой странности», В. Скотт оспаривает ее художественное достоинство и излагает собственные правила написания фантастических сочинений.

Эстетической полемике предшествует спор о самой природе ирреального. Если для Гофмана необычайное коренится в сокрытой тайне мира, то В. Скотт объясняет его «естеством человека». «По несовершенству разума» (№ 44. С. 230) люди не постигают связи явлений, а потому создают волшебные объяснения происходящему. Склонность верить в чудеса уменьшается с приходом просвещенных времен. Рассказы о «подвигах рыцарства в смеси с чародейством» могли казаться правдивыми слушателям, облаченным «туманом невежества», но не современным читателям. В этой связи В. Скотт говорит о необходимости употреблять чудесное «с большей осторожностью»: «...сверхъестественные вставки должны быть в вымысле весьма редки, кратки и смутны» (№ 44. С. 232–233).

В русской версии статьи, напечатанной в «Сыне отечества», получается, что В. Скотт выделяет два типа повествований о сверхъесте-

---

¹⁷ Грибоедов А.С. Крым // Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб.: Нотабене, 1999. Т. 2. С. 330.

¹⁸ Тепляков В.Г. Письма из Болгарии. М.: В тип. Августа Семена, 1833. С. 76. Время работы над «Письмами...» указано в подзаголовке к изданию: «Писаны во время кампании 1829» (русско-турецкой войны). Приведенную цитату содержит первая публикация третьего письма (Тепляков В.Г. Письмо III из Турции // Северные цветы на 1831 год. СПб.: В тип. Департамента народного просвещения, 1830. С. 208). В публикации 1833 г. также есть выражения: «Дикие, нагие, раздробленные утесы, представлялись мне во всей странности фантастических форм своих»; «Ярко золотое солнце начало мало-помалу проникать сквозь опаловую дымку тумана, образовавшего тысячу фантастических фигур...» (Тепляков В.Г. Письма из Болгарии. М.: В тип. Августа Семена, 1833. С. 172, 186.)

¹⁹ Скотт В. «О чудесном в романе» // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 7, № 44. С. 229–245; № 45. С. 288–309; № 46. С. 355–365. Далее в тексте номера журнала и страницы указаны по этому изданию.

ственным: «волшебные» и «собственно-чудесные». В этом месте переводчик несколько упрощает мысль критика, который не прибегает к дихотомии, а описывает разные «методы» воспроизведения сверхъестественного в литературе и рассуждает об их достоинствах и недостатках²⁰. К волшебным повествованиям он относит «восточные сказки, со всеми их Феями, Дивами, исполинами и чудовищами», а также «то, что Французы называют *сказками о Феях*» (№ 44. С. 236). Подобные сочинения В. Скотт считает устаревшими и более невозможными в качестве серьезной литературы. Единственное, чем «волшебные» повествования еще могут обогатить литературу, — это «комическая сторона сверхъестественного» (№ 44. С. 237).

Отдельно от этих сказочных повествований в статье рассмотрены сборники фольклорных немецких преданий — «Die deutsche Sagen (Немецкие сказания) братьев Гриммов» и другие произведения, «к сему же разряду относящиеся» (№ 44. С. 239). Признавая за ними ценность исторических документов, автор указывает на избыток описываемых в них волшебных эпизодов, однако делает ссылку на «старину» преданий и признает, что в них читатель может найти «интерес вероятия» и «живые впечатления» (№ 44. С. 242).

К «собственно-чудесному» В. Скотт относит произведения ряда авторов, среди которых особенно выделяет двоих: И.К.А. Музеуса, который умел «украшать <...> простые сказания <...> так, что чудесное <...> производило еще более действия, а между тем удерживалась <...> и первобытная идея сказки или предания», и Фридриха де ля Мотт Фуке, изображавшего «историю, мифологию и нравы древних времен в оживленной картине» (№ 44. С. 242–243).

Наконец, В. Скотт описывает специфически немецкий «род», которому «может быть, нельзя существовать в другой стране и на другом языке»: «...воображение пускается на все уродливости причуд своих и на создание сцен самых чудовищных и самых шутовских (*burlesques*)» (№ 44. С. 244–245). Именно этот «род» получает в статье название «*фантастического*». При его описании авторский тон, прежде сдержанный, обретает особую остроту. «Самые неожиданные и взбалмошные превращения вводятся тут при средствах самых невероятных. Нелепости ни в чем границ не поставляются. Читателю надобно довольствоваться тем, что он смотрит на фиглярские шуточки автора, <...> не стараясь искать тут никакого смысла, ниже иной

²⁰ Полный современный перевод А.Г. Левинтона см.: *Скотт В. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1965. Т. 20. С. 602–652.*

цели, кроме минутного изумления» (№ 44. С. 245). Художественное достоинство таких произведений являет собой не более, чем «фарс» по отношению к роману, «гаерство и пантомиму» сравнительно с комедией и трагедией. Писателем, который стоит «всех выше при сей отрасли романтической литературы» (№ 44. С. 245), назван Э.Т.А. Гофман.

В дальнейшем изложении автор прибегает к психологическому, социальному и биографическому объяснениям поэтики немецкого романтика, заключая, что только при болезненном воображении²¹ те или иные обстоятельства жизни могли казаться столь необыкновенными. Приведенный в статье анализ душевного состояния немецкого писателя проясняет причины неприятия В. Скоттом гофмановского типа повествования. Весьма показательно, что «неумеренное» присутствие сверхъестественного в фольклорных жанрах писатель не оценивает негативно. В былинах, преданиях и легендах «чудесное» существует как нечто объективное, в соответствии с представлениями породившей их культуры. Сказители не нарушали законы правдоподобия, повествуя о ведьмах, вампирах и волшебниках, в существование которых они сами верили. Главной претензией к Гофману в конечном счете оказывается «болезненная» субъективность его рассказов, выдающая себя за правду. «...изобретатель, или по крайней мере, первый знаменитый писатель, который ввел в своих сочинениях *фантастическое* или *неестественные гротески*, был так близок от истинного безумия, что сам трепетал перед призраками своих произведений» (№ 45. С. 302).

Верный классицистическому принципу «подражания природе», В. Скотт отказывает произведениям Гофмана в литературной ценности. По его мнению, они доставили их создателю известность «маловажнейшую» в сравнении с той, которую он мог приобрести, если бы «покорился вкусу более верному или рассудительности более основательной» (№ 45. С. 304). «Гений бывает причудлив...», — утверждает автор, — но не иначе стоит ему пускаться в «области фантастические, как с условием, чтоб он приносил <...> оттуда идеи приятные и сладостные» (№ 45. С. 307). Гротеск, выходящий за пределы «природы», «неразрывно связан с ужасом», а потому не может «иметь какое-нибудь соотношение с прекрасным» (№ 45. С. 308).

Таким образом, фантастическое в трактовке В. Скотта являет собой порождение причудливой фантазии, предельную степень

²¹ «Вальтер Скотт, рецензируя рассказы Гофмана, <...> противопоставляет два понятия: *imagination* — здоровое, умеренное воображение и *fancy* — его болезненный, эксцессивный вариант» [4, с. 26].

воображения, близко подходящую к безумию. Понятие имеет почти пейоративный смысл: оно указывает на радикальное нарушение как законов разума, так и правил вкуса²². Преступая пределы, положенные «чудесному» как художественному приему, фантастика Гофмана создает реальность, которая проблематизирует рационалистическое мировоззрение.

Гофмана русский читатель к этому времени уже довольно хорошо знал. К 1829 г. в разных журналах появились переводы девяти его повестей²³. Оригинальные эстетические взгляды писателя «явно» содержит в себе его повесть «Пустой дом» («Das öde Haus»). В мае–июне 1830 г. ее перевод, выполненный В. Лангером, был напечатан в «Литературной газете»²⁴. Рассказ о таинственных событиях обрамлен в новелле разговором трех друзей, ведущих спор о возможностях человеческого познания. Ключевым моментом спора становится статус «чудесных видений», которые «не в состоянии изобрести даже самое разгоряченное воображение» (№ 31. С. 245). Один из юношей считает, что немногим «избранным» они даны как дар, «как особенное шестое чувство» (№ 31. С. 245). Второй же отвечает ему скептически, замечая, что это «шестое чувство» есть не что

²² Схожие воззрения содержат и статьи русских эстетиков: «Чтобы сие чудесное производило полное удовольствие, то оно не должно быть совсем удалено от естественного, не должно быть невероятно или невозможно и непостижимо» [8, с. 31–32]; «...ему [художнику] надобно знать свои пределы в употреблении чудесного. Кто же ему покажет оные? Правильное чувство. Оно должно сказать художнику, как далеко смеет он простирать свою фантазию, не впадая от изящных чудесностей в просто интересные, а от сих после во вздорные, нелепые <...> Великое искусство употреблять чудесное состоит в том, чтобы соединить его с природою так, как бы оно составляло один порядок вещей и как бы имело одно общее движение» [11, с. 346].

²³ Девица Скудери (Повесть века Людовика XIV) // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб.: В тип. Н. Греча, 1822. Кн. 3. С. 14–50, 51–86, 95–138 (в том же году вышла отдельной книгой: *Гофман Э.Т.А. Девица Скудери* / пер. с нем. К.Г. СПб.: В тип. Н. Греча 1822); О счастье игроков / [пер. Вас. Поляков] // Вестник Европы. 1823. № 13–14. С. 97–140; Дождь и догаресса / [пер. с нем. К-н] // Библиотека для чтения. 1823. Кн. 12. С. 49–138; Белое привидение [Eine Spukgeschichte] // Московский телеграф. 1825. Ч. 6, № 22. С. 435–453, № 23. С. 457–470, № 24. С. 479–490; Ботаник [Datura fastuosa] // Московский телеграф. 1826. Ч. 8, № 5. С. 11–37, № 6. С. 48–76, № 7. С. 89–121; Что пена в вине, то сны в голове [Der Magnétiseur] / пер. В. <Д. и А. Веневитиновых> // Московский вестник. 1827. № 5. С. 244–301; Очарованный бумажник [Die Irungen] // Московский Телеграф. 1829. Ч. 25, № 3. С. 343–361, № 4. С. 461–489; и Синьор Формика // Сын отечества и Северный Архив. 1829. Т. 2, № 13. С. 321–347; № 14. С. 385–400; Т. 3, № 15. С. 3–24; № 16. С. 65–90; № 17. С. 129–144; № 18. С. 193–203; № 19. С. 257–272; № 20. С. 321–337; Т. 4, № 21. С. 3–37.

²⁴ *Гофман Э.Т.А. Пустой дом* / пер. с нем. В. Лангера // Литературная газета. 1830. Т. 1. № 31. С. 245–250; № 32. С. 253–258; № 33. С. 261–264. Далее в тексте номера газеты и страницы указаны по этому изданию.

иное, как способность усматривать видения во всем, что находится «вне обыкновенного круга понятий наших» (№ 31. С. 245). Наконец, в диалог включается третий участник — будущий рассказчик, которому Гофман дал одно из собственных имен (Теодор). Он предлагает разрешение спора, формулируя тезис о двух видах фантастического — «чудном» (*wunderlich*) и «чудесном» (*wunderbar*). Вот как определяется различие этих понятий у Гофмана: «...чудными называются все вообще осуществленные действия прозрения и желаний, для объяснения которых рассудок не находит достаточных причин; а чудесным называется то, что обыкновенно почитают невозможным, непостижимым, что переходит за границу законов природы, или кажется противным оным» (№ 31. С. 245–246). Продолжая, рассказчик указывает на неоспоримую связь этих явлений: «...чудное, по-видимому, из чудесного проистекает, и <...> только иногда от нас сокрыто то древо чудесного, от которого простираются видимые нами ветви чудного, со всеми своими отпрысками и листьями» (№ 31. С. 246). Последний тезис подтверждается рассказываемой им историей, «балансирующей на грани между тематикой обмана чувств, видения, психического истощения и, с другой стороны, вмешательства высших сил» [4, с. 42]. Финальный вывод о необъяснимости явления оказывается подготовлен сложным переплетением самых разных элементов странного и необычного и их мотивировок, ни одной из которых не отдается предпочтения.

Начиная с 1830 г. число употреблений прилагательного «фантастический» заметно возрастает. Большая часть из них совпадает с определением, зафиксированном в «Словаре языка Пушкина»: «в действительности не существующий, измышленный фантазией, творческим воображением, сказочный» [12, т. 4, с. 806]. «...высокие панели и широкие наличники, на коих хитро сплетались фантастические головы зверей, птиц и людей»²⁵; «Аравийские пустыни, наполненные фантастическим духом магометанской религии»²⁶; «...снасти, закрученные завитками, блоки, сверкающие как серьги, сетки, сплетенные фантастическими кружевами»²⁷; «Потом приглашенные лучшие артисты разыгрывали самые фантастиче-

²⁵ *Бестужев-Марлинский А.А.* Вечер на Кавказских водах в 1824 году // Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 14, № 40. С. 404.

²⁶ *Погодин М.П.* Адель // Московский вестник. 1830. Ч. 5, № 17–20. С. 34.

²⁷ *Бестужев-Марлинский А.А.* Фрегат Надежда // Сын отечества и Северный архив. 1833. Т. 34, № 9. С. 76.

ские музыкальные пьесы»²⁸; «...мысль в образах поэтических, слово в фантастических идеях»²⁹; «Солнце тонуло в разодранных, фигурных, фантастических облаках»³⁰; «Черты лица ее <...> так чисто и явственно выражались сквозь них ее музыкальные, веселые, фантастические движения души»³¹; и др. У самого Пушкина слово встречается в «Пиковой даме»:

...когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства [10, т. 8, с. 236].

Это же значение фигурирует в названии сборника повестей О.И. Сенковского «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (1833), что подтверждается эпитафией к книге: «À chaque baron sa fantaisie» («У всякого барона своя фантазия»).

Вместе с тем определение «фантастическое» в это время нередко используется для описания особого «рода» сочинений или типа повествования. Так, во втором номере журнала «Европеец» И.В. Киреевского вышел перевод статьи Эмиля Дешана «О Бальзаке». Предваряя свои рассуждения, Дешан обозначает общее направление современной литературы: «Прозаизм наскучил всем <...> Всякое литературное произведение, удостоенное внимания критики, носит на себе печать новой эпохи, а печать ее: поэзия» [3, с. 217–218]. По его мнению, спор о «классицизме» и «романтизме» окончен: на смену «схоластической» критике, утонувшей «в потоке непонятных ей произведений», явилась «великая плодотворная критика красот» [3, с. 217]. В этом контексте Дешан рассматривает новые литературные явления, в частности произведения Бальзака. Замечая, что «еще есть много таких людей, которые <...> ищут в литературе удовольствия прочного, волнения полезного, практической истины», а потому предпочитают более близкие к природе «Картины частной жизни» Бальзака «философской его чертовщине» [3, с. 219–220], критик обозначает и противоположную тенденцию. Популярность

²⁸ Полевой Н.А. Блаженство безумия // Московский телеграф. 1833. Ч. 49, № 1. С. 79.

²⁹ Там же. № 2. С. 254.

³⁰ Полевой Н.А. Живописец // Московский телеграф. 1833. Ч. 51, № 10. С. 248.

³¹ Киреевский И.В. Отрывок из романа под названием «Две жизни» // Телескоп. 1834. Ч. 19. С. 386; подпись: У–z.

набирают «философские сказки и романы» [3, с. 220], в другом месте прямо именуемые в статье «фантастическими³² повестями»: «Наше время отсвечивается в этих фантастических повестях со всеми своими несообразностями и противоположностями, своим поэтическим прозаизмом и суеверным неверием, с порывами добродетели и глубоким эгоизмом...» [3, с. 221]. Здесь Дешан в общих чертах продолжает мысль В. Скотта: «отсветы» современности в романтических произведениях о сверхъестественном заключаются именно в изображении причудливого, «гротескного» смешения противоположностей. Расхождение с английским писателем обнаруживает, однако, оценка Гофмана. Называя немецкого романтика «основателем фантастической школы» критик заключает, что «его создания не были для него шуткой; он плачет невыдуманными слезами» [3, с. 220]. Подчеркивая «субъективизм» Гофмана, критик объясняет это свойство не болезненностью натуры, но «внутренним сильным убеждением — страстью к искусству» [3, с. 220].

Далее Дешан подробно останавливается на «Шагреновой коже» Бальзака, комментируя, в частности, эффект, создаваемый спецификой «фантастического рода»:

Волшебство тысяча и одной ночи, связанное с судьбою парижанина, которого мы встречали, с которым, может быть, играли в экартэ, сначала поражает неприятно: но опомнившись от первого удивления, несообразное и правдоподобное сливаются для читателя, как теплотвор и углетвор на пылающем костре <...> Возможное и невозможное так тесно сливаются в сей странной повести, что нельзя провести между ними демаркационной линии, как между телом и душой, между мышлением и материей. Все может быть естественно и неестественно [3, с. 223].

В этой характеристике вполне явно обозначается особое свойство романтической фантастики — ее способность «размывать» границы привычного и обыденного, приводящая в конечном счете к проблематизации онтологии. Последнее еще не звучит у Дешана, напротив, стремящегося сгладить особость введения «сверхъестественного», поставить его в один ряд с другими известными литературе приемами:

³² Здесь так переводится фр. *fantastique* (ср.: «Notre époque se reflète dans ces historiettes fantastiques, avec ses inconséquences et ses contrastes, son prosaïsme poétique, son incrédulité superstitieuse et fataliste...») (*Deschamps É. Littérature critique. M. de Balzac // Revue des Deux Mondes. 1831. T. 4. P. 318, 316*).

Эта «*Peau de chagrin*» [«Шагреновая кожа» — *франц.*] точно так же невероятна, как завязка большей части наших перевозносимых драм и романов. Вся разница в том, что здесь материальная невозможность дерзко выставлена наружу; здесь ее видишь и забываешь; а там ее прячут и находишь беспрестанно... [3, с. 224]

Таким образом, за «фантастическим» в трактовке Дешана закрепляется качество подвижной границы между действительным и необыкновенным, их параллелизм; само же понятие получает статус художественного средства, позволяющего расширить эстетический арсенал искусства.

Примечательное употребление слова отражают высказывания Н.В. Станкевича. Как замечает Ю.В. Манн, под влиянием немецкой эстетической мысли писатель связывал будущее искусства с проникновением философских идей в художественные тексты:

Анненков, по-видимому, был прав, когда писал, что Станкевичу «хотелось указать на возможность нового искусства, соответствующего тому представлению жизни, какое должна дать новая философская идея». И далее: «...можно догадываться, что в основание новому виду искусства он полагал философскую идею, окончательно поясняющую и укрепляющую верования, а затем рождающую новые явления жизни, новые обычаи и даже новые понятия о красоте...» [6, с. 293]

В поле этих эстетических воззрений вовлекаются и романтические произведения о странном и необычайном. Так, 8 ноября 1835 г. Станкевич писал М.А. Бакунину, делясь впечатлениями от прочитанных повестей Гофмана: «...фантастическое Гофмана — это не какая-нибудь уродливость, не фарсы, не странности <...> Его фантастическое естественно — оно кажется каким-то давнишним сном» [13, с. 131]. В письме к Я.М. Неверову от 2 января 1834 г. писатель хвалил сочинения В.Ф. Одоевского: «Его “Насмешка мертвого”, напечатанная в “Деннице” — оазис среди пустынь этого альманаха, приводит меня в восторг <...> своим фантастическим (искренно фантастическим) колоритом...» [13, с. 106] Здесь обращают на себя внимание характеристики «естественно» и «искренно», значение которых разъясняет другое суждение Станкевича. Говоря о «Шагреновой коже» Бальзака, он заключал:

...волшебство пустое, основанное на пустом поверье и окруженное действительною жизнью, разрушает свое очарование. Видишь,

что и в минуту одушевления вера в истину создания не могла наполнить душу автора. Другое дело фантастические повести, где все недействительное, или где сверхъестественное имеет основанием какую-нибудь идею! [13, с. 107]³³

В эстетической концепции Станкевича литературная фантастика обретает ценность в связи с ее философским потенциалом, возможностью человеческого познания. Именно в этом ключе им обозначается различие между Пушкиным и Гете:

...у Пушкина меньше фантастического, больше *Fleisch und Blut* [плоти и крови. — *нем.*]: тут неразвитое, простое чувство. Но у Гете, кроме того, есть много таких вещей, где видно его мировое развитие, которого, разумеется, Пушкин не имел и которого мы ему не приписываем, но в этих простых, коротеньких исповедях цельной, живой, умной натуры — истинная поэзия! [13, с. 198]³⁴

В творчестве Пушкина и Гете Станкевич находит воплощение тех качеств, которые, с его точки зрения, должны были способствовать развитию более высоких художественных форм, «нового искусства». В Пушкине для него персонифицируются образная конкретность, живое созерцание, «вещность, пластицизм» [6, с. 295], в Гете — умозрительная, философская направленность творчества³⁵. Именно последнее связывается писателем с романтической фантастикой, таящей в себе, однако, и противоположную возможность — чисто литературную занимательность («волшебство пустое»).

Понятие «фантастическое» использовано в статье В.Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» (1835). Говоря о «Невском проспекте», критик заключает: «Кто читает эту повесть в первый раз, для того, в этом дивном сне, действительность и поэзия, реальное и фантастическое так тесно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сон» [1, т. 1, с. 302]³⁶. «Портрет», по мнению

³³ Заметим, что Станкевич в отличие от Дешана отказывается причислять «Шагреновую кожу» Бальзака к «фантастическим повестям». Различие в употреблении понятия и отнесении его к конкретным произведениям продиктовано именно эстетическими воззрениями критиков.

³⁴ Письмо к Т. Н. Грановскому от 27–28 августа 1838 г.

³⁵ В другом месте того же рассуждения Станкевич утверждает, что чем дальше, тем менее у Гете «чисто искусства», «но видит в этом не слабость, а современность творчества, в которое властно вторгается философская мысль» [13, с. 296].

³⁶ Впервые: Телескоп. 1835. Т. 26, № 7. С. 392–417; № 8. С. 536–603.

Белинского, «есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде» [1, т. 1, с. 303]. В оценке «Вия» критик солидаризируется с С.П. Шевыревым, писавшем в рецензии на «Миргород», что «ужасное не может быть подробно», иначе «переходит просто в уродливое», однако отмечает и художественное достоинство произведения: «...несмотря на неудачу в фантастическом³⁷, эта повесть есть дивное создание» [1, т. 1, с. 304]. Характерна в статье и оценка Жуковского. Он, по утверждению Белинского, «ввел литературный мистицизм, который состоял в мечтательности, соединенной с ложным³⁸ фантастическим» [1, т. 1, с. 260]. Последнее определение представляется особенно существенным. Описывая балладную поэтику, критик отделяет «фантастическое» от «мечтательности», которая связывается Белинским со «школой» Карамзина — направлением, характер которого «состоял в сентиментальности» [1, т. 1, с. 260]. Так, рассуждая об «односторонней мечтательности» Жуковского в более ранней статье, он писал:

...присовокупите к сему еще то, что его творения, может быть, в самом деле проистекали из обстоятельств его жизни, и вы поймете, отчего в них нет идей мировых, идей человечества, отчего у него часто под самыми роскошными формами скрываются как будто карамзинские идеи... [1, т. 1, с. 62]

«Фантастическое» же призвано обозначить то новое в творчестве Жуковского, что породило «несколько возвышенный, улучшенный и подновленный сентиментализм», вызвавший к жизни «тьму бездарных подражателей» [1, т. 1, с. 260]. Проведенное в статье

---

³⁷ В приведенных примерах обращает на себя внимание и периодическая смена формы слова. Средний род в значении существительного («фантастическое») указывает на соотнесенность понятия с известными категориями поэтики — чудесное, прекрасное, возвышенное и др.

³⁸ Характеристика «ложный» в данном случае, по-видимому, означает отрицательную оценку явления в контексте литературного развития. Ср.: «Карамзин основал новую школу, дал литературе новое направление, которое вначале ограничило схоластицизм, а впоследствии совершенно убило его. Вот главная и величайшая заслуга этого направления, которое было нужно и полезно как реакция и вредно как направление ложное, которое, сделавши свое дело, требовало, в свою очередь, сильной реакции» [1, т. 1, с. 260]; «Баллада без народности есть род ложный и не может возбуждать участия» [1, т. 1, с. 75]. В рассматриваемой статье исторический обзор во многом посвящен объяснению различий между поэзией «идеальной» и «реальной», последней из которых отдается предпочтение критика. Баллады Жуковского («ложное фантастическое»), так же, как и «направление ложное» Карамзина, воплощают для Белинского «идеальное», то есть субъективное искусство. Гоголь же провозглашается «поэтом жизни действительной». Отсюда, вероятно, следуют замечания о «неудачах» автора в фантастическом.

о повестях Гоголя разделение «мечтательности» и «фантастического» формирует взгляд на литературную генеалогию: разновидность романтической прозы, за которой закрепилось название фантастической повести, связывается Белинским с балладами Жуковского — жанровой формой, в которой «оформилась, утвердилась и впервые широко реализовала свою природу подлинная романтическая фантастика» [7, с. 140].

Так, входя в употребление, слово «фантастический» получает широкий спектр значений, варьирующихся от редкого и удивительного до измышленного, созданного творческим воображением. Но постепенно очерчивается и тот особый комплекс смыслов, который приписывается литературной фантастике в современных исследованиях. Фантастическое начинает связываться с противоречиями человеческого духа, общей дисгармонией жизни, где сталкиваются невероятное и обыденное, алогичное и естественное. Коннотации подобного восприятия при этом могут существенно различаться: безумие, гениальная прозорливость, либо же признание их родства, свойственное романтическому мироощущению. Фантастическим произведениям также приписывается потенциал философского размышления. Не замкнутая в пределах чисто художественной условности, семантика сверхъестественного указывает на невозможность безапелляционных утверждений о природе реальности. Присутствие странного и непознаваемого в сочинениях проецируется на внетекстуальный мир, представления о котором более не кажутся незыблемыми. Наконец, в эстетическом сознании эпохи «фантастическое» выделяется из широкого спектра фикциональных модальностей, обретая связь с той из них, где сверхъестественное также наделяется функцией преодоления границ разума³⁹. Понятие «чудесное» при этом отнюдь не исчезает, соседствуя с «фантастическим» и значительно превосходя его по числу употреблений на протяжении всех 1830-х гг. Тем не менее, по-видимому, именно в это время фантастическое закрепляется как категория русского эстетического сознания.

---

³⁹ Например, в балладе «присутствие чудесного помогало освободить чувство и воображение читателя от контроля рассудочной логики и повседневного опыта. В таких условиях становился возможным духовный “отлет” от “рационалистически упорядоченных представлений об окружающем человека мире”» [7, с. 141–142].

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1958.
2. *Головачева И.В.* Фантастика и фантастическое: Поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы / под науч. ред. А.П. Ураковой. СПб.: Петрополис, 2014. 412 с.
3. *Европеец.* Журнал И.В. Киреевского. 1832 / подгот. изд. Л.Г. Фризмана. М.: Наука, 1989. 536 с.
4. *Лахманн Р.* Дискурсы фантастического / пер. с нем. М.: НЛО, 2009. 384 с.
5. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1950–1983.
6. *Мани Ю.В.* Эстетическая эволюция Станкевича // *Мани Ю.В.* Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. С. 251–312.
7. *Маркович В.М.* Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // *Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. / отв. ред. Р.В. Иезуитова.* Л.: Наука, 1987. С. 138–166.
8. *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности: в 2 ч. М.: В Университетской тип., 1822. Ч. 1. 328 с.
9. *Нодье Ш.* О фантастическом в литературе // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева.* М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 407–412.
10. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959.
11. *Рогов Т.О.* О чудесном // *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. М.: Искусство, 1974. Т. 1. С. 340–350.*
12. *Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.*
13. *Станкевич Н.В.* Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. Г.Г. Елизаветиной. М.: Сов. Россия, 1982. 256 с.
14. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу / пер. с франц. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
15. *Томашевский Б.В., Вольперт Л.И.* Нодье // *Пушкин: Исследования и материалы.* СПб.: Наука, 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 225–226.

Research Article

The Birth of the Category of “Fantastic” in Russian Aesthetic Thought

© 2024, Anna A. Lebedeva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article attempts to identify the time when the category “fantastic” appeared in the aesthetic thought of the Pushkin era. Common and fixed in the poetics of this time was another, close in meaning, term “chudesnoe” (“miraculous”). It

denoted the “supernatural” (a concept that has become crucial in literary fantastic) but did not fundamentally differ from similar phenomena, such as rare, unexpected, and extraordinary. According to the National Corpus of the Russian Language, the word “fantastic” finds frequent use only after 1830, which chronologically coincides with the period of active perception of foreign romantic prose in Russia, in particular the genre of the fantastic story. In most cases, the new lexeme appears in fiction, keeping “etymological” meaning (related to fantasy, dream, imagination). Many original statements and translations, however, reflect another trend: the “fantastic” in them describes a particular kind of composition or type of narrative, as well as the features of poetics inherent in these works. As such, the word acquires a wide range of meanings and evaluative characteristics, some of which reveal similarities with the semantic content of the concept of “fantastic literature” in contemporary studies. The publication in which a conceptual interpretation of the “fantastic mode of writing” was first proposed in Russian was the translation of Walter Scott’s article “On the Supernatural in Fictitious Composition, and particularly in the works of E.T.W. Hoffmann” (in Russian translation: “O chudesnom v romane” (“About the wonderful in the novel”)) (1829).

Keywords: romanticism, romantic aesthetics, the fantastic, fantastic story, literary criticism, conceptual history.

Information about the author: Anna A. Lebedeva — PhD Student, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-6716-9854>

E-mail: anna.lebedeva2102@gmail.com

For citation: Lebedeva, A.A. “The Birth of the Category of ‘Fantastic’ in Russian Aesthetic Thought”. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 167–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-167-186>

References

1. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1953–1958. (In Russ.)
2. Golovacheva, I.V. *Fantastika i fantasticheskoe: Poetika i pragmatika anglo-amerikanskoi fantasticheskoi literatury* [Fantasy and the Fantastic: The Poetics and Pragmatics of English and American Fantastic Literature], scientific ed. by A.P. Urakova. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2014. 412 p. (In Russ.)
3. *Evropeets. Zhurnal I.V. Kireevskogo. 1832* [European. I.V. Kireevsky's Journal. 1832], publ. prep. by L.G. Frizman. Moscow, Nauka Publ., 1989. 536 p. (In Russ.)
4. Lakhmann, R. *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic], trans. from German. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)
5. Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950–1983. (In Russ.)
6. Mann, Iu.V. “Esteticheskaiia evoliutsiia Stankevicha” [“Aesthetic Evolution of Stankevich”]. Mann, Iu.V. *Russkaia filosofskaia estetika* [Russian Philosophical Aesthetics]. Moscow, Moscow Association of Linguists Practitioners Publ., 1998, pp. 251–312. (In Russ.)
7. Markovich, V.M. “Balladnyi mir Zhukovskogo i russkaia fantasticheskaiia povest' epokhi romantizma” [“Zhukovsky's Ballad World and a Russian Fantasy Novel of the

Romantic Era”]. Iezuitova, R.V., editor. *Zhukovskii i russkaia kul'tura: sbornik nauchnykh trudov* [Zhukovsky and Russian Culture: Collection of Scientific Papers]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 138–166. (In Russ.)

8. Merzliakov, A.F. *Kratkoe nachertanie teorii iziashchnoi slovesnosti: v 2 ch.* [A Brief Outline of the Theory of Fine Literature: in 2 parts], part 1. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1822. 328 p. (In Russ.)

9. Nod'e, Sh. “O fantasticheskom v literature” [“About the Fantastic in Literature”]. *Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov* [Literary Manifestos of Western European Romantics], texts coll., introd. article and gen. ed. by A.S. Dmitriev. Moscow, Moscow State University Publ., 1980, pp. 407–412. (In Russ.)

10. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937–1959. (In Russ.)

11. Rogov, T.O. “O chudesnom” [“About the Miraculous”]. *Russkie estetieskie traktaty pervoi treti XIX veka: v 2 t.* [Russian Aesthetic Treatises of the First Third of the 19th Century: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, pp. 340–350. (In Russ.)

12. Vinogradov, V.V., editor. *Slovar' iazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 vols.]. 2nd ed., enl. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (In Russ.)

13. Stankevich, N.V. *Izbrannoe* [Selected Works], comp., introd. article and comm. by G.G. Elizavetina. Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1982. 256 p. (In Russ.)

14. Todorov, Ts. *Vvedenie v fantasticheskuiu literaturu* [An Approach to a Literary Genre of the Fantastic], trans. from French by B. Narumov. Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 144 p. (In Russ.)

15. Tomashevskii, B.V., and L.I. Vol'pert. “Nod'e” [“Nodier”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and Materials], vol. 18–19: Pushkin i mirovaia literatura. Materialy k “Pushkinskoi entsiklopedii” [Pushkin and World Literature. Materials for the “Pushkin Encyclopedia”]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 225–226. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.10.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 04.10.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.03.2024

Орнамент 1870-х гг.: В поисках самобытного русского искусства (Виктор Бутовский, Владимир Стасов и Эжен Виолле-ле-Дюк)

© 2024, Дани Савелли

Тулузский университет имени Жана Жореса,
Тулуза, Франция

Аннотация: Прежде чем быть, подобно «преступнику», отвергнутым и осужденным, художественный орнамент занял важное место в дискуссиях, предметом которых было не столько художественное творчество, сколько национальная идентичность. В статье рассматривается полемика, разгоревшаяся в 1870-е гг. между директором Строгановского училища технического рисования Виктором Бутовским и художественном критиком Владимиром Стасовым вокруг орнаментации как средства выражения национального характера. Пораженный тезисом последнего о том, что русские крестьянские вышивки имели азиатские корни, Бутовский дал свой ответ, неожиданно придав большое значение византийскому влиянию на русское искусство, которое до этого отрицал. Более того, он пригласил Эжена Виолле-ле-Дюка принять участие в этих дебатах, побудив его написать собственное исследование. Однако в «Русском искусстве» («L'art russe»), вышедшем в Париже в 1877 г. и переведенном на русский язык в 1879 г., знаменитый французский архитектор также стал защищать тезис об азиатском происхождении русской орнаментики. И если Бутовский все же одобрил книгу, то только из-за того, что Виолле-ле-Дюк утверждал, будто русские черпали свою художественную оригинальность из самого «престижного» региона Востока, а именно из Индии. Тем самым он наделял русских арийской родословной, что позволяло присоединить их к большой европейской семье. Стасов, сугубо научный подход которого привел его к полному переосмыслению отношений между Россией и Азией, не проявил энтузиазма в отношении теории арийства русских и холодно воспринял работу Виолле-ле-Дюка, слабости которой были для него очевидны.

Ключевые слова: орнамент, русское искусство, национальная идентичность, монгольское нашествие, В.И. Бутовский, В.В. Стасов, Э.Э. Виолле-ле-Дюк.

Информация об авторе: Дани Савелли — доцент, Кафедра иностранных языков, Тулузский университет имени Жана Жореса, 5 All. Antonio Machado, 31058 Toulouse, Франция.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9635-496X>E-mail: dany.savelli@wanadoo.fr

Для цитирования: Савелли Д. Орнамент 1870-х гг. В поисках самобытного русского искусства (Виктор Бутовский, Владимир Стасов и Эжен Виолле-ле-Дюк) // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 187–216. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-187-216>.

«Старые наши выдумки к нам приползли с востока, новые мы с грехом пополам с запада перетащили, а мы все продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! о нашей национальной промышленности!»¹, — так сетовал Созонт Иванович Потугин, незадолго до того посетивший лондонский Хрустальный дворец², что заставило его окончательно убедиться в отсутствии самобытной русской культуры. Даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — «эти наши знаменитые продукты» — не нами выдуманы, сокрушается персонаж романа «Дым», пятого по счету в наследии Ивана Тургенева³.

Его ламентации напоминают нам, что в последние десятилетия XIX в. промышленное и ремесленное производства стали объектами особенно пристального внимания в разгоревшихся тогда дискуссиях о русской национальной самобытности. То, что Потугин вспоминает свое посещение Хрустального дворца, вовсе не случайно: на протяжении второй половины XIX в. царская Россия, переживавшая рост промышленного производства, участвовала почти во всех Всемирных выставках и, как и другие европейские страны, демонстрировала тем самым свою неповторимость. И как бы ни велика была неприязнь экзальтированного западника, выведенного в романе Тургеневым, деятельность эта имела определенный успех. Так, в 1867 г. (год публикации романа «Дым»), копии миниатюр и слепки с архитектурных орнаментов памятников древней Руси принесли Строгановскому училищу технического рисования, так называемой Строгановке⁴, и его филиалу — музею декоративно-прикладного

¹ Тургенев И.С. Дым // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 326. Слова «о нашей национальной промышленности!» отсутствуют в русском тексте. Мы заимствуем их из французского перевода А. Голицына, отредактированного Проспером Мериме и Иваном Тургеневым, опубликованного в 1868 г. и переизданного в 2008 г. См.: *Tourgueniev I. Fumée / trad. de A. Golitsyne, rev. par P. Mérimée et I. Tourgueniev. Paris: Éditions Sillage, 2008. P. 124.*

² Хрустальный дворец (англ. *Crystal Palace*) в лондонском Гайд-парке был построен в 1850–1851 гг. к Всемирной выставке 1851 г.

³ Тургенев И.С. Дым. С. 326.

⁴ Строгановское училище возникло в результате слияния в 1860 г. двух рисовальных школ, в том числе школы, основанной в 1825 г. графом Сергеем Строгановым (1811–1882). Музей в Москве был открыт в 1868 г.

и промышленного искусства — серебряную медаль на Всемирной выставке в Париже.

В эпоху, когда стремление к самобытности будоражило умы, орнамент стал восприниматься как форма выражения народного духа и привлек в России внимание не только министерств и промышленников, но также художников и архитекторов. Ставка делалась на подлинно русские орнаменты, свободные от западного влияния, которое, как полагали многие, внесло со времен Петра Великого искажение в произведения как изящных, так и прикладных искусств. Подобное представление неизбежно ставило вопрос: как определить лишённую сторонних каких бы то ни было примесей и влияний национальную идентичность, которая и есть основа искомой самобытности и ее гарант. С этого момента запускается так называемый принцип маятника: азиатский компонент русскости — или азиатство, как мы будем его называть [23], — оказывается востребованным как абсолютная противоположность отвергаемой западной модели. Так что, если на Западе в русле увлечения экзотикой искусство ислама утверждается как основная парадигма в теории орнамента, то в России в последние десятилетия XIX в. именно «внутренний Восток» (т. е. существующий в пределах самой империи или же укорененный в ее истории) становится ориентиром для русского прикладного искусства, а значит, и для орнамента.

Именно это присутствие внутреннего Востока в традиции русских ремесел имеет в виду персонаж романа «Дым» Потугин, когда говорит о восточном происхождении «старых наших выдумок»⁵. Но что, собственно, подразумевает он под Востоком? Византийский ли христианский Восток, с которым неразрывно связана традиция русской православной церкви? Или же степной Восток, откуда пришли многочисленные варвары, в том числе и те монгольские орды, которые более двух столетий разоряли и подчиняли себе русские княжества? Или же, будучи восприимчив к индомании того времени, Потугин имеет в виду индийский Восток, который многие европейские интеллектуалы (включая и русских), увлеченные романтическими идеями, почитали как колыбель человечества?

Подобные вопросы подпитывали полемику вокруг орнамента, разгоревшуюся в 1870-е гг. Действительно, вместе с вопросами, который ставил утверждавшийся в то время «русский стиль»⁶, Рос-

⁵ Тургенев И. С. Дым. С. 326.

⁶ Порожденный традиционным русским национальным искусством, «русский стиль», который во второй половине XIX в. в первую очередь относился к архитектуре и прикладному искусству, обозначает «обычно конкретно-исторический феномен,

сия в очередной раз столкнулись с проблемой разнообразия своего Востока и тем наследием, которое они хотели или, наоборот, не хотели признавать. Начало полемике положили два издания: с одной стороны, «История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям», вышедшая в Москве в 1870 г. со вступительной статьей Виктора Бутовского (была почти сразу же переведена на французский язык в 1873 г.⁷) и, с другой стороны, «Русский народный орнамент»⁸ с пояснительным текстом Владимира Стасова на русском и французском языках, несколько выпусков которого изданы были в Санкт-Петербурге в 1871–1872 г. К этим двум публикациям следовало бы добавить третью: «Русское искусство» Эжена Виолле-ле-Дюка — книгу, вышедшую в Париже в 1877 г. и через два года изданную в русском переводе с предисловием Бутовского⁹. И хотя это исследование, считающееся «первой попыткой научного анализа русского искусства» [19, с. 24], посвящено скорее архитектуре, чем орнаменту, оно, тем не менее, позволяет прояснить характер разногласий, возникших между двумя вышеупомянутыми авторами. Кроме того, оно позволяет понять, какую роль в разгоревшихся тогда дискуссиях неожиданно сыграла тема азиатства, ставшая важной в том числе за пределами России.

Русский орнамент в интерпретации Виктора Бутовского, или Забвение Византии

Чтобы представить, хотя бы в общих чертах, контекст, в котором началась дискуссия об орнаменте в России, вернемся к 1867 г. Среди многочисленных посетителей Всемирной выставки, помимо Александра II, который специально приехал на нее в сопровожде-

---

рожденный общественной потребностью выразить идеи самобытности, народности и национальности в искусстве», объясняет Е. Кириченко [4, с. 12]. Русский стиль предстает «не чем иным как местным вариантом интернационального движения за возрождение национально неповторимого и отмеченного печатью самобытности искусства» [4, с. 14].

⁷ *Boutovsky V. Histoire de l'Ornement russe // Musée d'art et d'industrie de Moscou, Histoire de l'ornement russe du Xe au XVIe siècle d'après les manuscrits. Paris: Libraires-Éditeurs, 1873.*

⁸ *Стасов В.В. Русский народный орнамент. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1872. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. XX, 25, [1] с., [80] отд. л. ил. в папке. На обложке указан 1871, в то время как на титульном листе — 1872. В 1871 г. Стасов объявил о скором выходе первого выпуска задуманного им труда «Русское народное искусство» (был издан под названием «Русские народные узоры и орнаменты» — см. ниже).*

⁹ *Виолле-ле-Дюк Э.Э. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущее / предисл. В. Бутовского; пер. с франц. Н. Султанова. М.: Худож.-пром. музей, 1879. VIII, 319 с.*

нии наследника, был и «известный парижский издатель лучших и значительнейших в наше время художественных изданий»¹⁰ Огюст Морель (1820–1869). Буквально очарованный декоративными рисунками, представленными на выставке Строгановским училищем в русском павильоне в разделе «История труда», он немедленно вступает в контакт с директором этого престижного учебного заведения Виктором Бутовским (1815–1881) и сообщает ему о своем желании опубликовать атлас буквиц и виньеток, украшающих древние рукописи до XVII в., потому что с этого века, как он утверждает, русская самобытность вытесняется подражанием Западу¹¹.

Атлас, вышедший в течение последующих месяцев в издательском доме «Vve Morel & Cie» (после смерти А. Мореля в ноябре 1869 г. был переименован), состоял из краткого введения, написанного Бутовским, и хромолитографических рисунков (иллюстраций) в двух частях: *исторической* «с точным в настоящую величину изображением орнаментов в том самом виде, как они находятся в сохранившейся рукописи», и *дидактической*, представляющей «в очерках и в большем виде тот орнаментный мотив, который может быть извлечен из древнего рисунка». Каждая из этих двух частей состояла из ста листов, расположенных «в хронологическом порядке»¹², знакомя читателей с орнаментами «славяно-русского происхождения с X по XVI столетие включительно»¹³.

Бутовский, руководивший этим проектом, хотел таким образом предоставить ремесленникам, интересующимся промышленным рисунком, а также фабрикантам¹⁴ каталог декоративных узоров, который бы позволил им черпать вдохновение в «источниках своего родного художественного стиля»¹⁵. Чтобы, во благо «русских промышленников»¹⁶, прекратилось наконец «это вечное заимствование»,

¹⁰ Стасов В.В. История русского орнамента с X по XVI стол. // Стасов В.В. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 221. Об издательстве Мореля см.: [10, с. 43–54].

¹¹ Бутовский В.И. Реферат члена русского археологического съезда, директора центрального строгановского училища технического рисования В.И. Бутовского, читанный в заседании съезда в Москве, 16 марта 1869 г. // Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Буслаева, русского ученого археолога. Критический обзор. М.: Тип. Гатцука, 1879. С. 171.

¹² Бутовский В.И. История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. М.: Тип. В. Готье, 1870. С. 15.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Boutovsky V. Histoire de l'Ornement russe. P. 1. Упоминания о «фабрикантах» в русском тексте отсутствуют.

¹⁵ Бутовский В.И. История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 6.

которое «составляет нашу слабость и являет резкую противоположность с нашими техническими успехами»¹⁷.

Если Бутовский и не поднимает прямо вопроса о том, что можно считать исконным русским искусством, он тем не менее минимализирует греко-византийскую его составляющую, которая, как он считает, слишком преувеличена. Изоляция, в которой находилась Древняя Русь в период татаро-монгольского нашествия и в ходе последующих конфликтов на ее западных границах, объясняет наличие в этой стране «русских мастеров, которые работали независимого от чуждого влияния»¹⁸ и, следовательно, существование в России «замечательного орнаментного искусства видимо своеобразного и отличного от стилей византийского и романского»¹⁹.

Чтобы подтвердить свои выводы, Бутовский обращается к «сравнительным исследованиям»²⁰ и отводит шестнадцать листов своего альбома византийскому орнаменту с единственной целью, как он это объясняет, дать возможность сравнить орнаменты славяно-русского происхождения, представленные в хронологическом порядке на следующих 84 листах, с византийскими. Благодаря использованию хромолитографии и высокому качеству издания, обусловленному данной технологией, Бутовский представляет «Историю русского орнамента» одновременно и как бумажный аналог строгановского Художественно-промышленного музея, и как визуальный аналог и субститут предполагаемого аналитического раздела атласа. Кроме того, он призывает «всякого знатока, всякого артиста» «убедиться в том, что собственно славяно-русские орнаменты, усвоивая в себе главные черты византийского стиля, представляют однако все признаки самобытного изобретения и своего типа»²¹. Иными словами, достаточно одного взгляда, чтобы между орнаментами греческих и славяно-русских рукописей обнаружили «заметные различия говорящие в пользу оригинальности» славянских рукописей²².

---

¹⁷ *Бутовский В.И.* О приложении эстетического образования к промышленности в Европе и в России в особенности. СПб.: Печ. В. Головина, 1870. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ *Бутовский В.И.* Реферат члена русского археологического съезда... С. 167.

²¹ *Бутовский В.И.* История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 8.

²² Там же. С. 7.

«История русского орнамента» в критической интерпретации Владимира Стасова

Надо отметить, что, положившись исключительно на убедительную силу иконографии, Бутовский существенно ослабил свою позицию. Скудость текста в его атласе не остается незамеченной таким выдающимся ученым-эрудитом, как Владимир Стасов (1824–1906), и трудно представить, что могло быть иначе. В пространной рецензии, опубликованной в марте 1871 г., этот историк искусства, который год спустя станет директором кабинета эстампов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, высоко оценивает качество репродукций, выполненных фирмой «знаменитого литографа Лемерсье²³»; также он приветствует колоссальную работу по сбору орнаментов древних рукописей, поскольку до этого момента не знали, «куда обращаться за образцами и примерами истинно национальными»²⁴. Но едва признав это, Стасов не может удержаться от сожалений об отсутствии подлинной истории русского орнамента, обещанной в самом названии атласа, а также о весьма ограниченном применении в нем сравнительного метода: необходимо было бы сравнить, пишет он, «русский орнамент не только с орнаментом византийским, но еще болгарским, сербским, восточным разных стилей и народностей, и, наконец, даже и западным»²⁵.

В более позднем переиздании своей рецензии Стасов в примечании открыто охарактеризует предисловие Бутовского как «легкое, неудовлетворительное»²⁶. И уже с 1871 г. начнет критиковать размещение на одном листе орнаментов, заимствованных из разных рукописей и не снабженных пояснением об их происхождении: «ничего подобного не встретишь ни в каком порядочном иностранном издании»²⁷. Вместе с тем он отмечает, что, придавая этому альбому

---

²³ Стасов В.В. История русского орнамента с X по XVI стол. С. 221. Вступительный текст и пояснения к иллюстрациям на русском языке были напечатаны в Москве в типографии В. Готье.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 222.

²⁶ Там же. С. 222. Суждение Федора Буслаева (1818–1897), который участвовал в выборе образцов (см.: Бутовский В.И. Реферат члена русского археологического съезда... С. 167), воспроизведенных в «Истории орнамента», окажется еще более жестким, чем Стасова (Буслаев Ф.И. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Собрал и исследовал Владимир Стасов // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 5. С. 77.). О непоследовательности предисловия см. также: [16, с. 171].

²⁷ Стасов В.В. История русского орнамента с X по XVI стол. С. 224.

«цель исключительно технико-промышленную»²⁸, «гг. издатели не вполне сознали истинную важность своего издания»²⁹: разве такое «капитальное»³⁰ сочинение, как «История орнамента», не должно быть предназначено не только ремесленникам и рабочим, но еще и архитекторам, художникам и историкам?

Ответ очевиден для Стасова, который в своей критике не преминул подчеркнуть видимое несоответствие между ценой книги и ее предполагаемым практическим предназначением: «расхожее технико-промышленное издание должно быть скромно, общедоступно и — главное — дешево»³¹. Очевидная роскошь издания, считал он, противоречила поставленной цели.

Русский народный орнамент в интерпретации Стасова, или Претензия на азиатское наследие

В критике Стасовым атласа Бутовского уже ясно вырисовываются особенности атласа, публикацию которого он начнет год спустя. Этот труд Стасова, посвященный народным кружевам и вышивкам, украшающим кайму постельного белья, полотенца, до сих пор составляющие «главную массу вышитых предметов» и часто выступающие в роли *ex-voto*³², наволочки, так называемые ширинки (вышитые холстины, которые надевают дружки во время свадьбы)³³, рубашки, фартуки, головные уборы и т. д., был задуман как первая часть «энциклопедии русского народного искусства»³⁴. За ней, обещал Стасов, должны последовать тома, посвященные другим ремеслам: резьбе по дереву и кости, гончарному и кузнечному делу, эмальям и т. д. Однако, когда критик вновь приступит к масштабным работам по орнаментике (помимо многочисленных статей и рецензий, которые он опубликовал на эту тему³⁵), ими окажутся:

²⁸ Бутовский В.И. История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 1.

²⁹ Стасов В.В. История русского орнамента с X по XVI стол. С. 226.

³⁰ Стасов В.В. Русские народные узоры и орнаменты // Стасов В.В. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 227.

³¹ Стасов В.В. История русского орнамента с X по XVI стол. С. 226.

³² Дар, приношение (*лат.*). См.: Стасов В.В. Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. XVI.

³³ Там же. С. V.

³⁴ Стасов В.В. Русские народные узоры и орнаменты. С. 228. См. также: Стасов В.В. Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. III.

³⁵ Чтобы получить представление об этом роде деятельности Стасова, см. его рецензии на труды: «Исторический костюм» Альбера Расине (1888), «Русское народное кружево» С.А. Давыдова (1892), «Орнамент горных таджиков Дарваза» А.А. Бобринского (1900) и т. д. См. также: [3, с. 320; 8].

«Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени»³⁶, изданный в 1884 г., и «Древнееврейский орнамент» [14], изданный им совместно с востоковедом и меценатом Давидом Гинцбургом (1857–1910) в 1905 г. — два внушительных альбома с достаточно красноречивыми названиями, свидетельствующими о том, что от первоначального проекта энциклопедического размаха Стасов в итоге отказался.

При этом, если Стасов и не может претендовать на роль создателя энциклопедии, книга «Русский народный орнамент» все равно предстает как результат серьезнейших исследований. За более чем десяток лет³⁷ Стасов собрал значительную коллекцию вышивок. Осознавая всю опасность, которой индустриализация подвергает крестьянское культурное наследие, он считает, что эти «предметы бытовой народной жизни»³⁸ послужат будущим художникам «прочным основанием для самостоятельных форм русской архитектуры и орнаментистики»³⁹, а также станут бесценным материалом для историков, позволяющим знакомиться с бытом, искусством и верованиями древней России.

Крестьянский орнамент ранее не был объектом какого-либо систематического исследования; однако под влиянием идей Гердера, провозгласившего народ подлинным хранителем национального духа, а также под влиянием национального возрождения, вызванного войной 1812 г. и отмены крепостного права в 1861 г., русская интеллигенция демонстрирует растущий интерес к народному искусству. Тот же Бутовский в обширном пассаже из своего предисловия восхищается «разноцветными коймами и узорами на полотенцах, скатертях и сорочках русского деревенского рукоделия»⁴⁰. Однако директор Строгановского училища, как и многие промышленники того времени, рассматривал русских крестьян прежде всего как «потенциальных партнеров развития России» [13, с. 8], в то время как Стасов, не будучи полностью чужд подобным патриотическим

³⁶ См.: *Stassoff W. L'Ornement Slave et Oriental d'Après les Manuscrits Anciens et Modernes: publié avec l'autorisation de sa Majesté l'Empereur Alexandre II.* СПб.: Картографическое заведение А.А. Ильина, 1887.

³⁷ По свидетельству Варвары Комаровой (1862–1942) (псевдоним: Владимир Каренин), племянницы и биографа Стасова, он начал интересоваться русскими орнаментами с 1847 г. и работал над своей книгой с 1860 по 1872 гг. См.: [3, с. 294, 300].

³⁸ *Стасов В.В.* Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. III.

³⁹ *Стасов В.В.* Русские народные узоры и орнаменты. С. 228.

⁴⁰ *Бутовский В.И.* История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 4.

и экономическим задачам, придавал крестьянским вышивкам⁴¹ статус объектов исследования, достойных серьезного научного анализа.

Если «Русский народный орнамент» и походил на «Историю русского орнамента» своим форматом — достаточно большим, позволяющим оптимальное воспроизведение представленных в атласах моделей, — а также наличием введения, занимающего около двадцати страниц, за которым следовали многочисленные цветные иллюстрации, то он отличался от атласа Бутовского своим научным содержанием. Большинство образцов, помещенных в альбоме Стасова, сопровождалось комментариями, поясняющими их происхождение, характер и свойства использованных материалов, цвет, технологию изготовления и т. д. В общей сложности они составили 25 страниц текста на русском и французском языках, предварявшего 215 образцов, воспроизведенных на 75 альбомных листах⁴². Это был полноценный научный аппарат, которого очень недоставало в «Истории русского орнамента».

Подводя итог, можно сказать, что Бутовский, издавая свой атлас, выступал как экономист (напомним, что институт, которым он руководил, предполагал обязательное обучение бухгалтерскому учету), в то время как позиция Стасова выдает скрупулезного исследователя, на практике стремящегося защитить народное ремесло и художественное творчество. К тому же, полагая, что «те издания, которые имеют целью быть грамматикой и возможно полным собранием образцов национального русского искусства, должны издаваться не иностранцами, а нами самими», он гордился тем, что «Русский народный орнамент» напечатан в Санкт-Петербурге, «т. е. собственными нашими литографическими средствами»⁴³.

Цена книги была еще одним поводом для гордости. Альбом, получивший финансовую поддержку от одного лишь Общества по-

---

⁴¹ Об исключительно женском характере текстильного орнамента в альбоме не упоминается. Однако мы придерживаемся мнения, что это никоим образом не означает, что Стасов, чьи симпатии к феминистскому движению были хорошо известны, прошел мимо этой особенности, которая делала крестьянских женщин истинными хранительницами замечательной культуры предков. Напомним, что сестра Стасова Надежда (1822–1895) была выдающимся деятелем русского феминизма XIX в., о чем он писал в посвященной ей биографии. См.: *Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки*, СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. [4], IV, II, 507 с.

⁴² На каждом листе насчитывается от одного до шести орнаментальных рисунков. В 1871 г. Стасов объявил о выпуске 100 листов, в первом же выпуске насчитывалось только 20. См.: *Стасов В.В. По поводу ученого критика «Московских ведомостей» // Стасов В.В. Собр. соч.: в 4 т.* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 281–286.

⁴³ Там же. С. 227.

ощрения художеств⁴⁴, стоил тем не менее (как указано на титульном листе) всего 10 рублей, в то время как типографская себестоимость экземпляра первого выпуска московского Художественно-промышленного музея, получившего поддержку Министерства финансов, составляла 40 рублей, что поднимало продажную стоимость книги до 100 рублей⁴⁵. Что и понятно, иронично прокомментировал Стасов, ввиду «роскоши издания и при отпечатании его в Париже»⁴⁶. Так, не без лукавства со стороны человека, который никогда не позволял отнести себя ни к стану западников, ни к стану славянофилов, Стасовым были разбиты клишированные представления о двух столицах: Москве, якобы враждебной Западу и озабоченной национальными ценностями, и прозападном и оторванном от национальной традиции Петербурге.

Однако основные разногласия между Бутовским и Стасовым заключались в другом. Первое касалось расположения изображений: если в атласе Бутовского орнаменты, помещенные на бледно-желтом фоне, были изолированы друг от друга, и подобное композиционное решение подчеркивало пропедевтический замысел издания, то в альбоме Стасова орнаменты вышивок, выполненных чаще всего красной нитью, составляли гармоничную мозаику. С другой стороны, антропоморфные фигуры, встречающиеся на многих вышивках и иногда воспроизводившиеся в атласе на всю страницу, поражали своим наивным и таинственным колоритом, а также исходящей от них модерностью: нельзя удержаться от соблазна признать в них задним числом продукты ар-брют, возникшие задолго еще до появления данного течения.

Второе расхождение, а именно ему мы и уделим особое внимание, касается происхождения русского орнамента. Напомним в общих чертах о том, как автор «Русского народного орнамента» строит во введении свою аргументацию.

Стасов начинает с того, что пытается установить возраст крестьянского текстильного орнамента, который до тех пор никогда не был предметом исследования. Для этого он обращается к семантике орнамента, которая также до сих пор не вызывала никакого интереса [1, с. 234]. Этот шаг представляется ему тем более необходимым,

⁴⁴ Там же. С. 228. Общество поощрения художеств, основанное в начале XIX в. в Санкт-Петербурге, было важнейшим центром обучения изящным искусствам, находившемся под покровительством царя. Своим замечанием Стасов дает понять, что Строгановское училище, которое находилось в ведомстве Министерства финансов, получало более значительную финансовую помощь.

⁴⁵ Там же. С. 227.

⁴⁶ Там же.

что он предполагает, как мы сказали бы сегодня, семиотический подход: крестьянские вышивки — это не случайные «фантазии», они подтверждают правило, согласно которому «у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии»⁴⁷. Следовательно, не будучи факультативным украшением, отданным на откуп воображению вышивальщиц и кружевниц, крестьянский текстильный орнамент представлял собой текст, пришедший из глубины времен (веков):

...каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики — это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства⁴⁸.

Подобный подход, перекликающийся с запущенной еще Витрувием метафорой «язык архитектуры», предполагает серьезный процесс расшифровки, не позволяющий упрощения. Так, например, нельзя довольствоваться узнаванием в вышитой на ткани двуглавой птице того двуглавого орла, который стал эмблемой Великого княжества Тверского, а затем и Московского государства⁴⁹, как и нельзя возводить различные виды крестов, вышитых на полотенцах⁵⁰, непосредственно к христианской символике. Но как тогда разрешить загадку, зашифрованную в *означаемом* этих вышивок? Конечно же, отнюдь не посредством этнографического исследования, — спешит ответить Стасов:

Вы можете расспрашивать русских крестьян в любом углу нашего отечества — и нигде вы не услышите и намека на то, чтоб русский народ знал, что именно кроется в этих узорах и орнаментах, постоянно находящихся у него в руках и перед глазами⁵¹.

Для расшифровки узоров, вышитых в сельской местности на полотенцах и одежде, требуется исследование не «полевое», но в фондах лучших библиотек — там, где можно успешно вести серьезное

---

⁴⁷ Стасов В.В. Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. XVI.

⁴⁸ Там же. С. XVI.

⁴⁹ Там же. С. VIII.

⁵⁰ Там же. С. VII.

⁵¹ Там же. С. XVI.

сравнительное научное исследование. Потому что, сравнивая эти ткани с другими носителями орнаментов, особенно с рукописями, можно установить время появления орнамента и увидеть в них, как и в миниатюрах, «самые значительные остатки национального русского искусства»⁵². Кроме того, сравнивая их с орнаментами не славянского происхождения, можно, наконец, решить вопрос их генезиса. С помощью таких сравнений, подкрепленных замечательной эрудицией в сочетании с поразительно острым взглядом, Стасов разрушает бытующие представления о границах в культуре, и приходит к выводу, что в узорах русской крестьянской вышивки «нет ничего самостоятельного, потому что все главные составные части их существуют у известных народностей азиатского происхождения, которые обладают ими в течение долгих столетий и, конечно, никоим образом не могли заимствовать их от русских»⁵³. Азия, из которой заимствованы эти вышивки, оказывается у него финского (читай: финно-угорского) происхождения, которое он объясняет, приводя в качестве примера геометрические фигуры, вышитые на полотенцах, а также ряды ромбов со звездами внутри, решетки из маленьких крестиков, закрученные в спирали завитки, и т. д., повторяющие мотивы финского орнамента. Эта Азия может быть также персидского происхождения, о чем свидетельствуют, например, цветок на тельце птицы, вышитый на полотенцах, или кисет для табака с узором, повторяющим узор плафона одного из дворцов Исфахана, или еще ромбы на нескольких тканях, пересеченные крест-накрест двумя диагоналями и напоминающие фриз на фасаде другого дворца этого же города⁵⁴. Кроме того, поскольку персидский орнамент воспроизводит фигуры «ассирийского и древне-персидского искусства, — отблески, перешедшие к нам всего скорее через посредство образцов, существовавших в Персии во времена после Рождества Христова»⁵⁵, персидские заимствования, обнаруживаемые в России, имеют более древнее происхождение, явно предшествующее установлению отношений с Восточной Римской империей, то есть не предполагающее византийского посредничества⁵⁶. Тем самым и влияние Византии ставится под знак вопроса.

Следующим этапом в аргументации Стасова становится исследование религиозного значения некоторых орнаментальных

---

⁵² Там же. С. III.

⁵³ Там же. С. XI.

⁵⁴ Там же. С. XIII–XIV.

⁵⁵ Там же. С. XV.

⁵⁶ Там же. С. XVI.

мотивов, воспроизведенных в атласе. Выводы, которые он делает, позволяют ему привести новые доводы в защиту тезиса об азиатском происхождении орнаментов: так, как если некоторые вышитые узоры восходят к «древнему язычеству»⁵⁷, то другие имеют буддийское происхождение. Равносторонние кресты с загнутыми концами, помещенные внутри ромбов, обнаруживаемые на окантовке полотенца из Нижегородской губернии, служат тому примером. Стасов распознает в них свастику, символ доброго предзнаменования, упомянутый в «Рамаяне» и широко распространенный в буддизме. Так и «загадочные фигуры, являющиеся между калиновыми листьями сверху над узором» на полотенце из Смоленской губернии, повторяют «очень употребительные у Буддийцев фигуры, назначенные для отвращения дурного глаза»⁵⁸. То, что относится к геометрическим рисункам, применимо и к растительным мотивам: «священное дерево», вышитое на некоторых предметах, встречается «в числе Буддийских религиозных эмблем и знаков»⁵⁹, — утверждает Стасов.

В заключение ученый приводит ряд аргументов в пользу своей точки зрения, целиком основанных на убедительных соображениях цивилизационного и климатического характера:

В существовании этих влияний [финских, персидских и отчасти Буддийских] нельзя сомневаться, потому что, с одной стороны, у нас на узорах изображены те предметы, вовсе не существовавшие у великоруссов (языческие храмы азиатской архитектуры, алтари, львы, павлины и т. д.), то фигуры и предметы заведомо азиатского происхождения, не имевшие и не имеющие у нас никакого значения (доброжелательные знаки), то такие комбинации, которые были в величайшем ходу у разных народонаселений задолго до основания Русского государства (птицы, звери и люди парами по сторонам священного дерева); с другой же стороны, тут вовсе нет тех предметов, которые бы свидетельствовали о местности, природе и жизни великорусской, северной; нет тут ничего зимнего: всюду чувствуется лето и жаркий пояс, нет русских северных зверей, <...>; нет наших зимних божеств, нет наших зимних религиозных праздников: напротив, всюду, только праздники весенние и летние, вокруг цветущих деревьев⁶⁰.

⁵⁷ Там же. С. XVI.

⁵⁸ Там же. С. XVII.

⁵⁹ Там же. С. XVII.

⁶⁰ Там же. С. XVI.

Добавим, что в 1868 г. наличие в былинах элементов, чуждых русской среде обитания, побудило исследователя приписать им монгольское и тюркское происхождение в статье, получившей известность благодаря необычайно интенсивной полемике, которую она вызвала в научном мире⁶¹.

**Бутовский, оппонент Стасова,
или Возвращение на византийский путь**

И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход⁶².

Константинос Кавафис

29 апреля 1872 г. в «Московских ведомостях» появилась рецензия на «Русский народный орнамент», подписанная одним только инициалом «Б». Не желавший выдавать себя автор писал:

...относительно археологических взглядов г. В. Стасова нельзя не заметить, что едва ли наши ученые археологи согласятся с ним, что наш орнамент происходит исключительно от влияния племен татарских, персидских и финских и по всему вероятно, заметят, что преобладающий артистический элемент принадлежит преимущественно византийскому стилю⁶³.

Стасов немедленно ответил на эту рецензию, авторство которой не вызвало у него сомнений (речь шла о Бутовском⁶⁴) и которую в частной беседе он, не колеблясь, квалифицировал как «дурацкую»⁶⁵. В статье, опубликованной 12 мая, он уточнил, что никогда не приписывал русскому орнаменту татарское происхождение, но исключительно финское и персидское, исследуя при этом не русский

---

⁶¹ Стасов В.В. Происхождение русских былин // Стасов В.В. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 3. С. 1248–1249. О полемике см.: [3, с. 310; 2, с. 3].

⁶² Кавафис К. Ожидая Варваров // Русская кавафиана: в 3 ч. / сост. С.Б. Ильинская. М.: ОГИ, 2000. С. 30.

⁶³ Б. [Бутовский В.И.] Русский народный орнамент. Библиографическая заметка // Московские ведомости. 1872. № 105. 29 апреля. С. 3.

⁶⁴ Когда статья вновь вышла в трехтомном собрании его сочинений, Стасов указал полное имя Бутовского. См.: Стасов В.В. По поводу ученого критика «Московских ведомостей» // Стасов В.В. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 281.

⁶⁵ См. письмо от 2 мая 1872 г. В.В. Стасова его брату Д.В. Стасову (Стасов В.В. Письма к родным: в 3 т. М.: Гос. муз. изд-во, 1954. Т. 1. С. 74).

орнамент вообще, но только крестьянскую вышивку⁶⁶. Так, если парча, бывшая в ходу у знати древней Руси, действительно имеет византийское происхождение, как утверждает Бутовский, равно как и убранство церквей, предметы культа и рукописи того времени, то нельзя того же сказать о предметах повседневного обихода, финское или персидское происхождение которых, повторяет Стасов, не вызывает сомнений.

Тон статьи был настолько резким, что бедный Бутовский оказался вынужден отвечать. Вовлеченный в полемику «необыкновенной запальчивостью» высказываний в его адрес, теперь он делает акцент на том, что «главный художественный элемент нашей отечественной орнаментики есть византийский» и что в то время, как Запад отошел от византийского стиля после несколько столетий следования ему, «Россия, внося его [византийский стиль] к себе с принятием православия, удержала его до сей поры, и таким образом приобрела полное право называть его своим»⁶⁷. Новый ответ Стасова, все такой же язвительный и такой же аргументированный, не заставил себя ждать⁶⁸.

Не вдаваясь в подробности полемики, отметим, какое значение Бутовский внезапно стал придавать византийскому влиянию на русское искусство. Нельзя не удивиться данному повороту в его взглядах. Не существенно ли противоположное мнение защищал он в «Истории русского орнамента», когда писал:

Соображение этих данных приводит к заключению, что не одно чисто византийское искусство влияло на русских художников, что были и другие источники, из коих оплодотворялось их воображение⁶⁹.

Не от византийского ли наследия он хотел освободить тогда русское искусство, дабы утвердить его самобытность?

Чтобы понять эту резкую смену вех, необходимо вспомнить, что к 1840 г. (то есть в то время, когда в России особенно остро стал вопрос о национальной самобытности) топоним Азия и все его производные приобретают в русском языке ярко выраженный уни-

⁶⁶ Там же. С. 74.

⁶⁷ Б. [Бутовский В.И.] Ответ на статью Г.В. Стасова // Московские ведомости. 1872. № 131. 27 мая. С. 3.

⁶⁸ Стасов В.В. Еще раз по поводу ученого критика «Московских ведомостей». С. 285–290.

⁶⁹ Бутовский В.И. История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 5.

чижительный смысл. Термином «азиатство» и тем более его уничижительной формой «азиатчина» обозначают отсталость России, которую многие мыслители и писатели связывают с отупляющей деспотической традицией⁷⁰. В бедах, наступающих русскую землю, видится действие двух факторов, географического и исторического: с одной стороны, геополитически неудобная биконтинентальность, ставящая под сомнение принадлежность русских Европе, с другой — более чем двухвековое позорное подчинение монгольским ханам. Учитывая этот пренебрежительный взгляд на Азию, требуется неслыханная смелость, чтобы приписать русской литературе и ремеслам восточное происхождение, отличное от византийского. Стасов, который проявляет такую смелость во многих своих публикациях и который, в частности, заходит так далеко, что, подобно тургеневскому Потугину, утверждает, будто «собственно русских одежд вовсе не существует», а есть одежда татарского, персидского или финского происхождения⁷¹, ясно осознает, насколько отталкивающим Восток, за исключением Востока византийского, может быть для такого человека, как Бутовский:

Происхождение татарское, персидское, финское — непристойно и возмутительно; происхождение византийское — прилично и в высшей степени успокоительно⁷².

В таких обстоятельствах понятно, что Бутовский, желавший оградить русское искусство от любых обвинений в татаро-монгольском варварском наследстве, нашел именно в Византии «решение» сложной проблемы, поставленной русским азиатством.

Нам не было бы необходимости останавливаться на существовавших в России представлениях об Азии и последующем их использовании в историографии, не содержи они материала для прояснения дискуссионных вопросов вокруг происхождении русского орнамента. Проблема становится еще более очевидной

---

⁷⁰ Вспомним слова М. Бакунина, сказанные им в 1862 г.: «В смысле нравственном, общественно-политическом, Азия начинается там, где царствует произвол и насилие. Если так, то не теперь ли мы в Азии, или вернее, не теперь ли Азия царствует во всей Российской Империи?» (*Бакунин М.А.* Русским, польским и всем славянским друзьям. Genève: M. Elpidine, 1888. С. 28). Ср. заявление Л. Троцкого 1923 г.: «По существу же революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со святой Русью, с иконами и тараканами» (*Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. С. 68).

⁷¹ *Стасов В.В.* Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. X–XI.

⁷² *Стасов В.В.* По поводу ученого критика «Московских ведомостей». С. 284.

с появлением «Русского искусства» Виолле-ле-Дюка (1814–1879). Эта работа, признанная «самым неизвестным текстом» [9, с. 14] французского историка и архитектора, также поддерживала идею об азиатском происхождении русского орнамента и архитектуры. Но, как ни парадоксально, неоднозначно на нее откликнулся как раз Стасов, тогда как Бутовский выступил «с горячей защитой» основных тезисов книги [22, с. 99].

Виолле-ле-Дюк, или Защита азиатского происхождения, а также его преимущества

Заказчиком труда Виолле-ле-Дюка был не кто иной, как Бутовский. Он хотел, чтобы это исследование стало своеобразным продолжением его «Истории русского орнамента»⁷³. Но был ли он до того знаком с работами знаменитого французского архитектора? Ведь уже начиная с 1872 г. Виолле-ле-Дюк стал писать об азиатском происхождении русского искусства: размышления об этом присутствуют в «Двадцатой беседе об архитектуре»⁷⁴, а также в рецензии (более чем положительной) на «Историю русского орнамента» Бутовского. Приведем отрывок из этой рецензии, который позволяет судить о взглядах Виолле-ле-Дюка, касающихся данной темы:

В России есть искусство, которое, справедливо или несправедливо, называют русским искусством. И действительно, это искусство существует: оно есть смесь преданий греко-византийских, монгольских, индусских, имеющая особенный характер, свою неоспоримую ценность и способность к развитию⁷⁵.

Так Восток, с которым французский архитектор начиная с 1872 г. стал ассоциировать русское искусство, имеет три составляющие. Чтобы понять причины, породившие данную триаду, необходимо более подробно остановиться на каждой из трех восточных традиций — греко-византийской, монгольской и индийской, контуры которых Виолле-ле-Дюк обрисовал в работе 1877 г.

---

⁷³ *Бутовский В.И.* Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Буслаева, русского ученого археолога. С. 9.

⁷⁴ *Viollet-le-Duc E.* Vingtième entretien sur l'architecture // *Entretiens sur l'architecture*. Paris: Morel et Cie Éditeurs, 1872. P. 395. О датировке этого текста см.: [11, с. 365].

⁷⁵ Цит. по: *Бутовский В.И.* Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка... С. 180.

Что касается византийского искусства, то архитектор признавал его «доминирующее влияние» на русское искусство, которое, по его мнению, было «почти полностью византийским вплоть до XIII века»⁷⁶. В то же время он отказывался сводить это влияние к безусловному господству Восточной империи⁷⁷, и в этом следовал за Стасовым и Бутовским (за исключением, разумеется, тех случаев, когда последний апеллировал к Византии как единственному, с его точки зрения, приемлемому проявлению русского азиатства). Несправедливо, считает Виолле-ле-Дюк, совпадая в этом с Бутовским, низводить русских до роли «копиистов, рабских подражателей», то есть, отстаивать «ложное и оскорбительное для нас мнение [о том, что] Русские — варвары»⁷⁸. Как же тогда ему, глубоко убежденному в том, что «последнее место в искусстве всегда занимают произведения, лишённые самобытности»⁷⁹, удастся распознать в России «самобытное искусство, обладающее собственным духом и гением»⁸⁰?

На самом деле, чтобы решить данную дилемму, Виолле-ле-Дюк прибегает к весьма неожиданной уловке: он азиатизирует Византию. Византийское искусство, определение которому ему не так легко удастся найти, он в итоге возводит к «архаическим традициям Азии», видя в нем проявление «азиатского духа, стремящегося во всем к неподвижности»⁸¹. «Византийский стиль, — добавляет он, — сам представляет собой соединение весьма разнообразных элементов, среди которых главнейшее место занимает восточно-азиатское искусство». И тут же делает одно — для нашей темы очень важное уточнение: «именно эту азиатскую составляющую» Византии «Россия склонна была усваивать»⁸². Иными словами, если Византия и влияла на русских художников, то все равно они «обладали собственными традициями, черпая вдохновение из тех же источников, из которых столица Восточной империи заимствовала структурные элементы своей орнаментики»⁸³.

⁷⁶ *Viollet-le-Duc E. L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir.* Paris: A. Morel et Cie, 1877. P. 124.

⁷⁷ Ср.: «Нам кажется, что в России слишком часто простое влияние и сходство источников принимают за безусловное подражание византийскому искусству...» (Ibid. P. 4).

⁷⁸ *Бутовский В.И.* Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Буслаева, русского ученого археолога. С. 82.

⁷⁹ *Viollet-le-Duc E. L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir.* P. 185.

⁸⁰ Ibid. P. 1.

⁸¹ Ibid. P. 24.

⁸² Ibid. P. 88.

⁸³ Ibid. P. 66.

Остается теперь только выяснить, дабы избежать опасности приписывания национальному искусству «непристойного и скандального» происхождения: каковы были все же те «источники», что позволили русским создать и сохранить свое художественное своеобразие. У Виолле-ле-Дюка и тут нашелся ответ: в качестве основного он называет самый главный среди восточных культур источник — Индию, «матрицу мира» [18, с. 26], как определял ее Жюль Мишле (1798–1874), «великую матрицу цивилизаций», как он определяет ее сам⁸⁴. Разумеется, стоит только предложить этот «выход», как происходит сдвиг: эстетика, рассматриваемая со времен Гердера как выражение народного духа, приобретает расовые черты. Славяне, включая сюда и русских, удостаиваются арийской генеалогии и... присоединяются тем самым к большой европейской семье:

Славяне, составляющие генофонд русской нации, не более и не менее азиаты, чем были пеласги, греки, кельты, германцы, кимвры или скандинавы. И если они с течением времени оказались в более тесных отношениях с Азией, чем, например, кельты, германцы и скандинавы, они не стали оттого в меньшей степени арийцами, обладающими свойственными арийцам особенными чертами: способностью эволюционировать, усваивать все, что может помочь двигаться по пути прогресса⁸⁵.

Допустим. Но тут же возникает новый вопрос: как отличить дух русского народа от духа других европейских народов, также отмеченных арийской печатью?

Виолле-ле-Дюк и тут выходит из затруднения, устанавливая иерархию среди арийцев. Арийство русских рассматривается им как более «чистое», чем арийство других европейцев, что объясняется потоком захватчиков, которые, подобно речным наносам, постоянно оплодотворяли русскую землю арийскими элементами, почерпнутыми непосредственно из индийского источника. В тесном контакте с арийской колыбелью — в данном случае с индо-гималайским миром — русские не переставали возрождаться, и «Россия, образованная в византийской школе искусств, но обладавшая издревле собственными традициями азиатского искусства, имела возможность постоянно пополнять их из их же источника»⁸⁶.

⁸⁴ *Viollet-le-Duc E. L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir.* P. 93.

⁸⁵ *Ibid.* P. 99.

⁸⁶ *Ibid.* P. 93.

Оставалось решить последний вопрос: что делать с монгольскими (или татаро-монгольскими, согласно их русскому обозначению) захватчиками? Могли ли они, по версии Виолле-ле-Дюка, претендовать на принадлежность к арийской расе в той же мере, что и большинство тех «бесчисленных народов, что приходили с Востока и беспрестанно наводняли Европу»⁸⁷? Ответ был отрицательным, и историк Лорен М. О'Коннелл объясняет нам, почему: Виолле-ле-Дюк, действительно, внял предостережениям Бутовского: напоминать о том, что в формировании русской идентичности участвовали также и монголы, означало бы играть на руку западной русофобии⁸⁸. Именно поэтому французский архитектор отказывается признавать существование у монголов искусства как такового и сводит их роль к простым проводникам культурного трансфера, поддерживающего и возрождающего традицию:

Татары находили в Бирме и в тех обширных странах Азии, могущественными повелителями которых они стали, различные, более или менее модифицированные выражения этого индуистского искусства; другого они не знали и были вынуждены переносить эти элементы в Россию, значительную часть которой они так долго занимали и которую на протяжении почти трех столетий облагали столь тяжелой данью⁸⁹.

И хотя роль, которую сыграли монголы, не была такой уж незначительной, Виолле-ле-Дюк не смог удержаться, чтобы не сравнить их с «мировыми шершнями, ничего не оставившими после себя»⁹⁰, актуализировав тем самым историографический топос, согласно которому татаро-монгольское нашествие, по аналогии с библейской саранчой, рассматривается как инструмент Божьего гнева.

И все же думать, что «отношения между завоевателями и их вассалами не оказали никакого влияния на русское искусство XIII века, <...> значило бы противоречить естественному порядку ве-

---

⁸⁷ Ibid. P. 93.

⁸⁸ Вот что писал Бутовский Виолле-ле-Дюку 25 апреля 1876 г.: «Нельзя оспаривать влияние древнего Дальнего Востока; но следует быть очень осторожным, говоря, что имело место влияние татар, финнов и всех других диких рас, потому что это поддержало бы ложные немецкие взгляды, продиктованные скорее политикой, чем справедливым и истинным изучением искусства» [21, с. 227].

⁸⁹ *Viollet-le-Duc E. L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir.* P. 93.

⁹⁰ Ibid. P. 102.

шей»⁹¹, — замечает архитектор, следуя внушению здравого смысла. Но тем самым подписывается под теорией, согласно которой завоеватели нередко смешивались с местным населением, что означает, что в жилах русского народа течет «татарская или туранская кровь»⁹². Не возникает ли тем самым риск исключения русских из семьи арийцев? Причисления их к тем туранцам, которые, согласно новой классификации, появившейся в середине XIX в. и получившей широкое распространение благодаря поляку Франтишеку Духинскому (1816–1893), ярому русофобу, составляют третью расовую группу, наряду с арийской и семитской [15]?

Множество подобных вопросов возникает при чтении «Русского искусства». Можно согласиться с Лораном Баридоном [9, с. 52], что обращение Виолле-ле-Дюка к соображениям антропологического свойства, в которых он не слишком хорошо разбирался, объясняется трудностями, которые он испытывал, говоря о культуре, далекой от его собственной. Более того, как мог этот человек, утверждавший, что «произведения искусства, имеющие наиболее ярко выраженный характер, являются как правило продуктом определенного смешения человеческих рас»⁹³, примирить историю искусства и идею расовой чистоты, как не ценой весьма случайных сопоставлений, примером которых является следующий пассаж:

Следовательно, когда русских называют азиатами, этот эпитет не имеет никакого смысла. То, что в них течет финская, татарская и туранская кровь, не вызывает никаких сомнений. Но какой из европейских народов не представляет собой смешения различных рас? И все же очевидно, что в русском преобладает славянин и азиатский ариец⁹⁴.

И все же Виолле-ле-Дюк достигает своей цели: ему так или иначе удастся извлечь из своих рассуждений доказательство оригинальной самобытности (или самобытной оригинальности...) русского орнамента и русской архитектуры: русские из-за своего туранизма не могут полностью считаться европейцами, но в то же время они более европейцы, чем другие европейцы, благодаря постоянно возобновляемым контактам с арийской колыбелью, той, что находится

⁹¹ Ibid. P. 77.

⁹² Ibid. P. 102.

⁹³ *Viollet-le-Duc E. L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir.* P. 93.

⁹⁴ Ibid. P. 118.

на «Тибетском плато, в великих долинах к северу от Гималаев»⁹⁵. Это доказывают их архитектура и орнаменты. В отношении последних Виолле-ле-Дюк опирается на альбомы, изданные Бутовским и Стасовым, некоторые иллюстрации из которых он воспроизводит.

Тот главный тезис, который Виолле-ле-Дюк развивал в «Русском искусстве», поставил его заказчика Бутовского в неловкое положение, что было сразу же замечено современниками. По мнению историка Александра Пыжикова (1965–2019), высокий авторитет Виолле-ле-Дюка и промыслительная проповедь им русского арийства объясняют, почему Бутовский в конце концов переступил через себя и выступил в защиту книги Виолле-ле-Дюка, посвятив ей в 1879 г. отдельную работу [7].

Владимир Стасов, критик «Русского искусства»

Со своей стороны, Стасов в пространной рецензии на «Русское искусство» выказал сочувствие к теории азиатского происхождения русского искусства, поскольку сам «неоднократно заявлял это самое мнение и изустно и печатно относительно русского орнамента разного рода»⁹⁶. Однако от него не ускользнули и слабые стороны книги. Его не удовлетворил, например, «славянофильский энтузиазм»⁹⁷ Виолле-ле-Дюка, взывавшего к славной будущности русского искусства («Что же сказать про иностранца, когда он доходит до такого невероятного пафоса?»⁹⁸ — с горечью вопрошал он). Не смог он примириться и с одержимостью расовой теорией, которую проповедовал его французский коллега. «Да и еще и из этих-то немногих страниц какая куча занята повторением, сто раз, доказательств, что русские и славяне — вовсе не азиаты какие-то, а такие же арии, как и все остальные племена в Европе»⁹⁹, — язвил Стасов. «Может быть, эти доказательства кому-нибудь и в самом деле нужны во Франции, или вообще там, где-нибудь на Западе — для нас-то они уж чересчур излишни», — добавлял он.

Впрочем, можно было бы заметить, что Стасов также не чуждался в своих трудах теории арийства, открыто заявив о близости русских

---

⁹⁵ Ibid. P. 100.

⁹⁶ Письмо от 3 октября 1879 Федору Буслаеву. См.: *Стасов В.В.* Письма к деятелям русской культуры: в 2 т. М.: АН СССР, 1962. Т. 1. С. 219.

⁹⁷ *Стасов В.В.* Французская книга о русском искусстве // *Стасов В.В.* Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 395.

⁹⁸ Там же. С. 395.

⁹⁹ Там же.

арийской расе и родстве русских былин с южно-арийским эпосом¹⁰⁰. Но он не побоялся в тех же былинах увидеть и тюркско-монгольское влияние и включить в «Русский народный орнамент»¹⁰¹ несколько образцов финно-угорской вышивки, не заботясь о том, что все это легко могло быть расценено в то время как «туранизация» русской идентичности.

Словом, Стасов как человек своего времени мог легко погрязнуть в соображениях расового характера, однако в основе его подхода всегда лежало требование строгой научной точности. Симптоматично, что он не смог простить автору «Русского искусства» ряд ошибок, которые, как он указал, на самом деле способны были опровергнуть идеи, развиваемые в книге. Так, он был поражен, «что такой знаток, как Виолле-ле-Дюк», вдруг назвал славянскими орнаменты, которые на самом деле были византийскими¹⁰². Он искренно сокрушался также, говоря о том, как выдающийся архитектор смог увидеть азиатское влияние в орнаменте деревянного креста, хранящегося в Оружейной палате в Москве, который на самом деле попал туда с Афона¹⁰³.

Заключение: Оригинальность с точки зрения Запада, или Заблуждение

Прежде чем быть, подобно «преступнику» [5], отвергнутым и осужденным, орнамент занял важное место в дискуссиях, предметом которых было не столько художественное творчество, сколько национальная идентичность. Вспомним хотя бы высказывание Мишле о том, что «национальный характер проявляется также во

¹⁰⁰ *Стасов В.В.* Происхождение русских былин. С. 1248–1251.

¹⁰¹ В альбом вошли три образца мордовской вышивки (один из них будет воспроизведен в «Русском искусстве»), три — черемисской (марийской) и один — финской. Происхождение всех представленных образцов соответствует территории, объединяющей несколько русских губерний и простирающейся от Архангельской области на севере до Воронежской на юге и от Симбирской области на востоке до Гродненской на западе. Украинская вышивка, поскольку она слишком близка к сербской и болгарской орнаментике, не учитывалась, как поясняет Стасов (*Стасов В.В.* Русский народный орнамент. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. С. IV).

¹⁰² *Стасов В.В.* Французская книга о русском искусстве // *Стасов В.В.* Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 394.

¹⁰³ Там же. С. 395 (см. также ил. 40 в «Русском искусстве») Виолле-ле-Дюка (*Viollet-le-Duc E.* L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. P. 85). Буслаев также отмечал ошибки подобного рода, например, орнамент из месяцеслова XIV в., воспроизведенный на наклейке и представленный как принадлежащий «более Индии, чем Византии», в то время как на самом деле он имел сербское происхождение (*Буслаев Ф.И.* Русское искусство в оценке французского ученого // *Буслаев Ф.И.* Сочинения Ф.И. Буслаева: в 3 т. Л.: АН СССР, 1930. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. С. 37).

вкусе к орнаментам и украшениям», или суждение историка искусства Луи Куражо (1841–1896), считавшего, что орнамент, будучи «неосознанным продуктом движения человеческой руки», не может не выражать «дух народа» [17, с. 145, 197]. Тот же процесс происходил и на востоке Европы — в России: на вопрос, что такое русский орнамент, безнадежным эхом отзывался мучительный вопрос о природе «русскости». В этом контексте понятно, что решение проблемы аутентичности русского орнамента давало некоторую надежду и на решение вопроса о духе русского народа, о его идентичности. Именно в этом смысле мы можем понять заявление Бутовского: «Нам нужны орнаменты»¹⁰⁴. Этому человеку, который возглавлял крупнейшую в России школу технического рисования, «Россия» представлялась торговой маркой, которую было необходимо защищать. И с этой точки зрения орнаментика представлялась для него элементом, не имеющим никакой другой самостоятельной ценности, кроме как проявления русской нации в условиях высококонкурентного рынка.

Очевидно, что орнаменты, представленные Бутовским в его альбоме, оказали влияние на художников и мастеров, работавших над созданием «русского стиля» в 1870–1890 гг., точно так же, как и орнаменты, собранные Стасовым [4, с. 337]. Однако Стасов рассматривал орнамент не просто как декоративное украшение, а как самостоятельный объект изучения, что привело его, как и в случае с былинами, к полному переосмыслению отношений России с Азией. Этот историк искусства, чья деятельность слишком часто сводится к поддержке им движения передвижников и музыкального содружества Могучей кучки, конечно же не был первым в России, кто распознал в произведениях древней русской литературы и искусства азиатское происхождение¹⁰⁵. Однако по качеству и объему своих работ¹⁰⁶ он был, пожалуй, одним из тех, кто продвинулся по

---

¹⁰⁴ *Бутовский В.И.* Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора и Ф. И. Буслаева, русского ученого археолога. С. 69.

¹⁰⁵ См.: [6, с. 111]. Кроме того, как было замечено, И.С. Тургенев в «Дыме» уже упоминает о восточном происхождении различных предметов русского быта, что указывает на то, что феномен этот уже обсуждался. Со своей стороны, Бутовский упоминает этнографов и археологов, которые объясняют «следы стилей византийского и восточного» в орнаментах «влиянием долговременных старинных сношений русского народа то с греческой империей, откуда он восприял православие, то с мусульманскими племенами, некогда его угнетавшими, а ныне мирно среди его живущими» (*Бутовский В.И.* История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. С. 4).

¹⁰⁶ В 1877 г. он также обратил внимание на азиатское происхождение орнамента на *дуге и пряниках* (*Стасов В.В.* Дуга и пряничный конёк. // *Стасов В.В.* Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. С. 363–374). Добавленное упоминание

этому пути в России XIX в. настолько дальше других, что мы можем согласиться с историком Александром Пыжиковым, признавшим его важным предшественником евразийской доктрины, выдвинутой в 1921 г. русскими эмигрантами [7].

Бутовского и Стасова, создавших французскую версию своих атласов, объединяла, по крайней мере, общая потребность обратиться к Западу и увлечь его. С этой точки зрения показательны, что Бутовский думал подарить копии и слепки, выставленные в Париже в 1867 г. французскому императору («...я возымел мысль испытать, не примет ли в дар Наполеон III, полагая, что, если мне удастся заинтересовать Париж, то и вся Европа последует его примеру»¹⁰⁷). Показательно и то, что Стасов, посетив ту же выставку, стал думать о том, какое влияние могли бы оказать в Европе «русские орнаментальные формы, [которые] были так новы и интересны для западного глаза»¹⁰⁸. Ведь если орнамент, как уже было сказано [20, с. 7], выражает внутренние потребности какого-либо общества, то не выражает ли он также и мечты другого общества, рискуя сформировать это последнее по своему образу и подобию?

Чтобы понять этот механизм, достаточно заглянуть чуть дальше, в начало XX в., когда «какое-то время искусство танцевало в ритме русского балета, оставляя то тут, то там следы на тканях, обоях и подушках»¹⁰⁹. Не было ли тогда стремление к самобытности доведено Сергеем Дягилевым и его соратниками до крайней экзотизма (иными словами «азиатства»? Музыковед русского происхождения Борис Шлёцер (1881–1969) так писал о заблуждении, которое было порождено этим явлением:

Ошибка людей на Западе была вполне объяснима: они искали в русском искусстве прежде всего то, что отличало его от их собственного, — если говорить прямо, некое «варварское», примитивное, грубое, азиатское начало. Это азиатское лицо и есть истинное лицо России, считали они. Россия, лишенная восточных черт, уже не есть, по их мнению, настоящая Россия [24, с. 19].

о *дуге* в позднейших изданиях «Дыма», вероятно, объясняется знакомством со статьей Стасова.

¹⁰⁷ Письмо Виктора Бутовского Федору Буслаеву 1865 г. (цит. по: *Аксенова Г.В.* Первый директор Строгановского училища // Образовательный портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/history/35465.php> (дата обращения: 28.11.2022).

¹⁰⁸ *Стасов В.В.* История русского орнамента с X по XVI стол. С. 221.

¹⁰⁹ В оригинале: «For a time, Art has danced to the strains of the Russian Ballet, leaving here and there lingering notes on dress fabrics, wallpapers, and cushions» (цитата из лондонского журнала «The Studio», 1914 г.; цит. по: [12, с. 7]).

Исследования русского орнамента в 1870-е гг., находя выражение в многочисленных выставках и публикациях, открыли путь к экспортированию *образа самого себя*, который заключался в создании того образа, который от него ожидал *другой*, — образа чужого и экзотичного. Остается выяснить, в какой степени этот экспортированный *образ самого себя* был и самому себе чужд. О сложности этого вопроса свидетельствуют историографические дискуссии, которые подпитывали в то время труды специалистов по орнаменту.

Литература

1. *Васильева Е.Н.* Путь исследования визуальной символики народной культуры: *per aspera ad astra // Человек и религия / под ред. С.Г. Карасевой, С.И. Шатравского.* Минск: Четыре четверти, 2013. С. 234–239.
2. *Дмитриева Е.Е.* «Теория заимствований» Владимира Стасова и проблема «русского искусства» // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма: Коллективная монография по материалам русско-французских коллоквиумов 6–7 октября 2009 г. и 3–4 октября 2011 г. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 176–194.
3. *Каренин В.* Владимир Стасов: Очерк его жизни и деятельности. Л.: Мысль, 1927. 727 с.
4. *Кириченко Е.И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. М.: БуксМАрт, 2020. 590 с.
5. *Лоос А.* Орнамент и преступление / пер. с нем. Э. Венгеровой. М.: Strelka Press, 2018. 100 с.
6. *Пропт В.Я.* Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 332 с.
7. *Пыжиков А.* Неожиданный Владимир Стасов // *Стасов В.В.* Происхождение русских былин. М.: Концептуал, 2019. 412 с.
8. *Яковлев Л.Н.* Труды В.В. Стасова // Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборник воспоминаний. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. С. 1–26.
9. *Baridon L.* L'imaginaire scientifique de Viollet-le-Duc / préf. de François Loyer. Paris: L'Harmattan, 1996. 293 p.
10. *Bouvier B.* L'édition d'architecture à Paris au XIXe siècle: les maisons Bance et Morel et la presse architecturale / préf. de Frédéric Barbier. Genève: Librairie Droz, 2004. 622 p.
11. *Bressani M.* Architecture and the Historical Imagination. Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc, 1814–1879. Burlington; Farnham: Ashgate, 2014. 593 p.
12. *Davis M.E.* Ballets Russes style. Diaghilev's Dancers and Paris Fashion. London: Reaktion Book, 2010. 256 p.
13. *Frierson C.A.* Peasant Icons. Representations of Rural People in Late 19th Century Russia. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 248 p.
14. *Gunzburg D., Stasoff V.* L'ornement hébraïque. Leipzig: Hiersemann, 1920. 13 p., 27 ill.

15. *Laruelle M.* La question du “touranisme” des Russes. Contribution à une histoire des échanges intellectuels Allemagne — France — Russie au XIXe siècle // *Cahiers du monde russe*. 2004. Vol. 45. P. 241–266.
16. *Maskell A.* *Russian Art and Art Objects in Russia*. London: Chapman and Hall, 1884. 278 p.
17. *Michaud E.* *Les invasions barbares. Une généalogie de l’histoire de l’art*, Paris: Gallimard; NRF Essais, 2015. 304 p.
18. *Michelet J.* *La Bible de l’humanité*. Bruxelles: Complexe, 1998. 371 p.
19. *Mojenok T.* *Les peintres réalistes russes en France (1860–1900)*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2003. 246 p.
20. *Nouvel–Kammere O.* À qui l’ornement pose-t-il problème? // *Questionner l’ornement*. Paris: Les Arts Décoratifs, 2013. P. 1–8.
21. *O’Connell L.M.* *Constructing the Russian Other. Viollet-le-Duc and the Politics of an Asiatic Past // Architectures of Russian Identity. 1500 to the Present*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003. P. 90–100.
22. *Ozouf P.* Controverse autour de “L’art russe” de Viollet Le Duc [sic] // *Les Monuments historiques de la France*. 1965. № 1–2. Janvier–juin. P. 99–102.
23. *Savelli D.* *Asiatisme // Dictionnaire international des termes littéraires*, 2005. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03872868> (дата обращения: 10.11.2023).
24. *Schloezer B. de.* *Igor Stravinsky*. Paris: Éditions Claude Aveline, 1929. 175 p.

Research Article

The Ornament of the 1870s. In Search of Original Russian Art (Victor Butovsky, Vladimir Stasov, and Eugène Viollet-le-Duc)

© 2024. Dany Savelli

Université Toulouse Jean Jaurès,
Toulouse, France

Abstract: Before being denounced as a “crime,” ornamentation held a prominent place within debates that focused more on national identity than aesthetics. The present article revisits the controversy that took place around ornamentation as an expression of the national in the 1870s between the director of the Stroganov School, Victor Butovsky, and the art critic Vladimir Stasov. Shocked by the latter’s thesis, suggesting that Russian peasant embroideries had Asian origins, Butovsky attempted to counter by suddenly attributing considerable importance to Byzantine influence on Russian art, which he had previously denied. Moreover, he invited Eugène Viollet-Le-Duc to join this debate by commissioning a work from him. However, in “L’Art russe” (“Russian Art”), published in Paris in 1877 and translated into Russian in 1879, the famous French architect, in turn, defends the thesis of the Asian origin of Russian ornamentation. But if Butovski still raves about the book, it is because Viollet-Le-Duc asserts that the Russians drew their artistic originality from the most prestigious of the East, India; doing so, he endows the Russians with an Aryan genealogy that allows them to join the great European family. On his part, Stasov, concerned with a scientific

approach that has led him to rethink Russia's relationship with Asia completely, gives a mixed reception to the work, as he perfectly perceives its weaknesses.

Keywords: ornament, Russian art, national identity, mongol invasion, Victor Bukovsky, Vladimir Stasov, Eugène Viollet-le-Duc.

Information about the author: Dany Savelli — Assistant Professor (Maître de conférences), Department of Foreign Languages, Université Toulouse Jean Jaurès, 5 All. Antonio Machado, 31058 Toulouse, France.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9635-496X>

E-mail: dany.savelli@wanadoo.fr

For citation: Savelli, D. "The Ornament of the 1870s. In Search of Original Russian Art (Victor Butovsky, Vladimir Stasov, and Eugene Viollet-le-Duc)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 187–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-187-216>

References

1. Vasil'eva, E.N. "Put' issledovaniia vizual'noi simboliki narodnoi kul'tury: per aspera ad astra" ["The Way of Studying the Visual Symbolism of Folk Culture: Per Aspera ad Astra"]. Karasyovaya, S.G., and S.I. Shatravskoy, editors. *Chelovek i religiiia [Man and Religion]*. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2013, pp. 234–239. (In Russ.)
2. Dmitrieva, E.E. "Teoriia zaimstvovaniia' Vladimira Stasova i problema 'russkogo iskusstva'." ["Vladimir Stasov's 'Theory of Borrowing' and the Problem of 'Russian Art'."] *Sravnitel'no o sravnitel'nom literaturovedenii: transnatsional'naia istoriia komparativizma: Kollektivnaia monografiia po materialam russko-frantsuzskikh kollokviumov 6–7 oktiabria 2009 g. i 3–4 oktiabria 2011 g.* [Comparative Literary Criticism: Transnational History of Comparativism: Collective Monograph Based on the Materials of Russian-French Colloquia on October 6–7, 2009 and October 3–4, 2011]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 176–194. (In Russ.)
3. Karenin, V. *Vladimir Stasov: Ocherk ego zhizni i deiatel'nosti [Vladimir Stasov: An Essay on His Life and Work]*. Leningrad, Mysl' Publ., 1927. 727 p. (In Russ.)
4. Kirichenko, E.I. *Russkii stil'. Poiski vyrazheniia natsional'noi samobytnosti [Russian Style. The Search for the Expression of National Identity]*. Moscow, BuksMArt Publ., 2020. 590 p. (In Russ.)
5. Loos, A. *Ornament i prestuplenie [Ornament and Crime]*, trans. from German by E. Vengerova. Moscow, Strelka Press, 2018. 100 p. (In Russ.)
6. Propp, V.Ia. *Russkaia skazka [A Russian Fairy Tale]*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1984. 332 p. (In Russ.)
7. Pyzhikov, A. "Neozhidannyi Vladimir Stasov" ["The Unexpected Vladimir Stasov"]. Stasov, V.V. *Proiskhozhdenie russkikh bylin [The Origin of Russian Epics]*. Moscow, Kontseptual Publ., 2019. 412 p. (In Russ.)
8. Iakovlev, L.N. "Trudy V.V. Stasova" ["The Works of V.V. Stasov"]. *Nezabvennomu Vladimiru Vasil'evichu Stasovu. Sbornik vospominanii [To the Unforgettable Vladimir Vasilyevich Stasov. A Collection of Memories]*. St. Petersburg, Tipo-litografiia "Energiia" Publ., 1908, pp. 1–26. (In Russ.)
9. Baridon, Laurent. *L'imaginaire scientifique de Viollet-le-Duc*, préf. de François Loyer. Paris, L'Harmattan, 1996. 293 p. (In French)

10. Bouvier, Béatrice. *L'édition d'architecture à Paris au XIXe siècle: les maisons Bance et Morel et la presse architecturale*, préf. de Frédéric Barbier. Genève, Librairie Droz, 2004. 622 p. (In French)
11. Bressani, Martin. *Architecture and the Historical Imagination. Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc, 1814–1879*. Burlington, Farnham, Ashgate, 2014. 593 p. (In English)
12. Davis, Mary E. *Ballets Russes style. Diaghilev's Dancers and Paris Fashion*. London, Reaktion Book, 2010. 256 p. (In English)
13. Frierson, Cathy A. *Peasant Icons. Representations of Rural People in Late 19th Century Russia*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1993. 248 p. (In English)
14. Gunzburg, Daavid, and Vladimir Stassoff. *L'ornement hébraïque*. Leipzig, Hiersemann, 1920. 13 p., 27 ill. (In French)
15. Laruelle, Marlene. “La question du ‘touranisme’ des Russes. Contribution à une histoire des échanges intellectuels Allemagne — France — Russie au XIXe siècle.” *Cahiers du monde russe*, vol. 45, 2004, pp. 241–266. (In French)
16. Maskell, Alfréd. *Russian Art and Art Objects in Russia*. London, Chapman and Hall, 1884. 278 p. (In English)
17. Michaud, Éric. *Les invasions barbares. Une généalogie de l'histoire de l'art*. Paris, Gallimard, NRF Essais, 2015. 304 p. (In French)
18. Michelet, Jules. *La Bible de l'humanité*. Bruxelles, Complexe, 1998. 371 p. (In French)
19. Mojenok, Tatiana. *Les peintres réalistes russes en France (1860–1900)*. Paris, Publications de la Sorbonne, 2003. 246 p. (In French)
20. Nouvel–Kammere, Odile. “À qui l'ornement pose-t-il problème?” *Questionner l'ornement*. Paris, Les Arts Décoratifs, 2013, pp. 1–8. (In French)
21. O'Connell, Lauren M. “Constructing the Russian Other. Viollet-le-Duc and the Politics of an Asiatic Past.” *Architectures of Russian Identity: 1500 to the Present*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2003, pp. 90–100. (In English)
22. Ozouf, Philippe. “Controverse autour de ‘L'art russe’ de Viollet Le Duc [sic].” *Les Monuments historiques de la France*, no. 1–2, janvier–juin, 1965, pp. 99–102. (In French)
23. Savelli, Dany. “Asiatisme.” *Dictionnaire international des termes littéraires*, 2005. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03872868> (Accessed 10 November 2023). (In French)
24. Schloezer, Boris. *Igor Stravinsky*. Paris, Éditions Claude Aveline, 1929. 175 p. (In French)

Перевод с франц. О. Голубевой (под редакцией Е. Дмитриевой)

Статья поступила в редакцию: 20.11.2023
Одобрена после рецензирования: 18.01.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 20.11.2023
Approved after reviewing: 18.01.2024
Date of publication: 25.03.2024

«Очень по-русски, скажут французы... Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике

© 2024, Ю.А. Маричик-Сьоли

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена рецепции романа «Тело» (1933) эмигрантской писательницы Е.В. Бакуниной во французской и русской литературной критике в начале 1930-х гг. Если отклики русской критики на публикацию романа были уже проанализированы рядом исследователей, то перекрестному взгляду на восприятие творчества писательницы не было еще уделено достаточно внимания. Вопрос этот интересен тем, что позволяет выявить не только слабые и сильные стороны творчества Бакуниной, но и переосмыслить устоявшиеся в начале XX в. литературные и культурные нормы. Один из ключевых вопросов статьи — реакция критиков на вербализацию телесного опыта героини. Во Франции литературный контекст 1920-х–1930-х гг., наличие прогрессивных журналов, а также определенные тенденции в истории французской литературы и французской литературной критики способствовали пусть и мимолетному, но неподдельному интересу критиков к роману. Тогда как ориентация на сохранение лучших традиций русской литературы в изгнании, историческая «память культуры», а также требование соблюдать художественную меру привели к резкому неприятию дискурса телесности среди эмигрантских критиков. В заключении статьи делается вывод о стереотипном восприятии романа «Тело» как французской, так и русской литературной критикой и подчеркивается важность изучения творческого наследия «малых» авторов. Если французская литературная критика часто воспринимала роман Бакуниной сквозь призму отличительных черт «славянской души», то русская критика судила о романе писательницы посредством устоявшейся сетки художественных критериев (мера, вкус, женственность).

Ключевые слова: «женская» литература, «эмигрантские дочери», рецепция, дискурс телесности, художественная мера, «малый» автор.

Информация об авторе: Юлия Александровна Маричик-Сьоли — кандидат филологических наук, PhD, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6173-6463>

E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

Для цитирования: *Маричик-Сьоли Ю.А.* «Очень по-русски, скажут французы... Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 217–241. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-217-241>

Зарождающийся XX в. со всеми масштабными геополитическими и социальными потрясениями и катастрофами способствовал появлению в литературе новой, эмансипированной, трансгрессивной героини. Я предлагаю обратиться к анализу рецепции первого романа Екатерины Бакуниной «Тело», опубликованного в Париже на русском и французском языках, дабы воссоздать и лучше понять новаторство и литературные девиации писательницы при создании своей героини.

Е. Бакунина — представительница «молодого¹» поколения эмигрантских писателей во Франции. Она приобрела скандальную, малочетную, славу после публикации романов «Тело» (1933) и «Любовь к шестерым» (1935). В романе «Тело», по словам Бакуниной, создан портрет «стандартн<ой> русск<ой> женщин<ы> в эмиграции» [3, с. 253] и описывается повседневная бытовая жизнь героини, а также ее непростые, часто мучительные, отношения с дочерью, мужем и любовниками.

Мне представляется любопытным и продуктивным сопоставление русского и французского взглядов на дискурс телесности в романе Бакуниной: реакция и суждения критиков высвечивают не только слабые и сильные стороны текста писательницы, но и устоявшиеся литературные и культурные нормы, а также теневые зоны литературы и запретные темы, вербализация которых может стать делом крайне опасным для их автора.

---

¹ В широком смысле слова к «молодому» поколению эмигрантских писателей относятся те, кто, в отличие от именитых авторов дореволюционной России, начал свой творческий путь за ее пределами (Г. Газданов, Н. Берберова, Б. Поплавский, Г. Кузнецова и др.). «Молодость» — проблема не столько возраста, сколько жизненного опыта: речь шла о тех, кто начал свою литературную карьеру не в России, а уже в эмиграции. Представителей этого поколения, несмотря на разницу в возрасте, объединяли общие обстоятельства жизни и поиск новых тем без опоры на воспоминания о дореволюционном прошлом» [28, с. 350]. См. также: [54].

Екатерина Бакунина и французская литература 1920–1930-х гг.

Во Франции, как и в литературной среде русского зарубежья 1920–1930-х гг., женщине-писательнице отводилось определенное место в творческой иерархии. Несмотря на рост числа женщин-писателей и женщин-поэтов в первые десятилетия XX в., им по-прежнему трудно добиться полноценного самостоятельного признания: часто они находятся в тени своего знаменитого родственника (брат, муж) или возлюбленного². В указанный период женское творчество устойчиво занимает второстепенное положение в культурном пространстве: «высокая», «настоящая, подлинная» [44, с. 47] культура ассоциируется с мужским творчеством, а массовая — с женским. Ряд исследователей размышляют также о «восхвалении маскулинности», «фаллическом триумфализме» [40, с. 22–23] и «мизогинии» [41, с. 150], характерных для рассматриваемого периода. Наконец, деление художественного письма женщин на так называемое «женское» и «мужское» опять-таки предполагает превосходство мужской манеры письма над женской³.

«Малые» и малоизвестные представительницы «молодого» поколения писателей ориентировались на различные литературные и социо-исторические модели при создании новой, современной, трансгрессивной героини. Так, например, Надежда Городецкая в таких рассказах, как «Снег» (1933), «Женевьева» (1933), и Ирина Одоевцева в романе «Зеркало» (1939) опираются на французский типаж героини-«гарсонн», предполагающий андрогинность, сочетание как женских, так и мужских характеристик⁴. А Елена Извольская и Анна

---

² Стоит, например, вспомнить Нину Петровскую и Валерия Брюсова, Лидию Зиновьеву-Аннибал и Вячеслава Иванова, Ирину Одоевцеву и Георгия Иванова, Нину Берберову и Владислава Ходасевича... Что касается французской литературы, то здесь уместно будет назвать имена Катрин Подзи и Поля Валери, Эльзы Триоле и Луи Арагона, Женевьевы Фоконье и ее брата Анри Фоконье. См. подробнее: [34; 53; 10].

³ См.: [20]. О «женской» манере письма Одоевцевой и «мужской» манере письма Берберовой см. подробнее: [11; 37]. Следует обратить внимание на симметричное отношение к женскому (Колетт, Анна де Ноай) и мужскому (Рашильд, Маргерит Юрсенар) типам письма во французской литературе. См.: [53, с. 48–74].

⁴ Модель для подражания (женщина-гарсонн Моник Лербье) была создана Виктором Маргеритом в романе «Гарсонн» (1922), имевшем, с одной стороны, оглушительный успех, а с другой — подвергшемся резкой критике за свободное поведение главной героини. Сравните: «<...> она (Женевьева Буазель де Марней. — Ю.М.-С.) сидела у стойки, свесив одну ногу в коричневых брюках, а другую положив на стул соседа <...> и она мешала коктейли и любила пригубить из всех стаканов. Двдцатилетняя Женевьева приехала одна на автомобиле от самого Парижа. Иногда она приглашала мальчиков прокатиться и развивала на узких, извилистых и скользких дорогах такую скорость, что у них спирало дыхание» [9, с. 433]. Имя героини

Кашина-Евреинова в романе «Красная молодость Инны» (1927) стремятся покорить французских читателей созданием образа эмансипированной советской героини с опорой на тексты Александры Коллонтай⁵. В романе «Тело» Бакунина упоминает «поверхностных, мужеподобных, спортивных» женщин-гарсонн, но тем не менее творит иную героиню: она «серьезна и женственна, вольнолюбива» [3, с. 248].

Ближний круг источников вдохновения Бакуниной указывает на Дэвида Лоуренса с его знаменитым романом «Любовник леди Чаттерлей» (1928; в 1932 г. роман был переведен на французский язык), а также на «Путешествие на край ночи» (1932) Луи-Фердинанда Селина. Эти параллели при чтении романа писательницы были намечены еще ее современниками⁶ [23, с. 39, с. 286–287]. Однако есть еще один французский текст, который представляется значимым для понимания творческого проекта Бакуниной. Речь идет о романе «Клод» (1933) Женевиэвы Фоконье, удостоенном в этом же году премии «Femina». Вот что по этому поводу пишет Бакунина в статье, посвященной роману:

Это самая простая, самая обыкновенная жизнь — брак, долг, семья. Ничего не опрокинуто, все на своих местах. (Все хочется опрокинуть и перевернуть вверх дном!). Все, как у множества, все как было и будет. <...> В эпоху, когда литература, как Самсон, с грохотом расшатала и рушит семейное здание — Клод мечтает о починке крыши своего дома старой черепицей [6, с. 296].

Бакуниной важно разрушить извечную монотонность повтора, разбить устоявшуюся триаду ценностей «брак, долг, семья». И в романе «Тело», и в более раннем поэтическом сборнике, оза-

---

рассказа Н. Городецкой «Снег» очевидным образом отсылает к эмансипированной героине Виктора Маргерита — Моник Лербье. «Люка встает, вынимает из сумочки ключи от автомобиля — эмблему свободы и власти над пространством, которыми современная женщина гордится так же, как ее мать гордилась ключами от шкафов и комодов, — эмблемой домашней власти и несвободы» [19, с. 499]. См. подробнее: [23, с. 166–182].

⁵ См.: [45]. Роман был написан и опубликован на французском языке. Анна Кашина-Евреинова отправляла Елене Извольской материал на русском языке, а Извольская, в свою очередь, переводила и переписывала текст на французский язык. Из переписки Извольской и Кашиной известно следующее: «<...> наша Инна должна сказать нечто новое, ни любовных сцен, ни томных умилений, в ее жизни нет и не будет, и не может быть», «она динамична, активна, беспокойна, как беспокойна современная жизнь» [50, с. 251].

⁶ Среди рецензий на французском языке параллели с романом Лоуренса и/или Селина можно найти у следующих авторов: [43; 56; 39].

главленном «Стихи» (1931), Бакунина часто прибегает к мотиву извечного и неизбежного повторения тяжелой женской доли, столь мучительно переживаемой ее героинями⁷.

При этом нужно отметить, что, судя по всему, Бакунина несколько поспешно прочитала роман Фоконье. Она характеризует Клод как женщину податливую, покорившуюся мужу и традиции, бессознательно погрузившуюся в пучину банальных домашних дел. Но это не совсем так. Героиня покоряется судьбе, но при этом прекрасно понимает, что жизнь ее безвозвратно уходит, тонет в неизбежном круговороте повседневности. Во французском романе показано медленное угасание главной героини, четкое осознание того факта, что жизнь прожита совсем не так, как ей того бы хотелось. Клод ведет дневник, пишет небольшие заметки и впечатления-воспоминания об ушедшем и сегодняшнем дне, только с течением времени поток слов истощается, записи становятся все более скупыми: «Рабыня», «Пенелопа поневоле, лишенная всякой надежды» [42, с. 174, с. 186]. Приговор, который выносит себе героиня, звучит более чем сурово: «Я потеряла свою жизнь по пути — как теряют носовой платок или кошелек» [42, с. 163]. Таким образом, обе писательницы приходят к одному и тому же выводу относительно женской доли, правда, делают это различными художественными средствами.

В письме Е. Извольской (1926), адресованном А. Кашиной-Евреиновой в период совместной работы над созданием романа «Красная молодость Инны», переводчица отмечает:

А второе, о чем я уже писала — это половой вопрос. Видите ли, для Франции все романы любви давно <нрзб> исписаны, пересказаны, и <нрзб> их не удивишь. Современные авторы давно ушли от этой литературы и описывают всякие извращения, *raffinements*⁸, психологические и патологические осложнения, и т. д. Изобразить любовь двух здоровых людей — влюбленность девочки, первая

⁷ «Сегодня и завтра — все то же, все то же,

А дни, что уходят, чем дальше — дороже» [5, с. 37].

«Я всю жизнь промолчала:

Нудный бабий век.

Пролюбила, рожала.

Вот и сорок лет» [5, с. 141].

«Время выдувает дни, как мыльные пузыри. Часы проходят по беженскому распорядку. Одно и то же. Не только у меня» [3, с. 315]; «Кто сказал, что мысль свободна? Одно из бесчисленных заблуждений! Стоит лишь вырваться из обыденщины, чтобы неизбежным возвратом размахнувшегося маятника возвратиться к исходному положению» [3, с. 310].

⁸ На франц. в тексте письма (*raffinements* — изыски, тонкости).

любовь, белые ночи, сирень и т. д. — это положительно ни к чему! [13, с. 35].

Что Извольская подразумевает под «извращениями» и «компликациями»? Исходя из широкого круга текстов конца XIX – начала XX вв., таких, как «Господин Венера» («Monsieur Vénus», 1889) и «Сексуальный час» («L'Heure sexuelle», 1898) Рашильд, «Полудевы» («Les Demi-vierges», 1894) Марселя Прево, серия романов о Клодине, написанных Колетт (1900–1903), скандальный роман «Гарсонн⁹» («Garçonne», 1922) и «Твое тело принадлежит тебе» («Ton corps est à toi», 1927) Виктора Маргерита, «Содом и Гоморра» («Sodome et Gomorrhe», 1922) Марселя Пруста, «Дьявол во плоти» («Le Diable au corps», 1923) Реймона Радиге, «Коридон» Андре Жида («Corydon», 1924) и «Я и мое тело» («Mon corps et moi», 1925) Рене Кревеля, можно сделать вывод о том, что под всеми любовными «изысками и тонкостями» Извольская, скорее всего, подразумевает смену гендерных ролей, эмансипацию и телесное раскрепощение, проституцию и супружескую измену, однополую любовь, оргии, а также зоофилию.

В таком случае круг источников вдохновения Бакуниной может быть расширен: в него входят не только знаменитые тексты, написанные почти в одно время с романом писательницы и вызвавшие бурные дискуссии в литературной среде¹⁰, но и более широкий пласт художественных произведений, охватывающих проблемы телесности, половой любви и женской свободы, права распоряжаться собственным телом и делать это по собственному желанию.

«Госпожа Бовари степей»: французская рецепция романа «Тело»

Роман Бакуниной был достаточно быстро переведен на французский язык Дусей Эргаз и опубликован издательством «Сток» в 1934 г. [38]. Важно отметить тот факт, что в этой же серии иностранных художественных текстов были изданы произведения Нобелевских лауреатов — Сигрид Унсет («Весна») и Ивана Бунина

⁹ См. подробнее: [58]. После публикации романа В. Маргерита лишили присвоенного ему ордена Почетного Легиона.

¹⁰ Необходимо заметить, что такие авторы, как Марсель Пруст, Андре Жид, Луи-Фердинанд Селин, были крайне важны для литературной эстетики «молодого» поколения писателей в целом. Установка на исповедальность, стилистическую небрежность, даже корявость, описание табуированных сцен и впечатлений свойственны всему «молодому» поколению, и творческий опыт Бакуниной не является исключением. См. подробнее: [48; 14; 54].

(«Деревня», «Митина любовь»), а также «Смятение чувств» Стефана Цвейга. Сам факт публикации перевода романа издательством «Сток» свидетельствует о том, что текст Бакуниной воспринимался в то время как часть мирового литературного процесса, а его автор занимал пусть и скромное, но достойное место в мире литературы.

Обложка альманаха «Числа» (№ 7–8, 1933), в котором был опубликован роман Е. Бакуниной «Тело».

The cover of the almanac "Numbers" (no. 7–8, 1933) in which the novel "The Body" by E. Bakunina was published.

Систематизация откликов французской прессы на публикацию романа даст нам два главных ключа к прочтению французской версии текста — раса, гений, национальный характер и телесный дискурс, историчность телесного.

Некоторые критики прочитывали «Тело» Бакуниной как типично русский роман, проявление «славянского гения» [57, с. 969] и «славянской души» [36, с. 210]. В таком случае типично русскими представлялись следующие черты: склонность к страданиям и отчаянию, потеря веры в Бога; непредсказуемость, непоследовательность, нелогичность; «цинизм», «необходимость извлекать себя в грязи» [36, с. 210]; гордость

и «излишний романтизм» [47, с. 919]. Художественные качества романа — перевод Дуси Эргаз — оценивались критиками достаточно высоко: «за видимой небрежностью формы кроется настоящая литература» [36, с. 210]; «“Тело” — это произведение, которое обжигает (перевод, выполненный госпожой Эргаз, очень хорош)» [47, с. 919]; «этот прекрасный и патетический роман Бакуниной» [51, с. 3].

Что касается «необходимости извлекать себя в грязи», то французская исследовательница Анни Стора-Ламар, автор книги «Ад Третьей республики. Цензоры и порнографы (1881–1914)», исследует запрещенную во Франции порнографическую литературу, упоминает такие романы, как «Мемуары русской танцовщицы»

(1894), «Воспоминания русской принцессы» (1899), «Надя, русские любви» (1899) и отмечает, что их авторы (как правило, анонимные или же скрывающиеся за причудливыми псевдонимами) используют русский «экзотизм с тем, чтобы добиться успеха. Содержание этих романов выводит на первый план варварство, разложение и славянскую распущенность» [59, с. 25]. Она ссылается также на Эжена-Мелькиора де Вогюэ, знаменитого автора книги «Русский роман» (1886), написавшего в одной из статей о том, что русский характер представляет собой «удивительное сочетание положительных качеств и недостатков, которое способно подтолкнуть существующие нравы к невероятному распутству» (цит. по: [59, с. 26]). Таким образом, возможно, часть критиков на самом деле находила нечто распущенное и порочное в «славянской душе», присущее исключительно «славянскому гению».

При этом нужно отметить, что ряд критиков прочитывал роман Бакуниной как подлинную «отчаянную исповедь души» [36, с. 210], наделенную не типично русским характером, а наоборот, универсальными чертами и отличающуюся «высокой художественностью» [36, с. 210]. А обозреватель «Гранд ревью» Клод Баржак считал, что роман имеет «исключительное значение» [39, с. 515] именно потому, что в нем отражается общечеловеческая правда жизни.

Что касается дискурса телесности, то описания «женской плоти, физиологии женщины» [51, с. 3] вовсе не были прочитаны как нечто шокирующее и ужасающее. Даже если анонимный автор статьи в журнале «Бюллетен де леттр» писал о «чувственности, почти животной» [36, с. 210] главной героини, эта характеристика свидетельствовала скорее о глубине и подлинности страданий затерянной в эмиграции русской женщины.

Именно в прочтении и оценке описаний «женской плоти» кроется глубинное отличие французской критики от русской: ни один из упоминаемых французских читателей романа не говорил о нелепых описаниях и «опасных» словах, найденных Бакуниной для вербализации телесного опыта. Русская критика, как мы увидим далее, придерживалась иного мнения.

Жюльен Ланоз отмечал: «Сюжет этот банален, но он становится захватывающим именно тогда, когда избегает тенденциозности, претензий на высокую интеллектуальность, стилистики в духе Ибсена и когда его единственным источником красноречия становится язык естественных и физиологических фактов» [47, с. 919]. Телесная тематика — «язык естественных и физиологических фактов» — в данном случае не является препятствием для понимания и прочтения текста,

скорее наоборот, в ней заложены элементы красноречия и правдивости — «в деталях, в тональности нет и тени наигранности» [47, с. 919], — наделяющие текст глубиной и своеобразием. Именно поэтому автор статьи предлагает еще одну модель для расширения интерпретативного поля истории главной героини Бакуниной, а именно: «мраморное лицо Афродиты IV века до н. э. <...> только она способна ответить на эту удручающую речь» [47, с. 919].

Эжен Марсан сравнивает героиню Бакуниной со знаменитой героиней Флобера, именуя ее «госпожой Бовари степей» [51, с. 3], и пишет о подлинной смелости автора: «Я не думаю, что в каком-либо другом романе женская плоть, физиология женщины были описаны с такой смелостью и наивностью (то есть со всей очевидностью)» [51, с. 3]. Сопоставление текста Бакуниной, как и романа Даниэля-Ропса «Смерть, где твоя победа?», о котором также идет речь в статье критика Марсана, с «шедевром», «аппетитными пирожными» [51, с. 3] может вызвать улыбку у современного литературоведа, но тем не менее такая оценка является неоспоримым свидетельством ушедшей эпохи, историческим фактом восприятия этого художественного текста.

Клод Баржак, размышляя о сходстве романа Бакуниной со знаменитым «Любовником леди Чаттерлей», утверждал: «вне всяких сомнений, читая ее, думаешь о книге Лоуренса <...>, но если в романе Лоуренса было много риторики, путаной и банальной, то в повествовании Бакуниной много правды: и чем тягостнее правда, тем она правдивее» [39, с. 515]. Еще одно любопытное утверждение для современного историка литературы: в мировых архивах культурной памяти сохранился именно роман Лоуренса, выделяющийся не только своей (скандальной) тематикой, но и поэтическими качествами, а не роман Бакуниной. А почти сто лет назад некоторые французские читатели находили именно в романе «Тело» искренний и верный тон повествования, подкупающий своим эмоциональным надломом.

Тем не менее нотка снисходительного отношения к современной новой героине все равно присутствует в отзыве Ж. Ланоэ. «Тело» Бакуниной сопоставляется с романом Ивонны Шаба «Портрет девушки» (1934), повествующем о трагической судьбе главной героини, ожидающей ребенка до вступления в брак и покончившей жизнь самоубийством из-за страха быть брошенной и обесчещенной. Критик Ланоэ говорит о том, что мысль о «Женщине, которая хочет помериться силами с Мужчиной», есть не что иное, как «амбициозная мечта, иллюзия» [47, с. 919]. Исходя из этого утверждения можно

сделать вывод о том, что, по мнению автора статьи, у женщины пока не может быть той свободы в любви, которой располагает мужчина.

Даже если Жюльен Ланэ называл исповедь героини «амбициозной мечтой», а анонимный читатель писал о низких, животных, проявлениях чувственности главной героини, эти факты не воспринимались как ужасный, опасный, пугающий недостаток, как пошлое инородное вкрапление в ткань текста. Скорее наоборот, для большинства критиков именно описание страданий (бытовых, эмоциональных, духовных) героини в совокупности с анализом «физиологических фактов» являлось залогом подлинного красноречия и самобытного художественного таланта. И, как было отмечено выше, здесь не обошлось без влияния «славянского гения» и излишне романтизированным и поверхностным представлением о «славянской душе».

Проанализированные выше отзывы на роман Бакуниной были написаны в основном критиками прогрессивных журналов («Эспри», «Нуфель ревю франсез», «Гранд ревю»), отличающихся свободой и широтой взглядов, а также скорее положительным отношением к происходившим в обществе изменениям. К тому же, как отмечает Жизель Сапиро, в критике конца XIX – начала XX вв. все больше и больше давала о себе знать борьба против конформизма и академизма доминирующих точек зрения в литературном поле [55].

Важно также помнить о том, что Лидия Сазонова именует «памятью культуры» [25], точнее о глубинных различиях телесного дискурса во французской и русской литературах¹¹. Французский средневековый куртуазный роман, галантный роман, традиции либертинажа в литературе, французский натурализм, процессы, возбужденные против «аморального» творчества Шарля Бодлера и Гюстава Флобера — все это способствовало расцвету, усложнению и усвоению телесного измерения литературой, языком и культурой. Как писал Ш. Бодлер Г. Флоберу: даже «самые пошлые (темы. — Ю.М.-С.) могут стать самыми лучшими» (цит. по: [55, с. 271]). Именно благодаря иной историчности телесного французская литературная критика могла сопоставлять роман Бакуниной с текстами Флобера, Лоуренса, Шаба, Даниэль-Ропса и наделяла его достаточно высокими художественными качествами, свойственными настоящему литературному произведению. Русская эмигрантская литературная критика, которая в условиях изгнания старалась сохранить «чистоту риз» [10, с. 9], оставалась верной идее литературоцентризма и «концепции Великого Канона, Большой Настоящей

¹¹ См. также: [30].

Литературы, Великой Русской Литературы» [24, с. 11] и обходила молчанием запретные темы, — иначе отреагировала на появление этого романа и на предпринятую писательницей попытку подобрать слова для описания телесного опыта.

«Тельный “вопрос”»: русская рецепция романа «Тело»

Очевидно, что контекст восприятия романа в русской и во французской литературной среде был совершенно различен. Помимо желания сохранить лучшие традиции русской литературы в изгнании, стоит упомянуть о противостоянии литературных «школ» и эстетических программ, о спорах старшего и младшего поколений писателей в эмиграции, а также и об извечных вопросах о смысле литературного труда и художественном качестве творимого литературного материала. Именно поэтому при чтении романа «Тело» русская критика ставила глобальные вопросы, сопряженные с жанровой спецификой текста (роман / «человеческий документ»), его поэтической значимостью (художественный текст / простое свидетельство) и глубинным смыслом (универсальные вопросы/ посредственные вопросы, тревожащие исключительно автора). Тогда как французская критика в своих достаточно коротких заметках, посвященных роману, усматривала в нем либо закономерное проявление национальных черт характера, либо талантливую исповедь страдающей и мятущейся души.

Выражение «тельный “вопрос”» принадлежит Владиславу Ходасевичу [32, с. 3]. В контексте статьи Ходасевича использование кавычек в слове «вопрос» красноречиво свидетельствует о том, что настоящим, серьезным вопросом эта тема никоим образом не является. Это замечание хлестко бьет по работе Бакуниной еще и потому, что понятие «тело» отсылает к заголовку ее первого романа.

Георгий Адамович, один из главных вдохновителей «молодого» поколения писателей, создатель определенной «“лирическ<ой> атмосфер<ы>”» [15, с. 303], именуемой «парижская нота», в программной статье «Человеческий документ¹²» отстаивал право этого жанра на существование и подчеркивал, что в чем-то «незабываем<ый>» исповедальный текст Бакуниной, ориентированный на «одинокого читателя», на «чтении<е> “про себя”», являет собой «нечто не менее важное и значительное, чем то, что литературой по праву называется» [1, с. 3]. Юрий Фельзен, верный литературной эстетике

---

¹² О жанре «человеческого документа» и его художественных особенностях см. подробнее: [15; 22].

«молодого» поколения и идее о новом литературном герое¹³, обращал особое внимание на добросовестность, точность, конкретность, правдивость литературного труда писательницы и отмечал: «Книга Бакуниной — одна из самых искренних и бесстрашных, какие приходится читать» [29, с. 217].

Но, как точно заметила О. Демидова: «Даже положительные рецензии достоинством книг признают прежде всего и главным образом правдивое изображение эмигрантского быта, а не попытку автора выйти за пределы привычных формально-эстетических и содержательных стереотипов¹⁴» [11, с. 212]. Так, например, Г. Адамович, далекий от защиты «ревнителей благонравия» [1, с. 3], писал, что в романе «Тело» у писательницы получается «Вербицкая в ухудшенном издании: все вообще эротические сцены ужасны у Бакуниной¹⁵» [1, с. 3]. В статье знаменитого парижского критика важно обратить внимание на стилистический повтор эпитетов «ужасный», «ужасающий», а также на использование прилагательных «аляповатый» и «картинный» для характеристики телесных описаний в романе «Тело».

Ю. Фельзен также отмечал, что «эпизод с англичанином» [29, с. 218] совсем не удался писательнице: «сразу не те — простые и полновесные — слова, какие отыскивались для сегодняшнего дня, сразу цветистые спорные образы, как будто найденные другим человеком» [29, с. 218]. Эпитеты «цветистый» и «аляповатый», используемые критиками, схожи с выражением «малявинские бабы», найденным В. Ходасевичем: в статье «“Женские” стихи» он противопоставляет поэтической «женственности» Ирины Кнорринг¹⁶ грубоватость

---

¹³ «“Внутреннем” человеке» [27, с. 211], «“голом” человеке» [7, с. 164].

¹⁴ В статье на материале женского творчества «эмигрантских дочерей» исследовательница рассматривает целый ряд причин низкой репрезентации писательниц в русском литературном каноне (с опорой на статью Р. Фон Хайдебранд и С. Винко «Работа с литературным канонам: проблема гендерной дифференциации при восприятии и оценке литературного произведения»). Реакция критики на творчество Бакуниной («Тело», «Любовь к шестерым») исследуется в пункте под названием «умаление значимости произведений как безынтересных и не представляющих особенной ценности (double standard of content)» [11, с. 211].

¹⁵ Об Анастасии Вербицкой (1861–1928), «дамском» романе и творчестве писательниц «молодого» поколения см. подробнее: [49]. Сопоставление литературного текста, написанного, как правило, женщиной, с романами Вербицкой автоматически снижало его художественные достоинства, указывало на наличие пустых и малодостойных вопросов, низводило текст до уровня «дамской» литературы.

¹⁶ Ирина Кнорринг (1906–1943) — русская поэтесса, эмигрантка.

ЕК. БАКУНИНА

Т Ъ Л О

Введение въ романъ.

То что я пишу отъ перваго лица, вовсе не значить, что я пишу о себѣ. Мое я потеряно и замѣнено образомъ женщины, отлитой случайно обрушившимися условіями по типовому образцу. Въ этой женщинѣ я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся — свое. А нахожу чужое, сходное съ другими. Слѣдовательно и рассказывая о себѣ, я говорю о другихъ. Миѣ только удобнѣе разсматривать этихъ другихъ черезъ себя. Виднѣе. Такъ нѣтъ ничего скрытаго, ошибочнаго, ложнаго, выдуманнаго.

Сейчасъ я долго смотрѣла на себя въ зеркало. Я видѣла лицо, которое совершенно не выражаетъ того, что за нимъ. Между тѣмъ это мое лицо. Случайная смѣсь длиннаго ряда поколѣній. Я совсѣмъ не хочу имѣть такое лицо. Не только потому, что оно некрасиво (хотя некрасивая женщина — неудавшійся замыселъ), а потому, что въ немъ нѣтъ моей сущности. Въ круглыхъ карихъ, маслянистыхъ глазахъ нѣтъ ни горѣнія, ни бунта. Въ спокойномъ состояніи они сонливы и невыразительны. Въ минуты отчаянья (я замѣтила), — глупы. Нѣтъ ничего безмысленнѣе карихъ глазъ — они всегда покожи на телячьи. Щеки уже не вырѣзаны правильнымъ нѣкогда оваломъ — казываются годы. Между изломанными темными бровями — двѣ продольныя морщинки. Темно рыжіе, стриженные тифомъ волосы, почти прямы и гладко зачесаны назадъ. Лобъ большой, выпуклый; широкий, татарскій носъ; жестко (или горько) по бабѣму поджатый ротъ. Потомъ начинающій отвисать подбородокъ и вянущая шея. Тѣло еще твердое, но уже начинающее полнѣть.

Все это меня возмущаетъ нестерпимымъ контрастомъ между сущимъ и должнымъ. Съ какимъ остервенѣніемъ я сорвала бы эту старѣющую кожу, выбросила груди, колышущіяся при ходѣбѣ, вырвала ненавистные, не такіе какъ хочу, глаза. Родиться съ неудоб-

34

Начало романа «Тело» («Числа», № 7–8, 1933).

“The Body”: introduction to the novel (“Numbers,” no. 7–8, 1933).

и «бабство» Екатерины Бакуниной¹⁷. Что лишній разъ указываетъ на то, что, по мнѣнію некоторыхъ критиковъ, писательнице совсемъ не хватало поэтического вкуса и чувства художественной меры.

¹⁷ «Кноррингъ женственна, между темъ какъ Бакуниной, видимо, близокъ душевный строй малявинскихъ баб, о которыхъ она упоминаетъ сочувственно» [31, с. 211].

Даже Михаил Цетлин, который настаивал на правдивости описанного Бакуниной жизненного опыта, указывал на то, что «в нем есть “общезначимость”» и отмечал, что речь идет именно о романе, «художественном синтезе искусств», а не о «человеческом документе», критиковал тягу писательницы к подражанию и «плохи влияния», к описанию сцен не столько «противных», сколько «смешных» в своей наивной убежденности и беспомощной фантазии» [33, с. 456].

Остальная часть эмигрантских критиков и литераторов, притом самых известных, подвергла роман суровой критике.

По мнению В. Ходасевича, вопрос о художественных качествах текста не должен был подниматься вовсе: банальный «человеческий документ» может заинтересовать «читателя» с таким же ограниченным умом» [32, с. 3], как у героини Бакуниной. Именитый парижский критик был крайне чувствителен к «словарю» [31, с. 211] любого писателя или поэта, так что «тельная» лексика, «скорбно-бесстыжее оголение своих половых мук» [26, с. 263] никоим образом не могли иметь хоть сколько-нибудь важное значение для русской литературы: «<...> даже и в наши грубые времена хотя бы оттенок стыдливости составляет не только эстетически желательное, но и этически необходимое свойство ее пола» [32, с. 3]. Иными словами, ни лексическо-стилистический выбор Бакуниной, ни провозглашенная ее героиней социальная модель поведения не заслуживали пристального внимания.

Зинаида Гиппиус написала отзыв на второй роман Бакуниной «Любовь к шестерым». Даже если замечания Гиппиус не направлены непосредственно на анализ романа «Тело», тем не менее оба произведения роднит тематическая общность: «Если у автора было намерение вскрыть “тайну женского” (Вл. Соловьев, Вейнингер), то способ надо признать безнадежным. “Женское” остается женским пока молчит. Начиная же само говорить о себе, превращается в бабье» [8, с. 478].

Критик Е.К.¹⁸ писала о том, что «Художник должен иметь чувство меры, которого у Бакуниной не хватает» [12, с. 8]. Ведущий литературный критик рижской газеты «Сегодня» Петр Пильский отмечал: «Почему-то “Тело” обрело хороший успех за границей <...> и (эта книга. — Ю.М.-С.) сорвала теперь все, самые последние, покровы, — сорвала так, что больше уже нечего срывать» [21, с. 3]. Обратим внимание на эмоционально повышенный градус речи Пиль-

¹⁸ По предположению Р. Янгирова, речь идет о Екатерине Кусковой — общественной деятельнице и публицистке. См.: [35].

ского — тоекратное повторение глагола «сорвать» с использованием превосходной степени прилагательного «последний», усиленного местоимением «все». С семантико-стилистической точки зрения, отзыв Пильского на второй роман Бакуниной, «Любовь к шестерым», красноречиво свидетельствует о полном неприятии попытки писательницы обратиться к телесному дискурсу на русском языке: книга «изборождена, испорчена, изгажена», «скверная точность скверных слов», «некоснеющий, болтливый язык», «чрезмерность», «необычность», «слух царапают и сверлят оголенные забубенные слова» [21, с. 3]. Стилистические повторы и градация, использование просторечного эпитета «забубенный» — все свидетельствует о неприемлемости текста Бакуниной и ее творческих интересов.

Петру Пильскому вторили Зинаида Шаховская и Надежда Городецкая, написавшие две рецензии на французском языке. По мнению З. Шаховской, «Тело» — всего лишь ходкий низкосортный товар, который легко найдет своего покупателя. Она настаивала на том, что «в русской литературе нет ни одного элемента, с которым “Тело” могло бы быть сопоставлено» [56, с. 351]. Не случайно в своей статье она с иронией замечала, что французские критики считают этот текст типично русским, — «как по-русски, скажут французы!» — тогда как русские читатели знают, что это на самом деле «очень по-французски» [56, с. 351]. Подобно П. Пильскому и З. Шаховской, Н. Городецкая отмечала, что «роман только выиграл от перевода» [43, с. 6] на французский язык, ведь всем известно, что «русскому языку вообще не свойственно передавать приторные и щекочащие тонкости эротики» [21, с. 3].

Получается, что ряд критиков отказывался видеть в романе Бакуниной текст, принадлежащий русской культуре, несмотря на то, что он был написан на русском языке! Критикам этот роман казался настолько далеким и чуждым как русскому языку, так и русской литературе, что даже сравнение с так называемыми авторами-«порнографами» начала века (М. Арцыбашев, М. Кузмин, Ф. Сологуб, Л. Зиновьева-Аннибал, А. Вербицкая и проч.) не могло считаться уместным. П. Пильский, З. Шаховская, Н. Городецкая поспешно приписывали русскому языку те качества («прямот<a>», «размашист<ость>», «красота и важность» [21, с. 3], духовность), которые на самом деле характеризовали русскую культуру и связанную с ней систему запретов и ограничений (стыд, художественная мера, литературный канон, книга — икона, писатель — пророк), лишая тем самым работу Бакуниной какой бы то ни было ценности. Ведь как пишет французский исследователь Анри Мешонник, «поскольку

язык и культура питают друг друга, чувство красоты или отторжения распространяется на все элементы языка. На слова» [17, с. 55]. Согласно данной оптике, слова, выбранные Бакуниной, нарушали все каноны меры и красоты, которых придерживалась эмигрантская критика. Даже Юрий Фельзен, представитель «молодого» поколения, приверженец новой литературной эстетики и нового «“голового” человека» считал, что писательница нашла совсем не те слова, что нужно, для описания телесного измерения.

Именно поэтому в целом вопрос телесности, поднятый Бакуниной, был наделен негативной культурной значимостью и рассматривался критикой как низкий, лишенный художественности элемент в серии бинарных оппозиций: сакральное (библейская «Песня песней») / профанное («человеческий документ», «дамская» литература), эротическое (высокая классическая трагедия, «Федра») / сексуальное («полов<a> неудач<a>» [32, с. 3]), вкус / отсутствие вкуса, мера / без- и чрезмерность¹⁹.

Сила воздействия художественного текста на читателя измеряется градусом реакции критики: текст побуждает читателя действовать, высказаться, облечь в слова порожденные им мысли и ощущения. Если реакция на роман Е. Бакуниной была крайне бурной и жесткой, — значит, писательница нанесла удар по одному из самых слабых мест, а именно: по устоявшимся русским культурным ценностям, наделенным позитивной значимостью. Писательница, пусть даже бессознательно, поставила проблему соотношения голое / нагое²⁰: смело прочертила границы того, о чем дозволено и не дозволено писать, попыталась противостоять «культурному риторическому ритму» [52, с. 190] эмиграции²¹.

Любопытно отметить тот факт, что примерно в одно время с романом Бакуниной выходит книга Колетт, озаглавленная «Эти удовольствия...» («Ces plaisirs...», 1932). Позднее она получила иное название — «Чистое и нечистое» («Le pur et l'impur», 1941). Одно из главных открытий, сделанных Бакуниной, заключается в том, что она возвела повседневное, банальное, заурядное, грязное, бездуховное, телесное, нечистое в разряд героического, важного и значительного. Как писала сама Бакунина, ее главная героиня

¹⁹ См. подробнее: [49].

²⁰ См. подробнее: [18].

²¹ О реакции Екатерины Бакуниной на критическую рецепцию ее первого романа можно узнать из переписки с Николаем Евреиновым: «Я слышу столько осуждений своей книжки, которые переносятся и лично на меня, что сама ужасась содеянному» [16, с. 15].

(как в романах, так и в стихах) — это баба, кликуша: «Побуждение одно — нестерпимость молчания. Оно особенно трудно женщине, естеством своим поставленной под удар. И каждая женщина — потенциально — кликуша» [2, с. 255]. Женщина-кликуша — та, что кричит, голосит, плачет и страдает, зовет на помощь, просит о помощи, призывает выслушать ее, обратить внимание на ее горе. Есть ли у женщины-кликуши чувство вкуса и меры, на котором так настаивали критики?

Совершенно ясно, что писательница и ее читатели-критики говорили на разных языках и смотрели на «тельный вопрос» с различных точек зрения: многие эмигрантские критики оставались верны постулатам символизма, философии символизма и требованиям литературного канона, меры и вкуса, тогда как Бакунина писала и творила свою новую трансгрессивную героиню с опорой на французскую литературу и эстетические постулаты «молодого» поколения писателей во Франции.

В защиту «малога» автора

Роман «Тело» Екатерины Бакуниной породил множество откликов, отличающихся целой гаммой смысловых нюансов. И тем не менее важно сделать вывод о стереотипном и в чем-то абсолютно одномерном восприятии романа как русской, так и французской критикой. Если французская литературная критика часто стремилась к эссенциализации славянской души (страдания, гордость, распутство), то русская эмигрантская критика настаивала на «красоте и важности» русского языка и выдвигала на первый план застывшее понятие «мера», накладывавшее запрет или же ограничения на вербализацию определенных тем. Английская исследовательница Катриона Келли заметила, что стойкое неприятие телесного дискурса русской критикой — особенно если оно исходило от представительниц женского пола — явно свидетельствовало о «проблемах, с которыми сталкивались русские женщины, когда им нужно было найти художественный язык, подходящий для описания сексуальных вопросов» [46, с. 271].

Что касается искренности и, как часто говорили читатели Бакуниной, «правдивости» ее повествования, то французская критика рассматривала телесное как неотъемлемый (типично русский или же универсальный) компонент романа, свидетельствующий о глубине переживаний и сомнений героини. Тогда как русская критика, если бы могла, скорее вычеркнула бы все «сомнительные» и «аля-

поватые» пассажи из текста, дабы не портить книгу ненужными словами.

Изучение такого «малого» автора, как Екатерина Бакунина, ставит вопрос о значимости ее творческого наследия. В начале прошлого века она олицетворяла негативную культурную значимость — бесстыдство, безвкусице, безмерность. Что и сохранилось в архивах культурной памяти и сформировало репутацию автора на долгие годы. Но с течением времени взгляд на ее творчество изменяется. И сегодня оно как раз может быть наделено положительной культурной значимостью и прочитано совершенно по-другому современными литературоведами²². Исследователей интересует не только вопрос о жанровой принадлежности текстов писательницы (роман, «человеческий документ», эго-романистика), но и телесная тематика, а также вербализация запретных тем в литературе (эротическая vs порнографическая литература, гендерный анализ).

Внимательное чтение текстов писательницы позволяет вскрыть многослойный литературный контекст как во Франции (писатели/ писательницы и критики, писатели и цензура, писатели и порнографическая литература), так и в литературном мире русского зарубежья (литературная эстетика старшего и младшего поколений эмигрантских писателей, борьба литературных школ, «тельный вопрос» и «плохие влияния»), и указать на неоднозначное восприятие и прочтение ее текстов без упрощенной схематизации. Все «болтливые», «скверные», «ужасающие», «забубенные» слова находят сегодня своих читателей, и по праву свой полный смысл обретают рассуждения писательницы о возрасте книги: «И какое значение может иметь возраст книги? Она рождается каждый раз, как ее читают, и каждому являет свое лицо по-разному» [4, с. 264].

Наконец, анализ творчества писательницы позволяет сопоставить сферу телесного в русской и французской культурах и более подробно изучить историчность телесного в России и во Франции.

Литература

1. *Адамович Г.В.* Человеческий документ // Последние новости. 1933. № 4369. С. 3.

---

²² См. указанные ранее работы О. Демидовой (2000, 2003), А. Морар (2010), М. Рубинс (2017) и Ю. Маричик-Сьоли (2020). Отмечу, что на международной конференции в Лондонском университете королевы Марии («Ex Oriente Lux: Emigré Culture in Interwar France», 1–2 сентября 2023 г.) были запланированы доклады по телесной проблематике в творчестве Бакуниной.

2. Бакунина Е.В. Для кого и для чего писать // Числа. 1932. № 6. С. 255–256.
3. Бакунина Е.В. Любовь к шестерым. М.: Гелиос, 2001. 317 с.
4. Бакунина Е.В. Сигрид Ундсет // Числа. 1932. № 6. С. 264–265.
5. Бакунина Е.В. Стихи. Париж: Родник, 1931. 237 с.
6. Бакунина Е.В. Geneviève Faconnier. “Claude” // Числа. 1934. № 10. С. 295–296.
7. Варшавский В.С. О «герое» молодой эмигрантской литературы! // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
8. Гиппиус З.Н. Е. Бакунина. «Любовь к шестерым» // Современные записки. 1935. № 58. С. 478–479.
9. Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2013. 844 с.
10. Демидова О.Р. Женская проза и большой канон литературы русского зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции / вступ. ст., сост. и коммент. О. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 3–18.
11. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. С. 205–219.
12. Е.К. Женщины-писательницы русской эмиграции // Новое русское слово. 1935. № 8014. С. 8.
13. Извольская Е.А. Письма к А. Кашиной-Евреиновой // РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Ед. хр. 406.
14. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛЮ, 2005. 190 с.
15. Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой. Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, ИД «Галина скрипит», 2013. С. 303–345.
16. Маричик-Сьоли Ю. Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреину (1931–1934). История «маленькой» писательницы // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24>
17. Мешонник А. Рифма и жизнь / пер. с франц. Ю. Маричик-Сьоли. М.: ОГИ, 2014. 399 с.
18. Нагота на сцене / под ред. Н. Евреинова. СПб.: Тип. Морского министерства, 1911. 124 с.
19. Одоевцева И.В. Зеркало. Избранная проза / вступ. ст., сост., и коммент. М. Рубинс. М.: Русский путь, 2011. 655 с.
20. Пильский П.М. Женское и женско-мужское // Сегодня. 1931. № 216. С. 3.
21. Пильский П.М. Любовь стареющих. О новом романе Е. Бакуниной «Любовь к шестерым» // Сегодня. 1935. № 200. С. 3.
22. Рубинс М. Жанр человеческого документа в русско-парижской прозе 1930-х годов // Литература русского зарубежья (1920–1940): взгляд из XXI века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 28–38.
23. Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов. М.: НЛЮ, 2017. 326 с.

24. *Савкина И.Л.* Пути, переулки и тупики изучения истории русской женской литературы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 11–27.
25. *Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 475 с.
26. *Степун Ф.А.* Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Критика русского зарубежья / сост., коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Олимп, 2002. Т. 1. С. 246–264.
27. *Тератиано Ю.К.* Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–212.
28. *Тиханов Г.* Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики. Советская и постсоветская эпохи / под ред. Е.А. Добренко, Г. Тиханова. М.: НЛЮ, 2011. С. 335–367.
29. *Фельзен Ю.* Екатерина Бакунина. «Тело» // Числа. 1933. № 9. С. 217–218.
30. Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII – начало XX в.) / под ред. Е.Е. Дмитриевой и А.В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 575 с.
31. *Ходасевич В.Ф.* «Женские» стихи // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 208–212.
32. *Ходасевич В.Ф.* Книги и люди. «Тело» Е. Бакуниной // Возрождение. 1933. № 2900. С. 3–4.
33. *Цетлин М.О.* Екатерина Бакунина «Тело» // Современные записки. 1933. № 53. С. 454–456.
34. *Эконен К.* Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011. 400 с.
35. *Янгиров Р.М.* Тело и отраженный свет. Заметки об эмигрантской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус «Женщины и женское» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 183–206.
36. [Анонимный автор]. *Romans et nouvelles* // Bulletin des lettres. 1934. № 31. P. 210.
37. *Armaganian-Le Vu G.* Les Mnémosynes des “Rives de la Néva et des Rives de la Seine”: les mémoires d’Irina Odoeveva et de Nina Berberova // La Poétique autobiographique à l’âge d’Argent et au-delà. Lyon: Centre d’études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2016. P. 125–139.
38. *Bakounine C.* Le Corps. Paris: Stock, 1934. 187 p.
39. *Barjac C.* A travers tout l’imprimé // La Grande revue. 1934. T. CXLV. P. 515.
40. *Childs P.* Modernisme. London: Routledge, 2017. 240 p.
41. *Delany P.* Literature, Money and the Market: From Trollope to Amis. Basingstoke: Palgrave, 2002. 243 p.
42. *Fauconnier G.* Claude. Paris: Stock, 1934. 279 p.
43. *Gorodetzky N.* Un livre russe // L’Intransigeant. 1934. 5 août. P. 6.
44. *Huyssen A.* After the Great Divide. Modernism, Mass Culture, Postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 244 p.
45. *Iswolsky H., Kachina A.* La Jeunesse rouge d’Inna. Paris: Eds de France, 1928. 224 p.
46. *Kelly C.* A History of Russian Women’s Writing (1820–1992). Oxford: Clarendon Press, 1994. 497 p.
47. *Lanoë J.* Le Corps // La Nouvelle revue française. 1934. T. XLIII. P. 919.

48. *Livak L.* How It Was Done In Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism. Madison: University of Wisconsin press, 2003. 316 p.
49. *Maritchik-Sioli Y.* “Filles d’émigration.” Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le “génie de la médiocrité” à l’épreuve de la modernité: Thèse de doctorat en Etudes Slaves. Grenoble, 2020. 350 p.
50. *Maritchik-Sioli Y.* “La Jeunesse rouge d’Inna.” Un roman “de choc” à l’adresse des Français // Regards croisés sur la mémoire de la Révolution russe en exil (1917–2017). Lyon: Université Jean Moulin Lyon 3, 2019. P. 243–256.
51. *Marsan E.* Les livres et les hommes. “Les deux extrémités...” // *Comœdia*. 1934. № 8004. P. 3.
52. *Meschonnic H.* Politique du rythme, politique du sujet. Lagrasse: Verdier, 1995. 615 p.
53. *Milligan J.E.* The Forgotten generation. French Women Writers of the Inter-War Period. Oxford; New York: Berg, 1996. 236 p.
54. *Morard A.* De l’émigré au déraciné. La “jeune génération” des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940). Lausanne: L’Age d’homme, 2010. 396 p.
55. *Sapiro G.* Juger la littérature. Les transformations des rapports entre critique et censure (XIXe–XXe siècles) // Censure et critique / sous la dir. de L. Macé, C. Poulouin, Y. Leclerc. Paris: Classiques Garnier, 2015. P. 267–280.
56. *Schakhowskoy Z.* Quelques livres // *Thyrse*. 1934. T. 31. P. 351.
57. *Simon P.-H.* “Le Corps” // *Esprit*. 1935. 1er mars. P. 969.
58. *Sohn A.-M.* “La Garçonne” face à l’opinion publique: type littéraire ou type social des années 20? // *Le Mouvement social*. 1972. № 80. P. 3–29.
59. *Stora-Lamarre A.* L’enfer de la IIIe République. Censeurs et pornographes (1881–1914). Paris: Imago, 1989. 248 p.

Research Article

“Very Russian, the French Would Say... Very French, the Russians Would Say”: The Metamorphosis of E. Bakunina’s Novel “The Body” in French and Russian Literary Criticism

© 2024. Youlia A. Maritchik-Sioli

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the reception of the novel “The Body” (1933) by emigré writer E.V. Bakunina in French and Russian literary criticism in the early 1930s. A number of researchers have already analyzed the responses of Russian critics to the publication of the novel but have not paid enough attention to a cross-sectional view of the perception of the writer’s work. This question is of interest insofar as it allows us to identify weaknesses and strengths of Bakunina’s work and rethink the

literary and cultural norms established in the early 20th century. One of the article's crucial questions is critics' reaction to the verbalization of the female character's body experience. In France, the literary context of the 1920s and 1930s, the presence of progressive journals, and some trends in the history of French literature contributed to the fleeting but genuine interest of critics in the novel. At the same time, the focus on preserving the best traditions of Russian literature in exile, the historical "memory of culture," and the requirement to observe the artistic measure led to a sharp rejection of body discourse among emigré critics. The conclusion focuses on the stereotypical perception of the novel by French and Russian literary criticism, and emphasizes the importance of studying the creative heritage of "minor" authors. If French literary criticism often perceived Bakunina's novel through the prism of the distinctive features of the "Slavic soul," then Russian criticism judged the writer's novel through an established grid of artistic criteria (measure, taste, femininity).

Keywords: "women's literature," "emigré daughters," reception, body discourse, artistic measure, "minor author."

Information about the author: Youlia A. Marichik-Sioli — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6173-6463>

E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

For citation: Marichik-Sioli, Y.A. "‘Very Russian, the French Would Say... Very French, the Russians Would Say’: The Metamorphosis of E. Bakunina's Novel ‘The Body’ in French and Russian Literary Criticism." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 217–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-217-241>

References

1. Adamovich, G.V. "Chelovecheskii document" ["Human Document"]. *Poslednie novosti*, no. 4369, 1933, p. 3. (In Russ.)
2. Bakunina, E.V. "Dlia kogo i dlia chego pisat'" ["For Whom and for What to Write"]. *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 255–256. (In Russ.)
3. Bakunina, E.V. *Lubov' k shesterym* [*Some Love for Six Persons*]. Moscow, Gelios Publ., 2001. 317 p. (In Russ.)
4. Bakunina, E.V. "Sigrid Undset" ["Sigrid Undset"]. *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 264–265. (In Russ.)
5. Bakunina, E.V. *Stikhi* [*Poems*]. Paris, Rodnik Publ., 1931. 237 p. (In Russ.)
6. Bakunina, E.V. "Geneviève Fauconnier. 'Claude'." ["Geneviève Fauconnier. 'Claude'."]. *Chisla*, no. 10, 1934, pp. 295–296. (In Russ.)
7. Varchavski, V.S. "O 'geroe' molodoi emigrantskoi literatury!" ["About the 'Hero' of the Young Emigré Literature!"]. *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 164–172. (In Russ.)
8. Gippius, Z.N. "E. Bakunina. 'Lubov k shesterym'." ["E. Bakunina. 'Some Love for Six Persons'."]. *Sovremennye zapiski*, no. 58, 1935, pp. 478–479. (In Russ.)
9. Gorodetskaia, N.D. *Ostrov odinochestva. Roman, rasskazy, ocherki, pis'ma* [*The Island of Loneliness. Novel, Short Stories, Essays, Letters*], ed., introd. article, text prep. and comm. by A.M. Lubomudrov. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. 844 p. (In Russ.)

10. Demidova, O.R. “Zhenskaia proza i bolshoi kanon literatury russkogo zharubezh’ia” [“Women’s Prose and a Great Literary Canon of Russian Abroad”]. *My. Zhenskaia proza russkoi emigratsii* [*We. Women’s Prose of Russian Abroad*], comp. and introd. by O. Demidova. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 2003, pp. 3–18. (In Russ.)

11. Demidova, O.R. “‘Emigrantskie docheri’ i literaturnyi kanon russkogo zarubezhia” [“‘Emigration Daughters’ and Literary Canon of Russian Abroad”]. Shore, E., and K. Khaider, editors. *Pol. Gender. Kultura* [*Sex. Gender. Culture*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000, pp. 205–219. (In Russ.)

12. E.K. “Zhenshchiny-pisatel’ nitsy russkoi emigratsii” [“Women Writers of Russian Emigration”]. *Novoe russke slovo*, no. 8014, 1935, p. 8. (In Russ.)

13. Izvolskaia, E.A. “Pis’ma k A. Kashinoi-Evreinovoi” [“Letters to A. Kashina-Evreinova”]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [*Russian State Archive of Literature and Art*], coll. 982, aids 1, fol. 406. (In Russ.)

14. Kaspe, I.M. *Iskusstvo otsutstvovat’. Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [*The Art of Being Absent. The Unnoticed Generation of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 192 p. (In Russ.)

15. Korostelev, O.A. “‘Parizhskaia nota’ i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii” [“Paris Note’ and Confrontation Between Youth Poetry Schools of Russian Literary Emigration”]. Korostelev, O.A. *Ot Adamovich to Tsvetaevoi. Literatura, kritika, pechat’ Russkogo zarubezhia* [*From Adamovich to Tsvetaeva. Literature, Criticism, Publishing of Russian Abroad*]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., Galina skriptsit Publ., 2013, pp. 303–345. (In Russ.)

16. Marichik-S’oli, Iu.A. “Pis’ma E.V. Bakuninoi k N.N. Evreinovu. Istoria ‘malen’koi’ pisatel’ nitsy” [“Letters of E.V. Bakunina to N.N. Evreinov (1931–1934). History of a ‘Minor’ Woman Writer”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24> (In Russ.)

17. Meshonnik, H. *Rifma i zhizn’* [*The Rhyme and the Life*], trans. from French by Iu. Marichik-S’oli. Moscow, Ob’edinennoe gumanitarnoe izdatel’stvo Publ., 2014. 399 p. (In Russ.)

18. Evreinov, N., editor. *Nagota na stsene* [*Nudity on Stage*]. St. Petersburg, Tipografia Morskogo ministerstva Publ., 1911. 124 p. (In Russ.)

19. Odoevtseva, I.V. *Zerkalo. Izbrannaia proza* [*The Mirror. Selected Prose*], introd. article, comp. and comm. by M. Rubins. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011. 655 p. (In Russ.)

20. Pil’skii, P.M. “Zhenskoe i zhensko-muzhskoe” [“The Feminine and the Femino-Masculine”]. *Segodnia*, no. 216, 1931, p. 3. (In Russ.)

21. Pil’skii, P.M. “Liubov’ stareushchikh. O novom romane Ekateriny Bakuninoi ‘Liubov’ k shesterym’.” [“The Love of Aged Persons. Some Words about Ekaterina Bakunina’s New Novel ‘Some Love for Six Persons.’”] *Segodnia*, no. 200, 1935, p. 3. (In Russ.)

22. Rubins, M.O. “Zhanr chelovecheskogo dokumenta v russko-parizhskoi proze 1930-kh godov” [“Genre of Human Document in Russian-Parisian Prose of the 1930s”]. *Literatura russkogo zarubezhia (1920–1940): vzgliad iz XXI veka* [*Literature of Russian Abroad: A Look from the 21st Century*]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 28–38. (In Russ.)

23. Rubins, M.O. *Russkii Monparnas. Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov* [*Russian Montparnasse. Parisian Prose of the 1920–1930s*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 325 p. (In Russ.)

24. Savkina, I.L. "Puti, pereulki i tupiki izuchenia istorii russkoi zhenskoi literatury" ["Ways, Alleyways and Impasses of the History of Russian Women's Literature Studies"]. Stroganova, E., and E. Schore, editors. *Zhenskii vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX – nachala XX veka* [Women's Challenge: Russian Women Writers of the 19th – the Early 20th Centuries]. Tver, Lilia Print Publ., 2006, pp. 11–27. (In Russ.)
25. Sazonova, L.I. *Pamiat' kul'tury. Nasledie Srednevekovia i barokko v russkoi literature Novogo vremeni* [Cultural Memory. The Legacy of the Middle Ages and the Baroque in Russian Literature of the Modern Times]. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 475 p. (In Russ.)
26. Stepun, F.A. "Porevolutsionnoe soznanie i zadacha emigrantskoi literatury" ["Postrevolutionary Mentality and the Objective of the Emigré Literature"]. *Kritika russkogo zarubezhia* [Literary Criticism of Russian Abroad], vol. 1, comp. and comm. by O.A. Korostelev, N.G. Mel'nikov. Moscow, Olimp Publ., 2002, pp. 246–264. (In Russ.)
27. Terapiano, Iu.K. "Chelovek 30-kh godov" ["The Man of the 1930s"]. *Chisla*, no. 7–8, 1933, pp. 210–212. (In Russ.)
28. Tikhonov, G. "Russkaia emigrantskaia literaturnaia kritika i teoriia mezhdumirovymi voynami" ["Russian Emigré Literary Criticism and Theory Between Two World Wars"]. Dobrenko, E.A., and G. Tikhonov, editors. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki. Sovetskaia i postsovetskaia epokhi* [History of Russian Literary Criticism. Soviet and Postsoviet Epochs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 335–367. (In Russ.)
29. Fel'zen, Iu. "Ekaterina Bakunina. 'Telo'." ["Ekaterina Bakunina. 'The Body'."] *Chisla*, no. 9, 1933, pp. 217–218. (In Russ.)
30. Dmitrieva, E.E., and A.V. Golubkov, editors. *Frantsuzskie i frankoiazychnye rukopisi v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [French and Francophone Manuscripts in Russia (the 18th – the Beginning of the 20th Century)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 575 p. (In Russ. and in French)
31. Khodasevich, V.F. "Zhenskii' stikhi" ["Female' Poems"]. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.], vol. 2. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 208–212. (In Russ.)
32. Khodasevich, V.F. "Knigi i ludi. 'Telo' E. Bakuninoi" ["Books and People. E. Bakunina's Novel 'The Body'."] *Vozrozhdenie*, no. 2900, 1933, pp. 3–4. (In Russ.)
33. Tsetlin, M.O. "Ekaterina Bakunina. 'Telo'." ["Ekaterina Bakunina. 'The Body'."] *Sovremennye zapiski*, no. 53, 1933, pp. 454–456. (In Russ.)
34. Ekonen K. *Tvoret's, sub"ekt, zhenshchina. Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme [Creator, Subject, Woman. Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 393 p. (In Russ.)
35. Iangirov, R.M. "Telo i otrazhennyi svet. Zametki ob emigrantskoi proze i o nenapisannoi knige Zinaidy Gippius 'Zhenshchiny i zhenskoe'." ["Body and Reflected Light. Notes about Emigré Prose and the Unwritten Book of Zinaida Gippius 'Women and the Feminine'."] *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 86, 2007, pp. 183–206. (In Russ.)
36. [Anonymous Author]. "Romans et nouvelles." *Bulletin des lettres*, no. 31, 1934, p. 210. (In French)
37. Armaganian-Le Vu, Gayaneh. "Les Mnémosynes des 'Rives de la Néva et des Rives de la Seine': les mémoires d'Irina Odoevceva et de Nina Berberova." *La Poétique autobiographique à l'Age d'argent et au-delà*. Lyon, Centre d'études slaves André Lirondele, Université Jean Moulin Lyon 3, 2016, pp. 125–139. (In French)
38. Bakounine, Catherine. *Le Corps*. Paris, Stock, 1934. 187 p. (In French)

39. Barjac, Claude. "A travers tout l'imprimé." *La Grande revue*, vol. 145, 1934, p. 515. (In French)
40. Childs, Peter. *Modernisme*. London, Routledge, 2017. 240 p. (In English)
41. Delany, Paul. *Literature, Money and the Market: From Trollope to Amis*. Basingstoke, Palgrave, 2002. 243 p. (In English)
42. Fauconnier, Geneviève. *Claude*. Paris, Stock, 1934. 279 p. (In French)
43. Gorodetzky, Nadejda. "Un livre russe." *L'Intransigeant*, 5 août, 1934, p. 6. (In French)
44. Huyssen, Andreas. *After the Great Divide. Modernism, Mass Culture, Postmodernism*. Bloomington, Indiana University Press, 1986. 244 p. (In English)
45. Iswolsky, Helene, et Anna Kachina. *La Jeunesse rouge d'Inna*. Paris, Eds de France, 1928. 224 p. (In French)
46. Kelly, Catriona. *A History of Russian Women's Writing (1820–1992)*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 497 p. (In English)
47. Lanoë, Julien. "Le Corps." *La Nouvelle revue française*, t. 43, 1934, p. 919. (In French)
48. Livak, Leonid. *How It Was Done In Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism*. Madison, University of Wisconsin press, 2003. 316 p. (In English)
49. Maritchik-Sioli, Youlia. "Filles d'émigration." *Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le "génie de la médiocrité" à l'épreuve de la modernité: Thèse de doctorat en Etudes Slaves*. Grenoble, 2020. 350 p. (In French)
50. Maritchik-Sioli, Youlia. "«La Jeunesse rouge d'Inna.» Un roman 'de choc' à l'adresse des Français." *Regards croisés sur la mémoire de la Révolution russe en exil (1917–2017)*. Lyon, Université Jean Moulin Lyon 3, 2019, pp. 243–256. (In French)
51. Marsan, Eugène. "Les livres et les hommes. 'Les deux extrémités...'" *Comœdia*, no. 8004, 1934, p. 3. (In French)
52. Meschonnic, Henri. *Politique du rythme, politique du sujet*. Lagrasse, Verdier, 1995. 615 p. (In French)
53. Milligan, Jennifer E. *The Forgotten generation. French Women Writers of the Inter-War Period*. Oxford, New York, Berg, 1996. 236 p. (In English)
54. Morard, Annick. *De l'émigré au déraciné. La "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940)*. Lausanne, L'Age d'homme, 2010. 396 p. (In French)
55. Sapiro, Gisèle. "Juger la littérature. Les transformations des rapports entre critique et censure (XIXe–XXe siècles)." Macé, Laurence, Claudine Poulouin, et Yvan Leclerc, éditeurs. *Censure et critique*. Paris, Classiques Garnier, 2015, pp. 267–280. (In French)
56. Schakhowskoy, Zinaïda. "Quelques livres." *Thyrse*, t. 31, 1934, p. 351. (In French)
57. Simon, Pierre-Henri. "Le Corps." *Esprit*, 1er mars, 1935, p. 969. (In French)
58. Sohn, Anne-Marie. "«La Garçonne» face à l'opinion publique: type littéraire ou type social des années 20?" *Le Mouvement social*, no. 80, 1972, pp. 3–29. (In French)
59. Stora-Lamarre, Annie. *L'enfer de la IIIe République. Censeurs et pornographes (1881–1914)*. Paris, Imago, 1989. 248 p. (In French)

Третий лишний? Попытки литературной канонизации А.Н. Толстого в 2000–2020-е гг.

© 2024, В.В. Чекушин

Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

Аннотация: В начале 1990-х гг. на фоне утраты авторитета советской культуры имя А.Н. Толстого выпало из ядра национального литературного канона. Относительно фигуры писателя сложился консенсус — он рассматривался, в первую очередь, как приспособленец, сотрудничавший с властью и выполнявший «социальный заказ». Подобные оценки зачастую имели эмоционально окрашенный характер и отодвигали дискуссию о поэтике толстовских текстов на второй план. Однако с начала 2000-х гг. наметился сдвиг в сторону более объективной оценки роли писателя в отечественном литературном процессе. В первую очередь, этому способствовал выход биографии Толстого, написанной А.Н. Варламовым. С этого же периода представители различных институтов канонизации актуализировали дискуссию о месте Толстого в национальном пантеоне литературы. Данная статья посвящена изучению механизмов канонизации писателя в 2000–2020-е гг. В фокус внимания, в первую очередь, попали художественный, критический и медиадискурсы, где регулярно возникали упоминания имени Толстого и отсылки к его художественным текстам. Несмотря на рост интереса к личности и творчеству писателя, утверждать, что его имя вошло в ядро национального литературного канона, не приходится. Это обусловлено несколькими причинами, в частности резким падением авторитета советских классиков после распада СССР и дефицитом в современной России системных попыток возвращения фигуры Толстого в отечественный пантеон со стороны представителей основных институтов литературной канонизации.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, А.Н. Варламов, канонизация, критика, биография.

Информация об авторе: Викентий Владимирович Чекушин — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, пр. им. Газеты «Красноярский рабочий», 660037 г. Красноярск, Россия; доцент кафедры журналистики и литературоведения, Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 82а, 660041 г. Красноярск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

E-mail: Vikesha@bk.ru

Для цитирования: *Чекушин В.В.* Третий лишний? Попытки литературной канонизации А.Н. Толстого в 2000–2020-е гг. // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 242–260. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-242-260>

Периферийный статус А.Н. Толстого в литературном пантеоне начал формироваться практически с самого начала его писательской карьеры. Так, критик Иванов-Разумник уже в статье 1911 г. с названием «Алексей Толстой 2-й», прозрачно намекавшим на более низкий статус героя публикации по сравнению с его предшественником-однофамильцем, писал:

Первой величиной, думается мне, ему никогда не быть; а во втором ряду современных художников слова он будет занимать и занимает свое определенное место. Вот почему и название «Алексей Толстой 2-й» является, по-видимому, точно соответствующим действительности [15, с. 114].

Спустя почти 20 лет в эмигрантской печати схожие мысли высказывал Г. Газданов:

Толстой — самый лучший из второстепенных писателей. Конечно, он намного выше почти всех современных писателей в России; конечно, и в иностранной литературе мало найдется людей, которые могли бы с ним сравниться. Но ему не дано в своих вещах доходить до конца и приближаться вплотную к той границе, за которой начинается мировое значение искусства» [9, с. 767–768].

Как мы видим, и дореволюционные, и эмигрантские критики воспроизводили мнение о второстепенном положении Толстого в литературном пантеоне. Такое восприятие было обусловлено не только уровнем его текстов, но и фамилией, которая постоянно напоминала современникам о вторичности писателя по отношению к литературным предшественникам.

Иная репутация сложилась у Толстого в СССР. Спустя 10 лет после возвращения из эмиграции, к середине 1930-х гг., он занял позицию «первого после Горького» советского классика — так, после его смерти именно Толстой был одним из тех, кто нес гроб писателя на церемонии прощания. Широко известны слова В.М. Молотова на

Съезде Советов 1936 г., свидетельствовавшие о чрезвычайно высоком символическом статусе писателя, работа которого одобрялась первыми лицами государства: «Передо мной выступал здесь всем известный писатель Алексей Николаевич Толстой. Кто не знает, что это бывший *граф* Толстой! А теперь? Теперь он *товарищ*¹ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской» [19, с. 255]. Центральное положение Толстого в советской литературе отражено и в школьных учебниках, где, как известно, наиболее четко фиксируется ядро национального литературного канона. Толстой объявлялся в них классиком еще при жизни, в начале 1940-х гг. [24]. Писателю были посвящены монографические разделы практически во всех поколениях учебников.

Диспозиция изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда вслед за утратой авторитета официальной культуры СССР начался демонтаж советского литературного канона. К тому же в период политической либерализации журналы массово печатали произведения «возвращенных» авторов, привлекавшие повышенный читательский и исследовательский интерес. Во второй половине 1990-х гг. государство начало предпринимать первые попытки конструирования «объединенного» пантеона национальной литературы. Основные контуры ядра литературного канона «новой России» оформились в 1998 г., когда Министерство образования выпустило приказ, который «резко сокра[тил] перечень имен и названий, не просто рекомендованных — но *обязательных* для изучения в выпускном классе средней школы» [25]. В указанном списке фамилия А.Н. Толстого отсутствует, из признанных советских классиков представлены Горький (причем упор в изучении делается на раннее творчество), Маяковский и Шолохов.

Программа не вполне соответствовала массовым представлениям читателей о том, кого можно причислить к классикам. В том же 1998 г. среди москвичей был проведен социологический опрос. На открытый вопрос, кого они считают самыми выдающимися писателями XX в., 3% респондентов назвали советских классиков Фадеева и Толстого наряду с их современниками — Куприным, Цветаевой, Пастернаком, у которых отношения с властью в СССР сложились в той или иной степени менее удачно². Правда, указанные авторы сильно уступали лидерам списка — Шолохову и Булгакову, которых

¹ Здесь и далее курсивы принадлежат цитируемым авторам. — *В. Ч.*

² Такой же процент набрали братья Стругацкие, А. Блок, В. Пикуль, К. Симонов, А. Твардовский, В. Аксенов и даже автор популярных детективов А. Маринина. См.: [13, с. 166].

вспомнили 11% опрошенных. Симптоматично, что произведения Куприна и Цветаевой присутствуют и в списке Министерства образования. Как мы видим, из авторов первой трети XX в. составители программы отдавали предпочтение тем, у кого при жизни отношения с советской властью складывались непросто.

Периодом интенсификации интереса к фигуре Толстого стали 2000-е гг. (в это время начался пересмотр роли советского наследия в истории отечественной культуры). В первой половине десятилетия вышел ряд важных научных и научно-популярных работ о жизни и творчестве писателя. Так, в 2002 г. ИМЛИ РАН выпустил сборник «Алексей Толстой: новые материалы и исследования» [4], в 2004 г. М.И. Свердлов опубликовал монографию «По ту сторону добра и зла: А. Толстой от Буратино до Петра» [22], а в 2005 г. вышла фундаментальная книга внучки писателя Е.Д. Толстой «Деготь или мед. Алексей Толстой как неизвестный писатель» [23]. С этого времени научные работы о Толстом начали появляться регулярно³.

Возвращение интереса к Толстому в читательских и окололитературных кругах связано с публикацией в журнале «Москва» (2005) его биографии, написанной А.Н. Варламовым. Эмблематичен пример смены ее заглавий. Если первый, журнальный вариант, назывался «Красный шут», то впоследствии это заглавие было снято и заменено на нейтральное «Алексей Толстой». Биография издавалась 4 раза — впервые она вышла пятитысячным тиражом в 2006 г. (серия «ЖЗЛ»). В 2008 г. появилось второе издание этой книги (тираж вырос вдвое — до 10 тыс. экземпляров). Спустя год биография вышла в издательстве «Эксмо», тогда тираж составил 3 тыс. экземпляров. А в год 140-летия со дня рождения писателя «Редакция Е. Шубиной» выпустила ту же книгу под заглавием «Алексей Толстой: играть самого себя» количеством 2 тыс. экземпляров. Таким образом, суммарный тираж всех изданий составил 20 тыс. экземпляров. Сравним с тиражами биографии современника Толстого и признанного классика XX в. Булгакова, написанной тем же Варламовым в серии «ЖЗЛ» и других сериях. С 2008 г. суммарный тираж составил 23,3 тыс. экземпляров. Сопоставимые цифры могут свидетельствовать о постепенном возрастании интереса к фигуре Толстого в издательских и читательских кругах. Однако важно уточнить, что,

---

³ На сегодняшний день наиболее систематические усилия, направленные на изучение, (пере)издание и популяризацию наследия А.Н. Толстого, предпринимают сотрудники группы подготовки Полного собрания сочинений писателя, сформированной в ИМЛИ РАН. Ее коллектив регулярно проводит конференции, посвященные Толстому, и выпускает сборники научных трудов о нем. См.: [1; 2; 3].

по нашему мнению, внимание к фигуре А.Н. Толстого обусловлено интересом не столько к его творчеству, сколько к насыщенной биографии. В случае же с Булгаковым дело обстоит наоборот. Писатель остается одним из самых издаваемых авторов художественной литературы в России — по итогам 2022 г. он занял 8 место в списке, суммарный тираж его книг за год составил 505 тыс. экземпляров⁴. Таким образом, внимание к его жизни является следствием интереса к его текстам, в первую очередь к «Мастеру и Маргарите», а также к «Собачьему сердцу», популяризации которого способствовал выход в 1988 г. одноименного фильма.

В середине 2000-х гг. личность Толстого начинает активно обсуждаться и в критике, важном институте канонизации писателей. В большинстве случаев катализатором дискуссии тоже становилась работа Варламова. Приведем показательный пример. В своей первой статье по поводу выхода биографии влиятельнейший критик А.С. Немзер использовал по отношению к текстам Толстого определение «краннесоветская “классика”» [21]. При этом слово «классика» было взято в кавычки, что недвусмысленно дезавуировало толстовский статус. Критик задавался вопросом, почему человек сомнительного, по его мнению, морального облика был выбран в качестве объекта биографического повествования: «По-настоящему интересно одно: выбор героя. Всю дорогу Варламов пытается убедить (кажется, не только читателя, но и себя), что автор <...> был и впрямь человеком и писателем замечательным» [21]. В другой своей статье уже по поводу публикации списка лауреатов «Большой книги», куда попала работа Варламова, Немзер был менее категоричен: «Алексей Толстой мне всегда был глубоко антипатичен и как человек (хоть не мнился чистопробным злодеем), и как писатель» [20]. Далее критик оговаривался, что после знакомства с книгой его отношение к фигуре Толстого стало более сложным: «Не то, чтобы Варламов меня переубедил, но после его книги захотелось перечитать и заново обдумать сочинения “красного графа”. Биограф сумел показать живого и, вопреки сложившимся стереотипам, отнюдь не счастливого и не слишком удачливого человека, глубоко преданного литературе и способного хранить обаяние даже в безобразиях и низостях» [20].

Любопытно, что сам Варламов прошел схожую эволюцию взглядов. В интервью «Российской газете» он заявлял:

---

⁴ 20 наиболее издаваемых авторов по художественной литературе. 2022 г. (01.01.2022–31.12.2022). URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/3statistics/knigi-broshyury/11.1.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

Изначально Толстой как человек мне был несимпатичен, и я не хотел за эту книгу браться, но — поразительная вещь — по мере того, как я эту биографию писал, книга меня победила. Как никакая другая. Мне кажется, что если всерьез говорить о Толстом, то дело как раз не в «советскости». Чего-чего, а этого качества у Толстого было меньше всего. Была скорее природная русская сила, напор, — свидетельство неуничтожимости, физического бессмертия нашего народа⁵.

С Немзером полемизировал критик С.Г. Боровиков⁶. Защищая писателя от упреков оппонента, он удивлялся, почему из всех советских классиков именно Толстой чаще всего оказывался объектом критики:

Мне не раз приходилось спорить <...> с Немзером <...> по поводу А. Толстого, и всякий раз я удивлялся тому, что подобного гнева не вызывают фигуры не менее замаранные в общественном и литературном плане, да и талантом пожиже. Тот же Всеволод Иванов! Чего только не числится на его совести: и борьба против постановок пьес Булгакова и Эрдмана, и никак не менее, чем у Толстого, подхалимские статьи в адрес Сталина и его режима, и не меньшая, а большая приспособленческая халтура о революции и Гражданской войне — роман «Пархоменко». Но — поди ж ты, не слышал в его адрес уничижительных слов [6, с. 222].

В итоге, отдавая дань толстовскому таланту писать острозаметные вещи, Боровиков предлагал называть его «красным Дюма»,

⁵ *Зайцев П.* Алексей Варламов: Изначально Алексей Толстой был мне несимпатичен. URL: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html> (дата обращения: 03.07.2023).

⁶ Пример крайне консервативного подхода к оценке личности писателя, наследующей советским мифологемам о Толстом, представляет собой статья филолога П.А. Бороздиной. В своем «ответе клеветникам и очернителям славного имени писателя-патриота» она критиковала авторов современных работ за попытки проанализировать причины конформистского поведения Толстого в советское время. Бороздина настаивала: антифашистская публицистика свидетельствует о патриотизме писателя, что автоматически оправдывает его неоднозначные поступки в прошлом (на момент начала войны тому исполнилось 58 лет). «Необходимо отметить <...> полное игнорирование патриотической деятельности Толстого в годы Великой Отечественной войны. Ведь если честно написать о вкладе А. Толстого в Победу, то от концепции личности писателя, положенной в основу книг Б. Сарнова, Ю. Оклянского и А. Варламова, ничего не останется. Все промахи писателя, все его человеческие слабости окажутся мелкими и ничтожными перед фактом великой заслуги Толстого в борьбе с фашизмом», — заключает автор статьи [7, с. 72].

тем самым акцентируя семантику вторичности его творчества по отношению к знаменитому французскому романисту.

Амбивалентную оценку фигуре Толстого дала даже бывший диссидент, последовательный и непримиримый критик советской системы В.И. Новодворская. Она посвятила писателю главу своей книги «Поэты и цари» (2009), где утверждала, что «нельзя убрать такого автора, как Алексей Николаевич Толстой, из литературы» [22, с. 311]. Новодворская отозвалась о советском периоде карьеры писателя скорее негативно: «Он пойдет по трупам и по костям. Он разучится жалеть. Он никого не подставит, ни на кого не донесет, не станет требовать ничьей головы. Но и не заступится» [22, с. 322]. Тем не менее, в конце главы она все же призывала «простить» Толстого: «Я бы простила — за талант. Но я не знаю, как просить об этом у Того, кто ценил совесть выше литературных данных. Кому много дано, с того много и спросится. А у меня нет аргументов, кроме желтого “Собрания сочинений”. Боюсь, что молитвы здесь не помогут. Остается надеяться на блатных чертей из адского барака» [22, с. 325].

Итак, как мы видим, к середине 2000-х гг. наметился сдвиг в сторону объективной оценки фигуры Толстого в научном и критическом дискурсах — работы о нем и его творчестве начали появляться регулярно. Усилия критиков и филологов способствовали перемещению имени Толстого, практически забытого в 1990-е гг., ближе к ядру национального литературного канона.

«Толстовский след» можно обнаружить в художественной литературе и кино 2000–2020-х гг., что свидетельствует о возросшем интересе к фигуре писателя и во влиятельных культурных кругах. Автор «Аэлиты», как правило, упоминался во второстепенных эпизодах книг и кинофильмов, что вполне изоморфно его нынешнему положению в литературном пантеоне. Так, в романе «Ложится мгла на старые ступени» (2000) А.П. Чудакова Толстой был одним из прототипов графа Шереметьева. Героя и писателя роднит не только любовь к застольям и выпивке, но и схожая манера представляться: персонаж подписывает работы «Гр. Шереметьев», что может расшифровываться тройко: «граф», «гражданин» или «Григорий» (имя героя). Толстой использовал похожую стратегию самопрезентации в пореволюционные годы⁷.

Другой яркий пример — герой романа Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» (2009), историк Соловьев, спустя 70 лет живущий

⁷ См. об этом: [10].

в доме, на месте которого в романе «Аэлита» находилась мастерская инженера Лося. Вообще, упоминание произведения Толстого становится поводом для формулировки вывода о том, что «художественный вымысел романа *Аэлита* отвечал действительности двадцатых годов в большей степени, чем объективная реальность годов девяностых» [8, с. 315].

Приведем еще один показательный пример, где Толстой упоминается в одном ряду с историками, на этот раз реально существовавшими. В новелле «Круговое движение» из фильма М. Сегала «Рассказы» (2012), на столе президента (И. Угольников) лежит книга «Петр Первый». Затем президент во время беседы с губернатором (С. Фетисов) цитирует обширный монолог заглавного героя романа о неустроенности жизни в Москве. Причем произведение Толстого упоминается президентом в одном ряду с классическими историческими трудами Карамзина и Ключевского⁸.

Примеры можно множить, но и представленных достаточно, чтобы сделать вывод о том, что фигура Толстого в интересующий нас период регулярно появляется и в произведениях современных авторов первого ряда, что вполне соответствует тенденции усиления интереса к писателю и его творчеству.

Важным инструментом канонизации в последние десятилетия становятся медиа, поскольку, по замечанию Б.В. Дубина, классика вошла в индустрию досуга и развлечений и, следовательно, стала массово воспроизводимой. Такое тиражирование делает произведение «социально удостоверенным» [12, с. 326]. Так, на различных телеканалах регулярно выходят фильмы о Толстом. Например, федеральный канал «Россия» выпустил документальную ленту «Красный граф Алексей Толстой»⁹, там же вышел цикл «Толстые» (ведущей выступила Ф. Толстая), одна из серий которого была посвящена писателю¹⁰. Однако наиболее весомый вклад в процесс

⁸ Этим «толстовский след» в современном игровом кино не ограничивается. Так, в фильме С. Ливнева «Ван Гоги» (2019) умирающий отец (Д. Ольбрыхский) постоянно называет своего взрослого сына Марка (А. Серебряков) птичьим и цитирует отрывок из главы «Желтухин» (кличка скворца, живущего в доме семьи главного героя повести «Детство Никиты»): «Здравствуй, здравствуй, птицын серый, энергичный и живой».

⁹ Мелетин В. Красный граф Алексей Толстой [Документальный фильм] // Телеканал Россия. 2005. URL: <https://smotrim.ru/brand/4807> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁰ Линник А., Толстая Ф. Толстые [Документальный фильм] // Телеканал Россия-Культура. 2013. URL: <https://smotrim.ru/video/544608> (дата обращения: 03.07.2023). О Толстом в интересующий нас период вышло еще несколько документальных телефильмов, в частности эпизод цикла «Гении и злодеи», «Алексей Толстой. Никто не знает правды». Как мы видим по названиям, авторы картин акцентировали

канонизации внес телеканал НТВ, в год столетия Октябрьской революции выпустивший 12-серийную экранизацию трилогии «Хождение по мукам». Известно, что произведения, экранизации которых приурочены к юбилейным историческим датам, априори наделяются повышенным символическим значением. Кроме того, «интерес телевидения к литературе» обычно «истолковывается как начало формирования нового национального пантеона» [17, с. 458].

Как писал обозреватель издания «Газета.Ру» Я. Забалуев, «в размышлениях о формате, в котором канал примет участие в торжествах, генеральный продюсер НТВ Тимур Вайнштейн пришел к тому, чтобы сделать что-то классическое, не злоупотребляя ревизионизмом»¹¹. Режиссер сериала К. Худяков в ряде интервью назвал произведение «классическим», а автора — «классиком», не проблематизируя его статус в современном пантеоне: «Каждое поколение снимает свою версию, на то роман и бессмертный, потому что каждое поколение из этого романа вытаскивает то, что созвучно его эпохе, его времени»¹². В другом интервью он высказался еще определеннее: «Меня сейчас спрашивали разные каналы, ради чего мы взялись за это, третья экранизация... Очевидно, классика отличается от просто проходной литературы тем, что каждое поколение находит в ней то, что болит у них здесь, в этот момент»¹³. Автор фильма в этих высказываниях воспроизводит «главный принцип отношения к классике — <...> убеждение в том, что она неисчерпаема, что ее тексты можно снова и снова перечитывать и находить в ней новые и новые богатства» [14, с. 137]. Такое отношение создателей сериала к толстовской трилогии способствует повышению символического статуса писателя в глазах широкой аудитории федерального телеканала и в то же время укрепляет его положение в литературном пантеоне. Кроме того, для признания статуса классика всегда нужна санкция публичной власти [14, с. 134]. В случае с «Хождением по мукам» государство частично спонсировало создание сериала, выделив по 5 миллионов рублей на

внимание зрителя на неоднозначности и «таинственности» биографии автора «Золотого ключика, или приключений Буратино».

¹¹ Забалуев Я. Нет у революции конца. 2017. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/20/a_10994576.shtml (дата обращения: 03.07.2023).

¹² См.: Фладунг К. «Был обречен на сравнение»: режиссер «Хождений по мукам» ответил на критику. 2017. URL: <https://www.ridus.ru/news/266347> (дата обращения: 03.07.2023).

¹³ См.: Александрова М. Новое «Хождение по мукам»: размолоть, перемешать, отжать и поперчить. 2017. URL: <https://www.ridus.ru/news/266347> (дата обращения: 03.07.2023).

производство каждого эпизода¹⁴. Финансовая помощь создателям телефильма может свидетельствовать о постепенном признании толстовского авторитета и на государственном уровне.

В том же юбилейном 2017 г. по инициативе самарского филолога и общественного деятеля М.А. Перепелкина был запущен проект «Читаем Толстого». Его суть состояла в следующем: на местном телевидении выходил цикл передач, где в каждом выпуске известные самарцы читали отрывки из «Хождения по мукам». По замыслу автора, роман должен был выполнять функцию объединения общества: «Чтецы романа, в большинстве своем — известные в Самаре люди, медийные личности, придерживающиеся разных политических взглядов, представлений об искусстве, объединяются в процессе чтения толстовским замыслом, художественным словом, то есть консолидируются на почве гуманитарных, общечеловеческих ценностей. Может быть, именно эта консолидация и должна стать главным уроком русской революции», — говорил организатор проекта журналистам¹⁵.

Судя по всему, авторы самарского проекта опирались на концепцию, реализованную двумя годами ранее. В 2015 г. было запущено «самое масштабное событие года литературы» (так создатели, государственный медиахолдинг ВГТРК, позиционировали проект) — четырехдневный марафон «Война и мир. Читаем роман»¹⁶. С 8 по 11 декабря более 1300 человек из разных городов России и мира в прямом эфире читали подряд весь текст романа. В мероприятии участвовали не только известные деятели литературы и культуры, но и первые лица государства, вплоть до главы Совета Федерации В.И. Матвиенко и премьер-министра Д.А. Медведева. Эта акция, санкционированная государственными институтами, судя по всему, должна была продемонстрировать включенность современной России в мировой культурный контекст. Неслучайно организаторы постоянно подчеркивали, что проект носит международный характер и заостряли внимание на участии в чтениях известных иностранцев: «Фрагменты романа Толстого читали польский кинорежиссёр Анджей Вайда, итальянский актёр Микеле Плачидо, американский

---

¹⁴ *Смурыгина Е.* «Хождение по мукам»: новый сериал превзошел советские экранизации. 2017. URL: <https://www.bfm.ru/news/370303> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁵ В Самаре стартует авторский проект Михаила Перепелкина «Читаем Толстого» [Статья] // Волга Ньюс. URL: <https://volga.news/article/442397.html> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁶ Итоги // Война и мир. Чтение романа в прямом эфире [Сайт]. URL: <https://voinaimir.com/news/334865> (дата обращения: 03.07.2023).

режиссёр Майкл Хоффман. Из Парижа читала директор театра “Комеди франезз” Мюриель Майетт»¹⁷. Помимо этого, авторы заявляли другую экстралитературную цель, заключающуюся в «возможности увидеть сегодняшнюю Россию во всей ее красе: природа, культура, география, различные климатические пояса»¹⁸. С другой стороны, акция была призвана продемонстрировать международной аудитории не только высочайший уровень отечественной культуры, но и успехи России в других областях — научной и технологической. Для этого чтения устраивались, например, на борту ледокола и международной космической станции.

На этом фоне участники похожего локального самарского проекта парадоксально и, судя по всему, невольно подчеркивали вторичность А.Н. Толстого относительно его предшественника-однофамильца, по сути, возвращались к логике Иванова-Разумника (см. выше), явно не желая добиться такого эффекта. Несоответствие масштабов двух обсуждаемых акций подчеркивало разницу в символическом статусе между автором «Войны и мира» и автором «Хождений по мукам». Можно говорить о том, что здесь косвенно воспроизводился бунинский миф о «третьем Толстом», писателе, который из-за своей вторичности по отношению к двум предшественникам-однофамильцам не может претендовать на центральное место в литературном пантеоне¹⁹.

При этом важно отметить, что, судя по всему, в целом у краеведов и филологов, работающих за пределами столицы, не вызывает сомнения чрезвычайно высокий символический статус Толстого. Маркером этого является частотность употребления слова «классик» в посвященных ему статьях. Приведем показательный пример: автор журнала «Урал» А. Карфидов посвятил свою работу короткому эпизоду из студенческой жизни писателя — его пребыванию в Невьянске на инженерной практике. В самом начале статьи он назвал Толстого «классиком мировой литературы» [16]²⁰. Указание на высочайший статус писателя призвано усилить символическую

---

¹⁷ Итоги // «Война и мир». Чтение романа в прямом эфире. URL: <http://voinaimir.com/news/334865/> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Подробнее о стратегии литературной борьбы Бунина с Толстым см.: [4, с. 156–161].

²⁰ Судя по всему, автор здесь воспроизводит отношение к советским классикам, сформировавшееся в послевоенных учебниках по литературе, в которых декларируется «мировое значение» ведущих советских писателей, в частности Маяковского и Толстого. См. об этом: [28, с. 217–218].

значимость периферийного места, с которым был связан любой, пусть даже незначительный, эпизод из его жизни.

Особенно ярко эксплуатация имени Толстого для насыщения провинциального локуса дополнительными символическими «слоями» представлена в книгах уже упомянутого нами М. Перепелкина. Так, в одной из его монографий повесть Толстого «Детство Никиты» является поводом для краеведческого исследования мест вокруг хутора Сосновка, где будущий писатель родился и прожил до 14 лет [26]. Продолжает эту линию книга «Ходившие по мукам: “самарский код” в трилогии А.Н. Толстого» [27]. Сам автор по поводу выхода этой книги говорил: «То, что в “Хождении по мукам” столько Самары, столько самарских страниц, это нам всем огромный подарок»²¹. Судя по всему, под «подарком» здесь подразумевается возможность развивать культурный «бренд» города, опираясь на авторитет известного романа. Как мы видим, подобного рода оценки способствуют канонизации Толстого и в то же время призваны повысить символическую значимость провинциальных мест, с которыми автор был связан биографически.

Новый виток процесса канонизации Толстого начался в год 140-летия со дня его рождения, когда ряд влиятельных федеральных медиа выпустили материалы, приуроченные к этой дате. Канал «Культура» выпустил телефильм из цикла «Ноев Ковчег. Теория невозможного», посвященный писателю²². В рамках передачи «Настоящее историческое (Praesens historicum)» на «Радио России» вышло интервью с известным толстоведом Г.Н. Воронцовой об истории создания эпопеи «Хождение по мукам»²³. Также нам удалось найти 11 юбилейных публикаций в федеральных печатных и онлайн-СМИ, в их числе ТАСС, «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». Журналисты прежде всего обращали внимание аудитории на неоднозначность биографии «третьего Толстого», однако тон большинства статей оставался нейтральным. Приведем характерный пример из материала ТАСС:

²¹ Михаил Перепелкин представил книгу «Ходившие по мукам: “самарский код” в трилогии А.Н. Толстого» [Видео]: Самара-Гис. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPrWhfyE0Ok> (дата обращения: 03.07.2023).

²² Урвачева Н. Ноев Ковчег. Теория невозможного. Алексей Толстой [Документальный фильм] // Телеканал Россия-Культура. 2023. URL: <https://smotrim.ru/video/2542223> (дата обращения 09.03.2024).

²³ Бехтина Н. Галина Воронцова: То, что из названия романа — по сравнению с апокрифом — исчезло слово Богородица, полностью меняет его восприятие [Аудио] // Радио России. 2023. URL: <https://smotrim.ru/audio/2677800> (дата обращения 09.03.2024).

Толстой — фигура сложная и уникальная для отечественной литературы <...>. Поэт Серебряного века, важный автор русской эмиграции, известный советский писатель, лауреат Сталинских премий — он прожил все диаметрально противоположные ипостаси, в которых мог существовать творческий человек первой половины XX века <...> попытаемся понять, кем же он был на самом деле²⁴.

В представленной цитате автор избегает оценочных суждений и декларирует попытку рассмотреть фигуру Толстого «объективно». Впрочем, эта статья, как и большинство других, воспроизводит привычные мифы и анекдоты о писателе. Любопытно при этом, что колумнист сайта газеты «Комсомольская правда» Д. Корсаков прямо назвал писателя «классиком русской литературы»²⁵. О принадлежности произведений Толстого к классике заявляли и опрошенные региональным порталом «Слово» ученые-филологи. Так, Д. Ричмонди, профессор Пармского университета, назвал фантастический роман «Аэлита» «классикой»²⁶. Юбилейная статья «Семь вещей Алексея Толстого» вышла и на сайте, созданном в 2015 г. по решению Оргкомитета по проведению Года литературы в РФ²⁷ (проект финансировало государственное агентство «Роспечать»). Таким образом, мы видим, что медиа, причем, что особенно важно подчеркнуть, преимущественно государственные, начали постепенно формировать мнение широкой аудитории о Толстом как о классике русской литературы.

Вносят вклад в этот процесс и региональные государственные учреждения. Мы обнаружили на сайтах библиотек, колледжей и университетов более полутора сотен материалов, информирующих о 140-летию со дня рождения писателя, а также о связанных с этим выставках и подобных мероприятиях.

В конце нашей статьи попробуем охарактеризовать положение А.Н. Толстого в современном пантеоне русской литературы. Перед этим важно оговориться: мы считаем справедливым суждение о том,

---

²⁴ *Валуцкая А.* От поэта Серебряного века до «красного графа»: лица и маски Алексея Толстого. URL: <https://tass.ru/opinions/16760405> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁵ *Корсаков Д.* Как Алексей Толстой променял Нобелевскую премию на жизнь в Советском Союзе. URL: <https://www.kp.ru/daily/27450/4703752/> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁶ *Сарсенбаев А.* «Знал все русское как никто». URL: <http://slovo-omga.ru/node/395> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁷ *Замостьянов А.* Семь вещей Алексея Толстого. URL: <https://godliterature.ru/articles/2023/01/10/sem-veshchic-alekseia-n-tolstogo> (дата обращения: 03.07.2023).

что «кажется труднодостижимой» строгая верификация наличия того или иного имени внутри национального канона, поскольку не существует источников, исчерпывающе фиксирующих этот корпус» [11, с. 110]. Тем не менее, можно утверждать, что в последние десятилетия наблюдается повышение интереса к писателю в научном, критическом, культурном и медиа-дискурсах. Регулярно выходят телефильмы, статьи и научные монографии о Толстом, переиздаются его биографии. Все это запустило процесс «реканонизации» мэтра советской литературы, который претендует на статус «забытого и возвращенного классика» [14, с. 326], если пользоваться классификацией Б. Дубина. Однако этот процесс нельзя считать завершенным, поскольку не приходится говорить о том, что Толстой вошел в ядро национального литературного пантеона. Об этом прежде всего свидетельствует отсутствие его имени в кодификаторе ЕГЭ по литературе за все годы проведения экзамена.

Можно выделить несколько причин сложившегося положения. Во-первых, сама фамилия писателя задавала его вторичность по отношению к важнейшему классику XIX в. Л.Н. Толстому, на чем регулярно акцентировали внимание современники. Усугубляло ситуацию и вызывающе конформистское, по мнению современников, поведение «третьего Толстого», благодаря которому он приобрел неоднозначную репутацию еще при жизни. Такая жизненная стратегия противоречила взглядам интеллигенции, в соответствии с которыми «настоящий писатель должен быть оппозиционен власти», поэтому «благополучная судьба писателя в советское время подталкивает к поиску причин компрометирующего характера». С такими авторами «и при жизни, и много лет после смерти сводят счеты», так как «подобное поведение в российской культурной жизни не просто воспринимается как неправомочное, но болезненно задевает» [15]. Действительно, дискуссия о неоднозначных поступках Толстого, не соответствующих представлениям о классиках, до сих пор часто отодвигает на второй план обсуждение поэтики и эстетических свойств его произведений. Показательный пример такого рода оценок — заголовок книги Ю. Оклянского, посвященной взаимоотношениям писателя и П.Л. Капицы, «Беспутный классик и кентавр» (2009), в котором признание высшего статуса писателя в советской литературной иерархии («классик») сопровождается эмоционально окрашенной оценкой его личности («беспутный») [23].

Кроме того, после распада СССР символический авторитет советских авторов в целом резко упал, а в фокусе внимания специалистов и читательской аудитории оказались произведения неподцензурных

и «возвращенных» писателей, что было во многом закреплено и в школьном каноне. К тому же, в современной России не нашлось авторитетных акторов, готовых предпринимать системные попытки возвращения имени Толстого с периферии в центральную часть национального пантеона.

Наконец, важным фактором является и то, что в последние десятилетия степень литературоцентричности русской культуры постоянно ослабевает, в связи с чем государство уделяет меньше (по сравнению с советским правительством) внимания литературным юбилеям и подобным способам эксплуатации словесности для решения идеологических задач. Следовательно, формирование нового литературного канона не входит в список приоритетных государственных мер.

Литература

1. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. Вып. 1. 371 с.
2. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: Литературный музей, 2017. Вып. 2. 414 с.
3. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 3. 560 с.
4. *Анисимов К.В.* Книга И.А. Бунина «Воспоминания» как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 143–163.
5. А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 243 с.
6. *Боровиков С.Г.* Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом // Знамя. 2006. № 6. С. 220–224.
7. *Бороздина П.А.* Алексей Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 1 (16). С. 69–97.
8. *Водолазкин Е.Г.* Соловьев и Ларионов. М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2019. 409 с.
9. *Газданов Г.И.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1: Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки. 880 с.
10. *Горбенко А.Ю., Чекушин В.В.* Гражданин, граф, Григорий: А.Н. Толстой в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/443/1
11. *Горбенко А.Ю.* «Самый неизвестный классик»: механизмы несостоявшейся литературной канонизации Георгия Гребенщикова в 1990–2010-е годы // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 109–122.
12. *Дубин Б.В.* Классик — звезда — модное имя — культовая фигура: о стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.

13. *Дубин Б.В.* Классика: после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛЮ, 2010. 345 с.
14. *Зенкин С.Н.* От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 133–140.
15. *Иванов-Разумник Р.В.* Алексей Толстой 2-й // Критика XX века / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Е.В. Ивановой. М.: Олимп, 2002. С. 106–114.
16. *Карфидов А.* Невьянск в творчестве А.Н. Толстого // Урал. 2009. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/10/nevyansk-v-tvorchestve-alekseya-tolstogo.html> (дата обращения: 03.07.2023).
17. *Каспэ И.М.* Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: НЛЮ, 2009. С. 452–489.
18. *Литовская М.А.* Творческие возможности демонстративного конформизма советского писателя // Неприкосновенный запас. 2014. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennuu_zapas/96_nz_4_2014/article/11070/ (дата обращения: 03.07.2023).
19. *Молотов В.М.* Статьи и речи 1935–1936 гг. М.: Партиздат, 1937. 272 с.
20. *Немзер А.С.* Вырулили. Названы три «большие книги» // Время новостей. 2007. № 216. URL: <http://www.vremya.ru/2007/216/10/192745.html> (дата обращения: 30.07.2023).
21. *Немзер А.С.* Из нулевых в двадцатые // Время новостей. 2005. № 183. URL: <http://www.vremya.ru/2005/183/10/135765.html> (дата обращения: 03.07.2023).
22. *Новодворская В.И.* Поэты и цари. М.: АСТ, 2010. 476 с.
23. *Оклянский Ю.М.* Беспутный классик и кентавр. М.: Печатные традиции, 2009. 640 с.
24. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (106). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennuu_zapas/106_nz_2_2016/article/11916/ (дата обращения: 03.07.2023).
25. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас. 2016. № 5 (109). С. 125–145. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennuu_zapas/109_nz_5_2016/article/12126/ (дата обращения: 03.07.2023).
26. *Перепелкин М.А.* Вокруг «Детства Никиты». Мир — слово — смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021. 702 с.
27. *Перепелкин М.А.* Ходившие по мукам: «самарский код» в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр. 2022. 704 с.
28. *Пономарев Е.Р.* Чему учит учебник? Учебник по литературе в рамках советской школы // Нева. 2010. № 1. С. 208–220.
29. *Свердлов М.И.* По ту сторону добра и зла. Алексей Толстой: от Буратино до Петра. М.: Глобус, Изд-во НИЦ ЭНАС, 2004. 176 с.
30. *Толстая Е.Д.* Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1922). М.: РГГУ, 2005. 715 с.

Research Article

Third Wheel? Attempts at Literary Canonization of A.N. Tolstoy in the 2000–2020s

© 2024. Vikentiy V. Chekushin

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Abstract: In the early 1990s, against the background of the loss of the authority of Soviet culture, the name of Alexey Tolstoy fell out of the core of the national literary canon. There was a consensus regarding the figure of the writer, first of all, as an opportunist who collaborated with the authorities and fulfilled a “social order.” Such assessments often had an emotionally colored character and pushed the discussion about the poetics of Tolstoy’s texts into the background. However, since the beginning of the 2000s, there has been a shift towards a more objective assessment of the writer’s role in the national literary process. Especially the publication of Tolstoy’s biography, written by A.N. Varlamov, has contributed to this course. Since the same period, representatives of various institutes of canonization have actualized the discussion about Tolstoy’s place in the national pantheon of literature. This article examines the mechanisms of the writer’s canonization in the 2000–2020s. The focus of attention, first of all, was on fiction, critical, and media discourses, where there were regular mentions of Tolstoy and references to his literary texts. Despite the intensification of interest in the personality and work of the writer, it is not necessary to assert that his name has entered the core of the national literary canon. It is due to several reasons, in particular, the sharp decline in the authority of Soviet classics after the collapse of the USSR and the absence in modern Russia of systematic attempts by representatives of the major institutions of literary canonization to return Tolstoy’s figure to the national pantheon.

Keywords: A.N. Tolstoy, A.N. Varlamov, canonization, literary criticism, biography.

Information about the author: Vikentiy V. Chekushin — PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarskiy Rabochiy Ave., 31, 660037 Krasnoyarsk, Russia; Associate Professor, Department of Journalism and Literature, Siberian Federal University, Svobodniy Ave., 82 A, 660041 Krasnoyarsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

E-mail: Vikeshabk@bk.ru

For citation: Chekushin, V.V. “Third Wheel? Attempts at Literary Canonization of A.N. Tolstoy in the 2000–2020s.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 242–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-242-260>

References

1. *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2014. 371 p. (In Russ.)
2. [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 414 p. (In Russ.)
3. [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 560 p. (In Russ.)
4. Anisimov, K.V. “Kniga I.A. Bunina ‘Vospominaniia’ kak tsikl: opyt rekonstruktsii avtobiograficheskogo siuzheta” [“I.A. Bunin’s Book ‘Memories’ as a Cycle: The Experience of Reconstructing an Autobiographical Plot”]. *Kritika i semiotika*, no. 15, 2011, pp. 143–163. (In Russ.)
5. *A.N. Tolstoi. Noveye materialy i issledovaniia (Rannii Tolstoi i ego literaturnoe okruzhenie)* [A.N. Tolstoy. New Materials and Research (Early Tolstoy and His Literary Environment)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 243 p. (In Russ.)
6. Borovikov, S.G. “Aleksei Varlamov. Krasnyi shut. Biograficheskoe povestvovanie ob Aleksee Tolstom” [“Alexey Varlamov. The Red Buffoon. A Biographical Tale About Alexei Tolstoy”]. *Znamia*, no. 6, 2006, pp. 220–224. (In Russ.)
7. Borozdina, P.A. “Aleksey Tolstoy v sovremennom prochtenii: polemicheskie zametki” [“Alexey Tolstoy in Modern Perusal: Polemic Notes”]. *Bereginiia. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, no. 1 (16), 2013, pp. 69–97. (In Russ.)
8. Vodolazkin, E.G. *Solov’ev i Larionov* [Solovyov and Larionov]. Moscow, AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ. 2019. 409 p. (In Russ.)
9. Gazdanov, G.I. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.], vol. 1: Romany. Rasskazy. Literaturno-kriticheskie esse. Retsenzii i zametki [Novels. Stories. Literary Critical Essays. Reviews and Notes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. 880 p. (In Russ.)
10. Gorbenko, A.Iu. and V.V. Chekushin. “Grazhdanin, graf, Grigorii: A.N. Tolstoi v romane A.P. Chudakova ‘Lozhitsia mгла na starye stupeni’.” [Citizen, Count, Grigoriy: Aleksey Tolstoy in A.P. Chudakov’s Novel ‘A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps’.”] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univesiteta*, no. 443, 2019, pp. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/443/1 (In Russ.)
11. Gorbenko, A.Iu. “‘Samyi neizvestnyi klassik’: mekhanizmy nesostoiavsheisia literaturnoi kanonizatsii Georgiia Grebenshchikova v 1990–2010-e gody” [“‘The Most Unknown Classic’: The Mechanisms of the Would-Be Literary Canonization of George Grebenstchikoff from 1990s–2010s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 109–122. (In Russ.)
12. Dubin, B.V. “Klassik — zvezda — modnoe imia — kul’tovaiia figura: o strategiiaakh legitimatsii kul’turnogo avtoriteta” [“Classic — Celebrity — Fashionable Name — Cult Figure: On Strategies for Legitimizing Cultural Authority”]. *Kul’t kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel’* [Cult as a Phenomenon of the Literary Process: Author, Text, Reader]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, pp. 324–330. (In Russ.)
13. Dubin, B.V. *Klassika: posle i riadom. Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul’ture* [Classics: After and Next. Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 345 p. (In Russ.)
14. Zenkin, S.N. “Ot teksta k kul’tu” [“From the Text to the Cult”]. *Kul’t kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel’* [Cult as a Phenomenon of the Literary Process: Author, Text, Reader]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, pp. 133–140. (In Russ.)
15. Ivanov-Razumnik, R.V. “Aleksei Tolstoi 2-i” [“Alexey Tolstoy II”]. *Kritika XX veka* [Criticism of the 20th Century], comp., introd. article, preamble and notes by E.V. Ivanova. Moscow, Olimp Publ., 2002, pp. 106–114. (In Russ.)
16. Karfidov, A. “Nev’iansk v tvorchestve A.N. Tolstogo” [“Nevyansk in A.N. Tolstoy’s Works”]. *Ural*, no. 10, 2009. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/10/nevyansk-v-tvorchestve-alekseya-tolstogo.html> (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)

17. Kaspe, I.M. “Klassika kak kollektivnyi opyt: literatura i teleserialy” [“Classics as a Collective Experience: Literature and TV Shows”]. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 452–489. (In Russ.)
18. Litovskaia, M.A. “Tvorcheskie vozmozhnosti demonstrativnogo konformizma sovetskogo pisatel'ia” [“Creative Possibilities of Demonstrative Conformism of the Soviet Writer”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4, 2014. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/96_nz_4_2014/article/11070/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
19. Molotov, V.M. *Stat'i i rechi 1935–1936 gg.* [Articles and Speeches, 1935–1936]. Moscow, Partizdat Publ., 1937. 272 p. (In Russ.)
20. Nemzer, A.S. “Vyruili. Nazvany tri ‘bol'shie knigi’.” [“Taxied Out. Three ‘Big Books’ Have Been Named”]. *Vremia novostei*, no. 216, 2007. Available at: <http://www.vremya.ru/2007/216/10/192745.html> (Accessed 30 July 2023). (In Russ.)
21. Nemzer, A.S. “Iz nulevykh v dvadtsatye” [“From the 2000s to the 1920s”]. *Vremia novostei*, no. 183, 2005. Available at: <http://www.vremya.ru/2005/183/10/135765.html> (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
22. Novodvorskaia, V.I. *Poety i tsari* [Poets and Kings]. Moscow, AST Publ., 2010. 476 p. (In Russ.)
23. Oklianskii, Iu.M. *Besputnyi klassik i kentavr* [A Dissolute Classic and a Centaur]. Moscow, Pechatnye traditsii Publ., 2009. 640 p. (In Russ.)
24. Pavlovets, M.G. “Shkol'nyi kanon kak pole bitvy. Chast' pervaiia: istoricheskaia rekonstruktsiia” [“The School Canon as a Battlefield. Part 1: Historical Reconstruction”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2 (106), 2016. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/106_nz_2_2016/article/11916/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
25. Pavlovets, M.G. “Shkol'nyi kanon kak pole bitvy: kupel' bez rebenka” [“The School Canon as a Battlefield: A Font Without a Child”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 5 (109), 2016, pp. 125–145. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/109_nz_5_2016/article/12126/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
26. Perepelkin, M.A. *Vokrug “Detstva Nikity.” Mir — slovo — smysl* [Around “Nikita's Childhood.” World — Word — Meaning]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2021. 702 p. (In Russ.)
27. Perepelkin, M.A. *Khodivshie po mukam: “samarskii kod” v trilogii A.N. Tolstogo* [The Ordeal: “The Samara Code” in the Trilogy by A.N. Tolstoy]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)
28. Ponomarev, E.R. “Chemu učit učebnik? Učebnik po literature v ramkakh sovetskoi shkoly” [“What Does the Textbook Teach? A Textbook on Literature Within the Framework of the Soviet School”]. *Neva*, no. 1, 2010, pp. 208–220. (In Russ.)
29. Sverdlov, M.I. *Po tu storonu dobra i zla. Aleksei Tolstoi: ot Buratino do Petra* [Beyond Good and Evil. Alexey Tolstoy: From Buratino to Peter]. Moscow, Globus, NTs ENAS Publ., 2004. 176 p. (In Russ.)
30. Tolstaia, E.D. *Degot' ili med: Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel' (1917–1922)* [Tar or Honey: Alexey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1922)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 715 p. (In Russ.)

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-261-292>
<https://elibrary.ru/XSZMSY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«...Не Шекспир главное, а примечания к нему»: комментарий академический и учебный, комментарий как автобиография, исследование и расследование

© 2024, Е.В. Иванова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории формирования стандарта академического комментария в советскую эпоху, а также сложившимся в то время его составным частям: описанию источников произведения, истории его создания и пояснениям к встречающимся в тексте реалиям, непонятным читателю. Отдельный раздел работы касается истории создания комментированных изданий классики для учебных заведений, среди которых — в качестве образцового — рассматривается пятитомное собрание сочинений А.С. Пушкина, подготовленное Л.И. Поливановым. Главное отличие этих комментариев заключается в том, что они предворяют текст, заранее отвечают на вопросы, которые могут возникнуть у учащихся. Кратко характеризуются адресованные учителям средних школ комментарии Н.Л. Бродского к «Евгению Онегину», ставшие предметом острой критики В.В. Набокова, а также комментарии к «Евгению Онегину» Ю.М. Лотмана. Отдельно анализируется русская версия книги Набокова «Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»», которая стала новой страницей в развитии жанра комментария, превратившей его в автобиографию и инструмент самопознания. Рассматривается вопрос, насколько справедливыми были нападки Набокова на комментарии Бродского и Чижевского. Еще одно направление в трансформации жанра комментария представлено в комментариях С.З. Лущика к повести В.П. Катаева «Уже написан Вертер», где примечания перерастают в полноценное исследование, открывающее неизвестную и тщательно скрываемую страницу в биографии советского писателя.

Ключевые слова: комментарий академический, комментарий учебный (адресный), А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», Л.И. Поливанов, Н.Л. Бродский, Ю.М. Лотман, комментарий-автобиография, В.В. Набоков, Р.Д. Тименчик, комментарий-исследование, творчество В.П. Катаева, «Уже написан Вертер», С.З. Лущик.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>

E-mail: evi@l-z.ru

Для цитирования: *Иванова Е.В.* «...Не Шекспир главное, а примечания к нему»: комментарий академический и учебный, комментарий как автобиография, исследование и расследование // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 261–292. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-261-292>

При обсуждении проблем комментирования часто цитируют фразу из записной книжки А.П. Чехова: «...Не Шекспир главное, а примечания к нему»¹. По нашим предположениям, своим рождением она обязана венгеровскому изданию У. Шекспира 1902–1904 гг.: вероятно, Чехов услышал ее от самого С.А. Венгерова, большого энтузиаста и, можно сказать, пионера комментированных изданий классики в России. Однако ответ на вопрос, который казался Чехову единственно возможным, ныне таковым не является, поскольку примечания, которые теперь чаще называют комментариями², в наших отношениях с Шекспиром сегодня играют совсем иную роль. Издавать классические произведения так, словно они были вчера написаны, теперь означает расписаться в издательской некомпетентности. Комментарий не только становится неотъемлемой частью любого издания, претендующего на авторитетность, но и начинает играть самостоятельную роль; внутри него складывается собственная жанровая типология, на которую хотелось бы обратить внимание.

Комментарий академический

Особая роль комментария ранее всего была осознана при подготовке академических изданий классики. Сегодня во всех учебных пособиях по текстологии есть раздел, специально посвященный комментариям, хотя, как правило, достаточно скромный. Например,

---

¹ *Чехов А.П.* <Записная книжка I> // *Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / гл. ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1987. Т. 17: Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. С. 52.

² Термины «комментарии» и «примечания» мы используем как синонимы и в качестве определения их смысла используем словарное значение: «разъяснение какого-либо текста путем примечаний и толкований», «пояснение, объяснительное и критическое замечание к чему-либо; рассуждение по поводу чего-либо».

в монографии С.А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» — очень популярной среди современных текстологов — он является частью раздела «Вспомогательный аппарат издания» (см.: [10, с. 287–294]).

Генеалогию современных академических комментариев Рейсер находит в глубине веков:

История создания аппарата комментариев (примечаний) уходит в далекую древность. Когда в старину переписчик какого-либо произведения чего-то в нем не понимал, он или пропускал темное для него место, или переписывал его, оставляя те или другие нелепости, или же «исправлял» рукопись соответственно своему разумению, а иногда, гордясь своей «эрудицией» и в назидание потомкам, пояснял — на полях или непосредственно в тексте — затруднявшее его слово или отрывок. Греческое слово «глосса» и обозначает «толкование непонятого места» [10, с. 289].

Так, в несколько завуалированной форме в советское время отмечалось происхождение комментариев от глоссариев к Священному Писанию. Традиция библейских истолковательных глоссариев, как представляется, совсем не исчезла, она дожила до наших дней в форме «методов» и «подходов» к интерпретации текста различных научных школ — марксистских, структуралистских, семиотических и др. Кроме того, этот тип комментария локализуется в разного рода исследованиях герменевтического характера.

Рейсер проводил разграничение между изданием памятников до XVII в., тесно связанным «с европейской традицией издания исторических (в особенности летописных) и духовных памятников и подробно разработанных приемов так называемой “критики текста”» [10, с. 290], и изданиями литературы нового времени. Точкой отсчета «истории справочно-вспомогательного аппарата изданий памятников новой русской литературы» Рейсер называет издание А.С. Пушкина под редакцией П.В. Анненкова (1855–1857) [10, с. 290]. Можно считать и так, хотя такой подход будет формальным, поскольку в своих рассуждениях о комментарии Рейсер имеет в виду все-таки комментарий академический, сформировавшийся в рамках изданий классики, которые в советское время готовило академическое издательство «Наука». Это было единственное издательство, обладавшее привилегией готовить комментированные издания литературных памятников и произведений русской классики. Даже такое авторитетное издательство как «Художественная литература»

имело строгие ограничения по объему комментария, помещаемого в его изданиях. Заново подготовленный по рукописи текст классического произведения (даже если он был подготовлен авторитетным ученым) издательство не имело права публиковать в принципе, как и вносить изменения в устоявшиеся тексты, если они имелись в формате академических изданий.

В итоге в замкнутом пространстве академической монополии на авторитетные издания классики сформировался особый тип комментария. Корпоративность сделала возможным формирование некоторых если не законов, то норм, регламентирующих все то, что могло и не могло включаться в комментарий, и, как показало дальнейшее развитие жанра комментария, это был далеко не бессмысленный процесс.

Следует отметить, что главная задача академических изданий всегда состояла в подготовке авторитетных текстов классических произведений, и комментарий в рамках этой задачи рассматривался лишь как «вспомогательный аппарат издания». Поэтому основную особенность академического комментария Рейсер выразил следующим образом: «...независимо от того, для какой читательской аудитории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему — он должен помочь читателю понять текст. Комментарий — спутник текста» [10, с. 293]. Мысль о зависимости типа комментария от характера издаваемого текста представляется очень важной, именно этим определяется структура академического комментария.

Главное место в нем занимала история создания произведения от момента возникновения замысла и до его завершения. Сюда входило археографическое описание рукописей и печатных источников текста: автографов, авторских копий, редакций и вариантов, а также прижизненных изданий, в подготовке которых принимал участие автор, — то, что называется творческой или генетической историей произведения. Включались сюда также все упоминания о работе над произведением в дневниках, записных книжках и переписке. Это самая ответственная часть комментария, существующая исключительно в академических изданиях.

Вторую, не менее важную, часть комментария составляют отклики современников, характеризующие восприятие памятника в эпоху его создания и первого появления перед читателями. Важность этого раздела заключается в том, что он составлен из мнений лиц, живших в одно время с писателем, говоривших с ним на одном языке, существовавших в одном историческом контексте. Над современниками

еще не довлеют устоявшиеся оценки и мнения, они воспринимают произведение наименее предвзято, обладают «свежестью взгляда». Даже если эта «свежесть» оказывается полной слепотой, в исторической перспективе это поможет, во-первых, понять, насколько автор опережал свое время, во-вторых, понять особенности восприятия и систему оценок его современников — все то, что можно назвать неписаными законами эпохи.

В судьбе классических произведений мнения современников служат своего рода точкой отсчета, но и в рамках своей эпохи классические произведения могут подвергаться переоценке. Например, цикл стихов А.А. Блока «На поле Куликовом» (1908), прежде чем стать безусловной классикой, при первой публикации в альманахе «Шиповник» натолкнулся на довольно сдержанный прием. Поэт Б.А. Садовской, под псевдонимом, писал о чужеродности исторической темы дарованию Блока, «рыцаря Прекрасной Дамы»: «В стихотворениях “На Куликовом поле” (так в тексте. — *Е.И.*) не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы их появление и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов»³. И тот же Садовской — спустя всего два года — писал Блоку «Без мурашек не могу читать “Поля Куликова” и “России”»⁴. По-настоящему восторженную оценку стихи этого цикла получили лишь после публикации в сборнике «Стихи о России» (1915), изданном во время Первой мировой войны, закрепив за Блоком славу национального поэта. Все это показывает, что произведение, которое мы почитаем как безусловную классику, далеко не сразу вошло в этом качестве в сознание своей эпохи.

Но бывает, что причины восторженного приема первых читателей кажутся последующим поколениям загадкой. Такого рода пример мы находим в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича, который писал о том, как прозвучали для него и его окружения стихи из сборника К.Д. Бальмонта «Будем как Солнце» (1903):

Я вспоминаю прозрачную весну 1902 года. В те дни Бальмонт писал «Будем как солнце» — и не знал, и не мог знать, что в удрученных классах 3-й московской гимназии два мальчика: Гофман Виктор и Ходасевич Владислав читают, и перечитывают, и вновь читают и перечитывают всеми правдами и неправдами раздобытые коррек-

³ Голов И. [Садовской Б.А.] Розы без шипов // Весы. 1909. № 9. С. 95.

⁴ Письмо Б.А. Садовского А.А. Блоку от 9 ноября 1911 г. (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391. Л. 4).

туры скорпионовских «Северных Цветов». Вот впервые оттиснутый «Художник-дьявол», вот «Хочу быть дерзким», которому еще только предстоит стать пресловутым, вот «Восхваление Луны», подписанное псевдонимом: Лионель.

Читали украдкой и дрожали от радости. Еще бы. Шестнадцать лет, солнце светит, а в этих стихах целое откровение. Ведь это же бесконечно ново, прекрасно, необычно!..⁵

Далеко не всякому поэту дано иметь такого читателя, но именно на таком восприятии современников зиждется репутация поэта, ставшего кумиром целого поколения. И поскольку повальному увлечению Бальмонтом очень скоро пришел конец, подобные отзывы позволяют представить, на чем основывалась его былая слава.

Еще одним примером могут служить воспоминания А.Н. Толстого о том, как его поколение встретило выход «Очерков и рассказов» М. Горького в 1899 г.: «Едва начинались летние каникулы — молодежь уходила “босячить” на места, воспетые Горьким. Кто не мог уйти — устраивали домашнее босячество: прямо, например, со службы бросались в лодках за Волгу, там зажигали костры, пили водку, пели песни о Стеньке Разине и философствовали, лежа без штанов на зеленом кособоре...»⁶.

Подобных примеров можно привести немало. Очень важно зафиксировать тот звук, который некогда услышали современники при первом чтении произведения, — он, как правило, является уникальным. Современники часто улавливают смыслы, совершенно недоступные читателям других эпох. Пользуясь словами Е.А. Баратынского, голос «друга в поколенья» сменяют затем голоса «читателей в потомстве»⁷, и этот переход дает разные результаты. Оторвавшись от читателя своей эпохи, произведение начинает жить отдельной жизнью, становится объектом самых разнообразных интерпретаций. Вот эти последующие интерпретации академический комментарий никак не должен учитывать, точнее: просто не может их учитывать хотя бы потому, что процесс интерпретации разомкнут во времени, способен меняться и пополняться, и каждая новая эпоха

⁵ Ходасевич В. О новых стихах // Утро России. 1916. № 127. 7 мая. С. 5.

⁶ Толстой А. Ранний Горький // Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 134.

⁷ Баратынский Е.А. «Мой дар убог, и голос мой не громок...» // Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. В.М. Сергеева. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 144.

вносит свой вклад, предлагает собственный угол зрения на то или иное произведение.

Наконец третью часть комментария составляет так называемый реальный комментарий — пояснения скрытых или явных цитат, отсылок к тому, что было на слуху у автора и его современников, устаревающих исторических и бытовых реалий, непонятных слов, географических и топографических реалий и т. п. Эта часть комментария публикуется с привязкой к отдельным фрагментам текста, составляя наиболее изменчивую часть, неотделимую от жизни памятника во времени.

В отклике на публикацию тезисов нашего доклада в Интернете было замечено, что некогда в «Литературных памятниках» требовали прокомментировать, что такое Генисаретское озеро. Думаем, некогда такого рода пояснения были не лишними; другое дело, что сегодня они таковыми не кажутся. Поскольку главной целью реального комментария является создание условий для адекватного понимания памятника, эти условия будут разными для различных эпох.

Таковы в общих чертах составные части комментария, как он складывался в рамках академических издательств на протяжении многих десятилетий. Академические издания, повторяем, обладали исключительным правом готовить тексты по творческим рукописям и помещать комментарии, о составе которых говорилось выше. Нельзя сказать, что комментированные издания пользовались повышенным спросом, и несмотря на то, что они были малотиражны, отдельные — в первую очередь справочные — тома подолгу не расходились. Споры вызывал объем реального комментария и его соотношение с основным текстом; более того, есть читатели, убежденные в полной ненужности комментария как такового, утверждающие, что никто комментарии не читает. В прежние времена такие аргументы парировали фразами типа: «наш читатель вправе знать», «существуют сведения, которые должны быть известны культурному читателю» либо «должны быть в обиходе каждого культурного человека» и т. п. Появление Интернета и его повсеместное распространение внесло в эти споры дополнительные аргументы: есть люди, уверенные, что все необходимые сведения можно найти на его безбрежных просторах. Но правильно составленный реальный комментарий включает в свой состав не сведения из энциклопедии, а ответы на вопросы, которые могут возникнуть при чтении текста, и касаются они не только фактов, а в первую очередь смыслов.

Например, комментируя цикл Блока «На поле Куликовом», чрезвычайно важно отметить, что написан он был в Шахматово, что Блок

никогда не был на месте Куликовской битвы и даже не делал попыток посетить эти места, хотя в его время на этом месте уже существовал тот самый памятник, который сохранился доныне. Также очень важно установить, откуда черпал Блок сведения о Куликовской битве. Так что Интернет хоть и заставляет вносить в процесс подготовки реального комментария те или иные коррективы, он не отменяет смысловых пояснений, восстановлением которых занимается историк литературы.

В целом, эти три составляющих элемента комментария есть то бесспорное ядро, которое сложилось в процессе подготовки ряда академических изданий русской классики в советское время. Оберегая это смысловое ядро, Рейсер даже сформулировал опасность, которая, по его мнению, грозила его разрушить: «Гипертрофия комментария — тяжелая болезнь, с которой необходима систематическая борьба. Комментарий меньше всего “искусство для искусства”, и превращать его в демонстрацию эрудиции комментатора или в склад самых разнообразных сведений, отдаленно нужных в данной связи <...>, противозаконно» [10, с. 293].

Долгие годы от разрастания комментариев спасали редакторы академических издательств, наделенные очень большими полномочиями. Именно они главным образом стояли на страже: им дано было право сокращать комментарии по своему усмотрению, ссылаясь на прецеденты, экономию бумаги, интересы читателей и даже на партийные постановления. Редактор академического издательства был наделен большими правами еще и потому, что он нес ответственность буквально за все, начиная от запятых и до идеологической ереси, которая могла в такие издания просочиться. По существу, редакторы и поддерживали академический стандарт, благодаря им академический комментарий не выходил за отведенные ему рамки.

Да и составители академического комментария не были заинтересованы в том, чтобы включать в комментарий все накопленные сведения — комментарий оплачивался весьма скудно, по сравнению, например, со вступительными статьями и так называемой составительской работой, он не охранялся авторским правом, любой мог использовать его по своему усмотрению. Гораздо более выгодно было использовать накопленный запас знаний в исследовательской деятельности, в подготовке диссертаций и т. п. — словом, за пределами академического издания. В прежние времена к их услугам были разного рода издания-спутники в жанре «материалы и исследования», журналы и сборники, и даже массовые издания, где появлялась возможность выступить в роли исследователя и просве-

тителя. В этих условиях на протяжении десятилетий академический комментарий успешно выполнял свою роль «сателлита текста».

Почти одновременно с книгой Рейсера, объявлявшей «гипертрофию комментария» противозаконным деянием, вышло издание работ Ю.Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино», подготовленное Е.А. Тоддесом, А.П. и М.О. Чудаковыми, где в соотношении текстов и комментариев наличествовала откровенная «гипертрофия» — комментарии по объему существенно превышали текст статей Тынянова. Но именно это издание и сегодня может служить эталоном, поскольку этот небольшой по объему том решал задачи, которые В.А. Каверин назвал условиями, необходимыми для понимания места и роли формализма в истории русской литературы: воссоздание «надежной фактической канвы их (формалистов. — *Е.И.*) деятельности, особенно раннего ее этапа»⁸. Эта «сложная задача», по мнению писателя, предполагала «как строгость исторического изучения, так и современную оценку»⁹.

В книге были представлены историко-литературные и киноведческие работы Тынянова периода расцвета русского формализма, полные сведения об истории создания текстов, местах их хранения, описание рукописей и конспектов, а также отклики современников в дневниках, письмах и статьях. В итоге «гипертрофия комментария» сделала это издание во многих отношениях образцовым, потому что объем комментария определился естественным путем, включив все необходимое для понимания раннего творчества Тынянова. Вдобавок комментаторы имели возможность пользоваться разъяснениями его друзей и соратников, в свое время близко стоявших и даже принадлежавших к формальной школе — Л.Я. Гинзбург, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума и др. Работа над книгой протекала при самом активном сопротивлении издательских редакторов, и эта борьба не давала ничему «разрастаться» сверх необходимого. В итоге издание на многие годы стало настольной книгой для всех, кто изучал русский формализм и литературно-критическое наследие Тынянова. Единственное, что отсутствовало в издании — именной указатель, но это, как правило, зависело от издательства.

Причина успешности издания была не в том, что комментариев было много, а в том, что они отвечали потребностям изучения предмета в тот период времени, содержали ответы на вопросы читателя той эпохи. Оказалось, что «гипертрофия комментария», если она

⁸ Каверин В. Предисловие // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В.А. Каверин и А.С. Мясников. М.: Наука, 1977. С. 6.

⁹ Там же.

мотивирована, не только не является болезнью, а может стать необходимым условием адекватного понимания текста, которому потребовался именно такой «сателлит», а не какой иной. Это издание повлияло на дальнейшее развитие комментирования больше, чем любое другое академическое издание, соблюдавшее нормативные требования, привычный баланс между Шекспиром и «примечаниями к нему».

Рейсер в своей монографии пытался назвать неотъемлемым свойством академического комментария еще и адресность, но, как представляется, это совсем не так — в первую очередь потому, что академические издания готовятся крайне редко (раз в несколько десятилетий), и за этот период читательская аудитория может сильно измениться. Единственное, что мы можем сказать про адресата академических изданий, — то, что они предназначены для всех, кто испытывает потребность в чтении авторитетно подготовленного текста с описанием его источников и принципов подготовки и снабженного необходимым запасом справочных сведений. Это может быть и исследователь, и переводчик, и учитель, и продвинутый ученик, и даже случайный читатель. Адресный комментарий складывался на совершенно иной основе, и ему следует посвятить отдельный раздел.

Комментарий адресный или учебный

По нашему мнению, адресный комментарий возник раньше и независимо от комментария академического — его появление связано с потребностью преподавания литературы в гимназиях, реальных училищах и университетах. Подготовкой текста и комментариев занимались в этих случаях преподаватели, которые хорошо знали адресата своих изданий. До революции 1917 г. среднее образование было частным и гимназии обладали правом выпускать собственные издания произведений, хрестоматий и учебных пособий, предназначенных для своих учащихся, для конкретной целевой аудитории.

В рамках этой статьи мы не ставим целью сколько-нибудь полно обозреть все многообразие пособий и хрестоматий, подготовленных преподавателями гимназий для своих учеников; отметим лишь, что среди них можно отыскать по-настоящему выдающиеся образцы педагогической мысли, например, педагогические труды преподавателя Ставропольской гимназии Я.М. Неверова, изумительные по осмысленности и глубине¹⁰. В нашей статье в качестве образца мы используем издание, подготовленное известным педагогом и осно-

¹⁰ См., напр., современное переиздание его трудов: [2].

вателем частной московской гимназии Л.И. Поливановым «Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики». Выбор этой работы оправдывается в наших глазах хотя бы тем, что по нему изучали Пушкина В.Я. Брюсов, А. Белый и многие другие прославленные ученики Поливанова.

В предисловии Поливанов объяснял назначение своего издания так:

Если других первоклассных писателей наших, как Ломоносов, Державин, Карамзин, недостаточно читать в ограниченных отрывках хрестоматий, то такое чтение произведений Пушкина ныне, когда внешние препятствия к распространению его сочинений устраняются, не могло бы найти никаких оправданий. Произведения Пушкина должны стать настольною книгою каждого русского юноши, претендующего завершить свое среднее образование. Нет нужды делать все произведения поэта, столь близкого к нашему времени, непременно предметом занятий классных — на это не стало бы и времени, — но непосредственное знакомство с ними должно стать обычаем всякой порядочной школы [9, т. 1, с. V].

Отметим, что издание Пушкина для гимназистов выходило в пяти томах.

Поливанов нашел совершенно особый подход к изданию пушкинских произведений для своих учеников: его комментарии предваряли текст, они готовили читателей к чтению и содержали всю полноту необходимой информации для его понимания:

Предлагаемое издание сочинений Пушкина имеет в виду не только тексты его произведений в возможной для указанной цели полноте, но при каждом произведении представить так сказать историю его, дать необходимый для понимания его реальный комментарий и выяснить художественную цену произведения.

Для достижения первого мною указываются, согласно вышенным донные данным, время и место написания каждого произведения, повод к его написанию и те изменения, которым оно подвергалось; если произведение подражательное, то оно сличается с тем образцом, который послужил Пушкину; если переводное — приводится сам текст подлинника; приводятся также и источники оригинальных произведений Пушкина. Отдельные произведения, так объясненные, приводятся в связь с предшествующими; это сделано с тою целью, чтобы наглядно показать постепенный ход

в развитии творчества поэта. Читатель увидит, что эти разъяснения, обыкновенно помещаемые мною перед самим произведением, порою получают значительные размеры; но пусть не спешит он упрекнуть меня в излишней полноте их, ссылаясь на то, что для неспециалиста это излишне. Я настаиваю на этой полноте вступительных заметок моих потому, что только обстоятельное разъяснение может привести к ценному выводу; без того весь вывод теряет всякую силу: он будет общим местом, фразой, не более [9, т. 1, с. VI].

Комментарии Поливанова, которые он называл разъяснениями, включали следующие смысловые позиции: «время и место написания» произведения, историю его создания и «те изменения, которым оно подвергалось». Кроме того, в каждом из томов он предлагал учащимся сводку критических отзывов о каждом произведении. Таким образом, эти разъяснения включали в себя все то, что впоследствии стало принадлежностью академических комментариев. Единственное отличие — его разъяснения как бы предваряли вопросы, которые могли возникнуть в ходе чтения и предупреждали их возникновение, они заранее вводили ученика в контекст, в котором произведение создавалось. Особого внимания заслуживает публикация оригинала переводных стихов — этого не делало ни одно академическое издание.

Выбирая отзывы критиков, Поливанов стремился прежде всего избежать, как он писал, «повторять, и обременять память учащихся ходячими общими местами о литературных произведениях» [9, т. 1, с. VII]. Достаточно сказать, что в комментариях к «Евгению Онегину» (1823–1831) имя Белинского вообще не упоминается, так что выпускники поливановской гимназии могли окончить курс, не подозревая, что перед ними «энциклопедия русской жизни». При этом критические суждения Белинского об отдельных стихотворениях Пушкина в других томах приводятся. Но самое примечательное — в комментариях к «Евгению Онегину» подробный очерк был посвящен поэмам Дж.Г. Байрона, чтобы учащиеся представляли, что опровергал Пушкин, когда отрицал, что в «Евгении Онегине» он написал свой портрет, «как Байрон, гордости поэт»¹¹.

Вообще «гипертрофия комментария» в издании Поливанова в отдельных случаях была вопиющей — «разъяснения» к «Евгению Онегину» намного превышали объем романа в стихах. Но Поливанов

¹¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 3: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 30.

нисколько не смущался этим, исходя из убеждения, что «произведения Пушкина должны стать настольною книгою» на протяжении всей последующей жизни его выпускников. Так оно и было, по крайней мере, на примере Брюсова и Белого мы видим, что Пушкин с гимназических лет прочно вошел в их жизнь, на многие годы стал их «вечным спутником».

К сожалению, опыт поливановских изданий был забыт, и жанр адресного комментария в советской школе складывался совсем на других основаниях. Русская классическая литература изучалась прежде всего как отражение трех этапов освободительного движения, «зеркало русской революции» (В.И. Ленин), полигон формирования вольной русской мысли. И потому стратегия преподавания литературы в том и состояла, чтобы любого писателя под эти три этапа подверстать.

Образцом комментария для средней школы советской эпохи можно назвать пособие для учителей средней школы Н.Л. Бродского «“Евгений Онегин”. Роман А.С. Пушкина». Надо отметить, что с точки зрения реальных комментариев это была вполне добросовестная работа, но она (в духе того времени) была подчинена стратегической задаче — по каждому поводу подтверждать суждение Белинского о романе как «энциклопедии русской жизни» и отмечать все связи Пушкина с декабристами, выставляя поэта «защитником вольности и прав»¹². Комментарии отвечали на вопросы, которые заведомо не могли возникнуть в голове школьников при непосредственном чтении «Евгения Онегина». Они, по существу, ничего не «разъясняли», и готовили прежде всего к написанию сочинений, среди которых лидировала тема «Онегин — лишний человек» (тут уж было не до Байрона).

Поэтому несмотря на то, что современная исследовательница И.А. Черемисина Харрер называет работу Бродского «одним из лучших на современный момент комментариев к пушкинскому роману» [13, с. 102], вряд ли она приближает школьников к пониманию Пушкина, как это делали издания Поливанова, а уж про то, чтобы Бродский сделал Пушкина настольной книгой, не может быть и речи. Работа Бродского есть памятник преподаванию Пушкина в советскую эпоху, и не случайно именно ее избрал в качестве главной мишени для издевательств В.В. Набокова в своих комментариях к роману «Евгений Онегин», о чем еще пойдет речь.

---

¹² Там же. С. 19.

Последним и наиболее близко стоящим по времени к нам примером адресного комментария может служить работа Ю.М. Лотмана «А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман “Евгений Онегин”: Комментарий», имевшая несколько изданий, в некоторых из которых биография Пушкина и комментированное издание «Евгения Онегина» разделены.

Установка на адресность носила для Лотмана принципиальный характер: он начал свою книгу с утверждения, что «“тип комментария определяется прежде всего читательским назначением издания”» [6, с. 233–234]. Лотман сразу объясняет также причину, по которой он решил сменить на этой стезе Бродского, работа которого, выдержавшая пять изданий, с точки зрения Лотмана, «выглядит неполной, а частично и устаревшей» [6, с. 239]. Добавим, что издавать комментарии Бродского после того, как в русском переводе вышли комментарии Набокова, где они были раскритикованы в пух и прах, стало невозможно. Но, стремясь заменить Бродского, Лотман оценивал комментарии Набокова столь же невысоко: «В примечаниях содержится ряд параллелей с западноевропейскими литературными текстами, стилистические заметки, например, указания на галлицизмы и некоторые бытовые комментарии. Однако в целом работа включает и ряд необязательных сведений, точные наблюдения перемежаются порой с субъективными и приблизительными» [6, с. 240].

Лотман разделял два типа комментариев (на его языке — «пояснений»): «Пояснения эти могут иметь двойкий характер. Они могут быть *текстуальными*, то есть объяснять текст как таковой. Такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения» [6, с. 234]. Но простых пояснений, считает Лотман, недостаточно, от преподавателя требуют большего: «Другой вид пояснения — *концепционный*. Здесь, опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские и др. Первый вид пояснений дается в комментариях, второй — в теоретических исследованиях: статьях и монографиях» [6, с. 235].

Здесь подход Лотмана смыкается с подходом Бродского: они оба убеждены, что существует определенный взгляд на пушкинский роман, который необходимо сформировать у школьника. В отличие от Поливанова, они не пытаются привести школьника к чтению романа Пушкина, а стремятся с помощью романа Пушкина объяснить особенности русской жизни его эпохи, систему социальных и человеческих взаимоотношений, литературные и исторические реалии. Этот подход в корне противостоит подходу Поливанова, который своими

«разъяснениями» готовил учеников к чтению романа, предполагая при этом, что процесс этого чтения не станет однократным.

Бродский и Лотман адресовали свои пособия учителям, исходя из убеждения, что учитель заведомо должен знать намного больше того, что знают его ученики.

Комментарий как автобиография

Рассматриваемые до сих пор типы комментария — академический и учебный — все-таки не выходили за рамки своей обязанности, как ее сформулировал Рейсер — оставаться «сателлитами текста», — или, по крайней мере, не уходили от текста слишком далеко.

Подлинно революционные изменения в области комментирования текста произвел Набоков, открыв здесь новые творческие возможности и превратив комментарий в особый литературный жанр, но эти новые возможности до сих пор осознаны далеко не полностью.

Как вспоминал Набоков, его работа начиналась как подготовка собственного перевода романа «Евгений Онегин»: «Этот опус обязан своим рождением замечанию, которое сделала моя жена мимоходом в 1950 — в ответ на высказанное мной отвращение к рифмованному переложению “Евгения Онегина”, каждую строчку которого мне приходилось исправлять для моих студентов: “Почему бы тебе самому не сделать перевод?” И вот результат. Потребовалось примерно десять лет труда»¹³.

В процессе работы над переводом русские реалии требовали все более обширных пояснений, и чем больше Набоков углублялся в их составление, тем дальше отодвигался собственно перевод и уходила из поля зрения целевая аудитория. За строками пушкинского романа Набоков открыл неведомый прежде для себя мир русской жизни и культуры пушкинской эпохи, который он все больше осознал как духовную родину. Углубление в этот мир стало для него внутренней потребностью; работа растянулась на целое десятилетие (1950–1960 гг.), и ее итогом стал четырехтомный «Комментарий к “Евгению Онегину”»¹⁴, совмещающий в себе перевод романа на

¹³ Цит. по: *Старк В.П.* Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. С. 9.

¹⁴ См.: *Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksander Pushkin: in 4 vols. / trans. from Russian with a commentary by Vladimir Nabokov.* New York: Pantheon Books, 1964.

английский язык и огромные по объему комментарии, которые средний американский студент не сможет одолеть и за целую жизнь.

Жанровая природа этого многоуровневого труда, рассматриваемого как единое целое, до сих пор остается предметом ожесточенных споров. Комментарии превратились в своего рода компендиум, где содержится не только собственный перевод Набокова, но и разбор всех предшествующих переводов «Евгения Онегина» на английский язык, их острая критика, объяснение русской просодики в ее отличии от английской, один из самых тщательных фактологических комментариев к пушкинскому роману и многое другое, о чем нам предстоит еще сказать.

Современный исследователь И. Левдоров настаивает: уникальность труда Набокова заключается именно в том, что он построен вокруг перевода роман на английский язык, и комментарий неотделим от этого перевода, поэтому сам комментируемый роман он называет так, как слышит его англоязычный читатель — «Юджин Онегин» [5]. Комментарии Набокова он относит к области литературоведения, и его жанр называет *«переводческим комментированием текста не на языке его оригинала»* [5, с. 34] (дополнительных определений жанра, которые вводит Левдоров, мы касаться не будем).

В отличие от него М. Маликова, поместившая небольшую заметку о книге Левдорова в НЛЮ в рубрике «Новые книги», считает, что англоязычный перевод имеет значение лишь для первой части четырехтомного труда Набокова, и что собственно комментаторская часть, хотя и создавалась Набоковым по-английски, в смысловом отношении привязана к русскому тексту (т. е. поясняет именно роман Пушкина, а не его перевод)¹⁵. На полемике Левдорова с таким подходом к труду Набокова (см.: [5, с. 150–158]) мы останавливаться не будем, поскольку справедливость мнения Маликовой подтверждает сама возможность существования русскоязычных версий комментариев Набокова (см., например: [7; 8]), в рамках которых и сформировался совершенно новый литературный жанр, который можно определить как самопознание через Пушкина.

Отделить комментарии Набокова от его перевода романа «Евгений Онегин» и пояснений к нему, превратить эти комментарии в самостоятельное произведение позволила их совершенно особая жанровая природа. Эта операция, как сказано в предисловии к русскому переводу «Комментариев к роману “Евгений Онегин”» Набокова, потребовала некоторой «текстологической обработки»,

¹⁵ См.: Новые книги // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 402–403.

т. е. купирования частей текста, касающихся «сугубо специфических проблем перевода “Евгения Онегина” на английский язык» и приведения цитируемых Набоковым стихов «в соответствие с русским текстом»¹⁶.

Благодаря этому в труде Набокова было выделено смысловое ядро, которое и составляет художественное открытие писателя. В русской версии «Комментарии» превратились в цепь отдельных фрагментов, привязанных к цитатам из пушкинского романа, которые, по существу, только задают темы и сюжеты этих фрагментов. Этот жанр отдаленно напоминает «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова с той разницей, что фрагменты Набокова имели отправной точкой пушкинский текст. Но при этом они не были «сателлитами» этого текста, потому что любая деталь, которую пояснял комментатор, помогала ему раскрыть в русской жизни нечто важное прежде всего для него самого, для понимания своей истории, истории своего рода, той русской жизни, которая запечатлелась в его памяти, в семейных преданиях и т. п. И потому набоковские комментарии сразу обретали ярко выраженные автобиографические черты, становясь в один ряд с автобиографической прозой Набокова — романами «Дар», «Бледный огонь», «Пнин», воспоминаниями «Другие берега», выходя за пределы комментария как жанра. Одновременно они были продолжением его лекций о русской литературе, о которых биограф Набокова Э. Филд писал: «...В этих искрометных и увлекательных лекциях очень многое определялось личным утверждением себя как художника, исторической традиции, в которой он себя видел, — в определенной степени все это он создал для себя, поскольку был поэт»¹⁷. «Комментарии к “Евгению Онегину”» наряду с лекциями расширяли рамки набоковской эго-прозы.

Сам Набоков описал этот созданный в ходе работы над «Евгением Онегиным» жанр в романе «Пнин»:

...Все эти бесчисленные триумфы бескорыстной учености растлили Пнина, обратив его в упоенного, опоенного сносками маниака, что возмущает покой книжных клещей, мирно живущих в унылом

---

¹⁶ Старк В.П. Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. С. 24.

¹⁷ Field A. Nabokov: His Life in Part. New York: Viking Press, 1977. P. 241.

томе в фут толщиной единственно для того, чтобы сыскать в нем ссылку на том, еще пуще унылый¹⁸.

Это «бескорыстная ученость», за которой стояла в самом деле кропотливая и огромная по объему работа с источниками, стала для Набокова процессом самопознания, связав его с писателями, творчество которых он ценил более всего — А. Белым и Дж. Джойсом. Роль, которую пушкинский роман играет в «Комментариях» Набокова, оказалась очень схожей с той, что в романе Джойса «Улисс» играет гомеровская «Одиссея».

Комментируя «Евгения Онегина», Набоков открывал для себя историю своей страны, дворянства, тонкости сословной жизни, давно утратившие смысл, — все то, что он «проглядел»¹⁹, по собственному замечанию, во времена своей юности, проведенной в России. Одним из первых эти черты отметил К.И. Чуковский, который пользовался именно набоковским четырехтомным изданием, куда и входил перевод романа «Евгений Онегин» на английский язык. Чуковский писал, что «в своих комментариях к Пушкину Набоков видит комментарии к себе самому, что для него это род автобиографии, литературного автопортрета»²⁰. Особенно важно подчеркнуть, что Чуковский сумел эти автобиографические черты разглядеть при знакомстве с полной англоязычной версией, где комментарии содержали большой запас сведений, касающихся непосредственно перевода романа.

Об автобиографической подоплеке набоковских комментариев писал и В.П. Старк в предисловии к русской версии 1998 г.: «Подобно тому как Пушкин вкрапляет в текст романа биографические отступления, Набоков включает их в текст своего Комментария к нему. Помимо биографических вкраплений набоковский комментарий, как и роман Пушкина, отличается обилием отступлений на различные темы»²¹.

Особую роль в этом самопознании приобрела полемика со своими предшественниками, составляющая, несомненно, самые яркие и запоминающиеся страницы «Комментариев». С особой страстью

---

¹⁸ Набоков В.В. Пнин / пер. С. Ильина // Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. / сост. С. Ильина, А. Кононова. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 3. С. 129–130.

¹⁹ См.: Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. С. 331.

²⁰ Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 254.

²¹ Старк В.П. Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. С. 16.

Набоков полемизировал с теми, кто переводил Пушкина на английский язык до него, и в первую очередь с теми, кто пытался переводить рифмованными стихами. Критикуя эти переводы, Набоков открыл английскому читателю в Пушкине такое бесконечное разнообразие смысловых и художественных тонкостей, что его собственный перевод превратился в доказательство абсолютной непереводаемости «Евгения Онегина» на английский язык.

«Комментарии» Набокова можно назвать наилучшим путеводителем по русской жизни и культуре пушкинской эпохи во всей ее цветущей сложности, а также демонстрацией абсолютной гениальности поэта; если кто и сумел наглядно объяснить, почему все-таки Пушкин есть «энциклопедия русской жизни» и «наше все», то это именно Набоков. Но эти дифирамбы не до конца бескорыстны: воспевая Пушкина, Набоков всячески подчеркивает, что постичь его гениальность во всей полноте способен только он, автор этого четырехтомного труда.

Такое очевидное присвоение поэта в духе цветаевской формулы «Мой Пушкин» было невозможно в России, где у Набокова оказалось бы слишком много конкурентов как среди комментаторов Пушкина, так и среди его читателей и почитателей. Безнаказанно подобное присвоение Пушкина могло произойти только в Америке, где поэт мало кого (кроме переводчиков и преподавателей русской литературы и культуры) интересовал. Но чтобы никто не подумал посягать на его лавры, Набоков устроил показательное «избиение» потенциальных конкурентов. Более всех досталось Д.И. Чижевскому, который имел несчастье выпустить собственный комментированный перевод романа Пушкина на английский язык для студентов, ни на что большее, чем на потребности преподавания, не претендующий. По поводу резких выпадов Набокова в адрес Чижевского Чуковский даже заметил: «Ни один ястреб не терзал свою жертву с такой кровавадной жестокостью, с какой Вл. Набоков терзает этого злополучного автора»²². Но подобным же образом Набоков расправился со всеми своими конкурентами в англоязычном мире.

Затем пришла очередь советских исследователей и комментаторов Пушкина. На лавры академических ученых-текстологов Набоков не посягал в первую очередь потому, что источники текста, черновики и редакции произведений Пушкина, были ему недоступны, — это лишило Набокова возможности ставить под сомнение публикаторов и комментаторов академического издания сочинений Пушкина.

²² Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 250.

С текстологами он обошелся достаточно милостиво: например, обращаясь к истории текста «Евгения Онегина», Набоков выделял «самое тщательное и осмотнительное исследование» Б.В. Томашевского [8, с. 68].

В качестве главной мишени Набоков выбрал «Комментарий» Бродского, который стал для него воплощением того, как искажают смысл пушкинского романа за «железным занавесом». Бродскому Набоков устроил впечатляющую «вселенскую смазь», вложив в нее не только остроумие, но и страсть.

Тут не обошлось без того, что применительно к книге Бродского можно назвать иронией судьбы. Набоков пользовался изданием «Комментариев» Бродского 1950 г., но оно появилось после того, как Бродского за издание этой же книги в 1937 г. громили в числе других космополитов за отрицание «связи литературы с конкретной исторической действительностью и классовой борьбой» [3, с. 387].

После серии проработок Бродский снабдил издание 1950 г. вступлением, где и появились все те слова, которые потом дали повод для издевательства Набокова; из этого вступления он почерпнул наиболее одиозную цитату: «...Великая Октябрьская социалистическая революция до основания смела тот социально-политический порядок, в котором задыхался национальный гений и который погубил поэта вольности, врага “барства дикого” и царизма, и вызвала к творческой жизни подлинного хозяина страны — народ» [1, с. 3] и т. д. Эта фраза и стала отправной точкой всех последующих инвектив в адрес Бродского.

Набоков задевал Бродского по всякому поводу, по всей книге рассыпаны замечания типа: «Бродский <...> неверно истолковывает <...> и далее следует социологическая тирада...» [8, с. 153] и проч.

В выпадах Набокова в адрес советских литературоведов есть блестящие характеристики целой эпохи в изучении русской литературы. Например, по поводу «недуга, которого причину / Давно бы отыскать пора...»²³, Набоков пишет:

Русские критики с огромным рвение взялись за эту задачу и за столетие с небольшим скопили скучнейшую в истории цивилизованного человечества грудку комментариев. Для обозначения хвори Евгения изобрели даже специальный термин: «онегинство»; тысячи страниц были посвящены Онегину как чего-то там представителю

²³ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 3: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 24.

(он и типичный «лишний человек», и метафизический «денди», и т. д.) [8, с. 177].

Но единственным ответственным за эту «грудю комментариев» Набоков делает Бродского, который «взобравшись на ящик из-под мыла, употребленный <...> за сто лет до него Белинским, Герценом и иже с ними, объявил “недуг” Онегина результатом “царской деспотии”» [8, с. 177].

Некоторые замечания Набокова по адресу Бродского безусловно справедливы, например:

Каждый раз, когда по ходу *ЕО* упоминается какой-нибудь французский роман, Бродский послушно (хотя всегда расплывчато, как принято у русских комментаторов) ссылается на русский перевод. При этом он забывает, что Онегины и Ларины 1820 г. читали эти романы по-французски, а гротескными, варварскими, чудовищными топорными переложениями на русский пользовались только низшие классы [8, с. 125].

Но иногда нам трудно определить победителя в этом комментаторском поединке. В качестве примера сравним пояснения слова «педант», которое Набоков объясняет так: «...человек, любящий изрекать, провозглашать, если не проповедовать свои суждения, излагая их в мельчайших подробностях» [8, с. 112]. Сравним истолкование этого слова у Бродского: «...прозвище педанта в 20-х годах несло с собой не только этическую, но и политическую примесь чего-то непокорного, враждебного господствующему кругу в дворянском обществе» [1, с. 44]. Об этом пояснении Бродского Набоков отзывается так: «В стремлении, как обычно, выставить Онегина образцом прогрессивной добродетели Н. Бродский <...> подтасовывает цитаты, пытаясь доказать, что и при Пушкине, и при Фонвизине “педант” означало “честный человек” и “политический бунтовщик”. Такого никогда не было» [8, с. 114].

Справедливости ради отметим, что Набоков ссылался на то значения слова «педант», которое оно имело у М. де Монтеня, в Оксфордском словаре, у Н. Мальбранша, т. е. у зарубежных авторов, в ряде случаев — англоязычных (Дж. Аддисона, У. Хэзлитта и др.); хотя он до этого неоднократно упоминал, что Пушкин слабо знал английский язык, и потому приводимые Набоковым примеры мало что подтверждают. Между тем Бродский в своих комментариях ссылается на то, как это слово употребляли современники Пушки-

на — князя В.Ф. Одоевский и Д.И. Шаховской и др. Так что кто прав в споре Набокова с Бродским не всегда очевидно.

Еще труднее оценить справедливость выпадов Набокова в адрес Чижевского, авторитет которого никто до того сомнению не подвергал. Бродский и Чижевский лишь служат пьедесталом для комментаторских открытий Набокова. Но если для Бродского выпады Набокова не имели никакого значения (он жил за «железным занавесом»), то для Чижевского это был тяжелый удар. Он действовал на одном поле с Набоковым — преподавал русскую литературу американским студентам, и попытка представить его как «небрежного компилянта» [8, с. 134] была вопиющей несправедливостью.

Квинтэссенцию набоковского метода Старк сформулировал на примере его комментариев к строкам «Я помню море пред грозою...»:

Как бы следуя пушкинской манере отступлений в романе, Набоков обращает внимание на мотив, выделенный и у Пушкина, — мотив «утаенной любви» или, как определил его Набоков, «поиск реальной женщины, к чьей ножке подошел бы этот хрустальный башмачок — XXXIII строфа». На роль этой сказочной Золушки, если вспомнить труды нескольких поколений пушкинистов, претенденток более чем достаточно. Декларируя, что поиск претенденток дело надежное, Набоков тем не менее погружается в это безбрежное море, приведя читателя в конце концов к выводу, что одной лишь претендентки на этот «башмачок» не существует, что их по меньшей мере две, если даже не четыре. Казалось бы, чего проще сразу сделать тот вывод, который и завершил в итоге это отступление, но тогда Набоков не был бы самим собою, тем мастером, которого мы знаем по другим его созданиям, а Комментарий утратил бы свою прелесть, выпал бы из набоковского ряда. В том-то и дело, что автору мил сам процесс поиска, приведении аргументов и контраргументов, сбор доказательств и их опровержение²⁴.

Это яркий пример того бескорыстного комментария, который наряду с занятиями энтомологией более всего характеризуют склонности и интересы Набокова. Биографы писателя называют его труд подвигом, онегинской энциклопедией, неоценимым путеводителем для англоязычного читателя по пушкинскому роману, автобиографи-

²⁴ Старк В.П. Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. С. 16.

ей, литературным автопортретом комментарием к самому себе и т. п. Некоторые из этих характеристик справедливы, поскольку это в своем роде энциклопедия, демонстрирующая исключительные знания Набоковым пушкинской эпохи, но оценить все это способен только русскоязычный читатель, к тому же — имеющий специальную подготовку; англоязычному читателю одолеть этот объем информации едва ли под силу.

Немногим читателям доступен и автобиографический подтекст «Комментариев» Набокова, ибо здесь требуется уже доскональное знание его творчества, для которого от начала и до конца подтекст весьма важен.

Как некогда Пушкина упрекали в том, что в «Евгении Онегине» он написал свой портрет, так и о «Комментариях» Набокова исследователи едины во мнении, что в созданном им портрете Пушкина наиболее отчетливо проступают черты комментатора. Поэтому, если справедливо называть роман Пушкина «энциклопедией русской жизни», то с таким же основанием набоковские «Комментарии» можно назвать «набоковской энциклопедией», воссоздающей ту идеальную Россию, от которой при жизни в ней он был заслонен воспитанием; эта энциклопедия служила также свидетельством исключительности любви Набокова к Пушкину и подтверждала право считать себя его наследником.

Работая над комментариями, Набоков беспредельно раздвинул границы и возможности этого жанра, прежде служившего исключительно научным целям, в которых личность составителя никак не отражается. Лукаво называя собственный комментарий бескорыстным, Набоков на самом деле сумел использовать его для того, чтобы рассказать о себе самом, продемонстрировал автобиографические возможности комментария. В литературе XX в. «Комментарии» Набокова стали самостоятельным художественным феноменом, оказавшим большое влияние на последующее развитие литературы в целом и истории литературы в частности.

Одним из последователей Набокова на поле комментаторской деятельности мы бы назвали Р.Д. Тименчика, хотя сам он предпочитает называть себя последователем Тынянова, борцом против исключительного внимания к литературному генералитету, сторонником «слепого отпора “истории генералов”» [12, с. 21]. При этом научные интересы Тименчика в течение всей жизни были сосредоточены во круг изучения творчества А.А. Ахматовой, которую можно назвать генералиссимусом поэзии XX столетия.

В советское время исключительный талант комментатора и историка литературы Серебряного века Р.Д. Тименчика реализовывался в небольших статьях и заметках, своего рода миниатюрах. Их уникальность была не всем очевидна, поэтому, по его собственному признанию, «в советскую печать я со своими темами и не совался, экономил рабочее время, после того как столкнулся в столичных журналах и альманахах со всем набором вежливых и невежливых отказов» [12, с. 22].

Первым образцом комментария, отразившего, с одной стороны, именно «бескорыстную ученость» автора, а с другой — рассказавшего нам кое-что не только о самом авторе, но и о поколении читателей, к которому он принадлежал, мы бы назвали книгу «Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы»²⁵. Если даже у Набокова комментарий все-таки оставался «сателлитом текста», то здесь он полноправный текст с незначительными фрагментами того, что поясняется и о чем рассказывается. До этого считалось, что комментарий не может вести самостоятельное существование, как сказал бы Е.Л. Шварц: «Тень, знай свое место»²⁶.

Здесь текст Ахматовой как объект сопровождения оказался вынесенным за скобки, поскольку текст Тименчика строился вокруг записных книжек²⁷, которые Ахматова вела с 1958 г. и до самой смерти. В 1996 г. они были изданы в Италии, и — что важно — очень маленьким тиражом, так что обладателей этого книги в Москве можно пересчитать по пальцам.

Публикаторы «Записных книжек Анны Ахматовой» разделили их на отдельные главы по годам записей: 1956, 1957–1958, 1959–1960 и т. д. Первый том книги Тименчика «Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы» составлен из соответствующих этим главам разделов, каждый из которых содержит краткий обзор записей за тот или иной год, при этом сам текст записей отсутствует. Во втором томе к каждой из глав, точнее к именам, фактам и реалиям, упомянутым в них, даны «Сноски и выноски», которые и есть комментарии в подлинном смысле слова. Так возникает конструкция, ничуть не менее сложная и затейливая, чем у Набокова, а главное — создающая представление об исследовательской деятельности,

²⁵ Первое издание книги вышло в 2005 г. небольшим тиражом в издательстве «Водолей». Мы же воспользуемся ее вторым изданием: [11].

²⁶ Шварц Е.Л. Тень // Шварц Е.Л. Собр. соч.: в 5 т. / сост. Е. Сапунцова. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 2. С. 68.

²⁷ См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 849 с.

которую вел в течение всей жизни и продолжает вести Тименчик как биограф Ахматовой.

Основную задачу своего исследования «Ахматова в 1960-е» автор описал как «попытку выгородить и описать один из интерьеров русской литературы того века в согласии с моим пониманием методики истории словесности» [11, т. I, с. 10]. Здесь же он сформулировал свое понимание деятельности комментатора, в которой среди прочего он видит возможность «рассказать и о своих друзьях в поколении как о читателях Ахматовой» [11, т. I, с. 10].

Эта установка имеет принципиальный для него характер:

Изучая поэта, надо реконструировать его адресата, сиречь исторического читателя, в соприродном ему культурном контексте <...>. И надо предъявлять себя как тоже исторического читателя, отдавая себе и другим отчет в своих персональных «горизонтах ожиданий», в своем «сентиментальном воспитании», в своем читательском «потолке». Мы комментируем тексты автора и комментируем себя. И в этом наша последовательная филологичность. Ибо этот род деятельности, из комментария возникнув, к комментарию же в своем пределе и стремится [11, т. I, с. 11].

В прежние времена любое отступление от комментаторской «теплохладности» в сторону выражения личных мнений или эмоций считалось выходом за рамки филологического поля. Но, видимо, настал момент, когда бескорыстные труженики, которые, подобно набоковскому герою, «распугивали моль в скучном томе толщиной в полметра»²⁸, получили бы право рассказать кое-что о себе как о читателях, а заодно поделиться бы плодами своей «бескорыстной учености».

Еще одну цель своей сложной конструкции Тименчик обозначил как исполнение «долга перед ахматовскими друзьями и знакомыми, говорившими мне о ней» [11, т. I, с. 11]: персонифицированные рассказы этих людей также включены в комментарии. В итоге, по замыслу автора, он очертил «круг того информационного минимума, который понадобится для понимания любого слова, легшего на бумагу именно там и тогда — в 1958–1966 годах в Союзе Советских Социалистических Республик» [11, т. I, с. 12].

²⁸ Цит. по: *Старк В.П.* Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. С. 16.

Свое представление о назначении деятельности комментатора Тименчик сформулировал следующим образом:

Комментариев на все времена не бывает — каждый рассчитан на сегодняшний уровень читательского недоумения и полужнания. За десятилетие уровень недопонимания естественным образом повысился, и надо было бы громоздить новые объяснения, чтобы спустить читателя с высот *realioga* в долины *realia* и этим, как говорил Н.Н. Пунин, «передать эпоху, точнее было бы сказать, ту легкую пыль времени, которая всегда поднимается и стоит над эпохой, не отражая ее полностью, но вместе с тем давая о ней достаточно конкретное представление» [11, т. I, с. 12–13].

Такое отношение к комментарию стало возможным отчасти благодаря Набокову, хотя долгое время казалось, что он «одинок в своей задаче»²⁹, если воспользоваться выражением И. Северянина. Но есть здесь и другое: целое поколение копило и собирало комментарии, не имея возможности их обнародовать от своего имени. И выходя с таким запозданием к читателю, комментарий не боится никакой «гипертрофии»; этот бывший «спутник» знает, как долго он вращался по одной орбите со спутником, ничуть не меньше, чем вращался Набоков по одной орбите с романом «Евгений Онегин». Эта связь и открывает перед ним возможность и право рассказывать не только об Ахматовой, но и о себе как читателе и о своем времени читателям другой эпохи.

Вряд ли язык повернется сказать про книгу Тименчика, что она адресована «широкому кругу читателей», либо «всем, кто интересуется творчеством Анны Ахматовой». Нет, далеко не всем она адресована, но пользу от знакомства с ней извлечет каждый, потому что здесь представлен компендиум сведений о жизни и творчестве Ахматовой и ее читателях советской эпохи, и каждый в меру своих интересов найдет здесь что-то важное для себя. Если, конечно, потрудится осилить весь компендиум.

Комментарий как исследование и расследование

Книга Тименчика «Ахматова в 1960-е» — лишь одно из направлений, куда «гипертрофировал» комментарий на пути своего обновления. Другой пример развития жанра комментария, его превращения

²⁹ *Северянин И. Эпилог // Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / изд. подгот. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: Наука, 2004. С. 101.*

в жанр полноценного исследования, завершившегося настоящим открытием, содержит работа недавно скончавшегося одесского исследователя творчества В.П. Катаева С.З. Лущика. Опубликована она была как приложение к повести Катаева «Уже написан Вертер» (1980) и озаглавлена «Реальный комментарий к повести».

О задаче, которую изначально ставил Лущик, в предисловии сказано:

...для одесситов, и это не будет преувеличением, В. Катаев — один из самых читаемых и почитаемых авторов. Чуть не каждая его книга — гимн Одессе, признание в любви к родному городу. И одновременно — это энциклопедия, где внимательный читатель находит множество одесских реалий времен катаевской юности, 1910-х годов. Улицы и дома, берега и дачи, бытовые сценки, типы обитателей, конкретные знаменитые или полузабытые люди, отдельные события жизни города... В некоторых произведениях писателя одесские реалии обозначены четко, а люди названы своими именами: дача Отрада, скажем, — это действительно настоящая дача Отрада, а Бунин — это Бунин. Иногда же реалии безымянны, а герои действуют под вымышленными именами, но за ними все равно стоят подлинные географические точки и подлинные люди, только нужно их узнать. Истинное наслаждение — разгадывать неторопливо этот непрерывный ребус, находить вкрапленные в текст отзвуки старой Одессы [4, с. 69].

По свидетельству автора, его исследование начиналось именно с поиска реальных событий из жизни Одессы первых революционных лет, которые могли бы проиллюстрировать повесть «Уже написан Вертер». Поиск оказался нелегким, ибо, по справедливому замечанию Лущика, повесть принадлежит «к числу самых зашифрованных, самых трудных книг В. Катаева» [4, с. 69]. Это подтвердил в предисловии одесский литератор Е. Голубовский: катаевская «повесть о времени, отстоящем всего на 80 лет, практически герметична для тех, кто не знает подлинных реалий биографии Катаева, круга его друзей, жизни Одессы в 1917–20 годах» [4, с. 8]. Процесс разгадывания шифров повести для Лущика оказался в два раза более длительным, чем у Набокова: он растянулся почти на два десятилетия — с 1980-го по 1999 г.

Разгадка шифров начиналась с заглавия, взятого из стихотворения Б.Л. Пастернака, за которым следовала строка: «А в наши дни и воздух пахнет смертью...» (цит. по: [4, с. 74]). Как потом оказалось,

именно эта строка «отражает зашифрованную идею всей книги» [4, с. 74].

Далее из сопоставления некоторых деталей было установлено место и время событий — август 1920 г., Одесса. Обращение к местным газетам этого времени помогло понять обстановку, царившую в городе:

...Красная армия окончательно заняла город 7 февраля 1920 года, после двух с лишним лет гражданской войны с многократными сменами властей. Вокруг Одессы война еще продолжалась — и на севере Украины, и в Крыму. Новые советские власти наводили в городе новые порядки, ликвидируя все старое, в том числе и остатки «белых» или казавшихся «белыми». Местная газета «Известия» непрерывно сообщала о происходивших облавах, конфискациях, принудительных субботниках, «чистках», обысках, арестах, разоблачениях... Печатались длинные списки расстрелянных «контрреволюционеров» и «бандитов», по 10–50 человек в каждом. Объявлялись обязательные регистрации бывших офицеров, иностранных подданных, жителей «чужих» национальностей: греков, поляков, англичан, эстонцев и др. [4, с. 76].

Кое-какие подробности Лущику удалось установить благодаря изданной к 70-летию Одесского ВЧК-КГБ книге «...А главное — верность». Здесь содержались сведения о прототипе одной из героинь повести Катаева Венгржановской, которая ждала расстрела в тюрьме как участница польско-английского заговора. В книге о доблестных чекистах упоминалась семья Венгржановских (их расстреляли при сходных обстоятельствах как участников мнимого заговора). В газете «Известия» за ноябрь 1920 г. среди участников еще одного заговора, в числе 100 человек, приговоренных к расстрелу, из которых затем 79 были заключены в тюрьму, Лущик нашел упоминание: «...коллегия постановила освободить след. лиц, как непричастных к делу» [4, с. 79]: Катаева Валентина и его брата — Катаева Евгения.

Так произошло ключевое открытие: вся история, рассказанная в повести как сон героя, в котором его ведут на расстрел, история его чудесного спасения и все последующие события, — это ранее неизвестный эпизод из жизни самого Катаева, фотография которого в форме офицера Первой мировой войны была обнаружена в журнале «Весь мир» за 1917 г.

Дальнейшие разыскания помогли установить, что в повести представлена еще и история друга юности Катаева В.А. Федорова, сына известного одесского поэта А.М. Федорова. Его как заговорщика разоблачила молодая чекистка: став его женой, она сдала его органам ЧК и при этом поплатилась тем, что сама отправилась вслед за ним в ту же «мясорубку».

Лущик проследил дальнейшую судьбу Федорова: ему удалось бежать из тюрьмы, эмигрировать в Румынию и стать театральным художником. Но его испытания на этом не закончились: во время Второй мировой войны его настигли советские карательные органы, он был отправлен на Соловки и умер в лагере. В книге публикуются репродукции картин Федорова (частично — из коллекции самого Лущика). В итоге параллельно сюжету повести «Уже написан Вертер» в комментариях вырастает документальное повествование, проливающее свет на неизвестные страницы одесской жизни Катаева и жизни его друзей юности на фоне жестокой и бесчеловечной эпохи. Об этих страницах Катаев боялся даже упоминать и только в конце жизни рассказал о них в повести, зашифрованной как кошмарное сновидение.

Еще одно достижение этого кропотливого исследования заключается в том, что Лущику удалось понять, что именно всю жизнь Катаев так мучительно скрывал, то за маской циничного Остапа Бендера, то за маской образцового советского писателя. Исследователь показал: Катаеву было что скрывать в своем прошлом и было чего бояться, хотя память о друзьях юности жила в нем всегда. Боясь своего прошлого до конца жизни, Катаев попытался рассказать и о трагических судьбах людей, составлявших его дореволюционное окружение и ставших жертвами красного террора, и о собственном «белогвардейском» прошлом.

Все это Лущик сумел поведать нам в жанре реального комментария, полностью оставаясь в границах жанра. Не случайно Голубовский в предисловии настаивает, что «в наше время комментарий стал новым литературным жанром, где история не разрушает прелесть изящной словесности» [4, с. 8].

Комментарий Лущика, основанный на документальном материале, показывает, как реальность советской эпохи может оказаться страшнее самого фантастического сновидения. В итоге книга, первая часть которой содержит художественное произведение, а вторая — документальное повествование с теми же героями, становится как бы единым произведением, где литература и реальность зеркально отражены друг в друге.

***

Итак, комментарий сегодня осваивает новые горизонты, ищет новые ниши и сферы приложения. Разумеется, это не единственные примеры его трансформации: в качестве примера можно привести книгу Д.Е. Галковского «Бесконечный тупик» (1997), где посвященный В.В. Розанову первоначальный текст был изъят и читателю доступны только комментарии. Но в этом случае комментарий окончательно перестал быть «сателлитом текста» — он трансформировался в эго-прозу, утратив исходные жанровые признаки; по существу, он выступает теперь на том же поле, что и Шекспир, а не просто как примечания к нему.

Литература

1. *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. 3-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1950. 408 с.
2. *Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К.Э. Штайн.* Ставрополь: СГУ, 2006. 1056 с.
3. *Дружинин П.А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы // *Литературный факт.* 2016. № 1–2. С. 380–452. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2016-1-2-380-452>
4. *Катаев В.П., Луцкий С.З.* Уже написан Вертер. Реальный комментарий к повести. Одесса: Ortimum, 1999. 232 с.
5. *Левдоров И.* Рукотворная фактология: заметки о «Юджине Онегине» В. Набокова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Водолей, 2015. 158 с.
6. *Лотман Ю.М.* А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 640 с.
7. *Набоков В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / под ред. А.Н. Николоюкина. М.: Интелвак, 1999. 1004 с.
8. *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. В.П. Старка. СПб.: Искусство, 1998. 924 с.
9. *Поливанов Л.* Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики: в 5 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887.
10. *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 336 с.
11. *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы: в 2 т. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Мосты культуры, 2014.
12. *Тименчик Р.Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.: Мосты культуры, 2008. 684 с.
13. *Черемисина Харпер И.А.* Владимир Набоков — комментатор и интерпретатор пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин»: монография. Томск: ТПУ, 2014. 199 с.

Research Article

“...The Main Thing Is not Shakespeare, but the Notes to Him”: Academic and Educational Commentary, Commentary as an Autobiography, Research and Investigation

© 2024. Evgeniya V. Ivanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper deals with the history of academic commentary in the Soviet era, particularly the formation of standards for a description of the sources of the text, its creative history, and clarification of the encountered realities incomprehensible to the reader. A separate part of the paper is devoted to the critical editions of Russian “classics” designed for high school institutions, among them, e. g., the five-volume collection of works by A.S. Pushkin, issued by Lev I. Polivanov. The main specificity of these comments is that they precede the literary text and answer questions that students may have in advance. The next object of our analysis is N.L. Brodsky’s commentary on Pushkin’s novel “Eugene Onegin,” intended for secondary school teachers. It became a subject of sharp criticism by V.V. Nabokov, like a commentary on the same novel released by Yu.M. Lotman. A new stage in the genre of commentary has become the Russian version of Nabokov’s “A Novel in Verse by Alexandr Pushkin,” growing into an autobiography and a self-discovery tool for the editor (Nabokov). We are also considering the question of how fair was Nabokov’s criticism of the commentaries of Brodsky and Chizhevsky. Another type of commentary should be that of Odessa researcher S.Z. Lushchik, published as an appendix to Kataev’s novel “Werther has already been written” (1980) and entitled “A real commentary on the novel.” This type of commentary grows into a full-fledged study that discovers unknown and carefully hidden details of the famous Soviet writer’s biography.

Keywords: an academic commentary, an educational commentary, A.S. Pushkin, “Eugene Onegin”, L.I. Polivanov, N.L. Brodsky, Ju.M. Lotman, a commentary-autobiography, V.V. Nabokov, R.D. Timenchik, a commentary-research, V.P. Kataev, “Werther Has Already Been Written”, S.Z. Lushchik.

Information about the author: Evgeniya V. Ivanova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>E-mail: evi@l-z.ru

For citation: Ivanova, E.V. “...The Main Thing Is not Shakespeare, but the Notes to Him”: Academic and Educational Commentary, Commentary as an Autobiography, Research and Investigation.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 261–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-261-292>

References

1. Brodskii, N.L. "Evgenii Onegin". *Roman A.S. Pushkina: Posobie dlia uchitelei srednei shkoly* ["Eugene Onegin." Alexander Pushkin's Novel: Guide for Secondary School Teachers]. 3rd ed., rev. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1950. 408 p. (In Russ.)
2. Shtain, K.E., editor. *Glгол budushchego: Filosofskie, pedagogicheskie, literaturno-kriticheskie sochineniia Ia.M. Neverova i rechevoe povedenie vospitannikov Stavropol'skoi gubernskoi gimnazii serediny XIX veka* [Future Verb: Januarius Neverov's Philosophical, Pedagogical, Literary-Critical Works and Speech Behaviour of the Stavropol Provincial High-School Students from the Middle of the 19th Century]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2006. 1056 p. (In Russ.)
3. Druzhinin, P.A. "Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 godu. Izbrannye materialy" ["Faculty of Philology, Moscow State University in 1949. Selected Materials"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1–2, 2016, pp. 380–452. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2016-1-2-380-452> (In Russ.)
4. Kataev, V.P., and S.Z. Lushchik. *Uzhe napisan Verter. Real'nyi kommentarii k povesti [Werther Has Already Been Written. The Real Commentary on the Novel]*. Odessa, Optimum Publ., 1999. 232 p. (In Russ.)
5. Levdorov, I. *Rukotvornaia faktologiya: zametki o "Iudzhine Onegine" V. Nabokova* [Man-Made Factology: Notes on Vladimir Nabokov's "Eugene Onegin"]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Vodolei Publ., 2015. 158 p. (In Russ.)
6. Lotman, Iu.M. *A.S. Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Roman "Evgenii Onegin": Kommentarii* [Alexander Pushkin: The Writer's Biography. "Eugene Onegin": The Commentary]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 640 p. (In Russ.)
7. Nabokov, V. *Kommentarii k "Evgeniiu Oneginu" Aleksandra Pushkina* [The Commentaries on Alexander Pushkin's "Eugene Onegin"], ed. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 1999. 1004 p. (In Russ.)
8. Nabokov, V. *Kommentarii k romanu A.S. Pushkina "Evgenii Onegin"* [The Commentaries on Alexander Pushkin's "Eugene Onegin"], ed. by V.P. Stark. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1998. 924 p. (In Russ.)
9. Polivanov, L. *Sochineniia A.S. Pushkina s ob'iasneniami ikh i svodom otzyvov kritiki: v 5 t.* [Alexander Pushkin's Works with Its Explanations and the Code of Critical Acclaims: in 5 vols.]. Moscow, Tipografiia M.G. Volchaninova Publ., 1887. (In Russ.)
10. Reiser, S.A. *Paleografiia i tekstologiya novogo vremeni* [The Modern Times Palaeography and Textual Criticism]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 336 p. (In Russ.)
11. Timenchik, R. *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 1960-e gody: v 2 t.* [The Last Poet. Anna Akhmatova in the 1960s: in 2 vols.]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2014. (In Russ.)
12. Timenchik, R.D. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [All of a Sudden: Articles about Russian Literature of the Last Century]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 684 p. (In Russ.)
13. Cheremisina Kharrer, I.A. *Vladimir Nabokov — kommentator i interpretator pushkinskogo romana v stikhakh "Evgenii Onegin": monografiia* [Vladimir Nabokov as the Commentator and Interpreter of Alexander Pushkin's "Eugene Onegin": Monograph]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2014. 199 p. (In Russ.)

«...Но там, где ссылаются на слово сестры, я пас»: из комментариев к письмам А.А. Бестужева (Марлинского) 1830–1833 гг.

© 2024, А.А. Полякова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Принято считать, что появление в 1833 г. имени Марлинского в числе сотрудников «Библиотеки для чтения» без предварительной договоренности с автором является примером издательского произвола и спекуляции. Но знакомство с эпистолярным наследием А.А. Бестужева 1830-х гг. (в первую очередь — с неопубликованными письмами, большая часть которых хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН) позволяет по-новому взглянуть на историю сотрудничества писателя с А.Ф. Смирдиным. Так, например, из письма Бестужева к К.П. Торсон от 7 декабря 1833 г. мы узнаем, что включение Бестужева в штат сотрудников «Библиотеки для чтения» было инициативой его сестры Елены Александровны, причем это решение не вызвало у писателя возмущения или удивления. Как понятно из переписки Бестужева 1830–1833 гг., этот ее жест мог быть тесно связан, с одной стороны, с работой писателя в журнале «Сын отечества и Северный архив», с другой — с историей издания первых пяти частей собрания сочинений Марлинского («Русских повестей и рассказов») и теми непростыми взаимоотношениями, которые сложились между участниками этого предприятия, закончившегося конфликтом: А.А. Бестужевым, Е.А. Бестужевой, Н.И. Гречем и А.М. Андреевым, молодым помощником издателя «Сына отечества и Северного архива», сыгравшим не последнюю роль в этой истории.

Ключевые слова: А.А. Бестужев (Марлинский), Е.А. Бестужева, Н.И. Греч, А.М. Андреев, «Русские повести и рассказы», «Библиотека для чтения», книгоиздательство.

Информация об авторе: Анна Александровна Полякова — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9483-7765>

E-mail: anna-polyakova2008@yandex.ru

Для цитирования: Полякова А.А. «...Но там, где ссылаются на слово сестры, я пас»: из комментариев к письмам А.А. Бестужева (Марлинского) 1830–1833 гг. // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 293–309. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-293-309>

История о том, как Бестужев неожиданно для себя стал сотрудником «Библиотеки для чтения», казалось бы, хорошо известна. Из № 224 «Северной пчелы» за 4 октября 1833 г. писатель узнал, что он без предварительной договоренности зачислен в штат сотрудников нового журнала А.Ф. Смирдина. Эта новость возмутила Бестужева настолько, что он отправил К.А. Полевому протест для публикации в «Московском телеграфе» [2, т. 2, с. 509–510] и, вероятно, гневное письмо самому Смирдину, которое не сохранилось, но упоминание о нем можно найти в письме к К.П. Торсон от 7 декабря 1833 г.:

Смирдин писал ко мне, что сестрица Елена Александровна уверила его, что я буду его сотрудником, и, надеясь на это, он напечатал мое имя в перечне авторов. Как ни досадно мне это, но там, где ссылаются на слово сестры, я пас. Предлагал он мне 300 р<ублей> за лист, я не иначе соглашаюсь, как погодно за 5 тысяч. С тем, что, начиная с 1 января, он 10 месяцев сряду каждое 1-е число будет выдавать вам по 500 р<убле>й асс<игнациями>¹. Съездите к нему и спросите, согласен ли он на мое письмо? И если *да*, то получите первые деньги. Если *нет*, поскорей известите <...> если он при каждом 1-м числе просрочит 3 дни уплаты, я считаю, договор надо рвать с ним².

Благодаря этому письму становится известно одно немаловажное обстоятельство. По всей видимости, никакого издательского произвола в появлении имени Марлинского в числе авторов «Библиотеки для чтения» не было: зачисление Бестужева в штат сотрудников журнала было предварительно согласовано с сестрой писателя — и, что также немаловажно, этот ее поступок не вызвал у него удивления или негодования. Однако из письма непонятно, на каком основании и по каким причинам Елена Александровна без ведома брата заключила

¹ Эта сделка с «Библиотекой для чтения» описана современниками — см., например, в «Воспоминаниях» Я.И. Костенецкого, кавказского знакомого Бестужева [3, т. 2, с. 165]. Однако это свидетельство пестрит ошибками: так, Смирдин назван Сенковским, а 5 тысяч рублей в год превратились в тысячу рублей за лист.

² РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 11. Л. 150–151.

делку с издателем «Библиотеки для чтения». Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться на несколько лет назад и обратиться к истории сотрудничества Бестужева с другим журналом — «Сыном отечества и Северным архивом», а также к истории издания первого собрания сочинений писателя — «Русских повестей и рассказов» (1832–1834).

***

10 июля 1830 г. Бестужев, остро нуждавшийся в стабильном источнике дохода, написал письмо к бывшему приятелю Ф.В. Булгарину (в то время — соиздателю «Сына отечества и Северного архива») с предложением заключить контракт:

Я обязан присылать не менее двадцати и не более двадцати пяти печатных листов оригинальных текстов прозою. Превышающее число листов Вы отнесете к следующему году или, если угодно Вам будет, заплатите особо по 80 рубл<ей> за лист <...> Если Вам угодно будет поручить мне перевести какую-нибудь главу или отрывок с немецкого, французского, англинского и польского языков, то Вы пришлите книгу с отметкою статей, которая вместе с переводом возвратится в скором времени. Вы будете платить за это не менее 1500 рубл<ей> в год. Уплата производится по третям, считая со дня получения первой повести [1, с. 484–485].

В условия контракта входила и регулярная присылка новых номеров «Сына отечества...» и «Северной пчелы».

Сделка была заключена (тем более автор и издатели были давно знакомы и уже имели успешный опыт сотрудничества), но в начале 1831 г. — буквально через полгода после заключения контракта — его условия были нарушены: Бестужев перестал получать и деньги, и номера журнала, и газеты, в то время как с «Московским телеграфом» и «Тифлисскими ведомостями», в которые писатель также присылал свои тексты, никаких затруднений не возникло. Своим недоумением по этому поводу Бестужев поделился с сестрой Еленой Александровной в письме от 5 января 1831 г.: «P.S. Chère Héléne: il parait que M-rs les éditeurs ne sont pas trop pressés de remplir leur engagement — et bientôt je serais de nouveau sans argent»³. Вслед за

³ *Семевский М.И.* Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. № 6. С. 506. Перевод: «P.S. Дорогая Елена: кажется, господа издатели не слишком торопятся выполнить свое обязательство, — и вскоре я снова останусь без денег» (франц.).

этим письмом 13 января 1831 г. Бестужев отправил родным новое, в котором, между прочим, впервые упомянул имя А.М. Андреева — молодого чиновника Департамента разных податей и сборов (а в будущем — вице-губернатора Казани)⁴, который, судя по всему, в начале 1830-х гг. выступал посредником между Бестужевым и издателем «Сына отечества...» Н.И. Гречем:

Я не понимаю, что со мной делает Андреев. У него осталось еще с прошлого года 100 руб<лей> и он не исполнил ни одной комиссии, хотя прежде был весьма аккуратен. Жив ли он? Здоров ли он? Осведомьтесь о сем у Николая Ивановича <Греча. — А.П.>, равно как и о том: отправлены ли мне за новый год деньги и с кем, и когда? Почты теперь ходят весьма исправно — а я не получал ни копейки. От сих пор решительно скажите Н<иколаю> И<вановичу>, чтобы выдача шла по-прежнему: а то эти посылки через чужие руки и на чужое имя совсем никуда не годятся. После и права не сыщешь. То же самое и о журналах⁵.

В марте того же года стало понятно, что деньги и журналы терялись из-за ошибки в адресе, о чем Бестужев сообщил в письме к родным от 18 марта 1831 г.⁶, но даже после ее обнаружения посылки от издателя «Сына отечества...» приходили нечасто и с большими задержками.

Как понятно из писем к родным, к началу 1832 г. ситуация не изменилась и, казалось бы, что за полтора года сотрудничества с «Сыном отечества...» Бестужев должен был убедиться в том, что Греч едва ли самый исполнительный и аккуратный издатель — по крайней мере, по отношению к нему; то же самое можно было бы сказать о его помощнике Андрееве. Тем более странно читать письмо Бесту-

⁴ См.: РГИА. Ф. 1346. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция). Оп. 6. Д. 6. Л. 194–210.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 121.

⁶ «...Прилагаю вам адрес, по которому г. издатели посылают мне «Сев<ерную> пчелу» <...> вы увидите ес<ть> ли тут человеческий смысл, и мудроно ли после этого, что газеты ходят бог знает куда! В *Дербент*, в *Кизляр*... что это такое? — вздор, скажете вы — но вздор, от которого ни одна почта не приносит ничего исправно. В Кизляре ищут меня и не находят, отсылают в Тифлис; Тифлис иногда опять ворочает в Кизляр. Надо бы написать *через Кизляр*. Но для газет нет там дороги — они из Ростова идут на Тифлис, а потому впредь попросите, чтобы исправили адрес, надписывая просто *в Дербент*» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). № 12. Л. 123). Между тем в уже упоминавшемся выше письме к Булгарину от 10 июля 1830 г. Бестужев сообщал: «Если вздумаете послать ко мне что-нибудь, вот адрес: А.А. Б<естужев>у в Грузинский линейный № 10-го батальон, *через Кизляр*, в *Дербент*» [1, с. 485].

жева к матери от 9 февраля 1832 г., где он делился радостной вестью: «...прошу Вас поблагодарить г-на Андреева и Николая Ивановича <Греча. — А.П.> за предложение издать мои повести; я не могу и не желаю найти лучшего издателя. Пусть приступает к делу с Богом: под названием “Повести Александра Марлинского”» [1, с. 513]. Эта радость удивительна еще и потому, что в том же письме он вновь жаловался на очередную задержку денег: «Но от Греча денег не получал на новый год»⁷ [1, с. 513]. Вскоре — уже 24 февраля того же года — Бестужев отправил матери письмо, в котором подтвердил свое желание доверить именно Гречу и Андрееву издание собрания сочинений и подробно описал состав издания и финансовую сторону предприятия (см.: [1, с. 513–514]).

Кроме того, новый оборот получила и история сотрудничества с «Сыном отечества и Северным архивом»: Бестужев узнал, что, возможно, вскоре его тяжелое финансовое положение, вызванное в первую очередь небрежностью Греча и Андреева, несколько облегчится. 22 сентября 1832 г., писатель вскользь сообщил К.А. Полевому: «Я у вас в долгу и без денег, по душе — не журите, если запоздаю оплатою, то наверно напишу вам повесть и посвящу вам же. Для этого, *по новому условию с книгопродавцем Смирдиным* (курсив мой. — А.П.) и перепродавцем мною, придется вильнуть и сказать, что я еще в этом году прислал вам ее, а вы припрятали для казового конца. Аминь»⁸.

Суть этого условия несколько проясняется, если забежать вперед и обратиться к письму Греча к Бестужеву от 28 февраля 1833 г., о котором в дальнейшем еще будет идти речь: «Сестрица ваша Елена Александровна дала знать, что вы не соглашаетесь продолжать сотрудничества на прежнем с мною условии, а желаете иметь в год по 5 т<ысяч> рублей. Сие предложение было сделано мною от Смирдина, который хотел взять с 1833 года на свой счет наши журналы, и желал, чтобы в них лучшие наши литераторы участвовали *исключительно*»⁹. Можно предположить, что летом 1832 г. Смирдин

---

⁷ Ср. письмо к матери от 13 февраля 1832 г.: «Две недели назад писал я к Вам письмо об издании моих сочинений, так сказать, посмертных. Предоставьте это Гречу — он благородный человек. Об одном просьба, чтоб не было опечаток и чтоб речи одного, не сбивать с речами другого в одну строку. Ошибки я почти все послал к Лиошиньке (Е.А. Бестужевой. — А.П.) — сохранны ли эти лоскутки? Чем скорее, тем лучше, ибо я вовсе без денег... от Н<иколая> И<вановича> не получал за новый год ничего <...> — В “Альциону”, верно, он подарил “Антиквария” моего» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 150–151 об.).

⁸ *Полевой К.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. № 3. С. 333.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69.

собирался выкупить «Сын отечества...», оставив Греча и Булгарина редакторами; в таком случае именно на плечи Смирдина ложилась бы финансовая сторона издания, в том числе — и выплаты гонораров, а щедрость его была общеизвестна. Но, как мы знаем, этот замысел Смирдина реализовался лишь в 1838 г. Разумеется, Бестужев не мог этого предполагать, поэтому был полон радости и надежд.

Несмотря на все уверения, родные Бестужева, кажется, не слишком доверяли Гречу, и поэтому в работу по изданию повестей решила вмешаться Елена Александровна, попросив у брата доверенность; просьбу Бестужев удовлетворил¹⁰, — но нельзя сказать, что ее участие в делах брата что-то существенно изменило: деньги присылались нерегулярно, а принцип выплаты гонораров остался недостаточно прозрачным¹¹. Кроме того, несмотря на участие сестры в подготовке «Русских повестей и рассказов», Бестужев, кажется, довольно плохо представлял себе, как продвигается работа. Так, в ноябре 1832 г. он справлялся о том у Елены Александровны: «Каково идет печатание, что цензура? Что печатается в I-й части? — Я очень любопытен, каково пойдут в продажу мои грехи?»¹². Но, как понятно из письма к родным от 29 декабря того же года, внятного ответа на вопрос Бестужев ни от кого так и не дождался: «Господа пчеловоды меня моят. Должен кругом, а от них ни гроша; это не по-товарищески, тем более, что сами обещали

¹⁰ См. письмо Бестужева к Елене Александровне от 13 марта 1832 г.: «По желанию вашему, любезнейшая сестрица, прилагаю здесь доверенность для печати моих сочинений» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 153). Кроме доверенности, он выслал сестре корректуры и поручил несколько комиссий (см.: РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 153–156 об.).

¹¹ См., например, письмо к матери и сестре от 25 мая 1832 г.: «Гречу благодарность — Андрееву втрое. Получили ли “Дагестанский поход” для “Пчелы”? “Воды” пишу — и скажите, что за 1832 выплачусь. — Напомните издателям, что я с 1831-го июля по 1-е июля 1832-го должен быть удовлетворен — они, кажется, переменяли сроки. Спросите еще, берут ли меня на остальное полугодие с июля по январь — или нет? В противном случае я найду себе работу. За 2-й год сотрудничества получил доселе 1000 рубл<ей>. След<овательно> дополнить остается 500 р<ублей>» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 160 об.). «...Дал им за 1832, но зато передал за 31-й. Считите листы (или Андр<еева> попросите) и увидите, что гораздо более 25. “Латник” занял листов 5, мелочь 1, да о Дагестанском походе (спросите, получили его?) листа 4 — след<овательно>, если они за 3 не платят, я им едва ли буду должен 2 листа (в счет кладите и “Антиквария”, ибо это была воля Гр<еча> отдать Розену). Всего же обязан я ставить не менее 20, но не более 25. Пожалуйста, на каждый из сих пунктов ответствуйте подробно» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 165), — записка не датирована; Г.В. Прохоров в машинописи полного собрания писем А.А. Бестужева отнес ее к ноябрю 1832 г. (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 38. Л. 65).

¹² РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 165.

выслать давно <...> Сулили много; как бы не съехать на убыток. Барыши и недочеты в одной ездят телеге»¹³.

В начале 1833 г. вышли первые пять частей «Русских повестей и рассказов», и они заметно отличались от того, как изначально Бестужев мыслил собрание своих сочинений. Во-первых, по непонятным причинам имя «Марлинский» на титуле отсутствовало, хотя под этим псевдонимом уже был напечатан ряд произведений — и, кажется, без особых препон. Во-вторых, совсем другой стала структура собрания: три части превратились в пять за счет включения почти всех новых текстов 1830–1832 гг., а также нескольких «ливонских повестей» и произведений, написанных в Якутске. Вероятно, часть изменений была внесена самим Бестужевым, но по письмам понятно, что учитывались явно не все пожелания автора. Например, в письме к Гречу от 9 марта 1833 г. (видимо, только тогда окончательный вид издания стал известен автору) он как бы между прочим спросил: «Не постигаю, отчего не поместили многих повестей, которые, конечно, занимательнее “Исыха”?» [1, с. 521].

Не облегчало издательскую судьбу «Русских повестей и рассказов» и то обстоятельство, что действия издателя и Елены Александровны, по сути выполнявшей роль комиссионера, были совершенно между собой не согласованы: Греч очевидно не воспринимал всерьез Бестужева и не считался с ней. Так, известно письмо Н.А. Полевого к Бестужевой от 23 января 1833 г., в котором он предложил безвозмездную помощь по реализации «Русских повестей и рассказов», однако признался, что ее участие в издании сочинений брата стало для него новостью¹⁴.

В конечном счете рассогласованность действий соиздателей «Русских повестей и рассказов» привела к серьезному конфликту, о котором Бестужеву сообщил непосредственно Греч в письме от 28 февраля 1833 г.:

Любезнейший Александр Александрович! Вижу, что нет и не будет толку переписываться и толковать чрез посредников: я намерен отныне сноситься непосредственно с вами.

¹³ *Семевский М.И.* Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // *Русский вестник*. 1870. № 6. С. 524.

¹⁴ «Милостивая государыня Елена Александровна! Спешу отвечать на письмо, которым почтили вы меня от 14-го января, и благодарить вас за присылку экземпляра сочинений братца вашего <...> Совсем не знал я, что печатание и издание производится вами. Я полагал, что распоряжение всем этим принял на себя Н.И. Греч. Если бы мне прежде было это известно, то я осмелился бы предложить вам мои советы, которые послужили бы к совершенству книги» [4, с. 511].

<...>

Деньги выдавал я, по востребованию Ел<ены> Ал<ександровны>; последних 750 <рублей> не выслал тотчас, потому что здесь разнесся слух о том, что вы убиты в сражении — и не хотел, чтоб деньги пропали, думал сберечь их для ваших. Ардалион Михайлович (Андреев. — *А.П.*) засвидетельствует вам истину сказанного мною. Теперь решите, как вы полагаете — быть или не быть мне помощником. Получив ответ утвердительный, приму свои меры, и в сем случае убедительно вас прошу дать знать, кому именно отдавать деньги.

От двоякости этой происходили все недоразумения и остановки.

Я должен вам сказать откровенно, что Ард<алион> М<ихайлович> не заслужил того, как с ним поступила Ел<ена> Александровна. Он трудился для вас сколько мог и успел сделать со Смирдиным очень выгодную сделку. Она приехала и самым оскорбительным для него образом объявила, что он не имеет права вмешиваться в сии дела, ибо доверенность дана на ее имя, не обратила внимания на ваши отзывы в письмах к нему и расстроила сделку со Смирдиным. Теперь, разумеется, Ард<алион> М<ихайлович> отказался от всякого в сем деле участия. Мне прискорбно было видеть все это, и я напрямик высказал ей свое мнение. Мы с Андреевым усердно трудились в издании вашей книги. Корректуры читал О.М. Сомов, не требуя за сие никакого возмездия, вместо этого наградили нас недоверчивостью и оскорблением. Жаль и больно!

Но оставим это. Je me résume¹⁵: Деньги, по сотрудничеству, выданы по 1-е января. Если вам угодно, по-прежнему, быть моим сотрудником, то прошу вас назначить кому именно и в какие сроки должен я отдавать деньги. Если есть возможность, освободите меня от сношений с дамами¹⁶.

Мотивы, которые побудили Елену Александровну разорвать сделку Андреева и Смирдина, понятны: постоянные жалобы брата на неаккуратность издателей, вероятно, заставили ее усомниться в том, что этот договор был заключен в пользу автора — и, по всей видимости, Бестужев в таком решении сестру поддержал. Это подтверждает его письмо к К.А. Полевому от 23 февраля, в котором подробно рассказано об этом инциденте:

¹⁵ Итак (*франц.*).

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69–70.

Я поручил сестре издать повести. Сестра у меня, надо сказать, кропотунья, но редкого самоотвержения женщина: она в беде нашей была для нас провидением... <...> получаю письмо от сестры, в котором она жалуется на Г<реча> и на издателя, что они не дали ей ни в чем отчета и запродали издание невыгодно, не давая ей ручательства в выручке, что именно сказано было в условии. Она предьявляет свою доверенность и разрывает условие с хриstopродавцами¹⁷.

После скандала с Гречем и Андреевым все хлопоты по продаже издания легли на Елену Александровну¹⁸ — но, по всей видимости, с задачей комиссионера она справлялась с трудом (положение, в котором оказалась Бестужева, осложнялось еще и тем, что Греч после ссоры действительно прекратил с ней всякое общение, а отчеты по расходам за подготовку издания высылал напрямую ее брату в Дербент¹⁹):

Боюсь я, что вы, раздав неверным книгопродавцам в долг, не выберете своих денег вовремя. Я должен Полевому и просил его уплатиться из экземпляров²⁰.

¹⁷ *Полевой К.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. № 4. С. 432. Ср. письмо Бестужева к Гречу от 9 марта 1833 г.: «Сестры не правлю; но не извинить ее нельзя, ибо источник ее действий — привязанность к братьям, что она доказала не словами, а жертвами всякого рода. Да, кажется, господа, вы и затрунули ее гордость» [1, с. 521].

¹⁸ См., например, письмо Бестужева к сестре от 9 марта 1833 г.: «Не дешевайтесь. На комиссию можно дороже давать, чем гуртом. Веленевые надо продать дороже, иначе за что их печатали?» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужева). Ед. хр. 12. Л. 170).

¹⁹ См. письмо Бестужева к Елене Александровне от 7 сентября 1833 г.: «Вы, любезнейшая сестрица, пишете, что Греч не доставил вам счета — вот он, за подписью Греча ко мне присланный.

За печать 86 $\frac{3}{4}$ листов по 50 (р<ублей>) за лист всего — 4318 р<ублей> 75 <копеек. — *А.П.*>

За любскую бумагу 445 $\frac{1}{2}$ стоп по 12 <рублей. — *А.П.*> — 50 <копеек> — 5568 (р<ублей>) 75 <копеек. — *А.П.*>

Веленовой 11 $\frac{1}{4}$ стоп по 25 (р<ублей>) — 281 <рублей. — *А.П.*> — 25 <копеек. — *А.П.*>

Оберточной 6 стоп по 30 (р<ублей>) — 199 р<ублей> — 50 <копеек. — *А.П.*>

За переплет 12 тысяч экз. // — 960 <рублей. — *А.П.*> —

За переплет цензур. экз. — 25 <рублей. — *А.П.*>

Итого 11 — 353 (р<ублей>) — 25 <копеек. — *А.П.*>

Уплачено было 2000 <рублей. — *А.П.*>

Остается упл<аги>ть 9.353 <рублей. — *А.П.*> — 25 <копеек. — *А.П.*>» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужева). Ед. хр. 12. Л. 180).

²⁰ Письмо к Елене Александровне от 4 мая 1833 г. (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужева). Ед. хр. 12. Л. 175 об.).

Сестра плохо распорядилась и не выручила чистых денег еще 4 тысяч<и>, но всего должно очиститься около 13 т<ыся>ч — разошлось за выключкой 700 экз<емпляров> непроданных — 1700 экз<емпляров>. Но издание мне стоило около 14 т<ысяч>, благодар<ю> Андреева и Г<реча>. Остаток может дать тысяч до десяти²¹.

Я писал к Полевому, чтобы он сквитался из денег за экз<емпляры> со мною. Я неожиданно по покупке коляски для других стал должен ему более 1000 <рублей>. Получу здесь — а он возьмет из выручки. Если все переслал вам, то пошлите ему еще 100 экз<емпляро>в²².

Сломленный финансовым провалом «Русских повестей и рассказов», мучительным следствием по делу о гибели Ольги Нестерцовой, болезнями и тяготами походной жизни, 17 июля 1833 г. Бестужев отослал сестре письмо, полное упреков:

Не понимаю, для чего вы взялись считать расходы экземплярами? Это неверно и сбивчиво. Ибо, напр<имер>, за 200 экз<емпляров> Полевой не взял ни копейки вычета, а другие проданы с разным учетом — разве нет цифр для рублей? Во всяком случае, продажа идет, как я вижу, неудачно, ибо до сих пор не продано издания и, как кажется, не соберете вы денег в 3 года. Вот что значит не следовать моим советам! Не лучше ли было, разрушив договор Андреева, — обновить оный со Смирдиным на свое имя. Теперь бы деньги были очищены. — Вы писали прежде о 400 экз<емпляра>х для сестер — оставим это число так — остальные 100 я подарю при 2-м издании. А то брат Павел выйдет в отставку, и ему нечем будет завестись на мою долю, и по вашему счету осталось более 1000 экз<емпляров>, следов<ательно>, за вычетом 20 про<ентов>, должно быть около 18 тысяч — где ж они? Положим, я истратил 6: но около 10 не худо бы положить в ломбард. Pensez-y, chère Hélène^{23/24}

²¹ Письмо к П.А. Бестужеву от 1 июня 1833 г. (*Семевский М.И.* Александр Бестужев (Марлинский): 1798–1837 // Отечественные записки. 1860. № 6. С. 311). Хотя в оригинале письма (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Л. 28.) фамилия Греча написана полностью, публикатор заменил ее на криптоним «Г.».

²² Письмо к Елене Александровне от 15 июля 1833 г. (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 177 об.).

²³ Подумайте об этом, любезная Елена (*франц.*).

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 178 об.–179.

Еще одним ударом для Бестужева стала новость о том, что Смирдин не будет выкупать «Сына отечества и Северный архив»²⁵, а Греч согласен сотрудничать с ним только на прежних условиях²⁶ — поэтому рассчитывать на гонорар в 5 тысяч больше не приходилось, и в марте же 1833 г. Бестужев разорвал постоянный контракт с «Сыном отечества...»²⁷.

В свете описанных злключений поступок Елены Александровны, которая осенью 1833 г. без ведома брата заключила договор со Смирдиным, становится понятным и легко объяснимым. С одной стороны, она могла чувствовать вину за вмешательство в дела Андреева, Греча и Смирдина, которое заметно усложнило и так тяжелую для Бестужева ситуацию, — и наверняка не забыла об упреке брата, брошенном ей в письме от 17 июля 1833 г.: «Не лучше ли было, разрушив договор Андреева, — обновить оный со Смирдиным на свое имя. Теперь бы деньги были очищены». Во-вторых, Елена Александровна могла помнить и то, с какой радостью во второй половине 1832 г. Бестужев принял новость о возможности сотрудничать с изданием Смирдина за 5 тысяч рублей в год — и как был раздосадован, когда понял, что остается при прежних деньгах. В конце концов, с учетом всех обстоятельств это обещание Смирдину могло показаться ей лучшим выходом. Этот ход действительно себя оправдал: те условия, на которых Бестужев согласился сотрудничать в «Библиотеке для чтения», были выгодны, пожалуй, только лишь ему самому²⁸ — но, тем не менее, Смирдин, по всей видимости, выполнял их исправно.

***

Нужно сказать, что начало сотрудничества с «Библиотекой для чтения» совпало с прекращением деловых отношений с Н.И. Гре-

---

²⁵ См. об этом письмо к К.А. Полевому от 23 февраля 1833 г.: «Смирдин через Н<иколая> И<вановича> закабалил меня в год за 5 тысяч, но его журнал не состоялся, и Н.И. извещает меня лишь теперь об этом, предлагая по-прежнему сотрудничать за 1500 в год. Я отказался, и теперь вольный казак» (*Полевой К.А. Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах. Русский вестник. 1861. № 4. С. 434*).

²⁶ Ср.: «Я не могу давать в год более прежних 1500 р<ублей>, то есть именно той суммы, которую вы сами назначили. Листов не считаю, а желал бы искренно иметь вас, по-прежнему, моим сотрудником, не возлагая на вас никакой исключительной обязанности», — письмо Греча к Бестужеву от 28 февраля 1833 г. (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69 об.).

²⁷ См. письмо к Гречу от 9 марта 1833 г.: [1, с. 521].

²⁸ См. письмо к К.А. Полевому от 21 февраля 1834 г.: «Смирдин платит мне 5 тысяч в год за 12 листов» [2, т. 2, с. 517].

чем. Разорвав контракт с «Сыном отечества и Северным архивом», Бестужев — возможно, из прежнего уважения к Гречу — в марте 1833 г. предложил ему купить «Фрегат “Надежду”» и изъявил готовность в дальнейшем высылать повести по 100 рублей за лист: «Фрегат “Надежда” давно выслана вся — в 3-х частях. Это если не лучшая, то одна из лучших моих повестей. Если угодно — возьмите ее, — об условиях я писал²⁹. Вперед, если угодно, я порой буду присылать статьи — но не иначе как за 100 р<ублей> лист³⁰. Уведомьте, согласны ли Вы. Это дело коммерческое» [1, с. 521]. Но из позднейших писем становится ясно, что денег — в том числе за «Фрегат “Надежду”» — Бестужев так и не увидел, о чем сообщал не в одном письме:

Что же Греч? — Что Андреев? Он мне 750 рубл<ей> должен и молчит. — Первому писал я, чтобы 1000 р<ублей> доставил Кат<ерине> П<етровне>е <Торсон. — А.П.>, но их в получке нет, а вы о сем ни слова. Когда вы будете отвечать на каждый вопрос мой, любезная сестрица? Знаете ли, что за такую далью это 1-я вещь³¹.

Денег нет ниоткуда. Греч не шлет. Анд<реев> не пишет, взявши лишних до 1000. Вы тоже. Не знаю, как и выехать, если переведут к Тифлису! — Каково идет расплата за продажу...³²

Андреев взял за прошлое полугодие у Греча 250 да 750 лишних у Смирдина. На I-е прислал он книг Жукову, но остальные должен.

²⁹ См. письмо к Елене Александровне от 30 марта 1833 г.: «Гречу я писал насчет повести “Фрегат ‘Надежда’”. Я оценил ее в 1750 рубл<ей> и просил 1000 чистыми — вольному воля — если не берет, — послать к Полевому не означая цены» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 173). Говоря о том, что, назначая за повесть 1750 рублей, он просит за нее «чистыми» 1000 рублей, Бестужев имеет в виду, что 750 рублей пойдут за уплату долга за прошедший год. См. об этом в письме к Гречу от 9 марта: «За прошлое полугодие, не желая брать незаслуженного, я просил уплатить 500 рубл<ей> Ар<далиона> М<ихайловича> Андреева, а 260 <рублей. — А.П.> получите с сестры» [1, с. 521].

³⁰ Такое же предложение было сделано и Н.А. Полевому в письме от 23 февраля 1833 г.: «Скажите откровенно и без крох мыслей: можете ли вы давать мне по 100 р<ублей> за лист? Мне предлагают более, но я хочу иметь дело с людьми, а не с людом. Если это тяжело для вас — одно слово, и все по-старому. Я делаю это потому, что надежды мои не оправдались и в половину, что Бог весть, когда будут у меня деньги за издание» (Полевой К.А. Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. № 4. С. 434).

³¹ Письмо к Елене Александровне от 4 мая 1833 г. // РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 175 об.

³² Письмо к Елене Александровне от 15 июля 1833 г. // РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 177 об.

Как бы мне достать эти деньги? — Вот так расхваленные люди поступают. Вы тоже не упустили словца на похвалы. Но кто ж не обманывается издали!³³

Товарищество Смирдина сделало все, что могло, чтобы замедлить мои повести, рассердясь на сестру мою за разорвание ими контракта. Я смеюсь этому и решительно отказался хоть строчкой помогать им. Довольно, что за год они сыграли со мной штучку, известив уже в марте о несостоянии нового журнала и выманив тем самым за бесценок повесть. Обжегся я на многих, и между прочим всех более на А<ндрееве>, издателя повестей, который взял с лишком три тысячи и ни гугу³⁴.

При сем письмо к Гречу прочтите, запечатайте и отправьте с небольшою записочкою, где скажете, что А<лександр> А<лександрович> говорит, что он доверия г. А<ндрее>ву на получение денег не давал — а потому все сделки с Андреевым считает как бы не бывшими, тем более, что он чрез меня же писал к вам о вручении денег за «Фр<егат> “Н<адежду”»» именно мне. Пишите к сестре, просите, чтоб она приехала похлопотать о деньгах, взятых А<ндреевы>м у Смирдина и о сих от Греча. Я их не получал, — это решительно. Тут нечего и списываться. Уполномочиваю на сей счет ее даже просить начальство Андреева, если до того дойдет. Мне наскучило быть игрушкою всех. Пусть для сего Гр<еч> покажет расписку Андр<ееву>, — иначе не верить, что он отдал³⁵.

Андреев поступает со мной просто бесчестно. Он взял особо 90 экз<емпляров>, да кроме них 2000 от Смирдина для покупок и отвечал, что он истратил их для твоих поручений — а ко мне ни гу-гу — я просто не знаю, что делать. Кроме того, он, несмотря на ссору нашу, бог знает по какому поводу сделался с Гречем — и тот отвечает, что за «Фрегат “Надежду”» он отдает деньги ему же, якобы по моему письму, — как гадки люди! Надо было узнать мне в них столько, чтобы разлюбить — почему я всегда и всех более их <ока-

³³ Письмо к Елене Александровне от 17 июля 1833 г. // РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 179–179 об.

³⁴ Письмо к К.А. Полевому от 5 октября 1833 г. (*Полевой К.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // *Русский вестник.* 1861. № 4. С. 449–450).

³⁵ Письмо к К.П. Торсон от 9 ноября 1833 г. // РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 182–182 об.

зываюсь> жертвою? — Скажи после этого, что нет судьбы. Напиши, пожалуйста, ему, чтобы он прислал мне счет³⁶.

Причина, по которой деньги до Бестужева не дошли, понятна. Греч был слишком сердит на Елену Александровну, которая расстрогла сделку со Смирдиным, поэтому пошел на принцип и стал высылать все деньги исключительно через Андреева, который, по всей видимости, присваивал их себе.

Последней каплей стала новость о зачислении в штат сотрудников «Библиотеки для чтения», в котором Бестужев увидел происки Греча. Наконец, 9 ноября 1833 г. писатель отправил Гречу гневное письмо (его текст мы приведем полностью), в котором объявлял об окончательном разрыве отношений:

Милостивый государь
Николай Иванович,

тяжело мне очно разочаровываться насчет людей, которых я привык любить и уважать. Не хотел я верить, чтобы они могли пользоваться чужим несчастьем для собственных выгод, но последняя почта убедила меня в этом и печатно, и письменно. «Северная пчела» возвещает во всеуслышание, что я сотрудник Смирдина, я, к которому никто из издателей не писал об этом ни слова... И потом г-жа Торсон пишет ваш ответ на мои частые просьбы об уплате за повесть «Фрегат» «Над^{<ежда>}», будто А^{<лександр>} А^{<лександрович>} поручил письмом А.М. Андрееву получить с вас следующие ему деньги, которые по сему и будут отданы.

Вы лучше, нежели кто другой, знаете, почему г-н Андреев потерял мое доверие; Вы получили от меня до 3-х писем, из коих в каждом я поручал вручить 1000 р^{<ублей>} сестре моей или кого она назначит — и, несмотря на это, вам угодно было сделать вопреки моему желанию! Не говорю приязнь, не говорю учтивость, но самый законный обычай требует, чтобы последние поручения или доверенности были предпочтительнее первых — и сделали напротив. В этом случае вы не можете оговориться даже тем, что прежде писем моих отдали деньги Андрееву; прошел год со дня получения повести — и вы отвечаете, что только будет уплачено. Передо мной лежит письмо ваше, в коем вы спрашиваете, кому отдавать деньги за присланные пьесы? — Я назначал сестру или г-жу Торсон, а вы избираете Андреева, которому я никогда в 1833-м году,

³⁶ Письмо к И.П. Жукову от 16 ноября 1833 г. // РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 19.

даже в 1832 сего не поручал; пусть он покажет хоть одно письмо, за «Фр<егат> “Над<жду”>»веряющее ему получить с вас деньги? Я писал ему о цене сей повести — но получение доверял сестре. — Притом г. Андреев берет мои деньги у Смирдина и уже два года не пишет ко мне, и вы это знаете и после этого на зло мне берете его посредником. — Что я должен заключить из этого?

Видя, что мною так играют, должен предупредить вас, милостивый государь, что деньги за «Фр<егат> “Н<адежду”>», если б вы даже и отдали оные г. Андрееву, я в счет не приму, ибо сего не доверял ни ему, ни вам, ибо от него не получал я никаких денег, да и надежды получить не имею.

Вы знаете, что несмотря на предложения других журналистов, отдававших цену листа на всю мою волю выгод, я работал для «С<ына> о<течества>» за ничтожную цену 1500 р<ублей> в год; вы знаете, что Смирдин для альманаха предлагал мне 300 р<ублей> за лист — но я послал к вам повесть «Ф<регат> “Н<адежда”>», назначив ей цену 1750 р<убле>й, из коих 750 возвращал вам же, и вы держали уплату год — и потом, вопреки мне, сдельваетесь с А<ндреевы>м. Много благодарен!..

Потом, какое право имел г. Смирдин поместить мое имя в описи сотрудников? Когда я давал ему на то слово? Когда я продавал ему на наклейку имя свое! — Вы издатель этого журнала, и вы лучше всех знаете, что я решительно отказывался от участия в «С<ыне> о<течества>» за штучку, сыгранную со мной в прошлом году. И вдруг, не известив меня ни строчкой, печатается мое имя! В одно и то же время вы лишаете меня должного за прежние труды и как бы в насмешку, пользуясь моим изгнанием, ловите на мое прозвище подписчиков — скажите, европейский ли это поступок!!! — Я извещу об этом весь печатный русский мир. Пусть не сердится г. Смирдин: я не игрушка ему.

Горька судьба моя здесь — я сердцем жил в России, — и что же? Каждый день я и так теряю людей, с которыми любил жить памятью! Я вижу, что горсть сребреников для них дороже всех воспоминаний — да будет!

С почтением имею честь быть покорным слугою

Александр Бестужев.

9 ноября 1833 г.

Дербент³⁷

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 183–184 об.

Летом того же года в жизни Бестужева произошли и изменения, о которых он написал брату Павлу 1 июня 1833 г.: «...я дал доверенность Полевою на издание остальных (повестей. — *А.П.*)» [2, т. 2, с. 517]. Новым комиссионером Бестужева стал К.А. Полевой, — и в 1834 г. вышли следующие три тома «Русских повестей и рассказов». К сожалению, нам неизвестны никакие подробности и детали, связанные со вторым этапом издания собрания сочинений; понятно только одно — этот этап оказался не в пример успешнее предыдущего. Полевой был человеком не только опытным (именно на нем по большому счету лежали хлопоты по изданию «Московского телеграфа»), искренне любящим Бестужева и ценящим его писательское дарование, — но и человеком в высшей степени ответственным и порядочным, поэтому издание повестей велось с этого момента очень тщательно и аккуратно.

Литература

1. *Бестужев-Марлинский А.А.* Кавказские повести / изд. подгот. Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 701 с.
2. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2. 591 с.
3. *Костенецкий Я.И.* Из «Воспоминаний» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. / под общ. ред. С.И. Машинского. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 161–169.
4. *Полевой Н.А.* Избр. соч. и письма / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.А. Карпова. Л.: Худож. лит., 1986. 580 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“...But when Somebody Refers to My Sister’s Word, I’m out”: From Comments to A.A. Bestuzhev’s (Marlinsky’s) Letters from the 1830s

© 2024. Anna A. Polyakova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: It is generally considered that the name of Alexander Marlinsky appeared in the list of the contributors of “The Reader’s Library” in 1833 without preliminary agreement with the writer, and this is the bright example of the publisher’s arbitrariness. But the closer examination of A.A. Bestuzhev’s epistolary heritage of the 1830s (primarily the unpublished letters kept at the Manuscript Department of

the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences) gives the opportunity to rethink the history of the writer's collaboration with A.F. Smirdin. For example, Bestuzhev's letter to K.P. Thorson (December 7, 1833) presents that the writer was included to the list of "The Reader's Library" contributors on the initiative of his sister, Elena Alexandrovna. Moreover, this decision neither surprised, nor outraged Bestuzhev. As is clear from Bestuzhev's correspondence of 1830–1833s, this Elena's act could be closely connected, on the one hand, with Bestuzhev's collaboration with the journal "The Son of the Fatherland and the Northern Archive," and on the other hand, with the history of publication of the first five parts of "The Russian Tales and Stories," and the relationships developed between the participants in this enterprise ending in conflict: A.A. Bestuzhev, E.A. Bestuzheva, N.I. Gretsich and A.M. Andreev, who was the young Gretsich's assistant and who played an important role in this story.

Keywords: A.A. Bestuzhev (Marlinsky), E.A. Bestuzheva, N.I. Gretsich, A.M. Andreev, "The Russian Tales and Stories," "The Reader's Library," book publishing.

Information about the author: Anna A. Polyakova — PhD in Philology, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4., 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9483-7765>

E-mail: anna-polyakova2008@yandex.ru

For citation: Polyakova, A.A. "...But when Somebody Refers to My Sister's Word, I'm Out": From Comments to A.A. Bestuzhev's (Marlinsky's) Letters from the 1830s." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 293–309. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-293-309>

References

1. Bestuzhev-Marlinskii, A.A. *Kavkazskie povesti* [*The Caucasian Tales*], text prep. by F.Z. Kanunova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 701 p. (In Russ.)
2. Bestuzhev-Marlinskii, A.A. *Sochineniia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], vol. 2, comp., text prep. and comm. by V.I. Kuleshov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 591 p. (In Russ.)
3. Kostenetskii, Ia.I. "Iz 'Vospominanii'." ["From 'The Memories'."]. *Pisateli-dekabristy v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [*The Decembrist Writers in the Memories of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 2, ed. by S.I. Mashinskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 161–169. (In Russ.)
4. Polevoi, N.A. *Izbrannye sochineniia i pis'ma* [*Selected Works and Letters*], comp., text prep. introd. and comm. by A.A. Karpov. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 580 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2023
Одобрена после рецензирования: 20.07.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 29.05.2023
Approved after reviewing: 20.07.2023
Date of publication: 25.03.2024

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-310-323>
<https://elibrary.ru/ТАНФУС>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Письма Т.Г. Цявловской к Н.В. Кузьмину и Т.А. Мавриной из собрания Государственного музея А.С. Пушкина

© 2024, А.Б. Руднева

Государственный музей А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация: В письмах Т.Г. Цявловской, адресованных московским художникам Н.В. Кузьмину и Т.А. Мавриной — иллюстраторам произведений А.С. Пушкина — обсуждаются проблемы, связанные с изучением биографии поэта. Одна из важных тем — продолжение работы над «Летописью жизни и творчества Пушкина», первый том которой был издан под редакцией М.А. Цявловского в 1951 г. и заканчивался пребыванием Пушкина в Михайловском. Более 20 лет Т.Г. Цявловская посвятила продолжению этого фундаментального труда. Другой важной вехой в ее творчестве стала книга «Рисунки Пушкина», которую она опубликовала в 1970 г., а также фильм с тем же названием, снятый по заказу Центрального телевидения по ее сценарию в 1964 г. Подготовка этого издания также является одной из центральных тем переписки исследователя со своими корреспондентами. Т.Г. Цявловская сумела определить многих изображенных на страницах пушкинских рукописей, уточнить имена его знакомых, прокомментировать многие рисунки, опираясь на глубокое знание как исторического контекста, так и круга знакомых и друзей поэта. Часть писем посвящена рецензированию иллюстраций Н.В. Кузьмина к роману «Евгений Онегин» и «Эпиграммам А.С. Пушкина», объединенных художником в одну книгу. Статья также освещает вопрос сохранения памяти о поэте в связи с открытием нового музея на ул. Пречистенка.

Ключевые слова: Т.Г. Цявловская, Н.В. Кузьмин и Т.А. Маврина, «Летопись жизни и творчества Пушкина», иллюстрации к произведениям, альманах «Прометей», «Рисунки Пушкина».

Информация об авторе: Алла Борисовна Руднева — старший научный сотрудник, хранитель Коллекции Т.А. Мавриной и Н.В. Кузьмина, Государственный музей А.С. Пушкина, ул. Пречистенка, д. 12/2, 119034 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-0293-4956>

E-mail: ruall@mail.ru

Для цитирования: Руднева А.Б. Письма Т.Г. Цявловской к Н.В. Кузьмину и Т.А. Мавриной из собрания Государственного музея А.С. Пушкина // *Литературный факт*. 2024. № 1 (31). С. 310–323. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-310-323>

В собрании Государственного музея А.С. Пушкина в архиве Н.В. Кузьмина и Т.А. Мавриной хранятся адресованные художникам 36 писем 1956–1978 гг. Т.Г. Цявловской (1897–1978), биографа, текстолога, автора более сотни работ о Пушкине. Письма были переданы в дар А.Г. Шелудченко в 2020 г.

В одном из писем Татьяна Григорьевна вспоминала о первой встрече с Николаем Васильевичем Кузьминым, ставшей началом длительной дружбы:

Мы знакомы с Вами почти полвека, кажется с 1926 года, когда вы впервые были у нас, — тогда еще у Тёпиных, а я была еще женой Якова Алексеевича¹. Может быть, я не сразу оценила Ваше искусство, Ваш легкий свободный рисунок, Вашу беседу — умную, проникновенную, полную исторических ассоциаций, живую, окрашенную юмором... Вашу любовь к литературе, к русскому слову, которая выявилась затем в рассказах ваших, любованье русским словом...² (из письма от 16 декабря 1970 г.)

Письма Т.Г. Цявловской являются ценным документальным источником о научной и литературной жизни известных ученых, таких как В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, А.М. Эфрос, Н.Я. Эйдельман, В.Э. Вацура, С.Л. Абрамович. Т.Г. Цявловская, работая над подготовкой к изданию книг и статей «Летопись жизни и творчества Пушкина» (т. I, 1951), «Рисунки Пушкина» (1970), «Вокруг Пушкина» (1971), обращалась за советами к художникам и всегда относилась внимательно к их мнению по волнующим ее вопросам. В нашей статье мы остановимся на некоторых, постоянно возникающих в течение длительного общения, проблемах, связанных с изучением биографии и творческого наследия А.С. Пушкина, уточнением датировок его рукописей, с вопросами по атрибуции рисунков поэта.

«Я поглощена “Летописью жизни и творчества Пушкина”»

Известно, что заниматься творчеством Пушкина Татьяна Григорьевна начала в 1928 г. под руководством Мстислава Александровича Цявловского, ее будущего мужа. С 1939 до 1947 г. они вместе работали над подготовкой первого тома «Летописи жизни и твор-

¹ Яков Алексеевич Тёпин (1886–1953). РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 1. См.: [3, с. 560–664].

² Здесь и далее: Оп. № 14. Письма Т.Г. Цявловской к Н.В. Кузьмину и Т.А. Мавриной. Ч. 2. ГМП-44665.

чества А.С. Пушкина», которая должна была быть издана в трех томах. После кончины М.А. Цявловского в 1947 г. она взялась за завершение 1-го тома. Особенно много биографических материалов и документов появилось в год 150-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, которые Т.Г. Цявловская ввела в «Летопись». Первый том этого уникального издания, включающий в себя период от рождения Пушкина до 4 сентября 1826 г. — окончания ссылки в Михайловское, был подготовлен к печати в 1951 г. и снабжен предисловием.

Первое упоминание о продолжении работы мы находим в письме от 10 июня 1958 г.:

Я с наслаждением вернулась к этой работе («Летописи жизни и творчества Пушкина». — *А.Р.*), сижу на даче и живу одной жизнью с Пушкиным.

Давно так не было. Вы знаете? В 1827 году в брокгаузовской энциклопедии в Лейпциге была помещена заметка о Пушкине, где сказано было, что он гениальный поэт...³ (из письма от 10 июня 1958 г.).

Два месяца спустя она продолжала:

Я поглощена «Летописью жизни и творчества Пушкина»... Каждый день решаю все новые и новые загадки, которыми засыпал нас Пушкин, иные не даются, а иные преодолеваешь — вдруг все становится ясным, и ходишь счастливая, успокоенная и усталая...⁴ (из письма 17 августа 1958 г.).

Т.Г. Цявловская считала своим долгом довести «Летопись» до конца. Так, в мае 1976 г., она опять с головой погрузилась в работу: «...Я сейчас готовлю к <...> 2-е изд-е 1-го тома “Летописи”. Кажет-

---

³ Оп. № 14 Ч. 2. ГМП-44658. Т.Г. Цявловская в письме упоминает об энциклопедии, которая издавалась типографией Ф.А. Brockhaus Лебелем и Франке в Лейпциге в 1796–1808 гг. В течение XIX в. было выпущено тринадцать изданий энциклопедии. Статьи, часто очень краткие, считались заслуживающими доверия, здесь давались ссылки на лучшие книги и включали биографии ныне живущих людей. Сначала название энциклопедии оставалось *Konversationslexikon* или *Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände* («Общая немецкая энциклопедия для образованных»); только в 13-м издании в названии появилось имя Брокгауза (*Brockhaus Enzyklopädie*). Сам Брокгауз редактировал десятитомное 2-е издание (1812–1819). Видимо, именно сведения из этого источника привлекли внимание исследовательницы. См.: URL: <https://brockhaus.de/ecs/> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/1.

ся, успею к 1 июня. Дьявольски гоню работу»⁵ (из письма от 6 мая 1976 г.).

Для того, чтобы оценить, чего стоила Татьяне Григорьевне эта «дьявольская гонка», обратимся к письмам ее родной сестры Марии Григорьевны Ашукиной (1894–1980), которая сильно переживала, видя, какие усилия Т.Г. Цявловская прилагает для продолжения работы. Так, в письме от 9 марта 1974 г.⁶ она написала:

А теперь о моих бедах. Я в непрерывной тревоге за Таню. Она не выходит из гипертонических кризов. Чуть приналяжет на работу, как выбывает из строя. Сегодня — суббота, врачи не ездят, а к ней неожиданно приехал дежурный врач, настаивал, чтобы она прекратила работу и легла. Она сказала, что не может (сдаст том «Прометей»?). ...Телефон обрывают, редакции рвут на части — юбилейный год! Взвесив все, хочет после поправки (на сколько дней?) засесть за «Летопись», выполнить этот долг, хотя боится не успеть. А еще над ней висят обязательства (участие в юбилейных трех — и десятитомниках Пушкина, расширенное переиздание «Рисунков Пушкина» и еще что-то)... Мы с Таней вдвоем пережили нашу огромную семью. Молю Бога, чтобы мне не остаться последней⁸.

В письме от 20 апреля 1974 г. Мария Григорьевна снова с тревогой писала о состоянии здоровья сестры:

Она страшно утомляется, сидя теперь над «Летописью». Подобный жанр, как, впрочем, и библиография всякого рода, работа каторжная, а для меня и вовсе неодолимая <...> Переходы от петита к nonparelli, аббревиатуры, вычисление дат — в глазах мельтешит от всей этой цифири. Главное условие — напряженное внимание. А где его Тане взять в 76 лет? Это для молодых подвижников науки, а часто и для тех, кто не любит или не умеет писать. Николай (Сергеевич Ашукин. — *А.Р.*) «Некрасова» делал лет в 40, да его не дергали так, как Таню в юбилейный год⁹.

⁵ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-4467/1.

⁶ Оп. 5. Письма Н.С. и М.Г. Ашукиных. КП-22577/23.

⁷ Историко-биографический альманах «Прометей» в 1974 г. был целиком посвящен А.С. Пушкину.

⁸ В семье Г. Зенгера от второго брака с Еленой Николаевной, урожденной Шведер, родилось 8 детей.

⁹ Оп. № 5. КП-22577/27.

Известно, что Т.Г. Цявловская работала над этим монументальным трудом до конца своей жизни. И даже за день до смерти 29 мая 1978 г. (скончалась она утром 30-го), она еще сидела за письменным столом и редактировала рукопись, подготовленную уже к печати.

«Евгений Онегин» с иллюстрациями Н.В. Кузьмина

Начиная с 1930-х гг., Т.Г. Цявловская внимательно следила за творчеством Н.В. Кузьмина, его иллюстрациями к пушкинским произведениям. Она когда-то сама хотела стать искусствоведом и училась в Институте искусств. Художественная среда, которая ее окружала с юности, во многом повлияла на формирование вкуса и умение оценивать произведения любимых художников XIX–XX вв. Сознывая такое «родство», она так написала об этом в одном из своих писем к Н.В. Кузьмину: «Все книги, вся живопись, которая проходила сквозь ваше детство, проходило и сквозь мое»¹⁰ (из письма от 10 мая 1964 г.).

В письме от 16 декабря 1970 г. она тонко подметила, что рисунки художника созвучны замыслу поэта:

Не в пример другим иллюстраторам, Вы избегали показывать лицо любимой героини романа. И я вижу теперь, как Вы были правы. Ведь именно так, не навязывая увиденный им облик своих персонажей, изображал своих героев сам Пушкин. Только общее настроение. Состояние душевное, выразительный очерк фигуры. Так и Вы показали многие аспекты Онегина.

Немудрено, что этот вдохновенный труд так любовно воспроизводится в изданиях всех стран. Он подкупает своей красотой и умом не только нас, но и всех поклонников прекрасного...¹¹ (из письма от 16 декабря 1970 г.).

В ее оценках и комментариях много искреннего чувства и понимания значимости труда художника: «Поздравляю Вас, прежде всего, с новым изданием Вашего Онегина. Какой успех у книги! Двадцать лет издаются Ваши рисунки к роману — то в одной, то в другой стране!»¹² (из письма от 7 августа 1958 г.).

Татьяна Григорьевна искренне радовалась тому, что Н.В. Кузьмин вновь вернулся к пушкинскому роману. Она спешила сообщить

¹⁰ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/4.

¹¹ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-44665.

¹² Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/1.

ему и о таком, на первый взгляд, малозначительном факте, как об отборе одной из иллюстраций для серии открыток:

Хотела сказать Вам, что изд-во «Советский художник» готовит к юбилею Пушкина (летом 160 лет с рождения)... не бог весть что, — 25 открыток, серию. Все лучшее, что было сделано — портреты, иллюстрации, за всю историю русской живописи и графики — в связи с Пушкиным...¹³ (из письма от 2 октября 1958 г.).

О проектах нового пушкинского музея

В 1958 г., в связи с созданием московского музея Пушкина Т.Г. Цявловская и Н.В. Кузьмин в переписке начали активно обсуждать его будущую судьбу, в частности, вопросы создания новой экспозиции.

10 июня 1958 г. исследовательница написала: «Я тоже не ездила на заседание, посвященное оформлению Пушкинского музея. Но не потому, что трудно выбирать из одного проекта (неужели трудно?), а потому что не хочу выступать дилетанткой»¹⁴. В ответном послании Н.В. Кузьмин довольно подробно остановился на своем понимании этой проблемы:

Дорогая Татьяна Григорьевна, я не приеду, потому что это, по-моему — бесполезно. Если бы у музея было бы десять разных проектов, из которых надо было бы выбрать один, тогда другое дело: есть что обсуждать и о чем спорить. Но один единственный и, по-видимому, кем-то уже принятый — о чем же разговор. Беспокойство дирекции и потребность совещания я объясняю тревогой за скудость экспонатов, но этого никаким высокохудожественным «оформлением» не заменишь. Разве беспокоились очень об оригинальности оформления на выставке 1937 года в Историческом музее? Собранный материал говорил сам за себя. На мой взгляд, чем меньше заметна эта оформительская часть, тем лучше. В Историческом музее, например, на стенах панно Фаворского меня раздражают и не потому, что они плохи, а от того, что они ни к чему. И тон и стиль музея, конечно, должен быть не Exposition International, а тактично-скромный, «литературный», чему, впрочем, помогают и стены прекрасного особняка¹⁵.

¹³ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/2.

¹⁴ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-44658.

¹⁵ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-44658.

Кузьмин, очевидно, считал, что при наличии подлинных произведений искусства нет необходимости в сложном дизайнерском решении.

Далее в письме Н.В. Кузьмин раздумывал о цитировании текстов других писателей о творчестве поэта:

Вот Антокольский¹⁶ принес письменные пожелания от Союза писателей и там, по-моему, существенное замечание о ненужности цитат золотыми буквами: Белинский о Пушкине, Чернышевский, Добролюбов, Горький Луначарский. Впрочем, на мой взгляд, какая-то подборка цитат о Пушкине из писателей разных эпох и народов могла бы быть для музея интересной¹⁷ (из письма от 29 июня 1958 г.).

Фильм и книга «Рисунки Пушкина»

Работа Татьяны Григорьевны над изучением рисунков Пушкина и подготовка к изданию книги с атрибуциями портретов, нарисованных поэтом, — одна из ведущих тем ее переписки с Н.В. Кузьминым, которого очень интересовало творческое наследие Пушкина-рисовальщика.

Прекрасный знаток пушкинской эпохи и, в частности, иконографии, человек, обладающий тонким художественным чутьем и верным глазом, Т.Г. Цявловская сумела определить более пятидесяти портретов современников поэта в рисунках, разбросанных на полях его черновых рукописей. Среди них политические деятели, декабристы (К.Ф. Рылеев, П.И. Пестель, В.К. Кюхельбекер, И.И. Пущин, А.И. Якубович), писатели (Д.В. Давыдов, А.С. Грибоедов, В.И. Туманский, А.А. Дельвиг, А. Мицкевич, Е.А. Баратынский, Д.В. Веневитинов), множество лиц из пушкинского окружения. На эту тему Т.Г. Цявловской было написано около двадцати статей. Из работ над атрибуцией рисунков Пушкина родилась и идея создания телевизионного фильма с тем же названием: она была автором сценария по заказу Центрального телевидения. Так, из письма от 31 августа 1964 г. мы узнаем, как приняли фильм зрители:

В новой зале Пушкинского музея — большой экран — с успехом идут фильмы «Рисунки Пушкина»¹⁸, «Рукописи Пушкина», «Моцарт

¹⁶ Речь идет о поэте Павле Григорьевиче Антокольском (1896–1978).

¹⁷ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-44658.

¹⁸ После фильма «Рисунки Пушкина» 1961 г. и телепередач на эту же тему 1968-го и 1969-го гг. Передачи по сценариям Т.Г. Цявловской демонстрировались по телевидению: «Рисунки Пушкина» — 25.III.1968 г., «Портреты в рисунках

и Сальери»... Эту программу продлят и на сентябрь (раз в неделю), п<отому> ч<то> люди за два квартала пристают — «Нет ли билетки?» А затем покажут все пушкинские фильмы¹⁹.

Изучая рисунки поэта в течение 40 лет, Татьяна Григорьевна с середины 1960-х гг. начала активно работать над подготовкой к изданию своей книги с атрибуциями портретов, выполненных Пушкиным: «Книжка моя с рисунками Пушкина все еще не вышла, мне их не покажут, потому что печатается книжка глубокой печатью (верю, что это основание серьезное) в Ярославле»²⁰, — писала она с присущей ей иронией.

Н.В. Кузьмин предложил Т.Г. Цявловской опубликовать некоторые из определенных ею изображенных поэтом современников в журнале «Советская литература», который выходил на семи языках. Вот что она отвечала:

Теперь что бы я дала для журнала, в который Вы меня сватаете? Я бы рассказала о том, как Пушкин постоянно рисовал во время работы и на людях, как ценили современники его рисунки, как один француз в Кишиневе любовался его карикатурами, сделанными мелком на ломберном столе, как напечатал он в Temps²¹ в марте 1837 воспоминание о Пушкине (я с величайшим трудом разыскала их — вырезку в архиве Полторацкого; самого номера не оказалось ни в одной из наших библиотек). Там этот француз некой G. Lam. говорит, что острые блестящие карикатуры Пушкина не уступают скульптурным карикатурам Дантана²² тридцатых годов. А мы знаем о них, что он выставлял эти фигурки в окне мастерской, и парижане собирались толпами под его окном и хохотали до упаду. (Вы видели эти вещи? Я читала о нем в большом Ляруссе: о нем есть большая и интересная статья). Это будет введение. А затем покажу Вам не-

---

Пушкина» — 4. VI. 1969 г. Татьяна Григорьевна написала большой, на час экранного времени, телевизионный сценарий «Рисунки Пушкина» и сама вела передачу из своего кабинета. Премьера на Центральном телевидении состоялась 11 декабря 1975 г.

¹⁹ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/5.

²⁰ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/10.

²¹ См.: 100 лет смерти Пушкина. Парижские отклики в 1837 году // собр. Лоллий Львов. Париж: Ком. по устройству дня рус. культуры во Франции, 1937. С. 30.

²² Жан Пьер Дантан, известный как Дантан-младший (1800–1869) — французский скульптор-карикатурист; младший брат скульптора-академика Антуана Дантана. Ученик поначалу своего брата, а потом Парижской академии художеств. Его специальность составляли портретные бюсты, в которых он с удивительной точностью передавал внешние черты и характер своих моделей.

опознанные, неопубликованные портреты — и профессиональные портреты тех же лиц en regard. — Пальчики оближешь²³ (из письма от 10 июня 1958 г.).

Т.Г. Цявловской приходилось завершать работу, которую вели в этой области и другие пушкинисты:

Очень жаль, что Вы и я довольно маломощны, а то бы я Вам показала интересную работу, которую заканчиваю, — главу о портрете Григория Чернецова в рисунке Пушкина. Очень сложная система доказательств.

Установлено Томашевским, но он не стал писать, сказал, что это не его дело, а должна сделать я...²⁴ (из письма от 30 апреля 1972 г.).

К атрибуции портретов Татьяна Григорьевна возвращается вновь и вновь:

Наконец-то сообразила: посылаю Вам эту фотографию профиля Пестеля, «большеголовой женщины». А Вы при случае верните мне ее. Кстати, после моих «Рисунков Пушкина» все кинулись в эту реку и забыли, что Пушкин был и поэтом...²⁵ (письмо от 8 июля 1973 г.).

В 1970 г. вышла книга «Рисунки Пушкина»²⁶, явившаяся итогом ее многолетних трудов по атрибуции портретов. Над вторым, значительно расширенным изданием этой книги, Т.Г. Цявловская работала до конца своей жизни, ее исследовательская работа стала этапом в развитии пушкинистики.

Альманах «Прометей»

Много времени и сил было затрачено Т.Г. Цявловской на составление и редактирование историко-биографического альманаха «Прометей»²⁷, о завершении работы над которым она сообщила в письме Н.В. Кузьмину от 5 июля 1969 г.²⁸

²³ Оп. № 14. Ч. 2. ГМП-44658.

²⁴ Оп. № 14. Ч.1. КП-22586/17.

²⁵ Оп. № 14. Ч.1. КП-22586/18.

²⁶ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1970. 168 с.

²⁷ Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 10. 426 с.

²⁸ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/10.

Открывался том альманаха статьей самой Т.Г. Цявловской о Пушкине и Е.К. Воронцовой — «Храни меня, мой талисман...». В это же время исследовательница увлеченно работала над давно волнующей ее темой «Образ Е.К. Воронцовой в жизни и творчестве Пушкина», 22 декабря 1964 г. и 5 января 1965 г. Татьяна Григорьевна прочитала в Государственном музее А.С. Пушкина доклады о пребывании поэта в Одессе и его отношениях с Е.К. Воронцовой. Эти выступления завершились публичной полемикой с С.М. Бонди, который, по ее выражению, «поднял перчатку» и заявил с позиции «чистой филологии», что эти доклады «очень интересны для биографии Пушкина — но не для изучения его». Но она не отрывала одного от другого, всегда называя эталоном подхода к гению синтетический подход «первого пушкиниста» П.В. Анненкова, чей труд о Пушкине считала в этом смысле непревзойденным. В письме о размолвке с С.М. Бонди она горевала: «Я не могу разделить этой точки зрения никак — при всей многолетней дружбе, постоянных общениях, обменах мыслями, чтениями друг другу своих работ, глубочайшего ценения его как пушкиниста, единственного из всех...». И еще: «Важным представляется мне обнажение психологии поэта, представление, что из жизни и как, преломляясь, входит в поэзию». Ей всегда была важна, по ее признанию, «глубина жизненных корней, питавших лирическую поэзию Пушкина, фрагменты поэм его, его прозы» [2].

Издание эпиграмм А.С. Пушкина с иллюстрациями Н.В. Кузьмина

В начале 1971 г. Н.В. Кузьмин, задумав собрать эпиграммы А.С. Пушкина в одной книжке, обратился за помощью к Т.Г. Цявловской, которая могла помочь ему советом, каким образом лучше дополнить это издание.

Н.В. Кузьмин просил Татьяну Григорьевну прислать статью «Муза пламенной сатиры», надеясь поместить ее вместо предисловия, но потом, видимо, отказался от этой мысли, предложив Т.Г. Цявловской прокомментировать издание. В письмах несколько раз обсуждался вариант публикации указанной статьи.

Т.Г. Цявловская в переписке напомнила художнику о планах самого поэта опубликовать сборник эпиграмм в одной книге:

Посылаю Вам сборник (2-ой экз.) с моей статьей «Муза пламенной сатиры». В нем я рассказываю о сборнике пушкинских эпиграмм, который Пушкин подготовил в 1825 году — для распро-

странения среди прогрессивной молодежи или — может быть — для того, чтобы выпустить эту книгу в свет, как только будет свергнута царская власть. Об этом (ради чего он готовил сборник) я писала уже позднее. Читателя-специалиста надо исподволь приучать к новым мыслям... О сборнике эпиграмм литературных, не имеющих политического звучания, — Пушкин, кажется, не думал, — нигде не видно²⁹ (из письма от 23 июля 1971 г.).

Через несколько месяцев вновь возникает тема работы художника над книгой. Исследовательница, очевидно, в ответ на письмо Н.В. Кузьмина размышляет о будущем названии задуманного издания:

Вы — в неустанной деятельности: получила от Вас очередной подарок — «Русский лубок» (спасибо большое!) и вслед за ним — письмо с рассказом о Вашей работе над карикатурами к эпиграммам Пушкина. Любопытно, как это Вы сделаете...

Вы раздумываете, не назвать ли сборник «Сатиры», м<ожет> б<ыть> «Сатиры и эпиграммы»? ...Тогда не плохо бы включить отрывки из 10 главы «Евгения Онегина», Но, если Вы думаете только то, что сам Пушкин думал издать подпольно в 1825 году, то... молчу³⁰.

Она благодарит Н.В. Кузьмина за возможность принять участие в этой работе, но ссылается на то, что ей надо вновь вернуться к «Летописи»:

О моем участии... Благодарю за честь! Если это будет нескоро, то мне легче будет пойти на это. Потому что, наконец, задвигалась «Летопись жизни и творчества Пушкина» (тт. I и II), а вчера Овсянников³¹ предложил мне подготовить 2-е издание «Рисунков Пушкина» (можно расширить тему и формат книжки, хотят они крупнее)...

²⁹ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/14.

³⁰ Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/15.

³¹ Юрий Максимилианович Овсянников (р. 1926, Москва) — советский и российский историк, искусствовед, историк архитектуры и русского народного искусства, писатель, редактор изд-ва «Искусство». Сын поэта, переводчика, журналиста, известного в Москве библиофила М.Я. Шика (1884–1968). Юрий Овсянников был автором книг «История памятников архитектуры», «Петр Великий», «Картины русского быта», «Великие зодчие Санкт-Петербурга» и др. Как редактор, он в 1960-е гг. разработал многие издательские серии, ставшие позже классическими, — «Жизнь в искусстве», «Города и музеи мира», «Панорама искусств».

Книгу с моей «Музой пламенной сатиры» держите, сколько Вам нужно³² (из письма от 9 сентября 1971 г.).

Заключение

Благодаря письмам мы узнаем, каких усилий, времени, терпения, настойчивости в поиске истины стоили Т.Г. Цявловской ее фундаментальные работы. Многие ее открытия до сих пор не утратили своей актуальности, на них базируются новейшие исследования. А труд всей жизни — работа над «Летописью жизни и творчества Пушкина» — был с успехом продолжен новым поколением пушкинистов и обрел свое достойное завершение в 4-х томном издании «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» [1]. Картотеки о жизни и творчества поэта с 1826 по 1829 гг., составленные Т.Г. Цявловской, хранятся ныне в нашем музее. На основе этих картотек в 1998 г. были изданы «Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» (1826–1837) Государственным музеем А.С. Пушкина совместно с ИМЛИ и Археографической комиссией РАН.

Переписка Т.Г. Цявловской с Т.А. Мавриной и Н.В. Кузьминым помогает узнать многие неизвестные детали, факты, связанные с творческим общением этих выдающихся людей. Отрадно заметить, что московские художники были верными и постоянными друзьями выдающегося пушкиниста. Их отношения, без сомнения, были построены на взаимном глубоком интересе к творчеству друг друга. Надеемся, что письма Т.Г. Цявловской будут востребованы читателями и исследователями.

Литература

1. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина (1799–1837): в 5 т. / сост. М.А. Цявловский, Т.Г. Цявловская (1799 – сент. 1826); Н.А. Тархова (сент. 1826–1837). М.: Слово. Минувшее, 1999–2005.
2. *Шилов К.В.* Найти мудрое решение. Некоторые кинематографические подходы к образу Пушкина в 1960-е годы в оценках Т.Г. Цявловской // Киноведческие записки. 1999. № 42. URL: <https://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/800/> (дата обращения: 01.02.2023).
3. *Штиленко Д.П.* Материалы к родословию Смоленского дворянства. М.: Старая Басманная, 2014. Вып. 3. 856 с.

---

³² Оп. № 14. Ч. 1. КП-22586/15.

Research Article

The Letters from T.G Tsiavlovskaya to N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina from the Alexander Pushkin State Museum Collection

© 2024. Alla B. Rudneva
The Alexander Pushkin State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The letters of T.G. Tsiavlovskaya addressed to the Moscow artists N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina, illustrators of A.S. Pushkin works, discuss the problems associated with the study of the poet's biography. One of the important topics is the continuation of work on the Chronicle of Pushkin's Life and Work, the first volume of which was published under the editorship of M.A. Tsiavlovskii in 1951 and ended with Pushkin's stay in Mikhailovskoye. T.G. Tsiavlovskaya has devoted more than 20 years to the continuation of this fundamental work. Another important milestone in her work was the book "Pushkin's Drawings," which Tsiavlovskaya published in 1970 as well as the movie with the same title, filmed by the Central Television order according to her script in 1964. The preparation of this publication is also one of the central topics of the researcher's correspondence with his correspondents. T.G. Tsiavlovskaya was able to identify many of the Pushkin manuscripts depicted on the pages, clarify the names of his acquaintances, comment on many drawings, relying on a deep knowledge of both the historical context and the circle of acquaintances and friends of the poet. Part of the letters is devoted to reviewing N.V. Kuzmin's illustrations for the novel "Eugene Onegin" and "Epigrams of A.S. Pushkin," combined by the artist into one book. The article also deals with preserving the memory of the poet in connection with the opening of a new museum on Prechistenka.

Keywords: Letters from T.G. Tsiavlovskaya to N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina, the illustrations for creative works; "Pushkin's drawings," almanac "Prometheus."

Information about the author: Alla B. Rudneva — Senior Researcher, the Keeper of the N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina's Collection, The Alexander Pushkin State Museum, Prechistenka 12/2, 119034 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-0293-4956>

E-mail: ruall@mail.ru

For citation: Rudneva, A.B. "Letters from T.G. Tsiavlovskaya to N.V. Kuzmin and T.A. Mavrina from the Collection of the Alexander Pushkin State Museum." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 310–323. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-310-323>

References

1. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina (1799–1837): v 5 t.* [A Chronicle of Alexander Pushkin's Life and Work (1799–1837): in 5 vols.], comp. M.A. Tsiavlovskii, T.G. Tsiavlovskaya (1799 – September 1826) and N.A. Tarkhova (September 1826–1837). Moscow, Slovo. Minushee Publ., 1999–2005. (In Russ.)

2. Shilov, K.V. “Naiti mudroe reshenie. Nekotorye kinematograficheskie podkhody k obrazu Pushkina v 1960-e gody v otsenkakh T.G. Tsiavlovskoi” [“Finding a Wise Solution. Some Cinematographic Approaches to Pushkin's Image in the 1960s in T.G. Tsiavlovskaya's Evaluations”]. *Kinovedcheskie zapiski*, no. 42, 1999. URL: <https://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/800/> (Accessed 01 February 2023). (In Russ.)

3. hpilenko, D.P. *Materialy k rodosloviuu Smolenskogo dvorianstva* [Materials for the Genealogy of the Smolensk Nobility], issue 3. Moscow, Staraiia Basmannaia Publ., 2014. 856 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 06.03.2023
Approved after reviewing: 01.04.2023
Date of publication: 25.03.2024

**Переписка И.М. Ободовской и М.А. Дементьева
с Т.Г. Цявловской
(По материалам архива Ободовской-Дементьева
в Государственном музее А.С. Пушкина)**

© 2024, Т.Б. Тишунина

Государственный музей А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот переписку известных пушкинистов — М.А. Дементьева и И.М. Ободовской, хранящуюся в Государственном музее А.С. Пушкина. Центральное место в переписке занимает обсуждение вариантов перевода с французского языка на русский письма А.С. Пушкина к брату жены — Д.Н. Гончарову. Письмо было найдено М.А. Дементьевым и И.М. Ободовской в РГАДА в 1970 г. в результате многолетней работы с архивом Гончаровых. Обнаружение во второй половине XX в. подлинного письма Пушкина — событие очень важное: 4 страницы пушкинского текста свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении поэта, в связи с которым он был вынужден обратиться к шурину с просьбой одолжить 6 тыс. рублей на 6 месяцев. В этом письме звучит постоянная тема его переписки 1830-х гг.: обеспокоенность о растущей семье, о будущем детей, о невозможности полностью отдаться творчеству и жить литературными трудами. О своей находке пушкинисты рассказали на Научном заседании в музее А.С. Пушкина; в статье приводятся воспоминания об этом вечере, сохраненные А.З. Крейном, первым директором музея. В публикации также говорится о других архивных находках М.А. Дементьева и И.М. Ободовской. Впервые публикуются воспоминания М.А. Дементьева о встречах с выдающимся литературоведом и текстологом Т.Г. Цявловской.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Т.Г. Цявловская, М.А. Дементьев, И.М. Ободовская, Государственный музей А.С. Пушкина.

Информация об авторе: Татьяна Борисовна Тишунина — научный сотрудник, Государственный музей А.С. Пушкина, ул. Пречистенка, д. 12/2, 119034 г. Москва, Россия.

E-mail: tatiana-ti@mail.ru

Для цитирования: *Тишунина Т.Б.* Переписка И.М. Ободовской и М.А. Дементьева с Т.Г. Цявловской (По материалам архива Ободовской-Дементьева в Государственном музее А.С. Пушкина) // *Литературный факт.* 2024. № 1 (31). С. 324–336. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-324-336>

В Государственном музее А.С. Пушкина хранится фонд писателей-пушкинистов, супругов Ирины Михайловны Ободовской (1906–1990) и Михаила Алексеевича Дементьева (1900–1987) — авторов книг «Вокруг Пушкина» (1975), «После смерти Пушкина» (1980), «Пушкин в Яропольце» (1982) и «Н.Н. Пушкина» (1985). Начало их исследовательской работы связано с открытием в Москве в 1961 г. музея А.С. Пушкина. Став членами Совета Содействия, созданного по инициативе первого директора музея Александра Зиновьевича Крейна (1920–2000), И.М. Ободовская и М.А. Дементьев приступили к поиску и сбору материалов о Пушкине в архивах Москвы и Ленинграда. К этому же времени относится и их знакомство с Татьяной Григорьевной Цявловской (1897–1978), три визита к которой Дементьев очень подробно описал в своих «Заметках»¹ (хотя таких встреч за долгие годы общения было, конечно же, гораздо больше).

Первое посещение состоялось 17 декабря 1963 г.:

Квартиру № 12 на 2 этаже в д. № 13 по Староконюшенному (ошибка: Новоконюшенному. — Т.Т.) переулку в Москве я нашел без труда. Т.Г. сама мне отперла дверь. Разделся и малым коридорчиком прошел в комнату-кабинет, всю в стеллажах с книгами, слева друг перед другом два письменных стола; в углу справа в конце комнаты кушетка, здесь же мягкое кресло. Я сел с боку второго письменного стола, а Т.Г. перед ним в ½ оборота ко мне. На столе, вокруг стола, все книги и книги, каталоги, справочники. Я ей представился, отрекомендовался, чтобы она знала, кто я такой, для первого знакомства.

Разговор зашел о музее А.С. Пушкина, и Дементьев попросил рекомендовать известных Татьяне Григорьевне пушкинистов для участия в Совете Содействия музею. Цявловская назвала Семена Абрамовича Гуревича и академика Игоря Михайловича Дьяконова. Относительно писем Натальи Николаевны Цявловская сообщила, что ее просили написать об этом статью, но она отказалась, и ее пишет Сусанна Григорьевна Энгель. Затем Татьяна Григорьевна рассказала Дементьеву историю подготовки к печати писем Натальи Николаевны в период их хранения в Отделе рукописей Румянцевского музея. В конце встречи Цявловская, убежденная в том, что возможности находок новых данных о Пушкине отнюдь не исчерпаны, предложила Дементьеву поработать в ЦГАДА с архивом Гончаровых, где могут быть обнаружены автографы Пушкина, его жены и родственников.

¹ В настоящее время архив Ободовской-Дементьева находится в обработке. В дальнейшем материалы архива цитируются без специальных сносок.

Эта встреча, как упоминалось выше, состоялась 17 декабря. А уже 4 января 1964 г. Дементьев закончил просмотр описей в архиве и зашел к Татьяне Григорьевне посоветоваться, на что в первую очередь обратить внимание:

Я пришел к ней без предупреждения, она сама мне отперла, и застал ее в цветном халате. Прошел к ней в кабинет, в который и она пришла с теплым платком на плечах. Когда я ей читал мои заметки о просмотре, то она была восторженно довольна наличием в архиве личной переписки братьев и сестер Гончаровых и переписки Натальи Ивановны, матери. Она просила в первую очередь просмотреть переписку за годы жизни А.С. Пушкина. На письмах Александры Гончаровой она остановилась и сообщила, что недавно вместе с Бонди была у Ахматовой, которая пишет очерк об Александре, старается ее показать другой, чем она обрисована в воспоминаниях Араповой. Между прочим сказала, что труды Ахматова о Пушкине не скоро закончит, и они в текущем году не выйдут. Я у нее просидел, должно быть, с час, не менее.

И Дементьев с Ободовской приступили к многолетней кропотливой архивной работе: Михаил Алексеевич разбирал документы на русском языке, Ирина Михайловна — на французском. В этом ей очень помогло образование переводчика: она училась на курсах при Государственном техникуме иностранных языков одновременно на двух отделениях: французском и английском, по окончании которых получила квалификацию переводчика. А в 1940 г. с отличием закончила Институт иностранных языков им. М. Тореза и, вернувшись из эвакуации, в 1943 г. возглавила секцию французского языка на кафедре иностранных языков московского Полиграфического института, где преподавала почти 20 лет вплоть до выхода на пенсию в 1962 г. За время работы в институте ею были написаны пять учебных пособий по французскому языку и составлен французо-русский полиграфический словарь.

12 февраля 1964 г. Дементьев посетил Т.Г. Цявловскую вместе с женой:

Мы были у Т.Г. вечером с 7 до 8 с лишним часов. Жена выясняла возможность оплаты переводов с французского писем Н.Н. Пушкиной. Для образца показала письма Татьяне Григорьевне и оставила у нее для прочтения переводы на русский язык писем Д<митрию> Н<иколаевичу>. Здесь же ей прочла краткие аннотации писем Алек-

сандрины к брату. Т.Г. обещала подумать о том, как и в каком размере оплатить труды по переводам моей жене Ободовской И.М.

В 1970 г. в Российском Государственном архиве древних актов, в фонде Гончаровых И.М. Ободовская и М.А. Дементьев обнаружили неизвестное письмо Пушкина к брату жены — Дмитрию Николаевичу Гончарову.

Этому событию было посвящено Научное заседание в музее А.С. Пушкина, которое описал А.З. Крейн в своей книге «Жизнь в музее»:

...Зрительный зал музея забит до отказа, люди сидят на ступеньках, толпятся в дверях: на особо объявленное открытое научное заседание «пробились», наверное, человек 300. На сцене — овальный столик красного дерева, за ним — наша чета. Докладывает Михаил Алексеевич Дементьев: В тот день, как всегда, сидим с Ириной Михайловной в читальном зале РГАДА. Она привычно читает французские тексты и сразу переводит негромко мне, а я, по возможности стенографично, записываю по-русски. В какой-то момент замечаю, что она как-то необычно долго молчит. Посмотрел — вижу, что-то с нею не так... Спрашиваю: «Что с тобой?» Отвечает шепотом: «Тсс...молчи!». Через несколько минут пишет мне на листке: «Кажется, рука Пушкина». Еще через несколько минут записка: «БЕЗУСЛОВНО РУКА ПУШКИНА! ДАЙ ВАЛИДОЛ!» Так в «один прекрасный день» — воистину прекрасный! — супруги обнаружили неизвестное письмо Пушкина на четырех страницах, адресованное брату Натальи Николаевны — Дмитрию Николаевичу Гончарову. Находка подлинного письма Пушкина — событие в нашем веке исключительное, феноменальное... Ему-то и было посвящено сенсационное заседание Ученого совета музея 1 декабря 1970 года, о котором я рассказал [2, с. 515–516].

Это и в самом деле было сенсацией. Находка во второй половине XX в. подлинного письма Пушкина — событие очень важное: 4 страницы пушкинского текста, свидетельствующие о крайне тяжелом материальном положении поэта, в связи с чем он был вынужден обратиться к шурину с просьбой одолжить 6 тысяч рублей на 6 месяцев. И в этом письме звучит постоянная тема его переписки 1830-х гг.: обеспокоенность о растущей семье, о будущем детей, о невозможности полностью отдаться творчеству и жить литературными трудами.

Перевод письма с французского выполнен Ириной Михайловной и неоднократно обсуждался с Татьяной Григорьевной. В данном случае интересны письма: Цявловской от 29 апреля 1971 г. из Малеевки и ответ Ободовской от 6 мая, показывающие, как формировался перевод письма Пушкина, а также каковы были иные варианты работы над ним:

Дорогая Ирина Михайловна, посылаю Вам корректуру Вашей и моей работ. Свое я все выверила, цитаты в моем тексте мне сверили по изданиям в Москве. Но остались у меня в статье несколько вопросов в связи с Вашим переводом. Вы, как я вижу, изменили кое-что, и поэтому у нас с Вами оказался разный текст (в Вашем переводе и моих цитатах из него). Необходимо унифицировать его, что я очень и прошу Вас, Ирина Михайловна, сделать, когда Вы остановитесь окончательно на последнем варианте. Мне кажется, — Вы «переработали» и кое-что получилось сейчас хуже. Я пометила на полях верстки Вашего перевода варианты, которыми я бы заменила Ваши. Вот они:

Вместо: наши с Вами просьбы как бы взаимны

лучше: наши с Вами просьбы встретились бы.

Вместо: Так как Вы глава семьи

лучше: Так как вы глава семейства (Вы с этим в свое время согласились).

Вместо: Я осмеливаюсь надоедать Вам

лучше: я решаюсь надоедать Вам.

Вместо: мои теперешние занятия

лучше: мои нынешние занятия.

(Рукой Ободовской: «У Пушкина в сл<оваре> есть и теперешн<ие> и нынешн<ние> — второе чаще»). Но Ирина Михайловна оставила свой вариант. — *T.T.*)

Вместо: не дают мне возможности целиком (этого выражения нашего времени не было в языке Пушкина) посвятить себя

лучше: мешают мне отдалиться (здесь Ободовская нашла компромисс и оставила так: «мешают мне посвятить себя литературным трудам»). — *T.T.*)

Дорогая Ирина Михайловна, я, разумеется, только предлагаю Вам сделать так, как мне кажется правильнее. Но, если Вы со мной не согласитесь, и ошибаюсь я, — то Вы вольны делать, как Вы считаете нужным. Это — Ваше право. Перевод — Ваш, и ответственность — Ваша. Ведь Вы «даете человечеству» русский текст Пушкина... Он должен быть правильным, соответствовать тому, что Пушкин написал

по-французски, он не должен допускать никаких ошибок в трактовке текста, никаких режущих ухо модернизмов, чуждых Пушкину тяжелых оборотов. Поэтому-то Вы и придумывали оборот за оборотом, вариант за вариантом. И — может быть — уже утомившись — Вы не замечали иной раз, что в конце концов упустили что-то хорошее, уже найденное. Это бывает и с большими мастерами, с поэтами, — они ухудшали иногда свой текст (с Пушкиным этого не бывало никогда).

В ответном письме Ободовская сообщает, что с большинством предложений Татьяны Григорьевны она согласна и внесла исправления в корректуру. Но самый первый пункт по-прежнему остался спорным:

Это ужасно каверзная фраза. Она с самого начала не давала мне покоя, и я еще зимой месяца два тому назад поехала в свой Институт им. Мориса Тореза на переводческий факультет посоветоваться с преподавателями литературного перевода. Одна очень милая пожилая дама (она оказалась плем. Кн.Г.) долго со мной сидела, и в конце концов предложила поговорить с их профессором (светило, по ее словам, по части перевода, долго жил во Франции и прекрасно знает оба языка). Через два дня по телефону она мне сказала: — Я могу Вас обрадовать: без всякого моего предварительного пояснения в чем же затруднение, он перевел «наши просьбы обоюдны». На какой-то период времени я успокоилась, а теперь червь сомнения опять меня грызет... Но, *que voulez-vous*, — беру грех на душу! Все равно переводчики и нынешние и грядущих поколений будут меня критиковать, как я сейчас критикую перевод некоторых писем в Ак<академическом> издании или писем Карамзиных (да не услышит Андроников!). Это вполне закономерно.

Приведем оригинал письма А.С. Пушкина на французском языке, опубликованный во «Временнике пушкинской комиссии», а также его перевод на русский язык, выполненный И.М. Ободовской и опубликованный (с небольшими изменениями по сравнению с помещенным во «Временнике») в книге И.М. Ободовской и М.А. Дементьева «Вокруг Пушкина»:

Mon cher Дмитрий Николаевич!

Votre lettre est venue me trouver au moment même où j'allais vous écrire pour vous parler de mes embarras à propos des couches prochaines de Natalie et de l'argent dont je vais avoir grand besoin. — De

cette manière nos demandes se seraient croisées. Cependant j'ai réussi à quelque chose. Le Prince Владимир Сергеевич Голицын se trouve à présent ici, et je lui ai parlé de vous et de votre affaire. — Il m'a paru disposé à vous obliger, et m'a dit qu'à la fin de ce mois il serait à Moscou, où vous pourrez vous aboucher. Si vous arrangez cet emprunt, je vous prierais de me prêter pour six mois* 6,000 roubles dont j'ai grand besoin et que je ne sais où prendre; comme il est parfaitement égal au Prince Gallitzine de prêter 35 ou bien 40,000 et même plus** — c'est la source où vous aurez la bonté de puiser s'il est possible. — Je ne puis le faire moi-même car je ne puis lui donner de garantie que ma parole, et je ne veux pas m'exposer à un refus. — Comme vous êtes le chef de la famille à laquelle je me félicite de m'être allié et que vous êtes pour nous un véritable et bon frère, je risque de vous ennuyer pour vous parler de mes affaires. Ma famille augmente, mes occupations me retiennent forcément à Pétersbourg, les dépenses vont leur train, et n'ayant pas cru devoir les restreindre la première année de mon mariage, mes dettes ont augmenté aussi. — Je sais que pour le moment vous ne pouvez rien faire pour nous, ayant sur les bras une fortune fortement dérangée, des dettes, et une famille à soutenir; mais si Наталья Ивановна avait la bonté de faire quelque chose pour Natalie, как бы мало то ни было, cela serait pour nous un grand secours. Vous savez, que connaissant la gêne habituelle où elle se trouve, jamais je ne l'ai importuné, mais la nécessité et même le devoir m'y obligent — car certes ce n'est pas pour moi, mais bien pour Natalie et nos enfants que je songe à l'avenir. Je ne suis pas riche et mes occupations actuelles m'empêchent de me livrer à mes travaux littéraires qui me faisaient vivre. Si je meurs, ma femme reste sur le pavé et nos enfants dans la misère. Tout cela est triste et me décourage. — Vous savez que Natalie devait avoir 300 p<aysans> de son grand père; Наталья Ивановна m'avait dit d'abord qu'elle lui en donnait 200. Votre grand père n'a pu le faire, et même je n'y ai pas compté; Наталья Ивановна a craint que je ne vende la terre, et que je ne lui donne un voisin désagréable; à cela il serait facile de remédier; il n'y aurait qu'à insérer une clause dans la donation comme quoi Natalie n'aurait pas le droit de vendre la terre. — C'est avec bien de la répugnance que j'ai entamé ce sujet, car au fond je ne suis ni juif, ni usurier, quoiqu'on me l'aye reproché, mais que voulez-vous? Si vous croyez qu'il n'y a rien dans cette lettre qui puisse chagriner Наталья Ивановна, montrez la lui, si non, parlez lui en, et laissez là l'affaire, dès que vous verrez qu'elle lui est désagréable.

Adieu [1, c. 6–7].

Дорогой Дмитрий Николаевич! Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался Вам писать, чтобы поговорить с Вами о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с Вами просьбы были бы обоюдны. Между тем мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о Вас и Вашем деле. Он мне показался расположенным оказать Вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где Вы сможете с ним переговорить. Если Вы устроите этот заем, я Вас попросил бы одолжить мне на шесть месяцев 6000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше, это тот источник, из которого Вы будете так добры почерпнуть, если возможно. — Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии кроме моего слова и не хочу подвергать себя возможности получить отказ. Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не

ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен. Прощайте [3, с. 110–112].

Ободовская и Дементьев постоянно советовались с Цявловской, информировали об архивных находках, посылали свои публикации. И Татьяна Григорьевна, при всей своей занятости и в последние годы уже не очень крепком здоровье, неизменно во все вникала и подробнейшим образом отвечала. В 1973 г. Ирина Михайловна послала Цявловской газету с вышедшей статьей, сопроводив письмом:

...Эту работу мы провели при помощи Музея; редактировала Елена Владимировна [Муза]. На Ученом совете выступали Благой, Андроников, Файнберг и др. (был Зильберштейн). Они отметили, что эти письма представляют несомненный интерес как материал с новыми данными о Н<аталье> Н<иколаевне> и для биографии Пушкина. Очень хотели бы знать Ваше мнение.

22 октября 1973 г. Цявловская ответила:

Спасибо большое за присылку Вашей статьи «Сестры Гончаровы и их письма». Тут столько интересного материала, что это будет необходимо всякому биографу Пушкина. Интересно неоднократно проходящее через все письма сообщение об удивительном отношении Пушкина к своим свояченицам. Я отмечу несколько мелочей, которые Вам, может быть, пригодятся для книги. На с. 191 — «что привело Екатерину Николаевну к мысли о смерти, может быть даже о самоубийстве?» Последнее из текста не вытекает. Мне кажется, это рискованное утверждение. На с. 192 Вы опускаете какие-то моменты в доказательствах Гроссмана о дате рождения старшей дочери Екатерины Николаевны Дантес-Геккерн. Наталья Ивановна пишет: «Кому ты поручишь надзор за малюткой?» Малютка — не обязательно значит только что родившийся ребенок, малюткой можно назвать и годовалого. Тут, вероятно, не хватает каких-то звеньев. На с. 197 Вы говорите, что Александра Николаевна не стала бы писать о Пушкине в таких тонах, как Фризенгоф. Это, вероятно, нужно обосновать где-то, потому что после статьи Ахматовой читатель едва ли разделит Ваше отношение к Александре Николаевне. Вы совершенно справедливо пишете на той же странице, что когда Пушкин написал

Дантесу письмо, где он указал, что у него «нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека» — Вы ставите вопрос, не «означает ли этот намек, что всякий благородный человек должен жениться на девушке, с которой уже вступил в связь?» Именно с этим и связаны слова Загрязской «все концы в воду», которые Вы считаете «загадочными». Об этом Вы прочитаете в «Прометее» в т. X, который выйдет в 1 квартале 1974 г.

В ответном письме Дементьев благодарил за высказанные замечания и просил посодействовать в приобретении «Прометей» со статьей Цявловской, потому что «эта книга и часа не пролежит в магазине — раскупят немедленно и мы боимся прозевать».

В процессе общения между пушкинистами сложились не просто формально-деловые отношения, со временем они переросли в дружеские. Так, работая в архиве над перепиской В.Д. Бонч-Бруевича, Дементьев сделал специально для Татьяны Григорьевны выписку из письма М.А. Цявловского, которое очень ее заинтересовало. Не считаясь со временем, Михаил Алексеевич повторно запросил в архиве материалы и скопировал письмо полностью. Свою благодарность Цявловская выразила в письме от 19 мая 1970 г.:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич, сердечно благодарю Вас за копию письма Мстислава Александровича о письмах родителей Пушкина, которое Вы мне прислали. Я не думала, что Вы еще раз пойдете в архив ради этого... Письмо действительно очень интересно.

Любопытен еще один отрывок из письма Цявловской от 27 января 1971 г.:

Ирина Михайловна, милая, меня очень тронула Ваша присылка варенья из черноплодной рябины, когда Вы сами страдаете гипертонией... Оно оказалось целительным (я чувствую себя хорошо) и вкуснейшим из всех варений, которые я когда-либо пробовала! Вообще смутили Вы меня оба своими подарками. Порядочные земские врачи отказывались от подношений, а я вот не умею...

В 1975 г. вышла первая книга Ободовской и Дементьева «Вокруг Пушкина», которую они преподнесли Татьяне Григорьевне, и в пись-

ме перечислили, кому еще ее подарили: «Мы подарили книгу Александру Зиновьевичу [Крейну]. Он очень тепло нас поблагодарил».

В этом же письме к Цявловской Дементьев сообщает:

Защиту Натальи Николаевны мы продолжаем и во 2-й книге, где приводим ряд новых неизвестных материалов. Вторая работа ответственной, т. к. академик Благой нас ввел в число советских исследователей Пушкина, т. е. цеховых пушкинистов, и потому спрос с нас будет большим, чем ранее.

Книга «После смерти Пушкина» вышла в 1980 г., но Цявловская ее уже не увидела, — скончалась Татьяна Григорьевна в 1978 г. Одно из ее последних писем — это открытка от 1 января 1976 г.:

Дорогие Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич, спасибо! Я дома. 2-го января в 5.30 по III прогр<амме> телевидения моя передача «Рисунки Пушкина». Все просят читать Вашу книгу. Желаю Вам здоровья.

Проделав важную, трудоемкую работу, результатом которой явились ценнейшие архивные находки; подготовив и выпустив в свет основанные на найденных материалах книги об А.С.Пушкине и его семье, супруги И.М. Ободовская и М.А. Дементьев с полным правом заняли свое место в отечественном пушкиноведении. Это было бы невозможно без помощи и руководства выдающегося пушкиниста, текстолога — Татьяны Григорьевны Цявловской.

Литература

1. Временник Пушкинской комиссии, 1970. Л.: Наука, 1972. 140 с.
2. *Крейн А.З.* Жизнь в музее. М.: Радуга, 2002. 602 с.
3. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина / пер. с франц. И. Ободовской. М.: Сов. Россия, 1975. 322 с.

**The Correspondence by Irina Obodovskaya
and Mikhail Dementyev with Tatiana Tsiavlovskaya
(Based on the Obodovskaya-Dementyev Archive at the
Alexander Pushkin State Museum)**

© 2024. Tatiana B. Tishunina
The Alexander Pushkin State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The publication introduces into scholarly circulation the correspondence of prominent Pushkinists Mikhail Dementiev and Irina Obodovskaya, kept at the Alexander Pushkin State Museum. The central place in the correspondence is dedicated to the discussion of various ways to translate Alexander Pushkin's letter to his brother-in-law Dmitry Goncharov. The letter which M. Dementiev and I. Obodovskaya found in Russian State Archive of Ancient Acts in 1970 was the result of their many years study of the Goncharov's archive. The discovery of Pushkin's genuine letter in the second half of the 20th century was a very important event: 4 pages of Pushkin's text testify to the extremely difficult financial situation of the poet, in connection with which he was forced to turn to his brother-in-law with a request to borrow 6 thousand rubles for 6 months. This letter contains a constant theme of his correspondence in the 1830s: concern about the growing family, about the future of his children, about the impossibility to dedicate himself completely to poetry and writing and to make a living by literary works. The Pushkinists announced their discovery at the academic event held at the Alexander Pushkin State Museum. The publication presents memories of this evening, preserved by Alexander Krein, the first director of the museum. The article also observes other archival findings of M. Dementiev and I. Obodovskaya. M. Dementiev's memoirs describing his meetings with an imminent literary and textual critic Tatiana Tsiavlovskaya are published for the first time.

Keywords: Alexander Pushkin, Michail Dementiev, Irina Obodovskaya, Tatiana Tsyavlovskaya, The Alexander Pushkin State Museum, Moscow, Russia.

Information about the author: Tatiana B. Tishunina — Research Fellow, The Alexander Pushkin State Museum, Prechistenka 12/2, 119034 Moscow, Russia.

E-mail: tatiana-ti@mail.ru

For citation: Tishunina, T.B. "The Correspondence by Irina Obodovskaya and Mikhail Dementyev with Tatiana Tsiavlovskaya (Based on the Obodovskaya-Dementyev Archive at the Alexander Pushkin State Museum)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 324–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-324-336>

References

1. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1970* [*Chronicle of the Pushkin Commission, 1970*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 140 p. (In Russ.)
2. Krein, A.Z. *Zhizn' v muzee* [*Life at the Museum*]. Moscow, Raduga Publ., 2002. 602 p. (In Russ.)
3. Obodovskaia, I., and M. Dement'ev. *Vokrug Pushkina* [*Around Pushkin*], trans. from French by I. Obodovskaya. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1975. 322 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 06.03.2023
Approved after reviewing: 01.04.2023
Date of publication: 25.03.2024

Книги из библиотеки М.А. и Т.Г. Цявловских в собрании Государственного музея А.С. Пушкина

© 2024, О.В. Аснина

Государственный музей А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация: В статье, посвященной обзору книг из библиотеки выдающихся пушкинистов Мстислава Александровича Цявловского (1883–1947) и его жены Татьяны Григорьевны (1897–1978), приведены сведения об истории библиотеки, ее роли в научной и культурной жизни Москвы, основанные на воспоминаниях современников, архивных материалах, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства, и иных печатных источниках. Описана небольшая, но существенная часть собрания книг, принадлежавших Цявловским, с владельческими и дарственными надписями, дан анализ приведенных инскриптов и взаимоотношений их авторов с владельцами библиотеки. После смерти Т.Г. Цявловской часть архива, книги и личные вещи были переданы многолетним другом семьи К.П. Богаевской в Государственный музей А.С. Пушкина на Пречистенке. Обзор коллекции книг в собрании музея включает в себя сведения об источниках поступления книг Цявловских в музей. «С надеждой на будущие труды его по Пушкину» Татьяна Григорьевна адресовала одну из книг историку Натану Яковлевичу Эйдельману, ставшему впоследствии известным пушкинистом и близким другом музея. В числе изданий, принадлежавших ему, были приобретены и два экземпляра со штемпельными экслибрисами М.А. Цявловского. В статье также приведены сведения о некоторых книгах, оттиках статей из печатных изданий, авторефератах диссертаций — с благодарственными надписями Татьяне Григорьевне: фольклориста А.В. Гуревича, художника Н.В. Кузьмина, литературоведа, текстолога, пушкиниста Н.В. Измайлова, литературоведа-пушкиниста Л.С. Сидякова и других. Кроме инскрипта, адресованного Т.Г. Цявловской А.З. Крейну, включенного в каталог «Книги с автографами в библиотеке А.З. Крейна», все автографы публикуются впервые.

Ключевые слова: М.А. Цявловский, Т.Г. Цявловская, А.З. Крейн, К.П. Богаевская, Н.В. Баранская, Н.Я. Эйдельман, Н.В. Кузьмин, Н.В. Измайлов, Р.В. Овчинников, Н.Н. Петрунина, Государственный музей А.С. Пушкина, автографы на книгах.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Аснина — главный научный сотрудник, заведующая отделом книжных фондов (1998–2020), Государственный музей А.С. Пушкина, ул. Пречистенка, д. 12/2, 119034 г. Москва, Россия.

E-mail: asnina@mail.ru

Для цитирования: *Аснина О.В.* Книги из библиотеки М.А. и Т.Г. Цявловских в собрании Государственного музея А.С. Пушкина // *Литературный факт.* 2024. № 1 (31). С. 337–346. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-337-346>

М.А. Цявловский, по свидетельству лиц, хорошо его знавших, «был страстным библиофилом. С молодости он целеустремленно собирал свою библиотеку, основной темой ее были — Пушкин, Лев Толстой и история революционного движения...» [1, с. 19]. До 1965 г. она находилась на Плющихе, в Новоконюшенном переулке, в маленькой квартирке, где с 1914 г. жил Мстислав Александрович. В Охранной грамоте, выданной в 1919 г. Московским Библиотечным отделом Наркомпросса, указывалось, что его собрание книг «по истории русской литературы XIX ст., русской истории в количестве 2.000 томов», представляет научную ценность и необходимо ему для его профессиональных занятий¹. Художник Николай Васильевич Кузьмин вспоминал:

Его тесная, забитая книгами квартира, была... в сущности необъясненной «Пушкинской академией», где чуть не каждой вечер происходили оживленные пушкинские чтения, где каждый раз кто-нибудь приносил сенсационную новость... Там можно было встретить пушкинистов всех поколений — от патриарха пушкиноведения П.Е. Щеголева до молодых московских пушкинистов — учеников Цявловского [4, с. 63–64].

После смерти Мстислава Александровича квартира Татьяны Григорьевны Цявловской (Зенгер) «продолжала оставаться, как и при нем, “штабом пушкиноведения”». К ней шли за консультацией литературоведы, краеведы, художники, писатели и артисты, — писала близкий друг семьи К.П. Богаевская, — потоком приходили письма с разными запросами о Пушкине, бесконечно звонил телефон. И даже будучи старой и больной, она лазила по полкам, таскала тяжелые книги и никому не отказывала в помощи» [1, с. 25].

В 1965 г. дом в Новоконюшенном переулке решено было снести. Директор музея А.С. Пушкина А.З. Крейн и И.Л. Андроников, ссылаясь на необходимость размещения пушкинских картотек и библи-

¹ РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. № 598. Л. 3.

отеки, состоящей к тому времени из десяти тысяч книг, выхлопотали для Татьяны Григорьевны трехкомнатную квартиру в Сетунском переулке.

В книжном фонде Государственного музея А.С. Пушкина на сегодняшний день выявлено около 200 книг из библиотеки Цявловских. Часть из них поступала в музей в разное время от родственников тех, кому они были подарены, некоторые были переданы самой Татьяной Григорьевной, большая же часть пришла в 1978 г. после смерти Т.Г. Цявловской от К.П. Богаевской, которая, кроме нашего музея, передавала книги и рукописные материалы в Пушкинский Дом, во Всесоюзный музей А.С. Пушкина в Ленинграде, в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина, в Государственный музей Л.Н. Толстого, в ЦГАОР. Ксения Петровна вспоминала:

Завершилось все целым грузовиком в ЦГАЛИ. Все это бесплатно. Приехали без конца друзья и знакомые. Всем я дарила книги и вещи. Натану (Н.Я. Эйдельману. — *О.А.*) — все книги о декабристах. Для иллюстрации могу сказать, что за последние 4 дня было у меня 30 визитов и более 70-ти телефонных звонков. 31 августа, вечером, я с партией книг для меня уехала на «универсале» ко мне на улицу Вавилова [1, с. 29; 5, с. 152–154].

Среди книг, попавших в московский пушкинский музей, — сборник литературно-краеведческих статей и очерков «Пушкин и Сибирь» (Красноярск, 1952) Александра Вениаминовича Гуревича (1905–1953), много и плодотворно занимавшегося изучением истории и фольклора Сибири. Исследователь подарил книгу Татьяне Григорьевне «с чувством глубокого уважения» незадолго до своего ухода из жизни. В это же время поступило в музей и изящное издание «Графа Нулина» А.С. Пушкина с иллюстрациями Н.В. Кузьмина [8] с его надписью: «Дорогой Татьяне Григорьевне Цявловской с любовью. Н. Кузьмин. 11 сентября 1959». Николай Васильевич Кузьмин «познакомился с Метиславом Александровичем и Татьяной Григорьевной Цявловскими в 1928 г., и на протяжении пятидесяти лет их связывали общие интересы, любовь к Пушкину. Татьяна Григорьевна внимательно следила за творчеством Н.В. Кузьмина, обсуждала с ним его иллюстрации к пушкинским произведениям, таким как роман “Евгений Онегин”, “Граф Нулин”, “Эпиграммы”. В архиве Н.В. Кузьмина и Т.А. Мавриной сохранились 18 писем Т.Г. Цявловской, написанных в период с 1958 по 1978 год» [10, с. 111]. Во время подготовки «Графа Нулина» к печати Татьяна Григорьевна

писала Кузьмину: «Я не знала о Вашем “Нулине”. Очень интересно и “Записки сумасшедшего”. Все очень хочется видеть» [10, с. 111].

С музеем А.С. Пушкина в Москве Т.Г. Цявловская была связана с первых лет его создания, принимала участие в его становлении, являлась членом Ученого совета, выступала на конференциях и научных заседаниях, и неудивительно, что еще до открытия музея (24 марта 1960 г.) она передала свой экземпляр отдельного оттиска статьи «“Влюбленный бес”»: (Неосуществленный замысел Пушкина)» [9, с. 101–130] с владельческой и дарственной надписями. В ноябре 1962 г. она подарила второе издание книги М.А. Цявловского «Статьи о Пушкине» (Москва, 1962) директору музея с надписью: «Многоуважаемому Александру Зиновьевичу Крейну — в знак глубокой благодарности — от Т. Цявловской. 13 ноября 1962», а через месяц свою книгу «Неясные места биографии Пушкина» (Москва; Ленинград, 1962) адресовала заместителю директора по научной работе: «Дорогой Наталии Владимировне Баранской — на добрую память — от Т. Цявловской 29 декабря 1962».

Дом Татьяны Григорьевны, по свидетельству К.П. Богаевской, посещала «плеяда молодых сотрудниц» музея А.С. Пушкина. «И всеми Т.Г. восхищалась, во всех видела продолжателей своего дела» [9, с. 27]. Из письма Т.Г. Цявловской (20 апреля 1964 г.) Н.В. Баранской узнаем, что она писала рецензии на статьи сотрудников музея, предназначенные для печати². «Но главным любимцем, — свидетельствовала К.П. Богаевская, — был Эйдельман» [1, с. 27]. Он появился в доме в начале 1960-х гг. В первое время Татьяна Григорьевна сокрушалась о том, что Натан Яковлевич мало знает о Пушкине.

Вскоре Натан сделался близким другом дома Т.Г. и стал серьезно заниматься Пушкиным. Т.Г., с одной стороны, говорила: «Натаном горжусь. Это я ввела его в пушкиноведение». С другой — жаловалась на его упорное нежелание прислушиваться к ее дельным и правильным замечаниям [1, с. 26].

В 1965 г. Т.Г. Цявловская подарила ему «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. [Т.] 1.» М.А. Цявловского (Москва, 1951) с надписью: «Дорогому Натану Яковлевичу Эйдельману — с надеждой на будущие труды его по Пушкину. Т. Цявловская 30 ноября 1965».

² РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. № 831.

Татьяна Григорьевна жила в трудных бытовых условиях, и Натан Яковлевич вместе со своим давним другом литературоведом, переводчиком Львом Самойловичем Осповатом помогали ей в домашних делах. В своем дневнике Н.Я. Эйдельман однажды записал о доме Татьяны Григорьевны: «бедность — впрочем Гердт говорил: как хорошо у Цявловской — черный хлеб, чай и все веселы <...> Но — *ощущение настоящего*, которого нигде нет...» [14, с. 96]. Оба они заботились о материальном положении Татьяны Григорьевны. В конце ее жизни, «даже при ее собственном полном равнодушии, организовали ее вступление в Союз писателей, что давало некоторые привилегии и пенсию в 120 р.» [1, с. 26].

В первую очередь, их связывали творческие, научные интересы, и, конечно, любовь к Пушкину и декабристам. В примечаниях к своей книге «Тайные корреспонденты “Полярной звезды”» (Москва, 1966. С. 296–298) Эйдельман воспроизвел маргиналии П.А. Вяземского, найденные и скопированные Т.Г. Цявловской с экземпляра «Полярной звезды» на 1861 и 1862 гг. (в одном переплете) из библиотеки ИМЛИ. Как свидетельствуют письма Н.Я. Эйдельмана за десять лет (с 1966 по 1976 гг.)³, Натан Яковлевич не раз выполнял различные поручения Татьяны Григорьевны, работая в архивах, библиотеках и музеях. В письме от 29 апреля 1971 г. Натан Яковлевич писал Цявловской:

Пока Вы отдыхаете... корректура движется. Вот — сверка статьи. <...>. Сидючи у Вас в кабинете, я сверил по подлиннику все тексты «Дневников», а по верстке — типографские ляпы. Конечно, грустно, что текст — на одной странице, часть примечаний — на другой, но ничего: пусть читатель причаится к исследовательской работе. Сама же публикация Ваша, уверен, и очень интересна, и плоды даст...⁴

В свою очередь, Эйдельман и сам неоднократно обращался к Татьяне Григорьевне с просьбами, например, подобрать иллюстрации к его статье об И.П. Липранди⁵. Вместе они несколько лет работали над составлением, редактированием и написанием статей к десятому выпуску (Москва, 1974) альманаха «Прометей», посвященному А.С. Пушкину.

³ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. № 1638.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. № 1638. Л. 20. Речь идет о публикации: [13, с. 66–76].

⁵ Письма от 22.03.1967, 16.04.1967. РГАЛИ. Ф. 2558. № 1638. Л. 5, 6.

В 1977 г. Н.Я. Эйдельман откликнулся на 80-летие Татьяны Григорьевны, поместив в «Книжном обозрении» и «Литературной газете» заметки к этому событию. В одной из них он отмечал, что собеседники Т.Г. Цявловской хранят в памяти немало ее неожиданных афоризмов. Так, «друзьям, которые выговаривают ей за слишком добросовестные ответы на десятки писем с пустяковыми вопросами, — она отвечала, — “Да ведь они не мне пишут — Пушкину”»⁶. В статье «Пламенная страсть» Эйдельман указывал на то, что «Татьяна Григорьевна более полувека открывает Пушкина себе и людям:

Сам этот факт как-то совершенно неразделим с уже почти легендарной ее отзывчивостью. Как часто (порой со вздохом) Татьяна Григорьевна откладывает работу первостепенной важности и интереса и обстоятельно отвечает на письмо сибирских пионеров или на вопрос парижского библиографа, обсуждает новую гипотезу московского любителя или сомнения тамбовского краеведа. У сотен людей во всех краях хранятся сегодня письма Татьяны Григорьевны, драгоценные свидетельства научного мышления и высокой нравственности!⁷

«30 мая, — записал в дневнике Натан Яковлевич, — утром уснула-умерла Цявловская. 15 лет моей жизни + еще Пушкину посмертная травма. Последнее чтение у нее — “Андрей Шеньев” в апреле (20-е числа). Последний разговор 26-го <...> Ощущение гибели, ухода определенного пласта цивилизации — с этой квартирой, книгами, юмором» [14, с. 168].

В числе книг, приобретенных музеем у вдовы Н.Я. Эйдельмана, — несколько рабочих экземпляров М.А. и Т.Г. Цявловских с многочисленными пометами и вставками. Среди них — два экземпляра «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1» М.А. Цявловского (Москва, 1951) и «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. [Вып.] 6» (М.; Л., 1956) с владельческими надписями Т.Г. Цявловской⁸.

Отдельным комплексами поступили в музей 80 извлечений, оттисков и авторефератов с уважительными и благодарными

⁶ Литературная газета. 1977. № 33, 17 августа. С. 5.

⁷ Книжное обозрение. 1977. № 26, 1 июля. С. 15.

⁸ В одном из писем Эйдельман писал о том, что нечаянно «увел» во время визита у Цявловской экземпляр «Бюллетеней Рукописного отдела Пушкинского Дома» и готов его вернуть (16.11.1966). РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. № 1638. Л. 2.

надписями Татьяне Григорьевне. Среди них — статья литературоведа, пушкиниста, текстолога Николая Васильевича Измайлова «Мицкевич в стихах Пушкина: (К интерпретации стихотворения “В прохладе сладостной фонтанов”)), напечатанная в «Ученых записках» Чкаловского государственного педагогического института им. Чкалова [2, с. 171–214], где он преподавал с 1941 по 1953 гг. На первой странице Измайлов написал: «Дорогой Татьяне Григорьевне Цявловской от глубоко и сердечно ей преданного автора. Н. Измайлов. 14.VIII.52».

Историк, занимавшийся изучением восстания Е.И. Пугачева и отражением пугачевской тематики в творчестве А.С. Пушкина, Реджинальд Васильевич Овчинников, подарил ей «в знак глубокого уважения» автореферат своей кандидатской диссертации «Архивные разыскания А.С. Пушкина по истории восстания Е.И. Пугачева» [6]. Авторефераты диссертаций адресовали Т.Г. Цявловской также специалист по английской и американской литературе Дмитрий Михайлович Урнов⁹; Ирина Сергеевна Ильинская¹⁰ — лингвист, основной специальностью которой было изучение языка Пушкина; «с неизменными любовью и уважением» — Нина Николаевна Петрунина [7], ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук, автор исследований, посвященных творческой истории созданных Пушкиным произведений на «пугачевскую» тему — «Истории Пугачева» и романа «Капитанская дочка»; литературовед-пушкинист, профессор Латвийского университета Лев Сергеевич Сидяков¹¹ и другие.

Литература

1. *Богаяевская К.П.* Рядом с Цявловскими // *Цявловский М.А., Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина. М.: НЛО, 2000. 344 с.
2. *Измайлов Н.В.* Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // *Учёные записки: серия историко-филологических наук.* Чкалов: Чкаловский Госпедин-т, 1952. Вып. 6. С. 171–214.
3. *Ильинская И.С.* Очерки по лексике Пушкина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 36 с.

⁹ См. [12]: на титульном листе: «Глубокоуважаемой Татьяне Григорьевне Цявловской на добрую память. Д. Урнов. 26.X.66».

¹⁰ См. [3]: на обороте обложки надпись: «Дорогой Татьяне Григорьевне в надежде, что вскоре пришло опус более интересный, во всяком случае большего объема — (подпись). 26/II/70». На заднем листе обложки надпись Т.Г. Цявловской: «Получила 27.II.1970».

¹¹ См. [11]: на титульном листе надпись: «Татьяне Григорьевне Цявловской от искренне и глубоко уважающего ее автора. Подпись. 14.X.1975 г.».

4. *Кузьмин Н.В.* Давно и недавно. М.: Сов. художник, 1982. 481, [46] с.
5. Дары и дарители: [альбом] / сост. Н.С. Нечаева и др. М.: Московские учебники, 2007. 504 с.
6. *Овчинников Р.В.* Архивные разыскания А.С. Пушкина по истории восстания Е.И. Пугачева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 20 с.
7. *Петрунина Н.Н.* Пушкин — художник и историк в работе над пугачевской темой (1832–1834): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1972. 20 с.
8. *Пушкин А.С.* Граф Нулин. М.: ГИХЛ, 1959. 39 с.
9. Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. 536 с.
10. *Руднева А.Б.* «Щедота полная угодна небесам»: Коллекция Т.А. Мавриной и Н.В. Кузьмина в Государственном музее А.С. Пушкина // Наше наследие. 2011. № 98. С. 100–115. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9815.php> (дата обращения: 01.07.2023).
11. *Сидяков Л.С.* Проза и поэзия Пушкина: соотношение и взаимодействие: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1975. 48 с.
12. *Урнов Д.М.* Пушкин и Шекспир (1830-е гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1966. 17 с.
13. *Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина: [фрагменты из дневников М.А. и Т.Г. Цявловских] // Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 66–76.
14. *Эйдельман Н.Я.* Дневник Натана Эйдельмана. М.: Материк, 2003. 496 с.

Research Article

Books from the Library of M.A. and T.G. Tsiavlovski in the Collection of the Alexander Pushkin State Museum

© 2024. Olga V. Asnina
The Alexander Pushkin State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The paper is devoted to the review of books from the library of outstanding Pushkin scholar Mstislav Alexandrovich Tsiavlovskii (1883–1947) and his wife Tatiana Grigorievna (1897–1978), and provides information about the history of the library, its role in the scholar and cultural life of Moscow, based on the memoirs of contemporaries, archival materials stored in the Russian State Archive of Literature and Art, and other printed sources. The article describes a small but significant part of the collection of books belonging to the Tsiavlovskys, with ownership and donation inscriptions, and analyzes the inscriptions and the relationship of their authors with the owners of the library. After T.G. Tsiavlovskaya's death a significant part of the archive, books and personal belongings were transferred by a longtime friend of the family K.P. Bogaevskaia to the Alexander Pushkin State Museum on Prechistenka. A review of the collection of books in the museum collection includes information on the sources of Tsiavlovsky's books to the museum. "With hope for his future

works on Pushkin,” Tatiana Grigorievna addressed one of the books to the historian Nathan Yakovlevich Eidelman, who later became a famous Pushkin scholar and a close friend of the museum. Among the editions that belonged to him, two copies with stamped exlibris of M.A. Tsiavlovsky were purchased. The article also provides information about some books, reprints of articles from printed editions, abstracts of dissertations — with grateful inscriptions to Tatiana Grigorievna by folklorist A.V. Gurevich, artist N.V. Kuzmin, literary critic, textual critic, and Pushkin scholar N.V. Izmailov, literary critic and Pushkin scholar L.S. Sidiyakov and others. Except for the inscript addressed by T.G. Tsiavlovskaya to A.Z. Krein, included in the catalog “Autograph Books in the A.Z. Krein Library,” all the autographs are published for the first time.

Keywords: M.A. Tsiavlovskii, T.G. Tsiavlovskaya, A.Z. Krein, K.P. Bogaevskaya, N.V. Baranskaya, N.Ya. Eidelman, N.V. Kuzmin, N.V. Izmailov, R.V. Ovchinnikov, N.N. Petrunina, The Alexander Pushkin State Museum, autographs on books.

Information about the author: Olga V. Asnina — Director of Research, Head of the Department of Book Collections (1998–2020), The Alexander Pushkin State Museum, Prechistenka 12/2, 119034 Moscow, Russia.

E-mail: asnina@mail.ru

For citation: Asnina, O.V. “Books from the Library of M.A. and T.G. Tsiavlovskii in the Collection of the Alexander Pushkin State Museum.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 337–346. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-337-346>

References

1. Bogaevskaia, K.P. “Riadam s Tsiavlovskimi” [“Near the Tsiavlovskys”]. Tsiavlovskii, M.A., and T.G. Tsiavlovskaya. *Vokrug Pushkina* [Around Pushkin]. Moscow, NLO Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)
2. Izmailov, N.V. “Mitskevich v stikhakh Pushkina (K interpretatsii stikhotvoreniia ‘V prokhlade sladostnoi fontanov’)” [“Mickiewicz in Pushkin’s Poems (‘To the Interpretation of the Poem In the Coolness of the Sweet Fountains’)”]. *Uchenye zapiski: seriia istoriko-filologicheskikh nauk* [Academic Notes: Series of Historical and Philological Sciences], issue 6. Chkalov, Chkalov State Pedagogical Institute named after V.P. Chkalov Publ., 1952, pp. 171–214. (In Russ.)
3. Il’inskaia, I.S. *Ocherki po leksike Pushkina* [Essays on Pushkin’s Vocabulary: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1970. 36 p. (In Russ.)
4. Kuz’min, N.V. *Davno i nedavno* [A Long Time Ago and Recently]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1982. 480 p. (In Russ.)
5. *Dary i dariteli* [Gifts and Donors], comp. by N.S. Nechaeva et al. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ., 2007. 504 p. (In Russ.)
6. Ovchinnikov, R.V. *Arkhivnye razyskaniia A.S. Pushkina po istorii vosstaniia E.I. Pugacheva* [A.S. Pushkin’s Archival Researches on the History of E.I. Pugachev’s Rebellion: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1965. 20 p. (In Russ.)
7. Petrunina, N.N. *Pushkin — khudozhnik i istorik v rabote nad pugachevskoi temoi (1832–1834)* [Pushkin as an Artist and Historian in his Work on Pugachev’s Theme (1832–1834): DSc Thesis, Summary]. Leningrad, 1972. 20 p. (In Russ.)
8. Pushkin, A.S. *Graf Nulin* [Count Nulin]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959. 39 p. (In Russ.)

9. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. 3. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960. 536 p. (In Russ.)
10. Rudneva, A.B. “‘Shchedrota polnaia ugodna nebesam’: Kolleksiia T.A. Mavrinoi i N.V. Kuz’mina v Gosudarstvennom muzee A.S. Pushkina” [“Full Generosity is Pleasing to Heaven’: T.A. Mavrinoi and N.V. Kuz’min’s Collection at the Alexander Pushkin State Museum”]. *Nashe nasledie*, no. 98, 2011, pp. 100–115. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9815.php> (Accessed 01 July 2023). (In Russ.)
11. Sidiakov, L.S. *Proza i poeziia Pushkina: sootnoshenie i vzaimodeistvie* [*Pushkin’s Prose and Poetry: Correlation and Interaction: DSc Thesis, Summary*]. Tartu, 1975. 48 p. (In Russ.)
12. Urnov, D.M. *Pushkin i Shekspir (1830-e gg.)* [*Pushkin and Shakespeare (1830s): PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1966. 17 p. (In Russ.)
13. Tsiavlovskaiia, T.G. “Vokrug Pushkina: Fragmenty iz pushkinovedcheskikh dnevnikov M.A. i T.G. Tsjavlovskikh” [“Around Pushkin: Fragments from the Diaries of M.A. and T.G. Tsyavlovskys”]. *Nauka i zhizn’*, no. 6, 1971, pp. 66–76. (In Russ.)
14. Eidel’man, N.Ia. *Dnevnik Natana Eidel’mana* [*Nathan Eidelman’s Diary*]. Moscow, Materik Publ., 2003. 496 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 06.03.2023
Approved after reviewing: 01.04.2023
Date of publication: 25.03.2024

Два автографа Т.Г. Цявловской на изданиях из «Библиотеки русской поэзии» И.Н. Розанова

© 2024, Е.А. Пономарева
Государственный музей А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена изучению двух изданий с автографами Т.Г. Цявловской из коллекции «Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова» (Государственный музей А.С. Пушкина, Москва). М.А. Цявловский и И.Н. Розанов познакомились еще в середине 1910-х гг. В течение многих лет их связывали творческие и дружеские отношения. Работая над «Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина», М.А. Цявловский часто обращался к Розанову за справками, брал книги из его библиотеки. Т.Г. Цявловская издала «Летопись...» после смерти мужа. Экземпляр книги она подарила И.Н. Розанову в 1952 г. — «В память Мстислава Александровича». В 1965 г. вдова Розанова К.А. Марцишевская передала в дар Государственному музею А.С. Пушкина библиотеку мужа. 1966 г. датируется второй автограф Т.Г. Цявловской на оттиске ее статьи «Новые автографы Пушкина на русском издании “Айвенго” Вальтера Скотта». Адресован он К.А. Марцишевской — «человеку совершенно необыкновенному сверх необыкновенному». В статье впервые публикуются тексты автографов. По дневниковым записям И.Н. Розанова второй половины 1929 г. (Частное собрание) установлена дата знакомства И.Н. Розанова с Т.Г. Цявловской, эти записи также печатаются впервые.

Ключевые слова: пушкиноведение, автографы на книгах, книжные коллекции, М.А. Цявловский, Т.Г. Цявловская, И.Н. Розанов, дневники И.Н. Розанова, К.А. Марцишевская.

Информация об авторе: Елена Арленовна Пономарева — кандидат филологических наук, хранитель коллекции «Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова», Государственный музей А.С. Пушкина, ул. Пречистенка, д. 12/2, 119034 г. Москва, Россия.

E-mail: rozanovka@mail.ru

Для цитирования: Пономарева Е.А. Два автографа Т.Г. Цявловской на изданиях из «Библиотеки русской поэзии» И.Н. Розанова // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 347–354. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-347-354>

Литературовед, специалист по русской лирике, педагог и профессор Московского университета, библиофил Иван Никанорович Розанов (1874–1959) собрал прекрасную поэтическую библиотеку — более 10 000 изданий. В 1965 г. его вдова Ксения Александровна Марцишевская (1895–1988) подарила книжное собрание мужа Государственному музею А.С. Пушкина в Москве. В нашей статье речь пойдет о двух неопубликованных дарственных надписях Татьяны Григорьевны Цявловской из этой коллекции — И.Н. Розанову 1952 г. и К.А. Марцишевской 1966 г.

Первый автограф — на экземпляре «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. I. 1799–1826» [4].

Книга была подписана к печати 27/1 1951 г., вышла тиражом 3000 экземпляров в начале июня этого же года. Запись в дневнике Т.Г. Цявловской о том, когда тираж был отпечатан, была краткой: «4 июня 1951 года вышел сигнальный экземпляр труда Мстислава “Летопись жизни и творчества Пушкина”» [3, с. 133].

Без преувеличения можно сказать: первый том «Летописи» стал доступен исследователям и широкому читателю благодаря Татьяне Григорьевне Цявловской. В предисловии к изданию она писала о М.А. Цявловском и его роли в работе над Летописью [4, с. XII]. В 1953 г. в сборнике «Пушкин: Исследования и материалы» появилась ее большая статья под названием «О работе над “Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина”». В ней также речь шла о М.А. Цявловском, который определил принципы отбора материалов для «Летописи», разработал систему описания и многоступенчатой проверки сведений, объединил творческий коллектив, научил своих молодых коллег, как работать с источниками. С первых дней вместе с М.А. Цявловским трудилась Т.Г. Цявловская. Как она писала, «Работа над “Летописью жизни и творчества Пушкина” велась М.А. Цявловским с 1938 г. до последних дней его жизни (он скончался 11 ноября 1947 г.)» [2, с. 352–386].

О себе, то есть о том, как она помогала Цявловскому в течение почти десяти лет и что она сделала для публикации первого тома «Летописи», в статье была лишь одна лаконичная фраза: «Вышедшую после его смерти литературу, особенно ценную в год 150-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, пришлось вводить в “Летопись” мне» [2, с. XII].

В конце 1920-х гг. Т.Г. Цявловская была ученицей М.А. Цявловского. Розанов и Цявловский познакомились еще в предреволюционные годы — ранее 1916 г., которым помечена дарственная надпись М.А. Цявловского на отдельном оттиске его статьи

«Пушкин по документам погодинского архива»: «Многоуважаемому Ивану Никаноровичу / Розанову на память о наших / встречах у Пушкина / М. 26.Ш.16»¹.

Они много общались в предреволюционные и послереволюционные годы, когда оба принимали участие в журнале С.П. Мельгунова «Голос минувшего» и в деятельности его издательства «Задруга». Встречались они и позже. Розанов давал справки о поэтах и их изданиях, Цявловский читал гранки статей и книг Розанова, вносил поправки и делал замечания.

С Татьяной Григорьевной Розанов познакомился в 1929 г., об этом есть две записи в его дневнике². 27 марта 1929 г. он с некоторым недоумением отметил: «Звонила от Цявловского какая-то Татьяна Григ.<орьевна> (по поводу стихов)». Может быть, ему хотелось, чтобы сначала позвонил сам Цявловский. А спустя почти три недели 16 апреля появилась такая запись: «Дома после (вечерних занятий на Литературных курсах. — *Е.П.*) у меня дома была в 1-ый раз для справок по Д. Давыдову Та.<тьяна> Григ.<орьевна> Тепина» (В это время Т.Г. Цявловская, в девичестве Зенгер — жена художника Я.А. Тепина. — *Е.П.*). Скорее всего, тогда же она познакомилась с женой Розанова К.А. Марцишевской.

К.П. Богаевская (1911–2002), ученица Цявловского и позже друг семьи Цявловских, вспоминала:

...Т.Г. была великая труженица. М.А. делал из нее пушкинистку. <...> Скоро Т.Г. стала одним из выдающихся пушкинистов-текстологов, участником всех полных собраний сочинений поэта, в том числе и академического издания. Она всегда редактировала разделы лирики и автобиографической прозы. Позже она специализировалась на рисунках Пушкина. Великолепно определяла людей, которых вспоминал поэт в своих беглых зарисовках [3, с. 9].

С середины 1930 г. для Т.Г. Цявловской (уже жены М.А. Цявловского) «Летопись» стала главным делом ее жизни. По

¹ Цявловский М.А. Пушкин по документам погодинского архива // Пушкин и его современники. 1914. Вып. 19–20. С. 63–94; 1916. Вып. 23–24. С. 101–122. Опубликовано отдельным оттиском КПК 25334 БР-7673 (Пг.: Тип. Императорской Академии Наук, 1916. [2], 54 с.). Опубликовано под № 7313 в каталоге: Библиотека русской поэзии: библиографическое описание / вступ. ст. И.Л. Андроникова; сост. В.В. Гольдберг, М.И. Кострова, К.А. Марцишевская, И.Н. Поздняева, С.В. Роткова, М.В. Яновский. М.: Книга, 1975. 480 с.

² Розанов И.Н. Дневник. 1929. Май–декабрь (Частное собрание. Нумерация листов отсутствует).

сути, ее имя вполне могло появиться на титульном листе издания первого тома.

Пушкинский юбилей 1949 г. обогатил пушкиноведение публикациями и новых автографов Пушкина, новыми упоминаниями о нем его современниками. Полный список занял бы несколько страниц текста. Назовем лишь некоторые имена известных пушкинистов и исследователей и некоторые их публикации.

Б.В. Томашевский в 1949 г. опубликовал неизвестный ранее автограф двух стихотворений Пушкина «Таврида»³. В книге В.Г. Базанова «Вольное Общество Любителей Российской Словесности» (Петрозаводск, 1949). Т.Г. Цявловская отметила как особенно важные для изучения биографии Пушкина впервые опубликованные доносы В.Н. Каразина на Пушкина в апреле 1820 г. В 1949 г. появилась книга Б.А. Трубецкого «Пушкин в Молдавии» (Кишинев, 1949), в которой был установлен маршрут Пушкина по Бессарабии в его поездке вместе с И.П. Липранди с 3 по 23 декабря 1821 г. Новые адреса, где бывал Пушкин, были опубликованы в книге «Пушкинский Петербург» (Ленинград, 1949), ее редактором был Б.В. Томашевский. Т.Г. Цявловская обогатила «Летопись» и архивными источниками, найденными ею после 1947 г. Так, появились ссылки на письма В.Л. Пушкина к кн. П.А. Вяземскому из Остафьевского архива (ЦГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 2611).

Т.Г. Цявловская включила в «Летопись» не только книги и публикации из научных сборников, но и журнальные и газетные статьи. Например, выдержки из дневника цензора К.С. Сербиновича⁴. Подчеркнем, эти (и не названные нами) работы требовали не единственного упоминания в «Летописи», а нескольких. Значит, менялись не только основной текст, но и указатели. Так, в публикации В.С. Нечаевой было 12 новых дат.

Нередко материалов, хранящихся в Москве в Ленинской библиотеке или в ЦГАЛИ, явно не хватало, и тогда Т.Г. Цявловская ездила в Ленинград. И после выхода в свет первого тома «Летописи» Т.Г. Цявловская продолжала над ней работать.

В «Библиотеке русской поэзии И.Н. Розанова» хранится особенный экземпляр этого издания — с дарственной надписью Т.Г. Цявловской. На свободном листе переднего форзаца фиолетовыми чернилами она написала: «Дорогому / Ивану Никаноро-

³ Томашевский Б.В. «Таврида» Пушкина // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1949. Вып. 16. С. 97–124.

⁴ Нечаева В.С. Дневник царского цензора (По материалам Центрального государственного архива литературы) // Огонек. 1949. № 23. Июнь. С. 22.

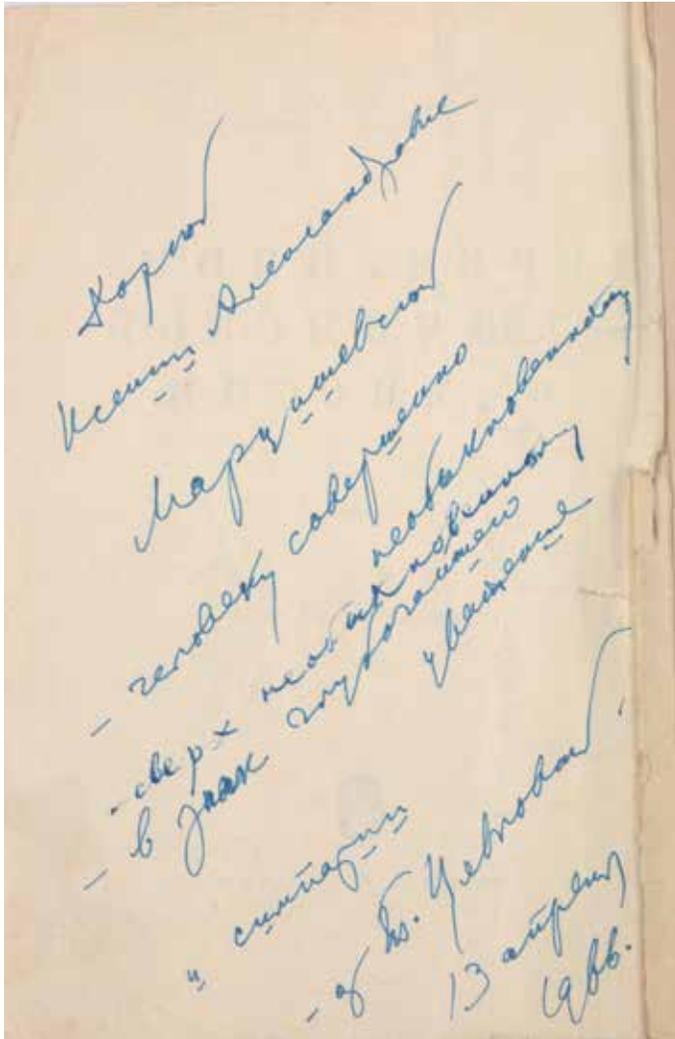
вичу / Розанову / — в память / Мстислава Александровича / — от Т. Цявловской. / 14 марта 1952» [5]. Этот автограф свидетельствует еще и о том, что Розанов виделся с Т.Г. Цявловской и после того, как М.А. Цявловского не стало.

Дорогой
Ивану Ивановичу
Розанову
— в память
Мстислава Александровича
— от Т. Цявловской.
14 марта 1952.

Дарственная надпись Т.Г. Цявловской И.Н. Розанову. 14 марта 1952 г.
A gift inscription by T.G. Tsiavlovskaya to I.N. Rozanov. March 14, 1952

К.А. Марцишевская — адресат второй дарственной надписи Т.Г. Цявловской. Автограф на обороте титульного листа отдельного оттиска ее статьи «Новые автографы Пушкина на русском издании “Айвенго” Вальтера Скотта»: «Дорогой / Ксении Александровне / Марцишевской / — человеку совершенно / необыкновенному / сверх

необыкновенному / — в знак глубочайшего уважения / и симпатии / — от Т. Цявловской / 13 апреля / 1966» [1].

Дарственная надпись Т.Г. Цявловской К.А. Марцишевской. 13 апреля 1966 г.
A gift inscription by T.G. Tsiavlovskaya to K.A. Martsishevskaya. April 12, 1966

В 1965 г. Марцишевская начала передавать библиотеку своего мужа Государственному музею А.С. Пушкина. И хотя у нее были возможности продать коллекцию И.Н. Розанова целиком (например,

Пушкинскому Дому ИРЛИ РАН) или распродавать ее частями (как это не раз было с книжными собраниями), она предпочла музей и тем самым сохранила уникальную библиотеку.

Т.Г. Цявловская была восхищена бескорыстным поступком К.А. Марцишевской. Возможно, они были дружны и поэтому нередко встречались и когда были живы их мужья, и после их смерти.

Литература

1. *Цявловская Т.Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // *Временник Пушкинской комиссии*, 1963. Л.: Наука, 1966. С. 5–30. Отдельный оттиск КП(К) 44412 БР 9617.
2. *Цявловская Т.Г.* О работе над «Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина» // *Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 352–386.
3. *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. Дневники, статьи. 1925–1965. М.: НЛЮ, 2000. 344 с.
4. *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1 / предисл. Т.Г. Цявловской; отв. ред. С.М. Петров. 879 с.
5. *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1 / предисл. Т.Г. Цявловской; отв. ред. С.М. Петров. 879 с. Отдельный оттиск КП(К) 33775 БР 7674.

Research Article and Publication of Archival Documents

Two Inscriptions on Books from Ivan N. Rozanov's Russian Poetry Library

© 2024. Elena A. Ponomareva
The Alexander Pushkin State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The paper deals with Tatiana G. Tsiavlovskaya's autographs on two books which belong to Ivan N. Rozanov's Russian Poetry Library (the Alexander Pushkin State Museum). Mstislav A. Tsiavlovskii and I. Rozanov met first in the mid-1910s. Then their creative and friendly relations lasted for many years. While working on the "Alexander Pushkin's Chronicle of the life and work," Tsiavlovskii often turned to Rozanov for references, borrowed books from his library. T.G. Tsiavlovskaya published the "Alexander Pushkin's Chronicle of the life and work" after her husband's death in 1951. She presented a copy of the book to I.N. Rozanov in 1952 with the commentary "In memory of Mstislav Alexandrovich." In 1965, Rozanov's widow Ksenia A. Martsishevskaya donated her husband's library to the Alexander Pushkin State Museum. The date of the second T. Tsiavlovskaya's inscription, made on the

imprint of her article “New autographs of Pushkin in the Russian edition of ‘Ivanhoe’ by Walter Scott,” is April 13, 1966. It is addressed to K.A. Martsishevskaya — “a person absolutely extraordinary, even over extraordinary.” The diary entries of I.N. Rozanov of the second half of 1929 (Private collection) allow to establish the date of I. Rozanov and T. Tsiavlovskaya acquaintance. These records are also published for the first time.

Keywords: Pushkin studies, books with inscriptions, book collections, Ivan N. Rozanov, I. Rozanov’s diaries, Mstislav A. Tsivalovskii, Tatiana G. Tsiavlovskaya, Ksenia A. Martsishevskaya.

Information about the author: Elena A. Ponomareva — PhD in Philology, Curator of the Museum Collection “Ivan N. Rozanov’s Russian Poetry Library,” The Alexander Pushkin State Museum, Prechistenka 12/2, 119034 Moscow, Russia.

E-mail: rozanovka@mail.ru

For citation: Ponomareva, E.A. “Two Inscriptions on Books from Ivan N. Rozanov’s Russian Poetry Library.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 347–354. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-347-354>

References

1. Tsiavlovskaya, T.G. “Novye avtografy Pushkina na russkom izdanii ‘Aivengo’ Val’tera Skotta” [“New Autographs of Pushkin on the Russian Edition of ‘Ivanhoe’ by Walter Scott”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1963* [*Chronicle of the Pushkin Commission, 1963*]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 5–30. Single print KP(K) 44412 BR 9617. (In Russ.)
2. Tsiavlovskaya, T.G. “O rabote nad ‘Letopis’iu zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina’.” [“On the Work on the ‘Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin’.”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1953, pp. 352–386. (In Russ.)
3. Tsiavlovskii, M., and T. Tsiavlovskaya. *Vokrug Pushkina. Dnevnik, stat’i. 1925–1965* [*Around Pushkin. Diaries, Articles. 1925–1965*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)
4. Tsiavlovskii, M.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina* [*Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin*], vol. 1, introd. by T.G. Tsiavlovskaya, ex. ed. S.M. Petrov. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 879 p. (In Russ.)
5. Tsiavlovskii, M.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina* [*Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin*], vol. 1, introd. by T.G. Tsiavlovskaya, ex. ed. S.M. Petrov. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 879 p. Single print KP(K) 33775 BR 7674. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
 Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
 Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 06.03.2023
 Approved after reviewing: 01.04.2023
 Date of publication: 25.03.2024

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2024 № 1 (31)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.03.2024
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 22,25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н